

SLAVIC RESEARCH GROUP AT THE UNIVERSITY OF OTTAWA
(ГРУППА СЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ОТТАВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ)

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО

В. Ф. БУЛГАКОВ
В СПОРЕ С ТОЛСТЫМ
НА ВЕСАХ ЖИЗНИ

КУЧКОВО ПОЛЕ

МОСКВА

2014

УДК 82-6
ББК 83.3(4Рос)
Б90

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 годы)

Ответственный редактор А. А. Донсков

В книге использованы фотографии из фондов
Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва)

Булгаков В. Ф.
Б90 В споре с Толстым: На весах жизни / Вступ. ст. А. А. Донскова; примеч.
Л. В. Гладковой. — М.: Кучково поле, 2014. — 384 с.; 8 л. ил.

ISBN 978-5-9950-0361-8

В этом издании представлены философская работа В. Ф. Булгакова «В споре с Толстым: На весах жизни», написанная в 1932–1964 годах, полная переписка автора с Л. Н. Толстым и С. А. Толстой и письма канадских духовборцев к В. Ф. Булгакову. Значительная часть этого уникального материала (кроме писем Л. Н. Толстого и С. А. Толстой к Булгакову) публикуется впервые.

Особый интерес вызывает многолетняя полемика Булгакова с Толстым, обостряющаяся во время его высылки из России в 1923 г. в Прагу, а также по возвращении в Советский Союз в 1948 г. и пребывании в Ясной Поляне до самой его кончины в 1966 г.

Книга будет интересна как литературоведам, так и широкому кругу читателей.

УДК 82-6
ББК 83.3(4Рос)

ISBN 978-5-9950-0361-8

- © Slavic Research Group at the University of Ottawa, 2014
- © Российский государственный архив литературы и искусства, 2014
- © Государственный музей Л. Н. Толстого, 2014
- © Донсков А. А., вступ. ст., 2014
- © Донсков А. А., Гладкова Л. В., Ключанский А. А. сост., 2014
- © ООО «Кучково поле», 2014

ОТ РЕДАКТОРА

В настоящем издании представлены следующие материалы: произведение «В споре с Толстым: На весах жизни», полная переписка В. Ф. Булгакова с Л. Н. Толстым и С. А. Толстой, письма канадских духоборцев к В. Ф. Булгакову. Значительная часть всего этого уникального материала (кроме писем Л. Н. Толстого и С. А. Толстой к Булгакову) печатается впервые, по подлинникам, хранящимся в РГАЛИ, в фонде В. Ф. Булгакова (Ф. 2226), и в Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого¹.

Особенно важна полемика Булгакова с Толстым, обостряющаяся во время его высылки из России в 1923 г. в Прагу, а также по возвращении в Советский Союз в 1948 г. и пребывании в Ясной Поляне до самой его кончины в 1966 г. Булгаков спорил с Толстым, отрицавшим материальную сторону жизни, спорил по поводу цели самосовершенствования. Толстой предлагал стремиться к недостижимому идеалу, Булгаков считал это препятствием, отрывающим человека от конкретной почвы. Он спорит с отрицанием Толстым науки и искусства, с его философскими и религиозными взглядами, с отстаиваемой Толстым идеей о ненужности государства.

В книгу включены также письма Булгакова к Толстому, представляющие большой интерес для изучения личности молодого будущего секретаря, столь уважающего своего учителя. См., например, письмо от 6 ноября 1909 г., в котором Булгаков просит Толстого ответить на ряд вопросов, касающихся его рукописи «Христианская этика: систематические очерки мировоззрения Л. Н. Толстого», и письмо от 16 сентября 1909 г., в котором он извещает Толстого об отказе самарского крестьянина-молоканина А. И. Кудрина (1884–1916) от воинской повинности и посылает ему рассказ последнего, записанный Булгаковым со слов Кудрина.

Письма С. А. Толстой, большей частью опубликованные в книге В. Ф. Булгакова «О Толстом. Воспоминания и рассказы»², были вновь сверены с оригиналами, неточности исправлены, восстановлены пропущенные места, включены новонайденные письма, а также письма к ней В. Ф. Булгакова, остававшиеся до сих пор не опубликованными. Письма сопровождаются комментариями — все это представляет уникальную возможность последовательного наблюдения за ходом рассуждений двух близких людей о жгучих вопросах дня и раскрывает тонкости характеров обоих корреспондентов.

Ряд писем канадских духоборцев, относящихся к 1930-м, 1950-м и 1960-м гг., включены в данное издание (ответных писем В. Ф. Булгакова нет, хотя в письме Махортова к Булгакову от 10 февраля 1962 г., как и в некоторых более ранних, есть указания о полученных письмах от последнего: «Также я передал ваше письмо для печати в нашу “Искру”, чтобы люди получили ваш привет и поклон»), чтобы хоть частично указать на громадный авторитет, которым пользовался Булгаков у духоборцев, не только как близкий друг Л. Н. Толстого и автор, написавший прочувствованный очерк о них, но и как человек, всю свою жизнь питавший большое уважение к их мировоззрению и образу их жизни, будучи сам, как и они, изгнан со своей Родины.

Издание также содержит вступительную статью редактора и обширный комментарий.

До некоторой степени предлагаемая работа является продолжением исследования творчества В. Ф. Булгакова, предпринятого в предыдущей книге «Как прожита жизнь. Воспоминания последнего секретаря Л. Н. Толстого».

Воспоминания В. Ф. Булгакова, секретаря Л. Н. Толстого в 1910 г., написаны в 1946–1961 гг. Этот объемный труд (26 частей) так до сих пор не опубликован целиком. В нем прослежен весь жизненный путь В. Ф. Булгакова, включая описание его детства в Сибири, учебы в Московском университете, жизни в Ясной Поляне в последний год жизни Толстого, работы хранителем Толстовского музея, общения с семьей великого писателя и его последователями, высылки из Советской России на «философском пароходе» в 1922 г., жизни в эмиграции, создания им Русского музея в Праге, пребывания в гитлеровских концлагерях, возвращения в 1948 г. в СССР и работы в Музее Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. В издании «Как прожита жизнь...» напечатаны 5 избранных частей, имеющих отношение к Толстому и охватывающих события 1910 г. и последующих лет перед высылкой В. Ф. Булгакова за границу в 1923 г.

За предоставленный ценный материал выражаю глубокую благодарность директору Российского государственного архива литературы и искусства Т. М. Горяевой, директору Государственного музея Л. Н. Толстого Н. А. Калининой, библиографу В. С. Бастрыкиной. Искренне благодарю заведующую Отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН, д. ф. н. М. И. Щербакову за многолетнюю дружбу, безвозмездную поддержку и советы. С канадской стороны: Джона Вудворта и Светлану Асташкину за их помощь в оформлении текста.

За моральную и финансовую помощь выражаю признательность Оттавскому университету, Канадскому Совету по исследованиям в области социальных и гуманитарных наук (SSHRC), а также генеральному директору издательства «Кучково поле» Г. Э. Кучкову.

А. А. Донсков, д. ф. н.,
действительный член Канадского королевского общества,
заслуженный профессор Оттавского университета (Канада)

«В споре с Толстым» и переписка В. Ф. Булгакова

В. Ф. Булгаков посвятил Толстому и толстоведению практически всю свою жизнь. Проработав несколько лет в Ясной Поляне, он в 1916 году встал во главе музея Толстого в Москве. При этом Булгаков не прекращал участвовать в распространении толстовских идей ненасилия и был самым активным образом вовлечен в движение сторонников мира (как в Российской империи, а затем в Советской России, так и на международной арене). В период Первой мировой войны это привело к аресту его царской полицией, а в послереволюционный период — к высылке советскими властями из СССР в 1923 году за границу (в Прагу), где он продолжал писать и публиковать работы о Толстом. Булгаков возвратился в СССР в 1948 году и вновь оказался в своей любимой Ясной Поляне, где проработал до выхода на пенсию (1959) и затем остался жить до самой смерти в 1966 году.

Очень важно, что Булгаков, глубоко уважая Толстого как человека и мыслителя и преклоняясь перед его художественным талантом (в свою очередь он также пользовался уважением и благосклонностью яснополянского старца в период их личного знакомства), сумел сохранить и проявить замечательную объективность в оценке этого великого человека и не утратил свободы собственного мнения. Хотя подобные качества представляются совершенно естественными и даже обязательными для исследователя, следует помнить, что они были необычными (и даже непринятыми) в среде ближайших почитателей Толстого. Здесь снова можно говорить об уникальности положения Булгакова, что определяет его значимость как исследователя жизни, идей и творчества Толстого, а также позволяет вынести заключение о масштабе его собственной личности.

Именно в годы вынужденной эмиграции Булгаков начинает работать над двумя рукописями, которые являются предметом нашего исследования. Это монументальный труд воспоминаний «Как прожита жизнь», который уже частично опубликован нами, как упоминалось выше, и философская работа «В споре с Толстым: На весах жизни»³, которая предлагается читателю и ученым для дальнейшего, более исчерпывающего анализа. Булгаков работал над этой рукописью с 1932 по 1964 год.

В первой главе «Нерушимое» он (отчасти, вероятно, надеясь опубликовать книгу и отдавая должное советской идеологии, но, несомненно, и в качестве

отражения собственных раздумий) действительно спорит со многими важнейшими идеями своего учителя. Вот как он оправдывает свою позицию: «Книга эта возникла в результате долгого внутреннего спора со Львом Толстым-мыслителем, влияние которого глубоко было пережито автором. Оно не изжито им и теперь; то благотворное, что было в этом влиянии, остается. Пути души увели, однако, автора от одностороннего спиритуализма и индивидуализма к более реалистическому, а в то же время и более гармоническому, «приемлющему мир», общественному жизнепониманию»⁴.

Эту работу, как, впрочем, и его предыдущие труды, отличает присущая автору объективность суждений. В то же время она свидетельствует о его постепенном отходе от наиболее радикальных положений мировоззрения Толстого, которые иногда, даже в молодые годы, вызывали у него сомнения. Особенно скептически относился Булгаков к преувеличению необходимости духовного самосовершенствования и акцентированию этой стороны жизни в ущерб материальным потребностям человека. Такая позиция виделась Булгакову как прискорбный отрыв личности от твердых земных корней. Он оспаривал высказывавшееся порой Толстым утверждение, что зло заключается лишь в самом человеке, придерживаясь мнения, что следует уделять более серьезное внимание негативной роли проблем, наблюдаемых в социальной сфере и в сфере общественного устройства. В противоположность Толстому Булгаков считал, что роль государства — пресекать порочные действия членов социума, признавал реальную опасность анархии.

Булгакова влекло к Толстому, которого он трактовал скорее как религиозного писателя, а не как резонерствующего моралиста. Учение Толстого он находил разумным, свободным от шелухи неправдоподобного чудотворчества, «необычайно стройным и последовательным». В главе «Нерушимое» («В споре с Толстым: На весах жизни»), незадолго до своей смерти, он бросит ретроспективный взгляд на свое прежнее мировосприятие и на дарованное ему Толстым избавление от разочарованности и нравственной растерянности: «...в детстве — чистая православная вера, в 15–16 лет, до поступления в университет, полоса безверия, в университете — увлечение философией, не принесшей удовлетворения душе». «Обманутый в своих ожиданиях и официальной религией, я был как человек, брошенный на дно пропасти, перед которым убрали сначала одну, а потом и другую лестницу, сулившую ему надежду на спасение, и которому оставалось только впасть в полное отчаяние. Из этого положения вывел меня Л. Н. Толстой, показавший мне новый путь: путь религии разумной, религии, отказавшейся от суеверия, от всяких произвольных метафизических построений, от обожествления Иисуса, от храмов, обрядности, церковной организации и всякого культа. И отойдя сейчас во многом от Толстого, я этого основного пути — разумно-религиозного пути — не покидаю до сих пор»⁵.

Булгаков приводит толстовское высказывание, которое считает самым точным определением религии: «Религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека отношение его к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его с этой бесконечностью и руководит его поступками»⁶.

Во второй главе «Дух и материя» Булгаков спорит с Толстым, отрицавшим материальную сторону жизни. «Соглашаясь с Л. Н. Толстым в определении религиозной стороны жизни, — пишет Булгаков, — я расхожусь с ним по целому ряду вопросов как личного, так и общественно-государственного и культурного строительства.

Корни расхождений уходят в различную оценку значения и взаимоотношений духовной и материальной стороны человеческой личности, человеческого существования».

И далее: «Можно требовать напряжения духа и преобладания его над телесным началом в нашей жизни, но нельзя утверждать, как это делают Л. Н. Толстой, его последователь философ П. П. Николаев и др., что существует *только духовное* (!), а телесное является едва ли не плодом лишь нашего воображения.

Во всем этом есть не только какое-то неуважение к человеку, но и к существующему независимо от нашей воли мировому порядку. В этом есть также упорная и систематическая, хотя, может быть, не столько безнравственная, сколько болезненная ложь самому себе: воспитание себя в таком духе, чтобы уметь видеть — и не видеть, — видеть и не видеть того, что ясно каждому мальчику: что духовная жизнь в нас развивается в постоянной взаимозависимости с телесной и что мы — не только духовные, но и телесные существа»⁷.

Булгаков настаивает на том, что духовное и телесное в природе всего живого не существуют отдельно одно от другого. Они представляют только разные стороны одного и того же явления... Нельзя воспитывать духовное, пренебрегая телесным. И наоборот. Только гармоническое развитие духовного и телесного дает идеальное воплощение человека.

В главе «Нормы совершенствования» Булгаков спорит как с теми, кто считает, что «зло скрывается не в человеке, а в обществе», так и с теми, которые, как Толстой и церковь, уверены, что «зло скрывается не в обществе, а в человеке». Он утверждает, что зло присутствует как в обществе, так и в человеке, и нашей обязанностью является заниматься и личным самосовершенствованием, и последовательной борьбой с общественным злом. «Нельзя не поддержать толстовских призывов к самосовершенствованию, — говорит Булгаков, — но нельзя тут же не оговориться, что неверен был взгляд самого Толстого на самосовершенствование как на *единое средство*, единый путь достижения лучшей жизни для всего общества, путь, освобождающий человека от обязанности участия в общекультурной, государственной и общественной жизни, борьбе и работе. Участие это неизбежно»⁸. Далее Булгаков возражает Толстому по поводу границ и конечных целей самосовершенствования: «За-

хваченный спиритуализмом и ненавистью к плоти, Л. Н. Толстой-философ присовокупил к заповеди о самосовершенствовании своеобразное учение о стремлении к так называемому *недостижимому идеалу*. Учения этого я не разделяю. Более того, я считаю его скорее препятствием, чем помощью в деле самосовершенствования, поскольку оно отрывает человека от конкретной почвы и весь вопрос о самосовершенствовании переносит из практической в отвлеченную, рассудочную область»⁹.

Булгаков согласен, что идеал должен быть, но, по его мнению, не типа монашеского идеала отречения от мира, а живой, разумный и доступный. Кстати, что касается «недостижимого идеала», идеи Булгакова очень близки идеям Н. Н. Страхова, который писал Толстому в 1894 году: «Теперь я удивляюсь тому, что Вы так часто забываете неодолимые потребности людей. “Дела человеческие должны уступать делу Божию, — пишете Вы мне, — в вопросах личной жизни каждого”. О, без сомнения! Вы держитесь верного пути — личного совершенствования, и эта правильность Вашего хода всегда меня восхищала. Но Вы не замечаете, как Вы поглощены Вашей внутреннею работою и предлагаете людям то, чего они принять не способны. *Отвержение всякой собственной воли* — вот ведь к чему сводится все направление; а это отвержение есть отречение от жизни; а от жизни люди отказаться не могут. Жизнь требует спокойных, твердых форм, требует простора для желаний, требует труда и отдыха, забавы и восторга... да Вы все это отлично знаете, все это сказано в Ваших сочинениях. Жизнь избегает усилий сознания и напряжения воли. Между тем Вы с Вашей вечно горящею душою предлагаете людям также вечно усиливаться и напрягаться. Они не могут делать того, что Вы делаете. Они часто охотно жертвуют *жизнью и достоинством*, как пишут, в порыве патриотизма, но ограничивать себя и размышлять они не могут. Они хотят жить и верить, действовать и бороться, а не исследовать и углубляться в себя.

Простите, бесценный Лев Николаевич, я, кажется, пишу бессвязно и неясно. Мне хотелось прийти к тому, что противоречие “человеческим делам” не может иметь общего успеха. Оно может занимать отдельные лица, может наполнять их жизнь, но его нельзя предложить как ежедневную пищу для всех. А если отнять этот контраст с окружающим миром, то большею частью жизнь окажется лишенною всякого интереса. Поэтому интересы, которыми задаются люди, нельзя легко откидывать, да они и не дадут себя откинуть. На них положено много труда. Бедное человечество тяжко билось, чтобы найти тот бок, на котором лежать не очень больно, чтобы найти какую-нибудь пищу для своих неумолкающих стремлений, создать предметы, для которых стоит жить и умирать. Плоха медицина — но разве откажутся когда-нибудь люди искать средство против болезней? Плохо государство; но разве перестанут люди составлять эти безмерные союзы, чтобы общими силами единою волею действовать для своих целей?»¹⁰

В главе «Мужчина и женщина», как, впрочем, и в других вопросах, Булгаков признает, что отстаивает психофизическую, а не духовную и не материальную только точки зрения на сущность отношений между мужчиной и женщиной.

«Брак великое дело, — говорит Булгаков. — Брак рождается из любви. Любовь — это огонь, зажигаемый небесными сферами в душе человека, это — главное выражение всей его духовно-материальной сущности. Высшая ступень, на которую человек поднимается в жизни. Основная жизненная задача. Источник воли и счастья. Победа над эгоизмом и себялюбием»¹¹.

Булгаков утверждает, что любви только духовной и любви только плотской не бывает. Существо человеческое — едино. Любовь — целостное его выражение. Поэтому оба его элемента — и духовный, и плотский — в ней соприкасаются.

Булгаков настаивает, что «физическое общение является естественным завершением глубокого чувства любви. Это — последняя мыслимая интимность в отношениях любящих, акт исчерпывающего доверия, теснейшего сближения, взаимного проникновения не только физического, но и душевного, когда *ты* превращается в *я*, когда два *я* сливаются в одно. Это — кульминационный пункт, апогей любви, венчающий ее, доставляющий высшее счастье любящим. И не чувственная сторона здесь — главное, а именно этот пафос взаимности, это сознание полного слияния, последней близости с любимым существом»¹².

Булгаков считает, что Л. Н. Толстому удалось в 1890-е и 1900-е годы и своими религиозно-философскими и моральными сочинениями, и на шумевшей в те годы повестью «Крейцера соната» привлечь особое внимание общества к вопросам взаимоотношения полов, брака и целомудрия. «Поразительно главное, что прославленный писатель заявил себя противником всякого полового общения между мужчиной и женщиной и защитником полного целомудрия». Булгаков спорит с доводами Толстого. Разбирая «Крейцерову сонату», он не видит в ней «сокрушающего удара по положительной оценке брака и половой жизни вообще. В этой повести дан совершенно конкретный, индивидуальный, отдельный случай испорченного с детства, в высшей степени неуравновешенного в нервном отношении и развращенного мужчины, Позднышева, человека, лишенного не только духовного взгляда на жизнь, но и вообще каких бы то ни было признаков того или иного устойчивого, самостоятельного мирозерцания»¹³.

Булгаков продолжает спорить с Толстым в остальных главах своего эссе. В пятой главе — с отрицанием Толстым науки и искусства, основываясь на анализе толстовского отношения к пьесам Шекспира, в частности, к драме «Король Лир», а также к Чехову и к некоторым аспектам музыки и архитектуры.

В главе «Государство» Булгаков спорит со взглядами Толстого о ненужности государства. Полагает, что людская злая стихия должна обуздываться государством. «Анархистам следует считаться с истиной, отмеченной еще Вл. Соловь-

евым и гласящей, что государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад. Вот чего не учитывал я в своей молодости, идя за Л. Н. Толстым»¹⁴.

Булгаков выражает восхищение советским государством: вся глава посвящена преимуществам социалистической системы. Конечно, тут, с одной стороны, уступка идеологии того времени, но с другой — искреннее чувство к стремительно развивавшейся послевоенной России. Говоря о бедности крестьян в Ясной Поляне, Булгаков вспоминает, как Масарик, будучи в гостях у Толстого, зашел в крестьянскую избу и при виде крайней нищеты заплакал. В этой нищете Булгаков винит толстовское мировоззрение, не требовавшее «действий».

В предпоследней главе «*Summum bonum*», посвященной вопросу о счастье, Булгаков снова возвращается к Толстому. «Для того, чтобы наверное быть счастливым, — говорит Л. Н. Толстой, — надо только одно: любви, любви всех — и добрых, и злых. Люби не переставая, и не переставая будешь счастлив».

Булгаков удивляется этому убеждению, что человеку больше ничего не надо. Что довольно любви ко всем, и добрым, и злым, для постоянного, не переставшего счастья. Он цитирует Толстого: «Мы не знаем и не можем знать, для чего мы живем. И потому нельзя бы было нам знать, что нам делать и чего не делать, если бы у нас не было желания блага. Это желание верно указывает нам, что надо делать, *если только мы понимаем свою жизнь не как животное, а как душу в теле* (подчеркнуто мною. — В. Б.). И это самое благо, какого желает наша душа, и дано нам в любви»¹⁵.

«Таким образом, — продолжает Булгаков — мы видим, что высшее благо или счастье, заключающееся в любви ко всем, возможно при одном условии: если мы понимаем свою жизнь не как животное, т. е. если мы игнорируем требования своего тела, или если понимаем жизнь как “душу в теле”, но при этом опять-таки отталкивая, как ненужное или даже враждебное начало, наше тело и отдавая все внимание своему духовному существу, душе. Иначе говоря, в этом, основном воззрении Л. Н. Толстого на сущность “высшего блага” или счастья торжествует опять-таки *спиритуализм* и не подарено ни одного сочувствующего или снисходительного взгляда половине нашего “я”, нашему телесному существу»¹⁶.

Примером прекрасной, гармоничной и по-настоящему счастливой семейной жизни для Булгакова является семейная жизнь любимого Толстым великого композитора Иоганна Себастиана Баха, которую он описывает несколько длинно и утомительно.

В последней, короткой главе «Смена поколений» Булгаков пишет о естественности, благости всего круговорота жизни, о принятии предстоящего нам как неизбежного и естественного. Страх смерти быть не должно, как нет его среди людей, которые не жили только для себя. «Жить одному... И умирать одному...» Этот мотив часто повторяется в дневниках Л. Н. Толстого за послед-

ние годы. И хоть он и связан у него с религиозным чувством, с покорностью высшей воле, но все же веет от него глубокой грустью и безнадежностью.

...Сейчас мне в первый раз пришло в голову, что у Льва Николаевича, когда он оставался один, оттого иной раз такая тоска была на душе (см. его дневники за последние годы), что он не победил до конца так мучившего его всю жизнь страха смерти, а не победил он страха смерти потому, что был индивидуалистом и что все его мирозерцание было чисто индивидуалистическое. Родину он променял на человечество, человечество было слишком далеко, отвлеченно, своей “церкви” или “партии” он не основал и не хотел основывать, и даже с кружком ближайших своих друзей и единомышленников никакими узами зависимости связан не был и не стремился к такой связи, с семьей разошелся, — великой скалой, но скалой в пустыне возвышалась его фигура»¹⁷.

И последнее напутствие своим читателям: «Нет, нет! Не одному жить и умирать. Напротив: и жить, и умирать надо с людьми, на людях. И да оправдается, хоть и в более глубоком смысле, старая поговорка о том, что “на людях и смерть красна”».

* * *

На протяжении всей своей жизни Булгаков вел обширную переписку с широким кругом корреспондентов, среди которых можно назвать имена М. И. Цветаевой, Н. К. Рериха, Р. Роллана, А. Эйнштейна и многих других выдающихся деятелей культуры XX столетия.

Существует также входящий в данную работу небольшой обмен письмами с Л. Н. Толстым, обширная переписка с С. А. Толстой. Переписывался Булгаков и с канадскими духоборцами, общине которых Толстой помог эмигрировать из Закавказья в Канаду в 1899 году.

Булгаков приобрел огромный опыт в эпистолярном жанре, работая секретарем Толстого в 1910 году¹⁸. Преклонный возраст, занятость литературной и социальной деятельностью заставляли Толстого все более полагаться на Булгакова, чтобы успевать отвечать на бесконечный поток писем. Позднее, в 1911 году, вышло в свет «Жизнепонимание Л. Н. Толстого в письмах его секретаря»¹⁹, куда были включены письма, написанные Булгаковым по поручению Толстого. В книгу вошли следующие главы: 1. Необходимость религии; 2. Бог; 3. Назначение и смысл жизни; 4. Труд; 5. Отношения мужчины и женщины; 6. Наука и образование; 7. Общественная и политическая деятельность; 8. О влиянии на других; 9. Нравственное усилие²⁰.

Письма, составившие эту книгу, были написаны Булгаковым по поручению Толстого в ответ на запросы обращавшихся к нему лиц с января по октябрь 1910 года. Эти письма представляют интерес как с точки зрения уточнения

деталей биографии Толстого, так и для лучшего понимания его мировоззрения. Кроме того, они показывают, насколько верно молодой секретарь понимал мысли великого писателя и сколь его собственное мировоззрение было созвучно толстовскому. Важно помнить, что Толстой читал и редактировал эти письма. Ко многим из них сделаны такие приписки: «В. Ф. Булгаков совершенно верно выразил то самое, что я хотел и мог сказать вам. Очень рад буду, если вы согласитесь с нами». В части «Ясная Поляна» книги «Как прожита жизнь» Булгаков пишет о своей помощи Толстому в ведении корреспонденции: «Кроме технической помощи в работе над новыми, не изданными еще выпусками книги “На каждый день” и над книгой “Путь жизни”, Л. Н. Толстой постоянно передавал мне письма его корреспондентов для ответа. Вскрывал и читал полученные письма он всегда сам, так что никакие “секретари” между великим человеком и народом не стояли. Но отвечал сам — просто по недостатку времени и сил — не на все письма. Иногда он коротенько помечал на конверте, что именно я должен ответить на данное письмо, а по большей части не писал ничего, или только коротко: “В. Ф., ответьте”. Стало быть, отвечать надо было самостоятельно, начиная лишь письмо обычной формулой, составленной Толстым: “Лев Николаевич поручил мне, как близкому ему по взглядам человеку, ответить на ваше письмо”. Все мои ответы Лев Николаевич, однако, перед отсылкой предварительно прочитывал, и я, бывало, трепетал душевно, особенно на первых порах, предъявляя Льву Николаевичу свои произведения для контроля. Но великий писатель был судьей снисходительным и обычно одобрял все, что я писал, изредка, разве, рекомендуя сделать ту или иную вставку или то или иное изменение в тексте ответа.

Проверял Лев Николаевич написанное мной обыкновенно вечером, приходя для этого в мою комнату, так называемую ремингтонную (потому что Александра Львовна и В. М. Феокритова писали здесь на “ремингтонах”), и усаживаясь рядом со мною на старый, плоский и твердый клеенчатый диван, стоявший перед моим письменным столом. На этом диване я днем писал, а ночью спал»²¹.

Читателю предлагается эта небольшая переписка: всего 10 писем Булгакова к Толстому и 5 коротеньких — Толстого к Булгакову, как и письма, собранные в книге «Жизнепонимание Л. Н. Толстого в письмах его секретаря». Булгаков предстает здесь серьезным, любознательным и трудолюбивым молодым человеком. В первом письме к Толстому от 29 октября 1900 года, написанном в возрасте 14 лет, он умоляет Толстого прислать ему «Ваш не оцененный автограф». Годом позднее, в письме от 11 сентября 1901 года (из которого мы узнаем, что он прочел «Войну и мир» и «Анну Каренину»), Булгаков интересуется мнением Толстого о недавно созданной им и двумя его соучениками по Томской гимназии группе «Общество силы воли», ставящей целью «выработать из себя людей крепких волею, энергичных и деятельных».

Два наиболее интересных и содержательных его письма к Толстому:

а) письмо от 16 апреля 1909 года, в котором Булгаков просит у Толстого совета по некоторым вопросам, относящимся к его сочинению под названием «Христианская этика», «которое должно представлять систематическое изложение Вашего (и моего) мировоззрения». Он включает в письмо и описание своего труда, а также ряд вопросов к Толстому, в которых обнаруживается исключительно интеллектуально одаренный человек.

б) письмо к Толстому от 16 сентября 1910 года и прилагаемый к нему рассказ А. И. Кудрина²², записанный Булгаковым со слов последнего об его отказе от воинской повинности, который Толстой считал исключительно интересным (см. его письмо к Булгакову от 20 сентября 1910 г.).

Как указано выше, письма Толстого очень короткие, по большей части деловые, содержащие указания и просьбы что-то сделать.

* * *

Переписка Булгакова и С. А. Толстой обширна и существенна²³. Она включает 56 писем Булгакова к С. А. Толстой и 35 обратных, написанных между 1911 и 1918 годами.

Как указывает Булгаков, большинство из них были присланы ему из Ясной Поляны в Москву, где он работал вначале помощником хранителя, а затем — заведующим музеем Л. Н. Толстого. Некоторые письма адресованы на его родину в Томск, а также — на Кавказ и в Тульскую тюрьму, где он находился в заключении (1914–1915) за распространение воззвания против войны. Некоторые письма отправлены С. А. Толстой из Крыма, из имения мужа дочери в Кочетах или из Петербурга.

Отношения двух авторов писем, хотя временами и несколько напряженные, отличаются сдержанностью, а со временем перерастают в настоящую дружбу. Приводимый ниже отрывок характеризует самого Булгакова как порядочного, сострадательного человека, верного друга и объективного свидетеля: «В течение всего времени десятилетнего знакомства с С. А. Толстой, с 1909 по 1919 год, я пользовался ее добрым расположением и, в свою очередь, платил ей искренней привязанностью. Мне внушали уважение ее прямота и правдивость, ее любовь к Толстому, любовь к искусству вообще и к музыке и литературе в частности, любовь к детям, любовь к природе. Положению Софьи Андреевны в 1910 году я особенно сочувствовал, видя не всегда справедливое и часто некорректное отношение к ней со стороны представителей сплоченного “чертковского” кружка близких Л. Н. Толстого. Последние “не ведали, что творили”, раздражая подругу жизни великого Толстого и тем безмерно осложняя его собственное положение.

С. А. Толстая бывала иногда тяжела в общении, но это не могло быть мотивом неуважительного отношения к ней. Ведь сорок восемь лет, как она пишет в первом письме ко мне, она прожила с своим мужем и была “самым близким человеком” для него»²⁴.

В свою очередь, ряд писем Софьи Андреевны, адресованных Булгакову, свидетельствует о глубоком уважении и симпатии, которые она питала к нему. Вот, например, фрагменты письма Булгакову от 11 июня 1911 года, в котором она убеждает его занять пост в музее Л. Н. Толстого для работы над рукописями ее мужа:

«О вас, к которому я всегда относилась с симпатией, я много думала. Если вы будете жить в деревне и работать на земле, — вас это не удовлетворит. Вы человек одаренный, вы пишете хорошо и думаете хорошо. Вам надо, хотя со временем, приютиться к какому-нибудь умственному центру. Хорошо бы, когда-нибудь, любя Льва Николаевича и его память, пристроиться при правительственном Музее для разработки рукописей и всяких работ покойного. Это, впрочем, *моя* мечта, а у всякого своя жизнь; и я от души желаю вам всякого успеха и радости. Пишите мне иногда, особенно при перемене адреса. Мой всегда будет *Засека*. Жму вашу руку, как всегда, с дружелюбием и доверием к вашему сердцу.

С. Толстая

На ваши письма всегда буду отвечать тотчас же»²⁵.

Значительно позднее, в своей книге «Как прожита жизнь», в главе «Еще и еще о Ясной Поляне», Булгаков вспоминает:

«На ваши письма всегда буду отвечать тотчас же, — писала мне С. А. Толстая еще в 1911 году в Томск. — Жму вашу руку, как всегда, с дружелюбием и доверием к вашему сердцу”. И этот теплый, дружеский тон оставался и во всех последующих письмах ее ко мне.

Трогательно для меня сейчас перебирать эти письма и констатировать снова и снова, что все же мы с Софьей Андреевной были не чужие, — нет, больше того! — мы были, несмотря ни на что, близки, связаны взаимной симпатией, известной долей взаимопонимания и общей горячей любовью, хоть, может быть, и не во всем одинаковой, ко Льву Николаевичу.

Если я не жил в Ясной Поляне, то мы всегда, хотя бы изредка, обменивались письмами с Софьей Андреевной, делиась “новостями” и переживаниями. Софья Андреевна писала мне, когда я уезжал погостить к матери в Томск. Писала, уезжая сама на время из Ясной Поляны — то в Крым, то в Кочеты к Татьяне Львовне, то в Петербург к Кузминским, и оставляя меня “за хозяина” в доме. Писал и я ей подробно, и обоим нам эта переписка зачем-то была нужна; оба мы, — она — старуха-аристократка, и я, молодой человек без определенных занятий, — зачем-то были друг другу нужны. В 68 лет пробегаю я страницы старых писем вдовы Льва Николаевича, и у меня становится тепло на сердце»²⁶.

Прежде чем приступить к разбору некоторых черт, характерных для переписки Булгакова с С. А. Толстой, надо упомянуть о следующем: письма личного характера особенно ценны своей искренностью и верностью событиям. Эти качества не всегда характерны для мемуарной литературы. Письма адресованы конкретным лицам, с которыми ведется диалог. Разумеется, если говорить об эпистолярном искусстве вообще, встречаются письма, преследующие цель скрыть или обойти молчанием какой-либо факт, но это совершенно несвойственно данной переписке. Напротив, будучи адресованы близкому другу, эти письма отличаются откровенностью. В них также присутствует дух свободы и естественности, что, как и истинный дух *конкретного* момента, не только отражает личность каждого автора, но дает возможность понять их эмоциональное и духовное состояние — их глубинный, присущий только им взгляд на жизнь и на искусство, проследить за их взаимным влиянием как в творческом, так и в личном плане.

Булгаков, действительно, подтверждает эти слова, подводя итоги их переписки много лет спустя:

«Я не побоялся привести здесь несколько отрывков из писем вдовы Толстого. Подлинные документы имеют иногда неотразимую прелесть и убедительность. Мне хотелось, чтобы с этих страниц прозвучал голос самой Софьи Андреевны. Читатель видит, как прост, непритязателен и человечен этот голос, как нескладно было делать из Софьи Андреевны демона (неблагодарная работа В. Г. Черткова). На самом деле это был живой, сердечный, открытый, друживший со счастьем и много страдавший человек, человек, знавший жизнь и понимавший людей, человек с обычными человеческими достоинствами и недостатками, такой, как вы и как я, не требовавший для себя лично от жизни слишком много, ревниво охранявший благополучие семьи, однако — привязанный к ней не одними только материальными узами, женщина, ревниво хранившая память о муже-гении, радовавшаяся детям, природе, искусству».

Читателя может также заинтересовать оценка, данная Булгаковым письмам С. А. Толстой (в 1956 г.)²⁷:

«В письмах Софьи Андреевны ко мне чувствуются еще не зажившие раны, причиненные престарелой женщине уходом Толстого из дома и его неожиданной кончиной. Трогают выражения глубокого покаянного чувства подруги жизни великого человека, не сумевшей подняться до его уровня. Передаются подробности о проведении в жизнь завещательных распоряжений Толстого и о судьбе его наследия. Рассказывается о занятиях Софьи Андреевны и о быте Ясной Поляны в первые годы после смерти Толстого, даются характеристики детей Толстых.

В письмах проявляется также постоянная забота С. А. Толстой о детях, о внуках, внимание к гостям — как к родственникам, так и к знакомым и незнакомым. Не может не быть оценена готовность Софии Андреевны лично показывать дом и рассказывать о Толстом десяткам и сотням туристов.

Трогает забота о слугах: о престарелой пенсионерке-няне, о поваре. Мать и бабушка, действительно, занята была гораздо больше судьбами своего домашнего круга, чем своей собственной судьбой.

Обращает внимание исключительная любовь Софьи Андреевны к Ясной Поляне и твердое желание ее содействовать сохранению дома и усадьбы, как памятников русской культуры.

Конечно, в личности и в характере Софьи Андреевны, как у всякого человека, соседствовали и положительные, и отрицательные черты. Идеализировать ее образ не нужно. Из тех же писем не трудно сделать заключение об известной узости ее умственного кругозора, ограниченного в значительной степени семейными и материальными интересами, о непонимании смысла совершавшихся в 1917 г. социальных перемен, о неутраченной вражде к В. Г. Черткову и т. д. И, однако, образ этот все же кажется далеким от того, который дает тот же Чертков в своей книге “Уход Толстого”.

Говорю это не столько с целью *защитить* Софию Андреевну (хотя и такую задачу я считал бы вполне уместной), сколько для того, чтобы поставить вопрос о *более полном и объективном освещении ее внутреннего облика, ее личности и значения ее в жизни Л. Н. Толстого.*

Письма ко мне написаны человеком живым, культурным, много страдавшим, “глубоко, долго и сильно” любившим Льва Толстого, бывшим ему верной женой, матерью его тринадцати детей и пронесшим любовь к великому человеку через всю жизнь, а после его смерти служившим, поскольку позволяли силы, его памяти.

История не может не быть снисходительной к подруге жизни Льва Толстого...»²⁸

Письма Булгакова к С. А. Толстой являются, как правило, ответами на ее просьбы, касающиеся наследия ее мужа. Они дают читателю представление об отношениях этих двух людей между собой, а также — с их современниками, но, главным образом, об их тесном сотрудничестве в вопросах распространения трудов Л. Н. Толстого, сохранения его архива и работы Булгакова по описанию его библиотеки. Толстой и отношение корреспондентов к нему являются связующей нитью всей их переписки.

Наряду с этим затрагиваются и широкий круг жгучих социальных проблем, характеристики разных персоналий, вопросы милитаризма, воинской повинности, истинного значения свободы.

В то время как важность вклада С. А. Толстой в работу ее мужа и ее собственный вклад в русскую культуру были в последние несколько лет хорошо

документированы²⁹, наследие Булгакова до сих пор еще недостаточно хорошо изучено. В частности, ценная информация содержится в его многочисленных письмах к знакомым литераторам и государственным деятелям. В том числе, несомненно, также — и в его переписки с С. А. Толстой. Эти письма представляют собой перспективный и в значительной степени пока еще нетронутый источник и могут пролить дополнительный свет на содержание печатных трудов Булгакова. Необходимо всестороннее изучение того, что станет первой всеобъемлющей критической биографией Булгакова, возможно, в течение следующих нескольких лет. В 2016 году исполняется 50 лет со дня смерти Валентина Федоровича Булгакова (13 (25) ноября 1886, Кузнецк, Томская губерния — 22 сентября 1966, Ясная Поляна).

* * *

«Это было осенью... 1908 года. У меня кончились всякие сомнения по поводу университетского вопроса: выход из университета был предрешен. Но, в связи с этим, меня занимала мысль: *чем же я заменю себе университет?* каким родом труда и каким образом жизни? и как смогу я продолжать свое дальнейшее, уже вполне самостоятельное, образование, которого я вовсе не хотел прерывать с выходом из университета?

В то же время я уже был осведомлен не только об основах учения Толстого, но и о развитии свободно-религиозного движения в России вообще, и, в частности, о духоборческом движении (главным образом, из литературы «Посредника»). Мне представилось, что, в сущности, только у духоборов, на всей земле, налицо более совершенная жизнь, жизнь трудовая, свободная от рабства церкви, государству и капиталу. Я сам стремился именно к такой жизни, — почему же бы мне не примкнуть именно к духоборам? Уйти в народ, на простую, трудовую жизнь стало моей неотвязной мечтой по ознакомлении с писаниями Толстого, а тут — как раз такая часть этого народа, с которой мы не только не разойдемся, но вполне сойдемся и сольемся в своих лучших и наиболее возвышенных стремлениях. К духоборам, к духоборам!.. В Америку!.. [там!]³⁰

Но только вот вопрос, — рассуждал я: смогу ли я, работая у духоборов, заниматься наукой? От этого я не собирался отрезаться, — значит, моя будущая, трудовая жизнь должна была быть построена так, чтобы у меня оставалось какое-то время для научных занятий. «Это и будет наиболее совершенный образ жизни, — думал я: в соединении интеллектуального и физического труда». *На этих условиях* я готов был ехать в Америку хоть завтра же. Идея лучшей, новой, здоровой, прекрасной жизни, к которой я мог перейти от своей сомнительной и часто жалкой, полной заблуждений и греха, не связанной с телесным трудом, а, следовательно, уже по одному этому ненормальной

жизни, — идея эта настолько захватила меня и при том казалась настолько простой и осуществимой, что вот... думалось мне... стоит лишь протянуть руку, чтобы овладеть этой новой, прекрасной жизнью! И я без колебаний решился “протянуть руку” и отправиться в Америку».

Булгаков собирался говорить об этом Толстому, но Н. Н. Гусев посчитал его намерение необоснованным, заявив:

«...что ехать к духоборам мне совсем не нужно, потому что они — люди своеобразные, с особым, своеобразным укладом жизни, для чужого человека неприемлемым и непонятным; в свою среду они никого со стороны не принимают, а потому мне надо устраиваться в *русской деревне*. Что же касается “занятий наукой”, то нечего и говорить, что они несовместимы с земельным трудом...»

История показывает, что Н. Н. Гусев был неправ в своей оценке духоборцев. Во многих письмах к Булгакову мы видим их глубокую благодарность ему за помощь, приглашения приехать в Канаду и остаться с ними, не говоря уже о его длинной статье «Духоборцы»³¹, рассказывающей об их истории, преследовании со стороны Российского правительства и Церкви, проблемах с канадскими властями и населением после их эмиграции.

Широкому кругу читателей может быть интересным отношение Толстого к секте, суть которой была хорошо известна Булгакову и повлияла на его собственные взгляды.

Сравнительно поздно, когда большинство его основных работ по социальным и религиозным вопросам было уже написано, Толстой узнал о нарастающих гонениях на духоборцев со стороны Церкви и государства³². Жестокие репрессии, последовавшие за сожжением духоборцами оружия на Кавказе в июне 1895 года и отказом от присяги и военной службы, были прямым вызовом всей толстовской философии ненасилия, его отвержению организованной Церкви, собственности и привилегий, основанных на классовой разобщенности общества и системе элитарного правления. Эти гонения, происходившие на общем фоне роста национализма и милитаризма того времени, вынудили Толстого еще более упорно настаивать на доктрине непротивления злу насилем как фундаментальном положении христианского учения.

Вмешательство Толстого в дела духоборцев в середине 1890-х годов не представляло собой ничего нового. И до и после он снова и снова выступал против преследования различных религиозных сект. Прекрасно был он осведомлен и о таких христианских пацифистах, как квакеры и меннониты. В эпохе почти поголовной воинской обязанности в России и Европе он выступал на стороне тех, кого их пацифистские убеждения вынуждали отказываться от службы в армиях своих государств, но никогда это не происходило с таким горячим интересом и напряженной активностью, как в случае с духоборцами³³. Во-первых, духоборцы пострадали в большем числе, чем любые сектанты в

прежние времена (например, молокане или штундисты); кроме того, после сожжения оружия преследования стали настолько серьезными, что возникла угроза самой жизни некоторых духоборцев.

Однако важнейшим фактором, вызвавшим горячий отклик и активное вмешательство со стороны Толстого, была, несомненно, высокая степень общности между его философией и образом жизни духоборцев. Отчеты, предоставлявшиеся Толстому его последователями (известными как «толстовцы»), говорили о честном труде духоборцев, на котором была основана их жизнь земледельцев, об их общинной собственности, любви к Богу, которую они носили в сердце, их абсолютном отвержении войны, убийства и насилия, их готовности пострадать и принять гонения за правду. Все это было чрезвычайно близко сердцу писателя, который видел здесь практическое воплощение почти всего, чего сам он мечтал достичь и за что ратовал в своих работах.

Будучи прагматиком, Толстой искал практические примеры для иллюстрации теорий. В течение многих лет он рассматривал простую крестьянскую жизнь, и в духоборцах, как он полагал, ему открылся столь долгожданный наглядный пример. В особенности его привлекало то, что духоборцы, более чем кто-либо иной, соединяли свою крестьянскую жизнь с горячим стремлением следовать учению Христа, причем на практике еще активнее, чем на словах, в повседневной жизни даже более, чем в проявлениях религиозного культа. Иными словами, они казались Толстому идеальной иллюстрацией нераздельности духовной и практической сторон жизни.

Важный ключ к отношениям Толстого с этой сектой содержится в его письме к духоборцам на Кавказ от 20–21 августа 1897 г. Обещая финансовую помощь для переезда в Канаду, он просит в ответ продолжения их «духовной помощи» и поясняет:

«Помощь эта в том, что вы первые показываете пример хождения по пути Христову; задним легче, чем передним. Вы идете впереди, и многие благодарят вас за это. ... Многое хотел бы я сказать вам и узнать от вас»³⁴.

Это письмо проясняет отношения истинного единения между Толстым и духоборцами: их пример удовлетворял его потребность в подтверждении практического приложения его философии и в ответ он мог удовлетворить их нужду в сильном общественном заступнике, а также в финансовой поддержке. Духоборцы предоставляли один из возможных ответов на жизненно важный вопрос, который жгуче волновал Толстого в этот период: как может человечество преодолеть свою разъединенность, побороть насилие и прекратить пролитие крови, ведущие его по пути к бездне? Где может человек найти жизнеутверждающие принципы, способные преобразить нравственное состояние мира? Духоборцы, заключил Толстой, двигались в верном направлении, опираясь на свою веру в Бога Любви, исключая таким образом любые

виды принуждения и насилия и утверждая Всемирное Братство как основной закон существования для всего человечества. Та любовь к Богу, которую они пестовали в себе, их честный труд на земле, их общественный быт, их абсолютное отрицание войны, убийства и насилия — все это, по мнению Толстого, было достойно сохранения и поддержки любым путем, какой только был ему доступен. Он даже однажды назвал духоборцев «людьми 25-го столетия»³⁵.

Противостояние милитаризму, столь свойственное Булгакову³⁶, в котором Толстой был полностью согласен с духоборцами, иллюстрируется в статье «Две войны» (1898), посвященной испано-американской войне за Кубу и Филиппины. Толстой противопоставлял эту жестокую и несправедливую войну продолжающейся «войне» духоборцев против всех войн, их отказу нести воинскую повинность, убивать или готовиться убивать (что вскоре привело к переселению большого их числа в Канаду).

Различные российские секты, как известно, фигурируют не только в публицистических работах Толстого, но также в его художественных произведениях и в переписке³⁷.

Булгаков многое узнал об этой секте из произведений и общественной деятельности Толстого, из бесед с ним, из переписки с единомышленниками, благодаря личным контактам с духоборцами и писем духоборцев к нему.

Здесь я имею в виду значительное число писем от разных лиц, написанных Булгакову; например, письма от руководителя духоборческой общины П. П. Веригина (1881–1939) (РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 554), написанные в 1930–1933 годы (в них автор в первую очередь обсуждает положение духоборцев в Советской России, ищет содействия в переселении их в Канаду), а также письма литератора Г. Д. Гребенщикова (РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 616) 1933 года с описаниями жизни его и духоборцев в Калифорнии.

Особенно важным для понимания актуальных проблем духоборцев во всем мире являются 22 письма польского толстовца Иосифа Вигдорчика (Józef Wigdorczyk, ?–1938) Булгакову, написанные в 1933–1935 годы (РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 558, 100 листов). Речь в них идет главным образом о преследованиях толстовцев в Польше и России. Вигдорчик включает в свои письма различные документы, касающиеся толстовского движения, описывает, что делается для помощи толстовцам, а также канадским духоборцам. Так, в письме от 2 марта 1933 года он пишет о тяжелом положении свободников, отказавшихся от военной службы в Польше, Прибалтике, Бресте.

Из письма от 23 декабря 1935 года: «Мной получены интересные вести из Канады, между ними и то, что Сыны Свободы объединились с духоборческой общиной в Канаде» (Л. 61). Здесь же прилагается копия обращения канадской духоборческой общины к Лиге Наций от 18 октября 1935 года и копия заявления, посланного свободниками министру просвещения Канады, об их отказе посылать своих детей в правительственные школы и т. д.

В июне 1931 года он встретил одну делегацию в городе Бремергафен в Германии и с большим удовольствием хлопотал о них перед властями «по вопросу о переезде всех оставшихся в России духоборцев в Америку». Вот что он пишет:

«Мы вместе с делегациями посетили неоднократно советское посольство на улице Унтер-ден-Линден, вместе сочиняли и отправляли прошения на имя Калинина и Сталина, беседовали со случайно наехавшим в то время в Берлин Луначарским, привлекли в качестве ходатаев за наше дело выдающихся представителей берлинской интеллигенции и других влиятельных европейцев. Под письмом, отправленным в Москву, стояли подписи: проф. Альберта Эйнштейна, Артура Голичера, Отто-Лемана-Руссбюльта (председателя германской лиги прав человека и гражданина), проф. Фр. Зигмунда-Шульце, ген. фон. Шенаиха, Ромена Роллана, Виктора Маргерита, Жоржа Пиоша, Феннера Броквея, Георга Ленсбери и Дж. Кенворти. И затем ждали ответа на наше ходатайство.

В свободное время мы осматривали Берлин, посещали музеи и знакомились с представителями передовых общественных, религиозных и пацифистских организаций, в свою очередь проявлявших огромный интерес и исключительное внимание к милым заокеанским гостям...

Проживая с делегацией в Берлине в течение около трех месяцев я, разумеется, имел случай не раз подробно беседовать с членами делегации о жизни духоборцев в Канаде. И вот какая картина вырисовывалась передо мной на основании их простых и искренних братских рассказов»³⁸.

Булгаков рад, что духоборцы вступили в «Интернационал противников войны» (War Resisters' International), и выражает гордость, что он был одним из трех, подписавших письмо с призывом к П. П. Веригину вступить в эту организацию³⁹. Он заканчивает свою статью одобрительными высказываниями о трех лозунгах духоборцев:

1. Труд и мирная жизнь.
2. Сыны свободы не могут быть рабами тления.
3. Благо всего мира не стоит жизни одного ребенка».

Вслед за Толстым он также, можно сказать, считает духоборцев «людьми 25-го столетия», у которых многому можно было бы поучиться, говоря в заключении своей статьи следующее:

«Лозунги всеобъемлющие, и пройдет, быть может, еще несколько столетий, пока все человечество научится воплощать всю жизнь в соответствии с требованиями, выраженными в этих лозунгах. Духоборцы стоят, быть может, ближе других людей к возможности такого перевоплощения. На этом пути они должны объединиться⁴⁰, на этом пути и пожелаем им дальнейших успехов!

Пожелаем также, чтобы более широкие круги цивилизованного общества присмотрелись ближе к поучительному примеру духоборцев и позаимствовали из этого примера то, что может помочь нам преодолеть сегодняшнее состояние всеобщего взаимного недоверия, озлобления, нужды, страха перед новыми социальными катастрофами, атавистического преклонения перед ореолом физической военной силы и мощи и кажущейся безвыходности.

На самом деле выход есть, и этот выход надо искать, подобно духоборцам, и в своем сердце, и в разумной, не братоубийственной, а мирной, кооперированной инициативе»⁴¹.

Неудивительно, что духоборцы обращались к Булгакову за поддержкой и неоднократно просили его прислать копию этой статьи. Можно лишь пожалеть, что ответные письма не известны, хотя, как мы знаем, он оставлял у себя копии своей корреспонденции.

В нашем распоряжении имеются 55 писем духоборцев к Булгакову, некоторые из которых были отобраны как наиболее значимые. Подавляющее большинство — это письма свободников. Как уже упоминалось, мы не смогли найти (если, конечно, они существуют) ответные письма Булгакова: ни здесь, в Канаде, ни в его архиве в России, где он, как правило, тщательно хранил копии всех своих писем. Как мы видим, Булгаков откликался на просьбы духоборцев, посылая им различные книги и брошюры и лично обращаясь к властям для облегчения их положения не только в России, но и в Канаде.

Письма духоборцев рассказывают об их проблемах с властями, их внутренних разногласиях и горечи разделения с основным направлением духоборчества, об их неизменной приверженности вере предков, их коллективном стремлении к равенству и замечательном трудолюбии.

Особо теплые чувства вызывает их любовь к родной стране, тем более что даже прошествие более трех десятилетий ни в коей мере не способствовало их интеграции в канадское общество.

Очевидно, что Булгаков пользовался огромным уважением среди духоборцев. Выражения, которыми начинаются и заключаются письма, пронизаны большим чувством уважения: *дорогой брат во Христе, дорогой наш брат, уважаемый брат, дорогой друг и товарищ, многоуважаемый секретарь дедушки Л. Н. Толстого, привет и низкий поклон, все неразделимо приветствуем вас, остаемся любящие вас, с братским приветом* и т. д. Письма публикуются нами в современной орфографии.

К сожалению, не обо всех упоминаемых в этих письмах лицах удалось обнаружить сведения. Поэтому ряд имен приводится в указателе без подробных аннотаций.

А. А. Донсков

ЧАСТЬ I

В СПОРЕ С ТОЛСТЫМ
На весах жизни

Книга эта создалась в процессе духовной борьбы со Львом Толстым — философом, влияние которого глубоко было пережито автором¹. Оно не изжито им и теперь; то благотворное, что было в этом влиянии, остается. Пути души увели, однако, автора от одностороннего спиритуализма и индивидуализма к более реалистическому, а в то же время и более гармоническому, «приемлющему мир» общественному жизнепониманию.

Книга написана была дважды. Первая, более полная и систематически разработанная ее редакция, равно как и все подготовительные материалы к ней, в том числе авторские дневники за много лет, сгорели в подожженном немцами доме, где они хранились, в г. Праге, в дни чешского восстания против немецко-фашистских оккупантов, в конце Второй мировой войны, в мае 1945 года². Читателю предлагается вторая редакция книги, возникшая в 1945–1949 гг., по освобождении автора из немецких тюрем и лагеря³. В нее внесена, по случайно сохранившимся в другом месте обрывкам черновой, только небольшая часть прежних мыслей. Все остальное написано вновь.

Автор

Ясная Поляна,
28 сентября 1957 г.

I

Нерушимое

Книга эта возникла в результате долгого внутреннего спора со Львом Толстым — мыслителем, влияние которого глубоко было пережито автором. Оно не изжито им и теперь; то благотворное, что было в этом влиянии, остается. Пути души увели, однако, автора от одностороннего спиритуализма и индивидуализма к более реалистическому, а в то же время и более гармоническому, «приемлющему мир» общественному жизнепониманию.

Если вспомнить, какими путями шло мое духовное развитие, то сначала придется указать на увлечение Церковью, пережитое мною в детстве⁴. Увлечение это было искренним и чистым и дало мне много хорошего, но... в 15–16 лет пришло время разума, время более самостоятельных внутренних исканий, и православное, церковное миропонимание рухнуло. Наступила полоса атеизма, безверия, в которой я оставался до поступления в университет и которая была очень мучительна для меня.

В университете (в 1906–1909 гг.) я усердно принялся за изучение отвлеченной, метафизической философии — трудов Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта, — но и тут скоро почувствовал глубокое разочарование и неудовлетворенность⁵. Кажется, я слишком «по-молодому», прямолинейно и непосредственно, подходил к запросам человеческого духа и к тем ответам, какие могла дать на них идеалистическая философская мысль. И ответы эти расхолаживали меня своей надуманностью, рассудочностью, отвлеченностью, мертвенностью. Все это, казалось, годилось разве только для того своеобразного жонглирования понятиями, формулами и терминами, которыми упивались тогда многие из наших старых и молодых «философов», профессоров и студентов, причем первые из них иной раз откровенно подчеркивали как раз *относительное*, а не абсолютное значение провозглашавшихся ими гипотез и умственных построений.

Но если истины метафизики, — говорил я себе, — имеют лишь субъективное значение для их творцов, да еще (по мысли Фихте) для тех, кто, «по своим личным свойствам», остановит свой выбор на той или иной философ-

ской системе; если проф. Челпанов может в своем «Введении в философию» с наивной откровенностью заявлять о каком-нибудь Вундте, что «его построение в настоящем десятилетии может удовлетворять, тогда как, может быть, в следующем десятилетии его придется переработать», — то какая же *абсолютная, неизменная* цена такому знанию «основы всех вещей»?!⁶

Обманутый в своих ожиданиях и официальной религией, и официальной наукой, я был как человек, брошенный на дно пропасти, перед которым убрали сначала одну, а потом и другую лестницу, сулившую ему надежду на спасение, и которому оставалось только впасть в полное отчаяние. Из этого положения вывел меня Л. Н. Толстой, показавший мне новый путь: путь религии разумной, религии, отказавшейся от суеверия, от всяких произвольных метафизических построений, от обожествления Иисуса, от храмов, обрядности, церковной организации и всякого культа⁷. И отойдя сейчас во многом от Толстого, я этого основного пути — разумно-религиозного пути — не покидаю до сих пор. Оттого-то, несмотря ни на что, в том числе и ни на все то, что дальше будет сказано в этой книге о Л. Н. Толстом и отдельных сторонах его учения, я не перестаю чувствовать и сознавать живую внутреннюю связь с ним.

Как определял Толстой религию?

«Религия есть такое, согласное с разумом и знаниями человека, отношение его к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его с этой бесконечностью и руководит его поступками»⁸.

И я не знаю другого, более точного определения сущности религии. Основа — связь конечного (человека) с Бесконечным (Богом). Еще не говорится, как устанавливается это отношение, но указывается на его необходимость.

Обычно утверждается, что религия родилась вследствие страха перед неведомыми высшими силами или из страха перед несчастьем, перед одиночеством и беспомощностью, сплошь да рядом постигающими человека, особенно в капиталистическом обществе. Будто ими она и поддерживается, так что при изменении к лучшему социального строя потребность в религии будто бы должна исчезнуть. Но мне кажется, что тут, во-первых, смешиваются понятие культа и понятие религиозного сознания, что отнюдь не одно и то же, а во-вторых, не по праву игнорируется и забывается чисто личный, внутренний, не зависящий от внешних обстоятельств мотив, питающий религиозное чувство. Человек в глубине своей души, в каком-то таинственном, но тем не менее определенно существующем внутреннем источнике всего высокого и доброго черпает нужные ему силы и вдохновение на труд и борьбу. И старый, и молодой, и бедняк, и зажиточный почерпают из этого источника волю и мужество, любовь к людям и стремление к добру. Там же они шлифуют и укрепляют свою совесть, этот могучий орган нравственной жизни. Тут дело не в той или иной помощи и поддержке практического характера, которую

человек может или не может получить. Значение психологической опоры, оказываемой религией (в лучшем смысле этого слова), еще важнее. Это — как солнце, которое дает свет и тепло человеку, уставшему и замерзшему среди тяжелой и суровой иногда действительности. Это — как всеочищающая и обновляющая силы купель. Шатер, под которым всегда можно укрыться от непогоды. Нечто нематериальное и тем не менее важное и для материального существования человека, поскольку дух и тело наши неотделимы.

Может быть, это — не Бог, а наше «я»? Может быть. Но «я» это — одно во всех, как говорил Толстой. Потому-то бытие этого «я» и приобретает характер неопровержимой закономерности, причем все мы чувствуем, что это — только окно или дверь куда-то, что, углубляясь в это «я», мы идем ко всеобщей и единой духовной основе, которая... нуждается в имени, которую мы и называем: Бог, Dieu, Gott, Аллах и т. д. Пусть это будет только наше воображение, но мы не можем не сознавать его огромной служебной роли. «Воображение» это поистине является для нас, в нашей духовной жизни, компасом, рулем, путеводной звездой. Мы все непосредственно связаны с этим высшим началом, все обращаемся вокруг него, как лошади на кордоне вокруг центра круга, где стоит кто-то, кто держит конец корды. Вот что есть «религия», связь! А уж отсюда выводятся потом и все остальные ее заветы: любовь, чистота, правдивость, самоотверженность, честность, доброта и т. д.

Как решается при этом проблема гносеологии?

Мы не можем себе представить бесконечности в пространстве. «Мир должен где-то кончиться, но он не кончается, — как же это так?»

Мы не можем себе представить бесконечности во времени — ни в прошедшем, ни в будущем. «Мир когда-то начался. А что было до этого начала? Что-то должно было быть!» Или: «Допустим, что мир когда-то кончится. А что будет после?»

Ответов нет. Но так как бессмыслицы в существовании и устройстве мира быть не может, то для нас легче легкого — прийти к тем выводам, которые *относительно пространства и времени* сделал Кант⁹ и принял Толстой, т. е. что это — только формы нашего восприятия мира. Проблема гносеологии поставлена, таким образом, не напрасно. За нею возникает и проблема метафизики, но... быть может, только для того, чтобы убедить нас в ограниченности наших познавательных средств. Мир, в котором мы живем и действуем, мы знаем хорошо, и практически правы те мыслители, которые предлагают нам признать объективную реальность эмпирического знания: ведь другого знания у нас и быть не может. Все, что «мета», — все, что по ту сторону открытого нам мира, — безнадежно закрыто для нас.

И Толстой проявил большую мудрость, отказавшись следовать за метафизиками в их произвольных гаданиях о «природе всех вещей». Ни у него, ни у меня тут нет расхождений и с философами-материалистами.

Так что даже не нужно серьезно спорить против суеверных представлений Церкви о Боге как личности, о Боге — главном администраторе мира и то добром, то сердитом хозяине и папаше (ироническое выражение А. В. Луначарского) всех людей. Не стоит также трудиться доказывать, что не этот «папаша», не церковный Бог создавал мир, лепил из глины Адама и т. д. — и излагать, в опровержение подобного рода давно обветшавших суеверий, материалистическую историю зарождения человека и зарождения и развития человеческого общества.

Все отлично знают в наше время, что Адама¹⁰ не было и что мир и живая жизнь в нем развивались по Дарвину, но большинство простодушных людей не откажется от идеи Бога уже потому только, что этот ярлычок можно наклеить на ящичек, в котором спрятана тайна первопричины всех причин. А также потому, что люди не хотят опустошать и сушить свою душу, закрывая для нее внутренний источник духовного питания и удовлетворения духовной жажды. Человек и в самом деле был бы обеднен, если бы ему запретили обогащаться изнутри, запретили самообогащаться, углубляясь в свою психологию, в свой дух, просторы и владения которых бесконечны и ничем не ограничены. И если бы еще эти просторы были бесстержневые, бесцентренные, — может быть, человек ими менее дорожил бы. Но он чувствует, сознает и видит этот стержень, этот центр и путь к нему в своей внутренней жизни, знает, что он силен только пока держится за этот стержень, и потому-то сохраняет свою внутреннюю жизнь от всяких попыток расстержнить, опустошить и обезличить ее. «Бог», «религия» — это только слова, их можно заменить другими (хоть «кустом», как выразился однажды при мне Лев Толстой), но человеку дорого то, что за ними скрывается.

Блестящее изложение той же мысли о ценности и религиозном смысле глубочайших и высших духовных переживаний нахожу, несколько неожиданно, у великого французского романиста Виктора Гюго.

«Молиться Богу — что это значит? — спрашивает он. — Существует ли какая-нибудь бесконечность вне нас? Едина ли она, перманентна, имманентна ли? Непременно ли субстанциональна, поскольку она бесконечна, и была ли бы она ограниченной там, вне нас, не обладая субстанцией? Непременно ли разумна, поскольку она бесконечна? Пробуждает ли в нас эта бесконечность идею сущности мироздания, в то время как мы сами себе можем приписать только идею личного существования? Иными словами, не является ли она абсолютным понятием, по отношению к которому мы — лишь понятие относительное?»

И нет ли, одновременно с бесконечностью вне нас, другой бесконечности, внутри нас самих? Не наслаиваются ли эти две бесконечности (какое страшное множественное число!) друг на друга? Не лежит ли, так сказать, эта вторая бесконечность под первой? Не является ли она зеркалом, отражением, отго-

лоском, бездной, имеющей общий центр с другой бездной? Обладает ли эта вторая бесконечность разумом, как первая? Мыслит ли она? Любит ли? Желает ли? Если эти обе бесконечности одарены разумом, то у каждой из них есть волевое начало и есть свое “я” как в высшей, так и в низшей бесконечности. Это низшее “я” — душа; это высшее “я” — Бог.

Мысленно приводить в соприкосновение низшую бесконечность с высшей и значит молиться.

Не будем ничего оспаривать у человеческого духа; упразднить — дурно. Следует преобразовывать и преображать. Некоторые способности человека направлены к Неведомому: мысль, мечта, молитва. Неведомое — это океан. Что такое сознание? Это компас в Неведомом. Мысль, мечта, молитва — могучее свечение тайны. Будем уважать их. К чему тяготеет это величественное лучеиспускание души? К мраку; то есть к свету.

Величие демократии заключается в том, чтобы ничего не отвергать, ничего не отрицать у человечества. Наряду с правом Человека — по меньшей мере, возле него — стоит право Души.

Сокрушить фанатизм и благоговеть перед бесконечным — таков закон. Не будем ограничиваться тем, что, коленапреклоненные перед древом мироздания, мы созерцаем его несметные разветвления, униженные светилами. У нас есть долг: трудиться над душой человеческой, защищать тайное от чудесного, чтить непостижимое и отвергать нелепое, допускать в области необъяснимого лишь необходимое, оздоравливать верования, освободить религию от суеверий: уничтожать все, что паразитирует во имя Бога»¹¹.

Для меня Бог — это не существо, не личность, а высший смысл, проникающий все живое, высший, непреложный закон бытия и высший нравственный закон в душе человека.

Связь между человеком и Богом — нерасторжима.

«Тот глаз мой, которым я вижу Бога, есть тот самый глаз, которым Бог видит меня», — утверждал немецкий поэт, мистик и пантеист XVII столетия Ангелус Силезиус¹², мы согласны с ним.

Но можно ли молиться Богу? Мы уже видели, что разумел под молитвой Виктор Гюго. Толстой, совершенно отрицавший «просительную» молитву (избавь от болезни! помоги выдержать экзамен! и т. д.), молился в том смысле, что старался нащупать внутреннюю опору в своей душе. Иногда при этом он говорил: «Я молился Богу, — конечно, тому Богу, который во мне».

Религия рационалистическая, свободная, в противоположность мистической, церковной, полна реального, жизненного, прогрессивного значения.

Вот в каких пророческих словах рисует это значение Л. Н. Толстой:

«Религиозное сознание нашего времени в самом общем практическом приложении его есть сознание того, что наше благо, и материальное, и духовное, и

отдельное, и общее, и временное, и вечное, заключается в братской жизни всех людей, в любовном единении нашем между собой. Сознание это выражено не только Христом и всеми лучшими людьми прошедшего времени и не только повторяется в самых разнообразных формах и с самых разнообразных сторон лучшими людьми нашего времени, но и служит уже руководящей нитью всей сложной работы человечества, состоящей, с одной стороны, в уничтожении физических и нравственных преград, мешающих единению людей, и, с другой стороны, в установлении тех общих всем людям начал, которые могут и должны соединять людей в одно всемирное братство»¹³.

Это мужественный Сорель в «Красном и черном»¹⁴ Стендаля мечтает перед казнью:

«Ах, если бы на свете существовала истинная религия!.. Если бы встретился настоящий духовный пастырь, такой, как Массильон или Фенелон... Тогда бы души, наделенные способностью чувствовать, обрели бы в мире некую возможность единения... Мы не были бы так одиноки... Этот добрый пастырь говорил бы нам о Боге. Но о каком Боге? Не об этом библейском Боге, мелочном, жестоком тиране, исполненном жаждой отмщения... но о Боге Вольтера, справедливом, добром, бесконечном...»¹⁵

Понятие «библейского Бога» — мертво для большинства человечества. Это большинство, как Сорель, может верить только в «Бога Вольтера», Бога Толстого.

II

Дух и материя

Соглашаясь с Л. Н. Толстым в определении религиозной основы жизни, я расхожусь с ним по целому ряду вопросов как личного, так и общественно-государственного и культурного строительства.

Корни расхождений уходят в различную оценку значения и взаимоотношений духовной и материальной стороны человеческой личности, человеческого существования.

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими — досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь.

То, что Алексей К. Толстой относил к борьбе станов в *политической* области, может быть отнесено и к борьбе станов в области *философской*, а именно: к нескончаемому спору приверженцев материалистического и спиритуалистического воззрений на человека и жизнь.

Спор этот, по существу, мог бы и должен был бы быть сведен к вожденной, объективной, всепримирающей правде: правде о *психофизическом монизме*¹⁶.

При всем уважении к духовной стороне человеческой природы и к духовным запросам человека, и при наличии религиозного взгляда на жизнь, мы не можем все же не понимать и не видеть, как тесно психология человека и все явления духовной жизни связаны с материальной, телесной стороной его существования. Не замечать, не видеть телесной стороны нашего существа, игнорировать ее реальность и значение могут только люди, уклонившиеся в крайность философского спиритуализма, и христиане, «не приемлющие мира», поставившие перед собой искусственно надуманный идеал отречения от «внешней» жизни, идеал монашества. Этому идеалу в церковном христианстве соответствует идеал отречения и в буддизме идеал нирваны. Можно

понять возникновение этого идеала на Древнем Востоке, среди наивных и фанатических приверженцев новых, обращающихся к духу учений, можно понять, что, распространяясь на Запад, учение об этом идеале захватило и тут определенные круги церковников, богословов и философов-идеалистов, но оставаться в наше время, поддаваясь суеверию и не считаясь с требованиями реальной, здоровой жизни, на позициях спиритуализма и «презрения к плоти», является поистине признаком большой отсталости. Тем удивительнее, что столь исключительно одаренные люди, как Л. Н. Толстой, становятся на эти позиции и, проповедуя дух, демонстрируют в то же время свое отрицательное отношение ко всей материальной стороне жизни, к телу и телесным требованиям вообще. Их мечта — избавиться как можно скорее от «плена» телу и — освободившись от тела — погрузиться в царство Духа, хотя никто еще не видел *дух* и *тело* разобщенными и существующими самостоятельно друг от друга, а те «подвиги духа», которые мы ценим, совершены были все существами, облеченными в телесную оболочку. Можно требовать напряжения духа и преобладания его над телесным началом в нашей жизни, но нельзя утверждать, как это делают Л. Н. Толстой, его последователь философ П. П. Николаев и др., что существует *только духовное* (!), а телесное является едва ли не плодом лишь нашего воображения. Во всем этом есть не только какое-то неуважение к человеку, но и к существующему независимо от нашей воли мировому порядку. В этом есть также упорная и систематическая, хотя, может быть, не столько безнравственная, сколько болезненная ложь самому себе: воспитание себя в таком духе, чтобы уметь видеть — и не видеть, — видеть и не видеть того, что ясно каждому мальчику: что духовная жизнь в нас развивается в постоянной взаимозависимости с телесной и что мы — не только духовные, но и телесные существа.

Духовное и телесное в природе человека и в природе всего живого не существуют отдельно одно от другого. Они представляют только разные стороны одного и того же явления. Они — слитны и нераздельны, — *разделение* обозначает *смерть*. Нельзя воспитывать духовное, пренебрегая телесным. И наоборот. Только гармоническое развитие духовного и телесного дает идеальное воплощение человека, тогда как односторонность в воспитании и развитии несомненно ведет к уродливым и аномальным, отрицательным типам *homo sapiens*: ни профессиональный боксер, ни монах идеалом человека считаться не могут, — в первом спит душа, у второго подавлено и скомпрометировано тело.

Средневековье было реакцией против века варварства и язычества. Ренессанс протестовал против односторонне-спиритуалистического направления Средневековья. Новое время должно выправить этот спор, ориентируясь на идеал эллинский или на разум.

Надо засыпать пропасть между духовным и телесным. Надо восстановить или создать заново идеал человека, развитого гармонически и равномерно,

открывающегося духу и не презирающего тела. Надо установить основы нового — не духовного и не материалистического, а духовно-материалистического мирозерцания. Надо установить принцип единства духовного и материального начал, принцип психофизического монизма.

Я вижу, что мое духовное, Божеское, сознающее себя «я» чудеснейшим и таинственнейшим образом соединено со стихией материальной, телесной. В конце концов, *я-то, я* — только продукт этого соединения. В этом отношении я представляю собою что-то совершенно особенное, ни на что другое не похожее, своеобразное и имеющее свои особенные задачи и цели во всеобщем бытии. Это и есть *человек*.

Еду в вагоне, вместе с экскурсией школьников под руководством учителя. Дети — очень дружелюбны. Один из мальчиков подарил мне две ветки любимого мною жасмина...

Но вот между детьми завязывается философский спор. Тема: животное ли человек?

Один, очень милый и пытливый, бедно одетый мальчуган-заика лет двенадцати, отстаивает тезу: человек — животное. Другой мальчик, его оппонент, спрашивает:

— А почему человек ест ложкой?

Этот «сильный» довод приводит «материалиста» в затруднение.

Мне хочется вмешаться в спор, и я подзываю первого мальчика:

— Ты знаешь, что человек — животное?

— Да, знаю!

— А как ты думаешь: животное знает, что оно — животное?

— Нет, не знает.

— Вот! Так ты об этом подумай!

И я объясняю мальчику, что, хотя тело человека устроено так же, как тело животного, но по своей духовной сущности человек, обладая сознанием, мыслью, совестью, животным уподоблен быть не может.

— Если, например, человек скажет глупость, то ему стыдно. А животному ничего не стыдно!

— Значит, человек — полуживотное?

— Если хочешь, да.

Дети, прослушав этот разговор, бегут советоваться с учителем. Учитель, человек лет 35-ти, издали поглядывая на меня и дружески улыбаясь, что-то объясняет ребятам. Увлекаясь, жестикулирует, размахивает руками.

Ребята опять бегут ко мне — с новым вопросом:

— А вот бобр — животное? И, однако же, он настолько разумен, что сам себе строит жилище! Что вы на это скажете?

— Это верно, что бобр — разумное животное и сам себе строит жилище, но все-таки ему далеко до человека! Подумайте, человек не только мыслит, но и записывает свои мысли, сочиняет стихи, повести и рассказы и издает собрания своих сочинений, а бобр ни писать, ни издавать собрание своих сочинений не может и не умеет!..

Опять — проблема. Дети, задумываясь, медленно отодвигаются к учителю и больше ко мне уже не возвращаются.

А я сижу, восхищенный разумом и пытливостью советских ребят.

В. Э. Мейерхольд рассказывал:

— К юбилею Павлова я послал ему телеграмму, в которой несколько легкомысленно написал, что приветствую в его лице человека, который, наконец, разделался с такой таинственной и темной штукой, как «душа». В ответ я получил от Павлова письмо, в котором он учтиво поблагодарил меня за поздравление, но заметил: «А что касается души, то не будем торопиться и подождем немного, прежде чем что-либо утверждать»¹⁷.

С точки зрения материализма, люди — только ожившие кусочки материи. Сегодня живу, завтра меня нет, — и это — навсегда, навеки.

Однако этот живой кусочек материи сознает себя, мир, углубляется мыслью в звездное небо, в прошлое и будущее человеческого рода, создает не только материальную культуру, но искусство и даже... философию, религию.

Как это может быть?

Кто мыслит в кусочке материи? Сама материя, хотя бы и «ожившая»? Нет, сама материя мыслить не может. Но то, что *живет* в ней, мыслит.

Что же это такое? Это — родившийся *духовный человек*. Он не материален, но живет и существует *в связи с материей, в постоянной* связи с материей и *только в связи* с нею. Это — аэроплан на привязи. Но все же «духовный человек» живет *своей, особой* жизнью — и жизнь эта часто бывает фантастичной и необыкновенной. «Духовный человек» умеет мыслить, страдать и наслаждаться независимо от тела, от того состояния, в котором оно находится.

«Духовный человек» может быть умным и глупым, добрым и злым, лживым и правдивым. Отчего это? Ведь не свойства же это *материи*, с которой он связан!

«Духовный человек» может управлять государством, быть вождем народов. Но... как может этого добиться только «оживший кусочек материи»? Как? А главное: зачем?!

Дух поистине живет как бы своей жизнью. И приходится все-таки нам, «ожившим кусочкам материи», как-то *выделять* и *уважать* его, а подчас слу-

шатся его и идти за ним. Мы говорим: «Лев Толстой» — и головы миллионов других «оживших кусочков материи» почтительно склоняются. Мы говорим: «Ленин»... И сердца людей, т. е. «оживших кусочков материи», бьются горячей и влекут их вперед, на борьбу с другими «кусочками» — *паразитами*, на борьбу за «равенство», «справедливость» и лучшее устройство жизни.

И вот нам кажется, что «кусочки материи», поскольку они одухотворены, стали уже чем-то другим, а не только материей. Стали *двуетидной, духовно-материальной субстанцией*. И пока субстанция эта живет, она находится в обладании всех данных для деятельности, всесторонней инициативы, любви, борьбы и победы. Со смертью тела кончается и духовная жизнь этого двуетидного существа. Живут только те, кому оно передало свою жизнь, и телесную, и духовную: дети. И так этот род двуетидных, *духовно-материальных* существ не кончается, — возможно, развивая в новой жизни лишь то, что им проявлено было в момент своего рождения.

Глаза... У материи открылись глаза. Вот что важно! И из глаз *что-то* глядит. Это прячущееся за глазами «что-то» есть наше «я». Оно-то и является выражением тайны жизни, которая остается все же закрытой для «кусочка материи».

Выдвигая нравственное значение психофизического монизма, я воздерживаюсь от сознательного подчеркивания метафизического и гносеологического смысла этой проблемы. Легко было бы провозгласить вслед за убежденными представителями материалистической философии, что материя, представляющая объективную реальность, существует независимо от нашего сознания, первична по сравнению с этим сознанием, потому что она является источником ощущений, представлений и самого сознания, тогда как сознание, будучи отображением материи, вторично, производно. Но я не выдвигаю этого утверждения, боясь быть вовлеченным в спор метафизический. Напротив, психологический и моральный смысл проблемы психофизического монизма открывается мне с полной ясностью вне той или иной метафизической, гносеологической его оценки, которую я отбрасываю прежде всего потому, что оценка эта не может иметь в моих глазах непреложного, положительного значения, значения безусловной истины.

Д. И. Писарев считал основоположником философского идеализма, а тем самым и спиритуализма, Платона. Учение Платона, ложное по существу, имело глубоко отрицательное значение в истории мысли. «Галлюцинация Платона дошла до того, что он верил в действительное существование идеи отдельно от явления... Зерно аскетизма и вражды к материи было брошено; в эпоху

римской империи оно разрослось в учение пифагорейцев и новоплатоников и, опираясь на Платона, принесло человечеству обильный плод добровольных заблуждений и бессмысленных самоистязаний».

Писарев не упоминает почему-то о христианстве или о *павликианстве*, как называл Толстой извращение христианства в учении ап. Павла. Создав культ Воскресения Христа, Павел обильно засеял христианское сознание и целым рядом других суеверий, играя безответственно на спиритуализме и на признании греховности плоти в отличие от самостоятельно существующего духа. Не исключено, что и он находился под влиянием новоплатоников, но энергично распространявшаяся им вера в едиnorodного Сына Божия-Искупителя, «страдавша и погребенна и воскресшего в третий день по Писанием...»¹⁸

Для Л. Н. Толстого противоположение духовного и физического имело не только условное, символическое значение, каковое может быть принято всяким. С этого *условного* противоположения духовного и физического у него, как человека жизни, человека всеобъемлющей души, человека единого, полного восприятия мира, может быть, «началось». Он оттолкнулся от грубого мира физического, чтобы укорениться в мире духовном, что нам тоже понятно. Но далее это постоянное и систематическое отталкивание повело не только к принижению, обесценению в глазах Толстого явлений внешнего мира, но — и это главное — к тому, что он уже начинает представлять себе существование мира духовного и физического как нечто раздельное, могущее иметь место вне взаимной связи. И вот тут-то, с нашей точки зрения, и подстерегает Льва Николаевича ошибка. Вот тут-то трезвость мысли и тонкое чутье изменяют ему. Вот тут-то философская, метафизическая схема забирает в плен его, иначе не поддающийся никаким соблазнам, гордый и смелый, прямой и могучий ум.

Есть одно высказывание у Толстого, которое разительно и резко, в несколько даже гротескной форме, подчеркивает сущность этого его нового «сознания», его односторонне-спиритуалистического мировоззрения и тем самым отчетливо характеризует всю суть и всю неизбежность нашего расхождения с ним.

В 1909 г. все ожидали каких-то необыкновенных последствий от предсказанного астрономами появления кометы Галлея. Говорили, что комета заденет и уничтожит Землю или что в сопровождающей ее ядовитой атмосфере могут задохнуться все люди и т. д. Находившийся в ссылке в Пермской губернии бывший секретарь Льва Николаевича Н. Н. Гусев запросил Толстого, как он относится к подобным предположениям, и Лев Николаевич ответил Гусеву 14 января 1910 года:

«Мысль о том, что комета может зацепить Землю и уничтожить ее, мне была очень приятна. Отчего не допустить эту возможность. А допустив ее, становится особенно ясно, что все последствия материальные, видимые, осязаемые последствия нашей деятельности в материальном мире — ничто. Духовная же жизнь так же мало может быть нарушена уничтожением Земли, как жизнь мира — смертью мухи... Мы не верим в это только потому, что приписываем несвойственное значение жизни вещественной».

Мысль — оригинальная, форма ее выражения — неожиданная, парадоксальная и, можно даже сказать, блестящая. Ну, а ее суть? Ручательство со стороны «человеческого червя» (Достоевский), что какая-то, где-то «духовная жизнь» существует и будет существовать сама по себе, хотя бы одно из видимых проявлений ее — весь земной шар со всеми его обитателями — и был уничтожен, да еще с подчеркиванием, что для духовных судеб мира уничтожение это имело бы всего лишь цену смерти мухи, — неужели ручательство это и на самом деле уместно, достаточно, серьезно, убедительно, объективно?

Характерно, впрочем, что мысль, высказанная в письме к Гусеву, была до некоторой степени опорочена самим Толстым, и об этом, во имя объективности, я не хочу умолчать. Гусев сообщил письмо Льва Николаевича газетам. Газеты с письмом пришли в Ясную Поляну¹⁹, и тут оно однажды прочитано было вслух в присутствии Льва Николаевича. Мне показалось, что он слушает его без особого удовольствия, а когда один из присутствующих довольно неудачно заметил, что печатают все, что бы ни написал Толстой, Лев Николаевич произнес:

— Да, это так трудно! Так часто: напишешь свойственные мне глупости, и все это попадает в печать...

Может быть, и в самом деле великий Толстой почувствовал в этот момент излишнюю самоуверенность, схематичность, наджизненность, фальшь и натяжку в содержании своего утверждения о самостоятельном, раздельном существовании духовного и физического начал, как это утверждение высказано в письме о проблематических последствиях разрушительных действий кометы Галлея?

Конечно, я далек от мысли «поддавливать» учителя на каком-то одном, неудачном выражении. Дело в том, что вдруг открывшееся до конца в рассуждении о комете Галлея умонастроение Л. Н. Толстого свойственно ему было по существу и вообще и что из этого же именно, с моей точки зрения, предвзятого и одностороннего умонастроения вытекал и ряд других, часто тоже удивляющих своей искусственностью и односторонностью, утверждений яснополянского мыслителя, — утверждений, стоящих при этом в очевидном противоречии с творчеством Толстого как художника: в самом деле, автор «Казаков», «Войны и мира», «Анны Карениной», «Хаджи-Мурата», «Воскресения» и множества других гениальных созданий никакой решительно односторонности и узости взгляда не проявляет. Напротив, художественное творчество

его полно глубокой жизненности, правдивости, цельности чувства, гармонии и человечности в лучшем значении этих слов.

Всюду и везде в философских сочинениях, дневниках и письмах двух последних десятилетий своей жизни Лев Николаевич подчеркивает исключительное, единственное значение духовного начала и всячески снижает и опочивает начало телесное. Он восстает против половых отношений мужчины и женщины как чего-то грязного и порочного. Проповедует воздержание в пище — для ослабления тела. Он сердится даже на докторов — за то, что они дают человеку надежду на продолжение телесной жизни (духовная жизнь существует сама по себе!). Он отрицает какой бы то ни было уход за телом и заботу о здоровье. Все грехи и соблазны имеют своим источником телесное начало. Истинная жизнь — духовна, а ее единственное призвание — постоянная, не утихающая борьба с телом. В жизни этот идеал недостижим, но именно в смерти совершается наконец то, к чему человек всю жизнь стремился: освобождение от тела и от власти тела.

То же самое проповедовали православные монахи.

То же самое проповедовали буддисты.

То же самое проповедовали католические монахи-трапписты²⁰, ненавидевшие свое тело и внешнюю, материальную жизнь.

Но... сотни миллионов других людей упорно и упрямо жили всё же и духом, и телом. Ели мясо, пили вино, женились и рожали детей, строили дома, фабрики и дороги, участвовали в хозяйственной, в общеполитической и в общекультурной жизни своих стран, путешествовали, болели, лечились у докторов — хирургов, терапевтов и зубных врачей, выздоравливали и снова принимались за работу...

Может быть, они и неправы, и их жизнь не столь величественна, как жизнь Толстого и других «праведников». Но зато они — все, а те — единицы.

Они — *стихия*, а те — *рассудок*, да еще подчас узкий или больной рассудок.

Они — *закон*, а те — *исключение*, обычно — ничтожное количественно.

Одни — мучают себя расхождениями между духовными требованиями и телесными инстинктами, а другие живут полным и радостным круговоротом духовно-материальных существ — в духе психофизического монизма.

За кем пойти?

Да этого даже и решать не нужно!

Волна жизни рано или поздно унесет вас в общежитейское море. Зато в нем держитесь бодро, хорошо и разумно!

Перелистывая «Подражание Христу»²¹, подумал: великий и чистый Фома и вообще монах всегда противопоставляет жизнь монастырскую жизни «в миру». Итак, жизнь «в миру», собственно, не отрицается, факт ее остается. Но только

она — жизнь «в миру», и живут ею миллионы или, проще говоря, все вообще люди, а монашеская, отшельническая жизнь идет сама по себе, вне мира, в уединении, в скиту, в монастыре, и живут ею единицы. Sapienti sat²².

Зашел ко мне М., евангелический проповедник. Спрашивает, в чем именно расхожусь я с Толстым. Я уклонился от ответа, не был готов к вопросу. А пришлось бы отвечать коротко так: «я становлюсь на защиту прав плоти». Но ведь он пришел бы в ужас, если бы я так просто и сказал. Ведь это — «измена Христу», «измена духу», «измена Богу»!

Но, может быть, Бог-то и проявляется в телесном? Недаром указывал Мальбранш, что мы не имеем права причислять Божество к духовным инстанциям на том только основании, что мы не знаем ничего более совершенного, чем наш дух²³.

Бог? Это — высший закон жизни, это — высший нравственный закон, это — мои лучшие, самые высокие, самые глубокие и мощные силы. Такие же силы — налицо в других людях. Они присутствуют и во всем мире. Ими он живет, из них растет, из них все снова возрождается и обновляется. И не ясно ли, что источник, корень этих сил, *Бог-дух* или *Бог-материя*, один и тот же?

Вот то-то, что перед нами лежит задача, состоящая буквально в том, чтобы «примирить Небо и землю». Они издавна, — со времен Средневековья, во всяком случае, — находятся в неестественной, непримиримой вражде и борьбе между собой.

Аскет-христианин (каков мой евангелик) и «толстовец» не могут и подумать о том, чтобы признать да еще счесть за дозволенное и за благо «права плоти». А убежденный материалист безнадежно глух не только к духовному и духовности, но и ко всякому идеализму или, например, к возведению совести в разряд непреложного мерила наших поступков.

И неужто, на самом деле, нет одинаково ценной и приемлемой для обоих «золотой середины», которая бы примирила и объединила обоих?

Верю, что есть. И не может ли в основу ее быть положен такой принцип: *служение духу при удовлетворении естественных, элементарных прав тела?*

Тут мне, конечно, напомнят о «птицах небесных», которые «ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы»²⁴ и которых Отец наш Небесный все же питает, а также о «полевых лилиях», которые «ни трудятся, ни прядут» и которые, тем не менее, так прекрасны, «что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них»²⁵.

Да, это — одно из самых трогательных и самых поэтических мест во всем Евангелии. Но бедняки находят все же, что эта поэзия не кормит их, и часто ропщут, изнемогая в непосильном труде. Те же из моралистов, что «не приемлют мира», отнюдь не идут по стопам Христа, отрицая наши нужды и выступая против их удовлетворения. Словом, палестинская идиллия кончилась, и все в мире повернуто на практический и разумный лад.

Учение о двойственности нашей природы не следует понимать так, что дух и тело — это две стихии, находящиеся в вечном противоборстве. Нет, они дополняют друг друга. Тело мертво, слепо, пошло без духа, а дух нуждается в теле для своего проявления. Это — как музыка и музыкальный инструмент: одно без другого — ничто. В этом-то и смысл, и красота творения. Это-то и определяет путь и строй каждого отдельного существа и всего мироздания.

Для человека полнота и прелесть духовного заключается именно в том, когда оно не отвлеченно, а когда оно *дышит в материи*. Л. Н. Толстой при мне говорил однажды о том, что материальное является проводником духовного. Его даровитый ученик Сергей Булыгин тоже утверждал это, приводя в пример выразительность глаз, выразительность человеческого взгляда. А между тем есть люди, которые хотят *выскочить* из этого материального мира, что совершенно невозможно.

Состояния свободы от тела, — радостной, прелестной, одухотворенной свободы, — бывают только временные.

Хотя окружающий нас мир, по Канту и по Толстому, относителен и представляет собой только явления — феномены, а не вещи в себе — ноумены, и хотя условия восприятия его в пространстве и времени всегда показывают его нашему сознанию не тем, что он есть, — тем не менее, оставаясь сами в этом относительном и призрачном мире, составляя сами, пока мы сознаем себя телесными, часть его, мы не можем, не умеем, не в силах, да нам этого и не нужно, мы не должны — жить как бы вне его, только и исключительно — своим внутренним, бестелесным, духовным существом.

Главное — *не можем*. Если бы мы захотели этого, мы должны были бы ненавидеть внешний мир — как врага, и бежать, прятаться от него — как от врага. Но мы брались бы таким образом за не принадлежащую нам задачу, ибо не нами установлен мировой порядок. Кем же? Самой природой или, с

точки зрения верующих людей, тем же Отцом, Богом, который хочет, чтобы мы жили именно в этом внешнем мире. Конечно, Бог — *Deus sive natura*²⁶ (по Спинозе) — не мог дать нам этот мир для того, чтобы мы его ненавидели. Он дал нам внешний мир для того, чтобы мы любили его и разумно пользовались им.

Любовь к миру — азбука *для материалиста*, который берет все вещи так, как мы их видим и воспринимаем, и который, отвергая всякую метафизику, признает объективную реальность эмпирического познания. И, конечно, такой подход к делу практически — самый разумный и единственно нужный. Он сразу ставит человека на твердую почву и содействует успеху его работы. Но мы применяемся к психологии и воззрениям религиозного человека.

Когда верующий человек говорит: тяжело мне во внешнем мире, я погрязну в страстях, — Бог спрашивает его: а разве я не дал людям разума, совести и любви? Разве разум, совесть и любовь — недостаточно верные поводыри, чтобы вести тебя по дорожкам жизни среди явлений внешнего мира? Разве разум, совесть и любовь не имеют достаточно силы, чтобы подхватить тебя под руки, когда ты, заколдованный «мечтанием» или желанием, готовишься ступить в пропасть? Нет, в разуме, совести и любви даны человеку достаточно надежные руководители, чтобы с ними жизнь среди внешнего мира, пока он в ней остается, была для него благой и такой, какую на человеческом языке называют счастливой.

Лев Николаевич говорит о «более полном исполнении воли Бога» (письмо к Полонскому, 7 апреля 1898 г.)²⁷.

Да, да... Гляжу я в это синее небо и вижу этот нетленный *идеал полного выполнения* воли Бога.

В чем он? В полном отречении от себя? Да?..

Но нет! —

Не может быть воля Бога в противоречии с тем положением, в которое Бог поставил нас здесь, на земле.

Самоотречение, долг самоотречения!.. Кажется, в любую христианскую концепцию, — все равно, в церковническую или сектантскую, — и в любую философско-идеалистическую систему входит это понятие, понятие самоотречения, как нечто неизбежное, само собой разумеющееся. Но вот философ-идеалист Иоганн Готлиб Фихте учит о другой нравственной обязанности, о другом долге, именно — *о долге самосохранения*. Что он под этим разумеет? *Нравственную обязанность человека* воздерживаться от изнуряющего поста, от чрезмерного труда, безудержного разврата, попыток самоубийства, неэко-

номичной траты духовных сил и т. д., предписывая, вместо этого, разумный, нормальный, гигиенический образ жизни.

Где же больше любви к человеку: в этой заботе о нем или в требованиях самоотречения во имя самоотречения?

В 1914–1915 гг. я долго содержался в тюрьме за воззвание против войны. Все пережитое и перенесенное в заключении вызвало во мне много мыслей — на тему о самоотречении. Да, состояние внутренней независимости и силы духа, которого достиг я в тюрьме, было, кажется, «наивысшим» моментом в моей жизни. Я стоял на пути к осуществлению идеала полного «самоотречения», — идеала, который, по всей справедливости, должен был бы носить имя «самоутверждения», ибо, отрекаясь от тела, мы утверждаемся в духе.

Но не является ли высокая оценка «самоотречения», т. е. *крайности* в борьбе за свое духовное бытие, за обеспечение свободы своего духовного «я», уместной и справедливой только в подобного рода исключительных условиях, условиях *внешнего принуждения*, в каких, скажем, человек, преследуемый за свои убеждения, находится в тюрьме? По отношению только к *мученику за идею, за веру*? И не есть ли, наоборот, «самоотречение» добровольное, осуществляющееся человеком, полным сил и жизни, без всякого определенного внешнего повода и без всякого давления со стороны, — «самоотречение» монаха-аскета, например, — чем-то совершенно иным, быть может, теряющим тот светлый ореол, которым сознание наше невольно окружает затравленного грубыми, нетерпимыми и жестокими людьми героя-мученика?

В самом деле, если хорошо и похвально сохранить мужество и полное презрение к окружающей обстановке, будучи брошенным врагами в сырую, грязную, холодную и голодную тюрьму, — то было ли бы так же хорошо и похвально, со стороны здорового и сильного человека, самому заключаться в подобную тюрьму?

Ведь, так или иначе, живем мы во всякой тюрьме, по существу, только одной стороной своего «я»: духовной, интеллектуальной. Слава Богу, если мы научаемся мужественно переносить все телесные лишения, но ведь признать *естественным* или, более того, *необходимым* отказ от всяких телесных требований нельзя. Так же не к чему и не приходится солдату, мужественно переносящему все невзгоды тяжелого похода и военного времени вообще, желать увеличения количества военных конфликтов и таких походов. Подневольно на это идешь, и в этом случае надо быть мужественным, но по доброй воле превращать для себя жизнь в сплошное мытарство и в своего рода постоянную тюрьму — и грешно, и ненатурально.

В конце концов, на деле это даже невозможно. Любой пещерный Антоний, любой тюремный житель переживает такие прорывы и тревожим такими

видениями, которые, желает он этого или нет, ясно показывают ему, что он является существом не только духовным, но и плотским. Его дух — это всадник, плоть — конь. И как ненормально и неразумно было бы истязание всадником коня (если только он не спасает себя, убегая от преследующей его стаи волков), так же ненормальным и неразумным было бы добровольное и самовольное истязание человеком своей плоти. Плотское существо в человеке, в пределах разумного, должно быть удовлетворено. Иначе... иначе конь сбрасывает всадника и дичает, — плотские потребности кидаются «вовнутрь» и, вместо блаженной, хотя бы и в отвлеченности своей «святой» жизни, мы получаем какую-нибудь нездоровую, бредовую фантазмагорию, вроде той, что в своем знаменитом творении — от имени св. Антония — наградил молодой Флобер²⁸. Есть ли подобный исход, на самом деле, победа или, наоборот, позорное поражение человека — следствие его аномального уклонения от своего пути, жалкого сумбура в голове и бессильного «бунта» в сердце?..

Страдать приходилось и мне с друзьями в тюрьме, даже тогда, когда мы уже, как казалось, поднялись над тюремной обстановкой и примирились с мыслью о ней. Были срывы, были падения, надламывались зачастую нервы, утомлялась душа, — в результате именно ненормального, укороченного, обкарнанного со всех сторон, неполного личного бытия. Страдал даже наиболее последовательный и убежденный из нас аскет — «толстовец» Сергей Попов: хотя бы от недостатка движения, от отсутствия физической работы, к которой он привык и разрешения на которую в тюрьме тщетно добивался, и т. д. Но ведь и тут источником мучений было обиженное, поставленное в ненормальные условия тело, — тогда как на «дух» С. Попова никто не посягал...

Я, однако, повторяю: большая разница между «самоотречением» вынужденным, героическим, и «самоотречением» добровольным, фанатическим. И в то время как первое, рождаясь в процессе борьбы за целостность личности и являясь актом духовной самообороны со стороны свободного и независимого духом человека, действительно может быть приравнено к «самоутверждению», — второе воюет *не за личность, а с личностью*, не «освобождает», как думают сторонники «самоотречения», а *разрывает, разлагает* существо человека, и потому вполне может быть уподоблено ничему иному, как «самоограничению».

— Неправда, моя личность, освобожденная от пут тела, растворится в Боге! — возражает нам доброволец аскетического самоистязания.

Но ему можно возразить, что, пока мы живы, Бог вовсе не требует этого от нас, иначе Он или природа, или воспитание не создали бы нас личностями со столь определенно выраженными и разнообразными индивидуальностями. Создавать существо только для того, чтобы оно *отрекалось от себя*, — неужто это входило в планы Бога или природы? Строение мира — монадообразно. И мы — монады. (Только не лейбницеvские монады «без окон», абсолютно замкнутые в самих себе.) В монаде же, в начале личности осуществляется и

Божественное самосознание. Поэтому заглушение, уничтожение начала личности в живых существах, людях, умерщвление монады является не чем иным, как заглушением, уничтожением, умерщвлением и присущей Божественному самосознанию формы проявления в мире, — иначе говоря, бессознательным подыманием руки и на само Божество, на само Бытие.

Итак, в то время как «самоотречение» вынужденное, темничное есть нечто иное, как только упор, от которого удобно разбежаться, чтобы жить (всегда и во всех смыслах: в тюрьме — духовно, по выходе из тюрьмы — в равном, братском, любящем и благословляющем, а не проклинающем, радостном общении со всем Божьим творением), — «самоотречение» добровольное, фанатическое есть не что иное, как первые удары могильного заступа в руках человека — своего собственного могильщика или, еще точнее, как одна из форм самоубийства, — по Шопенгауэру: «отрицание воли к жизни».

Замечательным примером того, как, независимо от своей воли, инстинктивно, вовсе не будучи трусами, люди, даже очень высокие и духовные, но с неизвращенным еще монашеским аскетизмом сознанием, воспринимают необходимость страданий тела, является отношение первых христиан к мученичеству: они не искали его, но принимали как неизбежное. Прятались в пещерах от гонений, вызывая, как теперь бы сказали, «провокационные» насмешки римских властей («если для вас, как вы утверждаете, страдания и смерть за веру — радость, то зачем же вы скрываетесь от нас?»), но с величайшим достоинством и даже экстазом духовным представляли перед лицом неизбежных страданий и смерти от рук настигших их мучителей.

Иные из них, разумеется, готовы были и к открытому исповеданию своей веры. Это были, однако, исключения: души наиболее пламенные и фанатичные. Не писанный, а внушенный природой и разумным сознанием закон, или, вернее, обычай первохристианской массы был другой. И разве мы бросим камень в первых христиан?

И еще: мученики среди первых христиан были, и притом едва ли не наиболее многочисленные, наиболее высокие в истории. А существовало ли среди них монашество, столпничество, анахоретство?²⁹ Нет. Все это появилось гораздо позже, в IV–V и последующих веках, когда христианство начало уже вырождаться. Тяжелый, напряженный и мрачный дух церковного средневековья и истинный дух Евангелия — это нечто совершенно различное и несходное между собой.

Далее, если бы мы склонились ко взгляду, что «самоотречение» само по себе есть что-то нормальное и неизбежное для духовного человека, своего рода цель жизни и сознательных усилий, то, следуя логически по тому же пути, пожалуй, пришлось бы признать благодетелями человечества не тех, кто пытался избавить людей от внешних бед и страданий, а тех, кто навлекал на них эти беды и страдания. Но ведь это — чудовищный абсурд! А между тем, когда

говорят о высоте и о воспитывающей силе «страдания» («идея» Достоевского), то подчас, — искренно или не искренно, это не наше дело, но, во всяком случае, с достаточной определенностью, — склоняются или, вернее, скатываются к оправданию сознательного внесения в мир «очищающего» этот мир страдания. У нас в России таким образом, в 1914 году, публицисты-метафизики (С. Булгаков, Эрн, Рачинский) оправдывали войну. На тех же основаниях и с тем же успехом можно было бы оправдывать и каторжные тюрьмы, и смертные казни, — да это и делалось многими псевдорелигиозными и «христианскими» ретроградами как в России, так и на Западе. Толстой недаром говорил, что он никогда не простит Жуковскому его фальшиво-сентиментального проекта: производить смертные казни... в храме!³⁰

Неужто ж, однако, можно поддаться на уверения этой, своего рода, «метафизики»? И не полезнее ли противопоставить ей простые, но твердые утверждения:

- зло переносу, но зла не «взыскую»;
- мучеником быть готов, когда призовет Бог, но мучителем и изувером — николи;
- восхищаюсь душевной выдержкой Достоевского, с такой глубокой внутренней пользой для себя перенесшего каторгу, но считаю варварами и преступниками тех, кто отправил его на каторгу;
- еще более восхищаюсь мужеством Яна Гуса на костре, но не нахожу слов для выражения возмущения по поводу действий католической церкви, сжегшей Гуса заживо;
- преклоняюсь перед подвигом Зои Космодемьянской, но презираю замучивших ее фашистов.
- И т. д., и т. д., и т. д.

Словом, никогда не переложу, подлаживаясь к сильным, на «судьбу», на «Бога», на «Провидение» то, что *человек, сам человек сделал своими руками* из кривости, злобы или даже по добросовестному заблуждению.

Нельзя идеализировать не только у «вносящих», но и у «переносящих» зло соблазна оправдания этого зла, — хотя мотивы такого оправдания в обоих случаях — диаметрально противоположны. Смешно, например, *желать* попасть в тюрьму, *желать* заболеть, *желать* «удостоиться мученического венца» и т. д., хотя субъективные причины такого рода настроений иногда и могут быть понятны. Злу надо противостоять, со злом надо бороться, а не пасовать перед ним из ложно-христианского смирения.

Страдание кует характер. Гранит наше «я». Оснащает душу — к жизни, к творчеству. Повышает неизмеримо ценность личности. А приходит само. Искать его не надо.

Я не говорю об «уходе от мира» и даже об аскезе *на время*, — так сказать, для выправления духовной жизни. В этом смысле меня только восхищают буддийские монастыри, куда можно поступить на месяц, на два, на полгода, на год и т. д. (Об этом много интересного рассказывается в прекрасной книге Фильдинга «Душа одного народа», посвященной истории покорения и развращения Бирмы англичанами).

Итак, нечего искать страданий и самоотречения. Они и сами обязательно придут в жизнь каждого из нас. И тогда их надо мужественно перенести. Но не надо брать на себя не принадлежащую нам задачу — увеличивать меру отпускаемых нам жизнью телесных тягот и страданий.

Впадая в необоснованный пессимизм, клеветца на творение и оказываясь в положении капризных и неблагодарных детей на пиру у Хозяина жизни, мы подчас действительно готовы как будто своим собственным поведением, тем, что мы сами привносим в жизнь, не только содействовать уничтожению в людях веры в добро и счастье, но и содействовать укреплению в них уверенности в непреодолимом и неизбежном господстве зла, — иначе говоря, реальнейшим образом способствовать действительному поражению добра и действительной победе зла. Человек сам — носитель *творческого* начала в жизни, и роль его, в плане земного нашего пути, сугубо ответственна! В какое же жалкое положение попадает он, поспешно забегая вперед со своим «самоотречением» и с отказом от «мира сего, лежащего во зле», из страха оказаться банкротом жизни!

В самом деле, если уж говорить о банкротях, то это — вовсе не калеки, не глухие и слепые, не безрукие и безногие, не сироты и вдовицы, не голодные и нищие: каждый из них сам знает, каждому из них дано, что делать в его положении, какого и где искать выхода. Среди них бывают и такие герои, как летчик Маресьев, описанный Б. Полевым в «Повести о настоящем человеке». Нет, не они настоящие банкроты. Настоящие банкроты — это те полнокровные, даровитые, богатые и аристократические трусы жизни, которые, еще не будучи ничем обижены, или под первым суровым ветерком судьбы, уже бегут, в жалкой панике, «спасаться от мира»: на столпы, в пустыню, в кельи и затворы, в нищенский и убогий образ жизни, в невежество подчас, в надуманную болезнь, в юродство, в железные пояса, в вериги и во всяческое самоистязание. Это именно они — рабы ленивые и неверные, зарывшие вверенные им таланты. Хозяин послал их в полноту жизни, для их блага и счастья, а они — «разодрали одежды свои», «посыпали головы пеплом» и — с достойным лучшего применения упорством — безобразят вселенную своим унылым, постным видом.

Существует только одно «достаточное основание» добровольного «самоотречения», — это альтруизм. Да, поскольку не только мы, люди, но и все живое — едино в Боге, — постольку бывает совершенно естественно и законно,

оторвав от себя, отдать другому (включительно до Буддова куска мяса для голодной тигрицы)³¹. Но и тут, признавая альтруизм, следует помнить, что, как это ни странно сказать, самый этот альтруизм возможен, так или иначе, только на основе эгоизма. В самом деле, всякий знает, что *жертва, истинная жертва* — это только жертва тем, что человек любит, что ему дорого, нужно, от чего ему трудно отказаться (таким образом, эгоизм является здесь *предпосылкой* альтруизма). Далее, для того, чтобы жертвовать, надо иметь что-то, чем можно пожертвовать, в духовной ли, в материальной ли области. Делиться с другим может только тот, кто приобретает, — приобретал для себя. Нищий ничего не подаст нищему. Словом, только стоя твердо на ногах в качестве личности, человек действительно может быть способен к *деятельной любви*, может быть полезен другим братьям-людям. Но процесс образования личности и является как раз процессом *эгоцентрическим*. Самая необходимость *сосредоточения* связана всегда и у всех, особенно у людей избранных и гениальных, — поэтов, музыкантов, художников, философов, основоположников религий, — как с временным «уходом от мира», отказом от повседневных обязанностей и замыканием в себя (Моисей, Сократ, Иисус, Кант, Бетховен, Толстой, Александр Иванов), так и с видимой противоположностью подобного рода действий: жадным стремлением во что бы то ни стало упрочить, хотя бы посредством всякого рода сомнительных происков, свое материальное, внешнее положение, чтобы таким образом обеспечить для себя возможность духовной независимости и свободного творчества (Магомет, Лютер, Бэкон, Вольтер, Рубенс, Шопенгауэр, Вагнер, Достоевский). Люди пренебрегают интересами семьи, общества, государства, Церкви, попирают общественные условности, «профессиональную этику», подчас и правовые нормы, чтобы только обеспечить себе возможность творческой работы в излюбленной области, возможность *найти себя*. Не будь этого, мы, быть может, даже не слышали бы о многих знаменитых ныне именах. Можно сказать, что как раз тут все признаки «эгоцентризма» сливаются с признаками истинного «альтруизма», хотя и приравниваемого житейски не более и не менее как к зловредному «эгоизму».

История — старая. Ксантиппы всегда будут упрекать Сократов именно в «эгоизме». Вероятно, «эгоистическим» казалось матери и братьям поведение Иисуса, не пожелавшего прервать для них проповеди и, вообще, нимало не заботившегося о материальном благосостоянии семьи. Кант казался кенигсбергцам не только эгоистом, но и мещанином. Толстой погиб под градом упреков и преследований Софьи Андреевны за «эгоизм». Еще легче, конечно, объяснить эгоизмом в данном смысле действия и поведение Шопенгауэров, Вагнеров и Достоевских. И это понятно, потому что в таких случаях «эгоцентризм» или презренный «эгоизм» является не чем иным, как *средством охраны индивидуальности и тем самым — подготовки к высшему, плодотворнейшему,*

ценнейшему, на какое только способен человек, служению людям. И это прежде всего приложимо, конечно, к гениям, действующим в обществе капиталистическом, где человек человеку — волк и где государство отнюдь не заинтересовано в поддержке за общий счет того или другого таланта.

Но не только гении, — любой человек знает, как крепка в нем внутренняя связь его с его «его». И нет никого, кто не дорожил бы, более или менее, желая или не желая того, этой связью, кто не имел бы *своих требований* к жизни и не стремился бы к их выполнению. Собственно, эта — эгоистическая, эгоцентрическая — база и есть та база, опираясь на которую, иногда сознательно, иногда бессознательно, большинство из людей живет и действует. Вполне освободиться от этой личной основы бытия так же трудно, как трудно допустить и выдержать на себе самом операцию сдирания кожи с живого тела. Теоретически (Евангелие, буддизм) можно подняться над этой основой, но фактически совсем оторваться от нее едва ли кто может, а если и может, то только в редкие моменты и никак не навсегда. Политики-материалисты, не исключая и основоположников политического коммунизма, знают это. Знал это Адам Смит, основатель политической экономии, утверждавший, что в основе действий каждого человека лежат именно эти эгоистические, эгоцентрические побуждения. И в знании этого — сила политиков-материалистов и реалистов, всегда обгоняющих идеалистов и религиозных проповедников в деле руководства массами.

Естественно, что «эгоизм» эгоизму рознь. Здесь говорится об *эгоизме человеческого* или *человечном*, в его природной доле, а не об *эгоизме зверином*, нажитом, преступном. Последний выталкивает без сожаления и без угрызений совести все и вся, что мешает ему. Первый ограничен в своих требованиях требованиями других, таких же природных «эгоизмов» со стороны разумных и сознательных существ, монад, людей, а не зверей. Каждый получает свое, но не больше. На этом принципе основан государственный строй СССР. Уродливого выражения и развития эгоизма, с каким мы встречаемся в капиталистическом обществе, никто здесь не защищает.

Нельзя не согласиться, что у Ницше и его последователей до фашистов включительно понятие эгоизма, себялюбия достигает как раз своего рода гипертрофии — в учении о «сверхчеловеке», — в учении, превратившемся в политике в идею гитлеризма, в идею господства немцев как расы надо всем миром. Но вот у предшественника Ницше и у основателя теории эгоизма Макса Штирнера мы находим куда более серьезное и жизненное обоснование «эгоистического».

Шуток играть с этим понятием не приходится. Надо смотреть жизни в глаза.

Это только в юности кажется нам, что мы можем мир духовными «шапками» закидать. Возмужалый и истинно благоразумный человек судит об этом иначе.

Как известно, Макс Штирнер является и одним из основоположников анархизма. Заявления его о законности, естественности и неизбежности прав плотского нашего существа, изложенные в книге «Единственный и его собственность»³², формулированы, и по глубине, и по оригинальности, поистине замечательно.

Штирнер различает между отношением юноши и отношением зрелого человека к вопросам жизни и смерти, материи и духа.

Юноша, хороший, мыслящий юноша, сознает себя *духом* и ценит в себе только то, что он — дух. Это понятно. У него есть «только мысли, идеи, которые он надеется осуществить когда-нибудь, когда найдет подходящую сферу деятельности». Итак, юноша полон одними «идеалами», т. е. невыполненными идеями и мыслями. Ценить жизнь он не может и не умеет. «Юноше легко отдать свою жизнь, т. е. свою “плоть” за ничто, например — за самое зазорное оскорбление чести...»

Не то — человек зрелый, возмужалый. Сравнительно с юношей он кажется «более жестоким, менее великодушным, более корыстным». «Но разве, — спрашивает Штирнер, — он от этого становится хуже?» Нет, по Штирнеру, возмужалый человек эволюционировал к лучшему. Как так? А так. «Лишь тогда, — читаем у философа, — когда человек полюбит себя во плоти, таким, каков он есть, — а это наступает только в зрелом возрасте, — лишь тогда появляется у него личный или эгоистический интерес...» «Возмужалый человек тем отличается от юноши, что принимает мир, каким он есть, вместо того, чтобы все в нем осуждать и исправлять...» Видя, что все кругом «служат», служат «человечеству» или «обществу», или «семье, партии, нации», зрелый, знающий цену своей жизни человек восклицает, подобно самому автору книги: «Но я — властелин человечества, *я сам — человечество*, и я ничего не сделаю ради блага какого-то другого человечества».

Тут личность возмутилась против вечной эксплуатации со стороны «общества» и «человечества». И у нее есть резон. В самом деле, ведь и она тоже безусловно — *часть того самого человечества*, жертвовать ради которого своей плотью, своей свободой, своей жизнью ее заставляют! Ее силы, ее плоть — это единственное и только однажды, на один только срок данное ей достояние, — кто же смеет отнимать у нее это достояние?! Она будет защищать его!..

«Таким образом, — говорит Штирнер, — возмужалость означает собою *второе самонахождение*». И он еще раз повторяет: «*Мальчики* имеют только не духовные, т. е. бессмысленные и безыдейные интересы; *юноши* — интересы только идейные; у возмужалого же человека встречаем интересы плотские, личные, эгоистические». Иначе говоря, «юноша нашел себя как дух и потерял себя во всеобщем духе, в совершенном, святом духе, в человеке, как таковом,

в человечестве, — короче сказать, во всех идеалах; и, напротив, возмужалый человек находит себя, как *духа во плоти*». Это-то только Штирнер и считает человеческой зрелостью. На этом-то только и должно быть заложено будущее общество.

Очень остроумно писал Макс Штирнер о стоиках, отрекающихся от радостей жизни. Стоик, — говорил он, — хочет сказать, что спокойствием духа можно уготовить себе скорее всего хороший жребий и в этом спокойствии лучше всего прожить жизнь. Но так как он не может освободиться от мирского и потому именно не может, что все его силы направлены на то, чтобы освободиться от жизни, т. е. чтобы *оттолкнуть мирское* (причем необходимо должны оставаться отталкивающий и отталкиваемое, ибо иначе не было бы отталкивания), то он в лучшем случае достигает высшей степени освобождения и отличается от менее освобожденных только степенью, только количественно. Если бы даже он достиг такой степени умерщвления земных чувств, что только однообразно шептал бы словечко «Брама», то он все же по существу мало отличался бы от человека, живущего внешними чувствами. Ибо... отталкиваемое все-таки не было бы оттолкнуто окончательно. Так не напрасен ли был весь труд отталкивания?

Штирнер называет учение стоиков «учением об отталкивании от себя мира и о самоутверждении против мира». На таком учении основано и все монашество, христианское и буддийское.

Крайне важны для нас выводы о духовном призвании человека и о границах этого призвания, как они намечены в «Легенде о Великом Инквизиторе», входящей в состав «Братьев Карамазовых» Достоевского. Хотя легенда эта и вложена в уста одного из действующих лиц романа, нет сомнения, что высказанные в ней мысли принадлежат самому Достоевскому. Нельзя обманываться также и насчет содержания этих мыслей. Конечно это — не только критика католицизма, но выражение глубокого сомнения Достоевского в плодотворности исторической роли христианства вообще. Это — протест против одностороннего спиритуализма, протест против аскетической идеи. Это — постановка проблемы о дуализме или монизме человеческой природы.

Христианство — дуалистично. Оно раздвоило человека, поссорило два его естества: духовное и телесное. Духовное и телесное начала не слиты в человеке христианского мира. Душу христианин стремится возвеличить; тело и его требования в глазах его — презренны. Отречение от тела и монашество (возникшее, как мы уже упоминали, лишь через несколько веков после кончины основателя религии) являются последним и крайним выражением подобного,

аскетического, дуалистического понимания жизни. Но справедливо ли это понимание? На этот вопрос и отвечает «Легенда о Великом Инквизиторе» Достоевского. И ответ ее звучит: *нет, несправедливо!*

Человек — *монистическое* существо. Душа и тело слиты в нем в одно неразрывное целое. Христианство, призывая человека к отречению от тела, предъявило к нему слишком высокие или, лучше сказать, жестокие, неисполнимые требования. Но этим оно изрекло суд самому себе, предопределило свою собственную неминуемую катастрофу. Люди отвернулись от Христа. А отвернувшись, попали в объятия грубого язычества. Золотая середина, именно — *монистическое* отношение к жизни, признание законности требований как духовного, так и телесного начал, — была утеряна. Великий подвиг Христа не спас человечества.

В такого рода понимании «Легенды о Великом Инквизиторе» я схожусь с В. В. Розановым³³. И он утверждает, что, по Достоевскому, «Христос, отнесшись к человеку со столь высоким уважением, поступил как бы вовсе не любя его». «Христос, — говорит Розанов в своей книге о Достоевском, — не рассчитал природы человека и совершил нечто великое, но вместе *невозможное, неосуществимое*». Великий Инквизитор Достоевского, вступивший в спор с Христом, «не отрицает высоты принесенной Спасителем истины, но отрицает именно *соответствие ее с природой человека* и возможность исполнения ее».

«...— Ты обещал им хлеб небесный, — говорит Великий Инквизитор Христу, — но может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагодарного людского племени с земным? И если за Тобюю, во имя хлеба небесного, пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станет с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного?.. *Или тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, остальные же миллионы, многочисленные как песок морской, слабых, но любящих Тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных?*»

Разве это не революция против исторического христианства? — добавим мы от себя.

«...— Учение, пришедшее спасти мир, *своею высотой и погубило его*, внесло в историю не примирение и единство, но хаос и вражду. История не закончена; и, между тем, она должна закончиться, именно этого ищут народы...

...Озрись и суди; вот прошло 15 веков, поди посмотри на них: кого Ты вознес до Себя? Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем Ты о нем думал! Столь уважая его, Ты *поступил как бы перестав ему сострадать*, потому что *слишком много от него потребовал...*

... Чем виновата слабая душа, что не в силах вместить столь страшных даров? Да неужто же и впрямь приходил Ты лишь к избранным и для избранных?..»

И еще:

«Ты гордишься своими избранниками, но у Тебя лишь избранники... Да и так ли еще: сколь многие из этих избранников, из могучих, которые могли бы стать избранниками, *устали, наконец, ожидая Тебя*, и понесли и еще понесут силы духа своего и жар сердца своего на иную ниву и кончают тем, что на Тебя же и воздвигнут свободное знамя свое».

И разве, в самом деле, — добавим мы от себя, — не были мы свидетелями подобных явлений в истории христианства? Разве не отсюда, не из сознания *нереальности*, «нечеловечности» односторонне-спиритуалистических требований христианства возникло все антирелигиозное движение последнего столетия?

Наконец, еще одна цитата из речи Великого Инквизитора, за плечами которого нам невольно чудится скорбный лик Достоевского. Тут каждое слово падает тяжело, как медь, в нашу душу, и мы не можем не признать их глубочайшей психологической правдивости:

«...Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которую Ты благословил людей, и я готовился стать в число избранников Твоих, в число могучих и сильных, с жаждой “восполнить число”. Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые исправили подвиг Твой. *Я ушел от гордых и воротился к смиренным, для счастья этих смиренных!..*»

Какие удивительные строки! Какой ключ к разгадке многих первостепенных явлений истории и духовной культуры человечества дают нам эти строки, в которые неразрывно вплелась душа Достоевского!

Придя 50-летним стариком к Евангелию, Лев Толстой, быть может, воспользовался и духовным опытом Достоевского, но того *урока*, того *предупреждения*, которое заключалось в гениальной «Легенде в Великом Инквизиторе», он, по-видимому, не расслышал или не понял, или не оценил в полной мере. Идея аскетизма и «отречения от тела» присуща в одинаковой мере как позитивному, церковному, так и «толстовскому» христианству. От одностороннего спиритуализма в своей метафизике и морали Толстой не ушел. Тем самым подрывается значение «толстовства» как силы, возрождающей нравственную и социальную жизнь. Само ревизовавшее христианскую Церковь «толстовство», в свою очередь, нуждается в основательной ревизии.

Требование религиозного отношения к жизни остается, остаются и христианские заповеди любви, смирения, кротости, самопожертвования, братского служения другим. Но аскетическое, формальное, духовно-высокомерное, монашеское отношение к жизни и к человеку отвергается. Бог дал нам этот мир, чтобы жить счастливо. И монашеское «неприятие мира», проклятие плоти является скорее бунтом против воли Божией, чем подчинением ей.

В «Легенде о Великом Инквизиторе», как и в романе «Братья Карамазовы» вообще, Достоевский ищет *реальных путей религиозного преобразования жизни*. Человек для него — воплощение Божества, но пребывающее и действующее в ограниченных, земных, материальных, телесных условиях. (Это хорошо показано на Алеше Карамазове.) Нельзя не учитывать этих условий как при выработке идеала личной нравственности, так и при выработке идеала социального. И не скорее ли мы придем таким образом к осуществлению заветов христианства?

Вопросом взаимоотношения духовного и телесного начал в человеке много занимался Вл. Соловьев в своей известной книге «Оправдание добра». И сначала вам кажется, что он вносит в этот вопрос значительную долю ясности. В самом деле, Соловьев категорически заявляет, что, собственно, в телесном и материальном, как таковом, он не видит никакого зла. «Никто не стыдится того, что он — существо телесное или материальное вообще; никому не стыдно иметь тело протяженное, определенных очертаний, с определенным весом и окраской». Иначе говоря, нам не стыдно всего того, что у нас есть общего с камнем, деревом, куском металла. Только в отношении того, в чем мы уподобляемся самым близким к нам существам из смежного с нами царства природы — высшим животным, является у нас чувство противоборства, показывающее, что именно здесь, где мы можем, действительно, слиться с материальной жизнью, — здесь-то мы и должны оторваться от нее и подняться над нею. «Тут, действительно, материальная природа выступает как зло, ибо она стремится разрушить то, что достойно бытия, как имеющее в себе возможность иного, лучшего, чем материальная жизнь, содержания. Не сама по себе, а только в этом своем *дурном* отношении к духу, материальная природа есть то, что, по библейской терминологии, называется *плотью*. Понятия о *плотском* не следует смешивать с понятием о *телесном*...» «Плоть, т. е. животная душа, — говорит далее Соловьев, — сильна только слабостью духа, живет только его смертью, а потому и дух для своего сохранения и усиления требует ослабления плоти, приведения ее из действующего состояния в потенциальное». Отсюда — нравственная норма: *животная жизнь в человеке должна быть подчинена духовной*.

До сих пор мы соглашались с Соловьевым. Разделение понятий *телесного* и *плотского*, действительно, существенно и важно. Мы соглашались, зная

даже, что под «захватом материальной жизни, стремящейся сделать разумное существо человека страдательным орудием или же бесполезным придатком физического процесса», разумеется не что иное, как половое чувство. Отчего же? И половым чувством нужно владеть, и его бывает нужно сокращать. Дух, конечно, должен управлять телом, управлять и плотью.

Но дальнейшее нас разочаровывает. «Плотское условие размножения для человека есть зло», — говорит автор «Оправдания добра». Почему? «В нем, — видите ли, — выражается перевес бессмысленного (?) материального процесса над самообладанием духа». Акт, являющийся ручательством жизни мира, представляется нашему философу «бессмысленным»!

«Это есть дело противное достоинству человека, — продолжает Соловьев, — гибель человеческой любви и жизни (!). Нравственное отношение наше к этому факту должно быть решительно отрицательное: мы должны стать на путь его ограничения и *упразднения*» (!).

И дальше разъясняется, что вопрос о том, «когда и как совершится это упразднение во всем человечестве или хотя бы в нас самих», является вопросом «вовсе не принадлежащим к нравственной области» (?); что «всецело превращение нашей плотской жизни в духовную не находится в нашей власти, будучи связано с общими усилиями исторического и космического процесса»... и т. д., и т. д. Начинается обычная церковщина. Соловьев от влияния монашеского духа не ушел и, состоя профессором философии Московского университета, в послекантовскую эпоху смело творит антикантианскую, ненаучную в полном смысле метафизику. Ни он, ни философы, подобные ему, никогда не понимали, что своими крайними аргументами в защиту духа и против плоти они только разоружали себя, отталкивая людей, и особенно свежую и еще сильно и искренно мыслящую молодежь, от такой философии и от такой метафизики.

Средние века обратили человека только в *полчеловека*: телесное начало в нем зачеркивалось, оставалось только духовное. По крайней мере, так приказывала теория. Во что это выливалось на практике, другое дело. Жизнь была, во всяком случае, невеселая и во многом изуверская. Эпоха Возрождения явилась реакцией против этого периода. По словам Вальтера Патера, историка этой эпохи, утверждение достоинства человеческой личности, — достоинства не по милости Церкви, а по праву рождения, — явилось противовесом все возраставшей тенденции средневековой религии обесценить человеческую природу, пожертвовать тем или иным элементом ее, заставить ее стыдиться себя, неизменно подчеркивать ее унизительные или болезненные стороны. Только теперь стало, наконец, возможным для человека утверждение своего *я*,

реабилитация человеческой природы, тела, чувств, ума, сердца. Реформаторы заходили подчас даже слишком далеко. Так, их любовь, например, обращалась в своеобразное идолопоклонство, в какую-то странную противорелигию, содержанием которой было обожание телесного, искание улады чувству и фантазии. Это было возвращение Венеры и других античных богов, которые в скрытом виде обитали еще на нашей планете.

Но уже тогда встречались люди, которые хотели занять срединную позицию в борьбе телесного и духовного начал в нашей природе. Так, художник Боттичелли приемлет тот срединный мир, который Данте отвергает как недостойный ни неба, ни ада. Боттичелли равнодушен к возвышенной чистоте угодников Анджелико, как не влечет его и беспримечная мерзость «Ада» Орканьи. Не участвуя в гигантских конфликтах и не решая больших вопросов, он охотно остается в мире обыкновенных мужчин и женщин, столь привлекательных с их изменчивыми душевными состояниями. Ему среди них хорошо и легко.

Есть также автор неопубликованной поэмы XV века «*La città divina*»³⁴ Маттео Пальмьери, портрет которого делал Боттичелли. В своей поэме Пальмьери представил род человеческий воплощением тех ангелов, которые при возмущении Люцифера не стали ни на сторону Иеговы, ни на сторону его врагов. Иначе говоря, не ограничились ни одним только духовным, ни одним только телесным началом, а остались при какой-то середине чувств, симпатий, самосознания. Как это остроумно! как мудро! Согласно поэме Пальмьери, именно роду человеческому и написано воплощать в себе, сведенными в нечто единое, оба напрасно враждующие между собой начала.

Иной раз и у наиболее последовательных представителей аскетического, монашествующего христианства, уставших в ненужной «борьбе с телом», вырывается — из глубины отчаяния — признание в безуспешности этой борьбы и в недостижимости победы: «Душе моя! Кто ты, откуда и что такое? — восклицает Григорий Богослов. — *Кто соделал тебя трупоносицею, кто твердыми узами привязал к жизни, кто заставил непрестанно тяготеть к земле?*»³⁵ Подлинно — крик отчаяния! И все же он может вызвать у нас только смех. Подумайте: не будучи в состоянии преодолеть жизненность телесного, Григорий Богослов находит слабое утешение лишь в том, чтобы обругать свое тело трупом; понимая, что душа и тело неразрывно связаны, он готов объявить эту связь цепью для души; не будучи в состоянии отрицать, что душа неизбежно и непрестанно тяготеет к земле, он, религиозный человек, притворяется, что не понимает, Кто создал это тяготение. А между тем он, в смешной растерянности, только ходит вокруг извечного закона, признание которого вывело бы его из этой растерянности, наполнило бы покоем и сча-

ствием его дни и заставило бы радостно и покорно включиться в общий ритм природы и всего живого, а следовательно — и подойти ближе к Богу, понять непреложность законов бытия.

Все, кто собирается жить «только (как они говорят) духовной жизнью», мучаются, не находя спокойствия, как и те, кто живет исключительно материальной жизнью. Последние, по невежеству духовному, не понимают своих страданий, а первые лицемерят, по обыкновению. Они называют, с некоторой гордостью, свои страдания «духовными страданиями» и объясняют их возвышенно: дух все освобождается от тела, получается «трение». Совсем нет: дух *отдирается* от тела, и каплет кровь, и появляется боль. Но человек совсем не призван страдать безвыходно. В этом случае, как и в других, *жизнь* (та самая, которая выше и мудрее всех так называемых мудрецов и святых, и ученых, и проповедников, и имеет больше их всех власти над человеком) показывает человеку его ошибку: уклонение в крайность.

«Не приемлют мира» монахи, странники, отшельники, сектанты, юродивые...

«Не приемлют мира» титаны: Байроны, Лермонтовы, Леопарди, Шопенгауэры.

И вот что говорит о последних Ромен Роллан:

«Никогда не хватило бы у меня решимости утверждать, что мир не удовлетворяет человека потому, что человек этот слишком велик. Тревога духа не всегда показатель его величия. Ощущение дисгармонии между душой человеческой и внешними явлениями, между жизнью и ее законами, у великих людей вытекает *не из их силы, а из их слабости...*»³⁶

Это — великое слово, просто даже неожиданное в устах француза и в устах писателя, чей дух и чье внимание влеклись с особой страстностью именно к корифеям человечества (Микеланджело, Бетховену, Толстому, Ганди). Надо быть самому *подлинно великим*, чтобы найти неправильный, порочный уклон в психологии величия и смело, открыто заявить об этом. И Ромен Роллан сделал это.

«Я отнюдь не намерен, — продолжает он, — воздвигать памятники неприступным, ушедшим в себя героям. Я ненавижу *трусливый идеализм*, отворачивающий глаза от темных сторон жизни и слабостей духа».

«Трусливый идеализм...» Что за выражение! Опять — целое откровение в области психологии и психологии мышления!..

«Надо иметь отвагу, — читаем дальше у французского писателя, — сказать людям, легко поддающимся искушению звонкими словами и призрачными иллюзиями, что героическая ложь — трусость. Истинный героизм лишь в том, чтобы *видеть мир таким, какой он есть, и любить его таким*».

Вот — слово истинного гуманизма, самой высокой марки. Вот — та почва, на которой мы должны строить все свои предположения касательно будущего человечества и прогресса как духовно-культурного, так и общественно-материального.

Нельзя отрывать от земли. Мы оторвались на миллиметр, — и мы уже тоном в безответственных фантазмагориях и абстракциях.

Как можно, начав спиритуализмом, прийти к психофизическому монизму, так к нему же можно прийти, исходя из объективного материализма.

Примером последнего типа развития является философия Н. Г. Чернышевского. Как это утверждают исследователи его мысли, — Чернышевский, сознавая значение законов диалектики Гегеля в природе, понимает их не в духе постоянной борьбы противоположностей, а в духе стремления к единству. Он воздерживается также от перенесения законов природы в область человеческих отношений, в область морали и нравственности.

Согласно «антропологическому принципу» Чернышевского, «на человека нужно смотреть *как на одно существо, имеющее только одну натуру*». Поэтому не следует «разрезывать человеческую жизнь на две разные половины, принадлежащие разным натурам»; напротив, надлежит «рассматривать каждую сторону деятельности человека, как деятельность всего его организма от головы до ног включительно, или, если она оказывается специальным отправлением какого-нибудь особенного органа в человеческом организме, то рассматривать этот орган *в его натуральной связи со всем организмом*»³⁷.

Точно так же и вопрос о взаимоотношениях «бытия» и «мышления» Чернышевский решает в смысле единства этих начал, по существу. Таким образом, человек, согласно концепции Чернышевского, не есть лишь живая материя или духовное и только духовное существо, а *единство*, первоэлемент и исходный пункт духовного и телесного начал.

Первые дни июня месяца. Чудный пражский сквер на Славянском острове. Все согрето солнцем, жарким с утра. Цветут жасмины и розы. Шумит вода на

плотине. На старом тополе, как гроздь акаций, нависли пухлые белые кисти семян. Каждое семечко снабжено парашютом. Ветер разносит семена, тополь заботится о продолжении рода...

Все в природе заботится о продолжении своего рода. Никто и ничто не хочет умирать. Природа — живая. Человек — одно из ее звеньев.

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик...³⁸

Л. Н. Толстой-художник тоже считал природу, материю живой. Вспомним смерть дерева в «Трех смертях». Считая материю живой (а такой ее считают и материалисты, знающие о самозарождении организмов), почему же, однако, Толстой так презирал материю и так боялся слова «материализм»? Для всех спиритуалистов это слово — жупел, который приводит их в ужас. А так ли уж это слово страшно? И в жизни и деятельности *живой* природы нельзя ли найти *звено*, которое соединяло бы материализм и спиритуализм и сблизило бы так называемых материалистов с так называемыми спиритуалистами?

Как известно, материализм получил яркое выражение в произведениях французских философов XVIII века. Дидро доказывал, что способность ощущать присуща самой материи и что наблюдение над явлениями природы опровергает все басни о сверхъестественном происхождении сознания. «Возьмите яйцо, — говорит он: вот что ниспровергает все учения теологии и все храмы на земле!»³⁹

В самом деле, что представляет собой яйцо? — рассуждает Дидро: бесчувственную массу. (Цитирую по В. Познеру.) Но под влиянием теплоты в яйце происходит процесс развития, в результате которого из яйца выходит животное, которое движется, волнуется, кричит, т. е. подвержено аффектам и совершает действия, какие присущи и человеку. Откуда же появились жизнь и сознание?

Да, откуда? Философ-идеалист этого не знает — и гадает. Не знает и материалист, потому что, хотя он и утверждает, что сознание возникает в материи лишь на самой высокой стадии ее развития, он все же не в силах показать и объяснить, *как, в какой момент, из какого сцепления отдельных частиц и почему именно* материальное обращается в духовное. Материя как бы оживает, по понятиям материалиста. Но вот это-то оживание, самооживание материи и зарождение в ней способности сознавать и мыслить и является наиболее таинственным и наиболее чудесным из всего, что мы знаем. Если бы я верил, что Бог сотворил мир в шесть дней (во что я не верю и верить не могу), то это казалось бы мне менее чудесным, чем самостоятельное зарождение со-

знания в материи, чем сама пробудившаяся к жизни, прозревшая материя. Передо мной стоит дерево. Вдруг оно бы начало видеть и обратилось ко мне с речью, — это, конечно, невероятно. Но почему теория материализма яснее на примере вдруг ожившего яйца? Что «ожило», зашевелилось и одушевилось в структуре желтка и белка? И отчего человек сам не может искусственно произвести жизнь?

Нет, мы еще ничего не видим на границе духовного и материального. (Может быть, оттого, что такой границы нет?!) Переход одного в другое, зарождение сознания в материи для нас неуловимы. И пока наука не выскажется на этот счет со всею полнотою и ясностью, приходится и философу быть скромнее. Метафизический спор между материалистами и идеалистами пока что не может быть разрешен ни в ту, ни в другую сторону, если только не принять за разрешение теорию психофизического монизма.

Читая книги современных писателей-марксистов, излагающих теорию материализма, я признаю всю серьезность и важность, а главное, жизненную необходимость этой теории. Признаю, что только на почве материализма развивается с успехом наука, особенно естествознание. Признаю, что материализм является сокрушающей силы оружием в борьбе против церковных предрассудков и всякого мракобесия. Признаю, что он целесообразно ставит проблему борьбы с эксплуатацией и освобождения трудящихся. Он — откровенен, прям, честен и безжалостно срывает «все и всяческие маски» со многих изолгавшихся «идеалистов».

Колебание или расхождение мое с глашатаями теории материализма начинается только там, где надо отвечать «да» на вопросы метафизического, по существу, характера: что является первичным началом — материя или дух? зарождается ли жизнь и сознание самостоятельно в материи? — и т. д. Мне кажется, что у меня нет достаточных данных для того, чтобы ответить категорически «да» или «нет» на эти вопросы. Не отвергая практического значения материализма, я не могу примкнуть к нему философски.

Не защищаю ли я, отклоняя материализм, идею Бога? Может быть, да, а может быть, и нет, потому что мне еще не ясно, чтобы идея материализма и идея Бога (не церковного, личного Бога, разумеется) исключали друг друга.

Еще на университетской скамье, на страницах схоластических, в общем, учебников, меня заинтересовало изложение теории психофизического монизма в толковании Фехнера. Его философское построение, как гипотеза, и до сих пор сохраняет известную власть над моим умом. Утверждение Фехнера, что весь мировой процесс имеет одну природу и только в созна-

нии человека распадается на два порядка, причем материальный порядок относится к действительности, рассматриваемой извне, а духовный — к действительности в ее внутреннем самообнаружении, — это утверждение продолжало и продолжает казаться мне вполне убедительным. Великолепно по своей ясности и выразительности сравнение, к которому прибегает философ для того, чтобы иллюстрировать свою основную мысль: духовность и материальность подобны выпуклой и вогнутой сторонам одной и той же окружности, кажущейся нам различной в зависимости от того, находимся ли мы внутри или вне круга.

Я готов был, еще в молодые годы, отдать Фехнеру «пальму первенства» именно как *третьему*, в споре между чистыми материалистами и чистыми спиритуалистами, — двумя сторонами, с одинаковым рвением и, в сущности, с одинаковым успехом доказывающими правильность и незыблемость своих позиций.

Но, как *гипотеза* (Фехнер и сам признает свое построение только гипотезой, наиболее соответствующей теоретическим требованиям и удовлетворению нравственного чувства), философия Фехнера и должна была бы быть выражена, с моей точки зрения, в самой общей форме, с осмотрительным уклоном от попыток метафизической детализации. Между тем, оставаясь верным общепринятому стилю философского мышления, Фехнер пытается дать совершенно законченную метафизическую систему, — и тут у него, как у всякого философа-идеалиста, произвол вступает в свои права. Философ создает сложную атомистическую теорию и не менее сложные и спорные теории космогоническую и эстетическую (оставляя в стороне выработанные им совместно с Вебером и интересные лишь для специалистов-психологов законы психофизики). Все эти подробности только затуманивают основную, гениальную мысль философа, и, может быть, мешают ему сосредоточить всю свою силу на основательном и продуманном до последней степени логической ясности приложении этой мысли в области религиозной и нравственной.

В молодости познакомился я также, среди другой литературы о Толстом, с работой Д. С. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский». Воззрение Мережковского на Льва Толстого как на «тайного язычника» (ясновидца плоти) и «явного христианина», вместе с противоположением как христианскому вообще, так и толстовскому спиритуализму психофизической морали и учения о «святой плоти», сильно заинтересовало меня. И только увлечение Мережковского Церковью и Православием, отвергнутыми мною начисто, вместе с его сомнительной и попахивающей реакционным душком мистикой и метафизикой, послужили противовесом, которое помогло мне тогда, справившись с Мережковским, утвердить свою духовную базу все же на Толстом.

Между тем, развертывая снова, по прошествии многих лет, Мережковского, вижу, что он был на правильном пути в своих исканиях истинного отношения между духом и плотью.

«Историческое христианство, — рассуждает Мережковский, — усилило один из двух полюсов святости в ущерб другому — именно полюс отрицательный в ущерб положительному — святость духа в ущерб святости плоти; дух был понят, как нечто не полярно-противоположное плоти и, следовательно, все же утверждающее, а как нечто совершенно отрицающее плоть, как бесплотное. Бесплотное и есть для исторического христианства *духовное* и, вместе с тем, “чистое, “доброе”, “святое”, “божеское”, а плотское — “нечистое”, “злое”, “грешное”, “дьявольское”. Получилось бесконечное раздвоение, безвыходное противоречие между плотью и духом, то самое, от которого погиб и дохристианский мир, с тою лишь разницей, что там, в язычестве, религия пыталась выйти из этого противоречия утверждением плоти в ущерб духу, а здесь, в христианстве, наоборот — утверждением духа в ущерб плоти».

И Мережковский настаивает на том, что «дух не есть бесплотная святость, а святая плоть». А Толстой?

«Аскетизм исторического христианства, отрицание плоти, бесплотную духовность Толстой доводит до последнего логического предела и до самоотрицания, до бессмыслицы: Бог есть совершенное отрицание плоти; плоть — мир, плоть — все; Бог есть совершенное отрицание мира, отрицание всего — чистый Дух, чистое ничто. Как вино, вследствие особого брожения, превращающееся в уксус, так христианство Л. Толстого превращается в буддийский нигилизм, в религию небытия, нирваны, обожествленного Ничто. Л. Толстой страшен тем, что его крайний спиритуализм, который служит лишь маскою для бессознательного крайнего материализма и нигилизма, есть неизбежное следствие одностороннего аскетизма исторического христианства. Этот соблазн охватившего Европу буддийского нигилизма (писалось еще до революции 1905 г. — В. Б.) — соблазн бесплотной духовности, чистого духа, как чистого “Ничто” и воли к этому “Ничто” (“Wille zum Nichts”, по гениальному выражению Ницше) христианство может преодолеть, только вернувшись от аскетического противоположения “чистого духа” “нечистой плоти” к основной своей идее — к идее о мистическом (да и не только мистическом, а совершенно естественном! — В. Б.) единстве, равноценности, равносвятости Духа и Плоты».

При изложении своей теории о равноценности и полярности духа и плоти Мережковский базировался, между прочим, на интересном по мысли

стихотворении Зин. Гиппиус об электричестве. Должен сказать, что и на меня это стихотворение действовало прямо магически. Пробегая простые и на вид столь безыскусственные строки символического стихотворения, я чувствовал себя как бы скованным по рукам и по ногам и мог только рабски следовать за его смыслом — с каким-то неведомым, неземным холодком в душе.

Вот это стихотворение:

Две нити вместе свиты,
Концы обнажены.
То «да» и «нет» не слиты,
Не слиты — сплетены.
Их темное сплетенье
И тесно, и мертво;
Но ждет их воскресенье,
И ждут они его:
Концы соприкоснутся,
Проснутся «да» и «нет»,
И «да» и «нет» сольются,
И смерть их будет Свет.

Символ — ярок и ясен. Истина о полярности основных сил мира и нашего существа казалась и кажется мне раскрытой в этом стихотворении Зин. Гиппиус до пределов полной очевидности.

Воображению поэта часто бывает раскрыто то, что закрыто разуму.
Вот — стихи Александра Блока:

Здесь на земле единокельны,
И дух и плоть путем одним
Бегут, в стремленьи нераздельны,
И Бог — одно начало им.

Он сотворил одно общенье,
И к нам донесся звездный слух,
Что в вечном жизненном теченьи
И с духом плоть, и с плотью дух.

И от рожденья — силой Бога
Они, исчислены в одно,
Бегут до смертного порога —
Вселенной тайное звено.

Это так ясно, что даже не верится, что поэт хотел сказать именно это, и кажется, что, может быть, эти стихи имеют другой, мне не дающийся смысл!

Но нет! Ведь для чего-нибудь были же написаны именно эти строки — поэтическая передача идеи психофизического монизма в религиозном аспекте.

По Фихте, *тело есть орудие, воплощение воли в мире*, — мысль, выраженная немецким философом за многих, оторвавшихся от крайностей аскетического христианства, но не отказавшихся от религии, людей. Итак, *орудие*, а не *препятствие* для воплощения высшей воли. Фихте категорически отвергает дуалистические представления о теле как темнице духа, как препятствии для реализации свободы. Он стремится показать, что аскетический взгляд на тело, как на нечто враждебное духу, несовместим с нравственным прогрессом. «Для Фихте, — говорит проф. И. И. Лапшин, — неприкосновенность человеческого тела, права плоти, есть нечто священное, и в этом отношении он сходится со своею метафизической полярностью — Спенсером»⁴⁰.

Итак, тот самый *дух*, в который аскет якобы верит, тщательно отделяя, отдирая его от всего телесного, в действительности проникает насквозь это телесное и слит с ним — невидимо и нераздельно.

Метафизике Л. Н. Толстого, равно как и метафизике церковного христианства, свойственно убеждение в том, что тело, плоть является главным, если не единственным, источником зла. Для доказательства справедливости этого взгляда Лев Николаевич часто указывал на учения восточных религий, в частности буддизма. Но, по словам Вл. Соловьева, восточные религиозно-философские системы не допускают отождествления зла с материальной природой — *самую по себе*. Другое дело, если мы выставим утверждение, что в материальной природе мира и человека есть зло. С этим согласятся все серьезные учения Востока и Запада. Но из этого нельзя вывести опозорения плоти.

В широких кругах европейского общества принято думать, что буддизм удержался на Востоке, — в Индии, Китае, Японии, — в той форме, в какой он установлен был Сиддартой Готамой, т. е. в качестве религии отречения и освобождения от всех «земных пут», стремления к нирване и к угашению в себе самого инстинкта существования. В действительности, первоначальное учение Будды претерпело, в своем историческом развитии, огромные перемены. Самые перемены эти показывают, что буддизм в чистом виде не годился для

жизни. Тут я говорю о церковном буддизме и вспоминаю, как Л. Н. Толстой, в моем присутствии, выразился однажды в том смысле, что учение буддизма он ставит так же высоко, как учение христианства, но «только, разумеется, не учение *церковного* буддизма». Таким образом, Толстой чувствовал и признавал разницу между поэтической фантазией Сидарты и тем, как поэтическая фантазия эта преломилась в делах, опыте, мыслях и *настроениях живого человечества*. Он-то сам стоял за первоосновную интерпретацию буддийского учения (занявшую, между прочим, столь важное место в воззрениях близкого ему по духу Шопенгауэра), — меня же интересует *судьба* этого учения и то, что осталось от него сегодня.

Знатоки Востока (цитирую здесь отчасти одну журнальную статью) свидетельствуют, что, распространяясь с юга, буддийское учение испытало, на протяжении столетий, огромные изменения. Его «Библия» превратилась постепенно в собрание пяти тысяч разных писаний. Из этого многообразия мыслей и толкований выделяются, как основные ветви, две категории буддийского учения, а именно: учение о «Малом Судне», которое удержалось на юге и служит выражением пессимистического мирозерцания, и учение о «Большом Судне», как оно привилось на севере и прежде всего в Японии (хотя также и здесь — в форме различных течений). Это последнее учение, в отличие от первого, характеризуется его позитивной, жизнеутверждающей тенденцией. Оно рассматривает мир как воплощение истины, отрицает область потустороннего и готовит человека, путем прохождения им обычной жизненной дороги здесь, на земле, к возвышению до «Будды», до Пробудившегося и Просвещенного.

В то время как учение о «Малом Судне» отдает предпочтение «бегству от мира» и отшельничеству, запутывается во взаимно-противоречивых формулах и в области этики исчерпывается, в сущности, бесчисленными предписаниями своего катехизиса все на одну и ту же тему «не делай того-то и того-то», — учение о «Большом Судне» выдвигает перед человеком задачи жизненно-практического содержания и подчеркивает значение ценностей общественного порядка.

Правда, в Японии церковное учение буддизма, принимающее явно выраженный националистический характер, идет слишком далеко навстречу требованиям государства, оправдывая, между прочим, и войну, но тут его предписания не могут считаться имеющими общий характер, поскольку именно в областях политической и социальной всегда возможны разнообразные и далеко идущие реформы. *Зерну* индивидуального человеческого сознания, всегда вырастающего и развивающегося на основе духовно-материального единства нашей природы, так или иначе, более соответствует буддийское учение о Большом, чем о Малом, Судне. Учение о Большом Судне — для всех, а, значит, и для *человека вообще*; учение о Малом Судне (в смысле учения о

самоотречении) — для одиночек, представляющих в человеческом обществе всегда своеобразные, иногда привлекательные (Будда, Христос, Франциск Ассизский, Толстой), а иногда и отталкивающие (Диоген, Игнатий Лойола, Торквемада, архимандрит Фотий, Чертков) исключения.

Молодость (когда и дух, и тело в силе) и старость (когда тело отмирает постепенно) — два совершенно разные состояния, и потому и относиться к ним нужно по-разному. Что годится для старости, то не годится для юности. И наоборот. И странно было бы предписывать обоим возрастам одни и те же законы.

Лев Николаевич никак не хотел признавать, что у каждого возраста есть своя задача и что нельзя предлагать юноше путь, пригодный разве что только для старика. Недавно я опять вспомнил об этом при чтении (по-чешски) грандиозной китайской эпопеи XIII столетия «Приключения водных берегов»⁴¹, очень громоздкого, бесформенного, но местами замечательного по высокому художественному реализму произведения. Там, в милом предисловии полупоэтического автора Шинайяна есть местечко, хоть и далекое от мысли защищать права того или иного возраста, но выразительно подчеркивающее границу, отделяющую один возраст от другого.

Местечко — такое:

«Мужчина, который близится к 30 годам и не женился, пусть уж лучше совсем не женится. Мужчина, который до 40 лет не стал наместником, пусть уж не тужит по наместничеству. В 50 лет пусть не основывает большого хозяйства, а в 70 не пускается в путешествие. Почему так говорится? Потому что для него время на такие дела прошло, и если он пустится в них, то ему останется лишь мгновенье, чтобы ими наслаждаться».

Очень умные люди — китайцы!.. То-то и есть, что каждый возраст *не должен* упустить то, что ему свойственно, и должен жить не по законам предшествующего и не по законам грядущего возраста, а по законам и требованиям возраста своего. Юноше, например, не изжившему своей силы, не надо проповедовать о самоотречении, аскезе и отшельничестве. Все это в свое время придет. Точно так же человеку зрелого возраста и тем более старику вовсе не подходит образ жизни юноши: продолжая гоняться за внешним, телесным, он может упустить возможность плодотворного творчества, упустить духовное и тем самым стать в жалкое и недостойное положение. Последнее, между прочим, случилось с Гафизом, знаменитым иранским поэтом XIV столетия.

Член секты дервишей и софи⁴² в течение почти всей жизни, аскет, богослов и философ, с презрением попиравший в своих проповедях и религиозных гимнах все плотское, за что и получил прозвание «мистического языка», он вдруг под старость лет отказывается от прежнего направления своей жизни, принимается пить, весело жить и славословить в чудесных стихах все радости плотского существования и прежде всего женскую любовь, чем одних приводит в негодование, а других в восторг.

Ты в мозгу моем убогом
Не ищи советов умных:
Только лютней он веселых,
Только флейт он полон шумных!⁴³ —

пел старик Гафиз.

Бедняга! Ему бы в молодости отбыть все это, а он... А он пожертвовал свою молодость дервишеству.

Толстой любил, идеализировал крестьян, ставил их в пример, призывал всех жить по-крестьянски.

Но... ведь его общее мировоззрение во многом, — может быть, в основном, — не имело ничего общего с крестьянской жизнью, с подлинным ее духом и характером. Там — здоровая, веселая, грубая, почти что только животная трудовая жизнь людей, больше чем наполовину живущих телом и для тела, здесь — проповедь аскетизма, опрощения, самоотречения, «неприятя мира». Что тут общего с каким-нибудь деревенским мужиком или бабой, девкой, парнем?

А между тем жизнь крестьян, действительно, цельна и хороша.

Мне скажут: «Вы слишком узко понимаете Толстого! его надо понимать и толковать широко!» Возражение естественное. Я сам, в бытность последовательным «толстовцем», старался понимать учителя возможно более широко, — и тогда как будто вмещалось в рамки этого понимания и мое собственное, личное отношение к жизни. К тому же Толстой — душа глубокая, великий писатель, и у него самого, конечно, достаточно *хороших слов*, дающих возможность широкого и вольного истолкования его мирозерцания. Но основная толстовская психология остается все же сама собой, — определенной, в значительной степени *духовно-нигилистической* психологией. И именно так Толстой и понимается огромным большинством людей и именно такое (долой *то!* *долгой другое!*) оказывает влияние на большинство. Значит, надо все это

выяснить, пересмотреть, исправить, содействуя созданию *новой психологии*, не духовно-аскетической или духовно-нигилистической, отрицающей или презирующей, дискредитирующей жизнь внешнюю, вещественную, материальную, а здоровой, гармонической, жизненной, приемлющей действительность, но остающейся духовной, психологии.

В согласии с этой новой психологией, задача самосовершенствования и необходимость стремления к духовному идеалу остаются, но более практически, в житейских вопросах, намечаются грани этого идеала. Человек остается существом духовным, но в теле, и таковым себя сознает, не ставя себе этого в преступление и не терзаясь по этому поводу напрасными и бесцельными упреками совести; телесные же функции его вводятся в строгую нравственную норму.

Если есть права плоти, то есть и требования духа, и на свете, конечно, гораздо больше людей, забывающих о требованиях духа, чем о правах плоти. Это надо признать. Огромные массы людей живут в порабощении у плоти и даже не сознают, что и у духа могут быть какие-то требования. Может быть, именно у лучших из них, переобремененных плотью и «жизни мышью беготней»⁴⁴, возникает тогда *taedium vitae*⁴⁵, утомление жизнью, отвращение к ней. Из него нетрудно уже и найти дорогу к духовности, а, стало быть, и к спасению от тоски и бессмыслицы жизни.

«Неприятие» мира, аскетизм — одно; разнузданная, дикая жадность в пользовании жизнью — другое. Когда человек берет земных благ (вино, женская любовь, еда и пр.) больше, чем ему нужно, тогда они его подавляют — и природа его извращается, он страдает. Мера необходима. Она охраняет права духа.

Защищая «права плоти», я, с другой стороны, никогда не перестану воевать против богатства, материальных излишеств, обжорства, разврата, жадности к деньгам и к бессмысленному накоплению земных благ, против вульгарного американизма, против пресыщенного эгоизма, против полного поглощения души карьерными, денежными и собственническими расчетами. Тут я — верный оруженосец Л. Н. Толстого, защитник культуры и культурности, пропагандист социалистической и коммунистической морали. Служители «брюха», сторонники идеи буржуазного, самоупоенного, пошлого, сытого благополучия — среди «своих» меня не найдут.

Так как спор между материализмом и идеализмом по существу, т. е. на научной почве, не разрешим, то и в жизни давно уже понятия эти имеют

чисто условное значение, а иногда даже прикладываются к явлениям, им абсолютно чуждым. Почему мы будем называть материалистом революционера, всю жизнь жертвующего собственными интересами ради идеи и, наконец, умирающего мучеником где-нибудь в тюрьме или в концентрационном лагере? Веря в материализм, он, конечно, был на деле величайшим идеалистом, человеком духа и бескорыстной воли. И, с другой стороны, что это за «идеалисты» (впрочем, кричащие об идеализме на всех перекрестках) — какие-нибудь журналисты, адвокаты, профессора или политики в буржуазных странах, лоснящиеся от жира, получающие огромные жалованья, владеющие домами и ведущие жизнь беззаботных жуиров? Весь их идеализм уместается на кончике языка и дальше не идет. А по существу они, конечно, грубейшие материалисты.

Радетелей «идеализма», благочестивых христиан и горячих противников материализма не редкость бывало, да и теперь еще можно встретить и среди крупных фабрикантов и помещиков в капиталистических странах. Не трудно сообразить, из каких корней вырастает подобного рода «идеализм».

Бывают моменты, когда тело отказывается служить проводником духа и когда человек снижается на низшую степень духовности. Это — очень тяжелая и ненормальная дисгармония в нашем существе. И, наоборот, бывает так, что, взлетая в духовном подъеме, человек почти перестает чувствовать тело. *И в этом нет никакой дисгармонии*, при условии, что тела никто не насиловал и что подъем совершился естественно и непринужденно, в силу внутренних требований человеческого существа. В этом — разница между духом и телом: тело — инструмент, дух всегда — музыкант. Дух — выражение нашего «я», Слово, Логос. Мощное превалирование духа иногда — неизбежно, особенно в страданиях, таким образом побеждаемых.

Прекрасно об этом говорит Фома Кемпийский, человек великого духовного опыта, исключительно ясного ума и кристально чистого сердца:

«Как железо, когда бросают его в огонь, теряет ржавчину и все насквозь раскаляется: так человек, когда всего себя обращает к Богу, отбрасывает лень и превращается в нового человека. Когда в человеке только теплота начинается, боится он и малого труда и принимает внешнее утешение. Но когда начнет совершенно побеждать себя и мужественно ходить путем Божиим, тогда и то, в чем прежде чувствовал великую тягость, — кажется ничтожным»⁴⁶.

Песня души разрастается иногда в величественную симфонию, и дирижером этой симфонии является сам Господь Бог. Перед звуками этой симфонии должно все умолкнуть. Значение этой, подлинно Божественной, музыки в

духовной, а следовательно, и материальной жизни человека огромно, не-описуемо.

Гений Л. Н. Толстого иногда вдруг проявится и заблестит ослепительным светом даже и среди обычного, однотонного морализирования, — и тогда нам ничего другого не остается, как трепетать от восторга и склониться перед силой и убедительностью гения.

Вот — изречение, которое я никогда не мог читать и перечитывать равнодушно:

«Надо верить в духовную жизнь... Это как крылья у птицы. *Жить можно и должно всей материальной жизнью, работая в ней; но, как только препятствие, так развернуть крылья и верить в них и лететь.* И эта духовная жизнь всегда свободна, всегда радостна, всегда плодотворна»⁴⁷.

Тут я подписываюсь под каждой мыслью, под каждой строкой, под каждой буквой.

Какое же отношение имеет это изречение к общему мировоззрению Толстого-спиритуалиста?

Глядите. Оказывается, материальной жизнью и даже всей полнотой ее *можно* жить. И этого «разрешения» уже много от Толстого, с его учением о «греховности» плоти! Мало того, чудное изречение настаивает даже на том, что «всей материальной жизнью» *должно* жить. Это — уже нота, которая находится в полном противоречии с обыденным мировоззрением Толстого, базирующимся на признании дуализма нашего существа и вечной взаимной борьбы духовного и телесного начал.

Лев Николаевич говорит, что «жить можно и должно всей материальной жизнью, *работая* в ней». Ну, что ж? Конечно, работая. Как же может быть иначе? Праздности физической и духовной пока еще никто не проповедовал и проповедовать не собирается.

И дальше: «как только препятствие, развернуть крылья и верить в них и лететь». Как это прекрасно! Именно так и должен поступать человек. И так лучшие, сильные или опытные, люди и поступают. И в той духовной жизни, к которой обращаются, находят, действительно, и свободу, и радость, и подкрепление. «Препятствиям» в материальной жизни нет числа: тюрьма... плен... разоренье... потеря жены, друга... болезнь, увечье... — и во всех этих случаях именно *дух*, сила духа, *вера в силу духа* спасает человека! Да, да... развернуть свои крылья, духовные крылья и верить в них, и лететь. Это напряжение духовное, подвиг спасает.

«Есть у подвига крылья», — перекликается с Л. Толстым А. С. Хомяков:

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них,
Без труда, без усилья,
Выше мраков земных, —
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской!⁴⁸

У Толстого это выражено хоть и в прозе, но, право, еще сильнее и прямее, чем у поэта. И мы с ним. И с Хомяковым, и с ним.

Но только... разве это имеет какое-нибудь отношение к отрицанию «мира сего», к теории аскетизма и воздержания как единственного, самодовлеющего содержания нашей жизни? Нет!

Ш

Нормы совершенствования

«Зло скрывается не в человеке, а в обществе», — это провозглашал еще Белинский⁴⁹; отсюда — революция.

«Зло скрывается не в обществе, а в человеке», — учит христианство и религия вообще; Лев Толстой был последним, мощным выразителем этой идеи.

«Зло скрывается и в обществе, и в человеке», — можем сказать сегодня мы; наш долг — работать над собственным совершенствованием и в организованном порядке, сообща, бороться со злом общественным.

У нас как-то легко все примирились с тем, что Л. Толстой как бы взял монополию на проповедь необходимости нравственной работы над собой, необходимости нравственного самосовершенствования. Это — чистое недоразумение. Лев Николаевич, конечно, делал прекрасное дело, стараясь внушить всем людям, что без нравственной работы над собой не может быть не только правильной, упорядоченной личной, но и общественной жизни. Можно говорить о том, что нельзя этим ограничиваться, но нельзя *противопоставлять* требованиям совершенствования требования участия в государственной и общественной жизни, как будто для людей государственных и общественных идеал личного совершенствования, идеал самовоспитания уже перестал существовать. Каковы бы ни были взгляды Толстого на государство, — признаем его анархистом, — но требования его, предъявляемые к *личности человека*, которая должна расти и развиваться в интеллектуальном и нравственном отношении, остаются справедливыми при всех условиях, при любом отношении к вопросам права и государства.

Говорю, разумеется, не о специфически «толстовских» требованиях (полное целомудрие, обязательный физический труд, игнорирование общей школы и т. п.), а о самом принципе необходимости нравственного самовоспитания, нравственной самодисциплины. Каждому разумно мыслящему, искреннему и умному человеку должно быть и без Толстого ясно, какое

значение имеет нравственный уровень общества. Тут сохраняет всю силу мое любимое изречение, принадлежащее Герберту Спенсеру и вычитанное мною именно в «Круге чтения» Толстого, — изречение о том, что «нет такой политической алхимии, посредством которой можно бы было получить золотое поведение из свинцовых инстинктов»⁵⁰. Каковы бы ни были планы и усилия политиков, они могут иметь успех только при определенном культурном и нравственном уровне всего народа. Государственный строй может быть самым передовым и прогрессивным, но граждане не должны воображать, что он может процветать, укрепляться и приносить пользу даже при том условии, что сами они останутся в душе и на деле эгоистами, ворами, взяточниками, эксплуататорами, т. е. *реакционерами* в полном смысле. Нет, государство не может преуспевать с таким «людским составом». Лучший режим будет им скомпрометирован.

У нас на родине прозвучал однажды лозунг: «кадры решают все». Следовало бы понимать этот лозунг не только в качестве призыва к необходимой образовательной, технической подготовке для исполнения тех или иных обязанностей, но также и в смысле призыва к борьбе за высший нравственный уровень всего народа вообще и каждого отдельного гражданина в частности, в смысле призыва к воспитанию в себе и в других основ самопожертвования, честности, трудолюбия, добросовестности и гуманности. В школах желательно преподавание основ морали. Общественное мнение в СССР разит и должно разить распущенность, расхлябанность, себялюбие, продажность, невнимание к интересам и нуждам трудового человека. И это очень важно. Не в том дело, что Толстой или Песталоцци, Пирогов или Ушинский призывают серьезно задуматься о нравственном воспитании и самодисциплине молодежи, а в том, что это — *необходимость*, государственная и общественная необходимость, не говоря уже о личной стороне дела. Не только общество, но и государство может здесь многого достигнуть. Не может быть, чтобы, завоевав космос, научив людей летать, соединять каналами реки, добиваться рекордных урожаев на полях и умирать на войне, оно не нашло средств и не сумело принудить или побудить их отказаться от целого ряда варварских замашек и пережитков в личном, семейном и общественном быту. И наш долг — помочь ему, чем только можем, в этой работе всеобщего перевоспитания.

«Достойные люди, какой бы нации ни были, составляют между собою одну нацию», — писал Фонвизин (еще Фонвизин!) П. И. Панину из Парижа⁵¹. И затем, желая покритиковать французов, он «выключал» их из числа этих, составляющих «одну нацию», «достойных людей» и только тогда уже «примечал вообще свойства нации французской».

Что за умница был, да и мог ли быть иным, автор «Недоросля»?! По крайней мере, я совершенно к его формуле присоединяюсь. Да здравствует «нация» (по-фонвизински) или «интернационал» (по-современному) благоразумных, устойчивых в моральном и приемлемых в социальном отношении, с открытым сердцем идущих навстречу другим, никого не ненавидящих и всем готовых быть полезными «достойных людей»!

Идеал и предмет нашей работы, и цель развития и распространения культуры — в том, чтобы эта «нация» или этот «интернационал» достойных людей, превосходящий другие «нации» качественно, превзошел их, наконец, и количественно, — иначе говоря, чтобы все люди или большинство их стали *подлинно достойными звания человека*.

«Устраните понятие Бога, — понятие этического все же остается, как остается и проблема нравственного совершенствования» (Отто Вейнингер).

Закон нравственности, а, следовательно, и закон совершенствования — обязательный закон. Совесть, лежащая в основе закона нравственного, это — поистине наш «царь и Бог», это — все для человека, желающего быть достойным своей принадлежности к роду человеческому. Говорят, что у животных нет совести и что этим именно они отличаются от человека. Неправда, даже и у животных, — кошек, собак, — есть совесть, хотя бы в смысле способности сознания своей вины, и мы это все знаем. Кольми паче в душе человека, царя творенья, совесть должна быть живым, неустанно действующим и предельно чутким духовным органом. Не играет практической роли, как решается в философии вопрос о генезисе чувства совести, о том, является ли она прирожденным свойством или же чувством и мерилom вещей, выработавшимся веками, с развитием нашего интеллекта и общественно-социальных отношений. Важно, чтобы совесть жила, росла и чтобы ветви этого дерева не теряли своей свежести и вечно зеленели. Только в этом — залог всякого, и прежде всего нравственного, прогресса. «Никто не обязан иметь высокий ум, — говорил друг Л. Н. Толстого философ и литературный критик Н. Н. Страхов, — и все обязаны иметь чистую совесть»⁵². Не будем этого забывать.

Нельзя не поддержать толстовских призывов к самосовершенствованию, но нельзя тут же не оговориться, что неверен был взгляд самого Толстого на самосовершенствование как на *единое средство*, единый путь достижения лучшей жизни для всего общества, путь, освобождающий человека от обязанности участия в общекультурной, государственной и общественной жизни, борьбе и работе. Участие это неизбежно.

Это первое. Второе же возражение Толстому можно сделать по поводу *границ* или *конечных целей* самосовершенствования. Захваченный спиритуализмом и ненавистью к плоти, Л. Н. Толстой-философ присовокупил к заповеди о самосовершенствовании своеобразное учение о стремлении к так называемому «*недостижимому*» идеалу. Учения этого я не разделяю. Более того, я считаю его скорее препятствием, чем помощью в деле самосовершенствования, поскольку оно отрывает человека от конкретной почвы и весь вопрос о самосовершенствовании переносит из практической в отвлеченную, рассудочную область.

Л. Н. Толстой советует назначать самый высокий, *самый далекий*, «недостижимый» и, в сущности, иллюзорный идеал, с тем чтобы *все* к нему «стремились».

Мне же хочется посоветовать назначать разумный, достижимый, лежащий в пределах человеческих сил и возможностей нравственный идеал, с тем, чтобы те, кто уже достиг его и чувствует стремление и потребность двигаться дальше, могли бы осуществить свое намерение, а те, кто исключительных задач, превышающих обыкновенные человеческие силы, перед собою не ставит, могли бы, по крайней мере, значительно повысить свой духовный, нравственный уровень и в согласии с ним привести и свою внешнюю жизнь.

Что же лучше, практичнее, искреннее? Думаю, что *второй* путь, потому что он не ломает того необходимого мостка, который должен существовать между идеальными нашими устремлениями и нашей практической, реальной жизнью, не оставляет наше воображение работать на холостом ходу, как маховое колесо со снятым передаточным ремнем, не создает трагедий и надлома, вызванных расхождением между идеалом и наличными силами и сознанием своего бессилия, «греховности» и «никчемности».

Идеал должен быть, но — не монашеский идеал отречения от мира, а живой, разумный и доступный, идеал *нравственного овладения миром*, преодоления в себе материального и психического хаоса, способности управлять собой, своими чувствами и желаниями.

Л. Н. Толстой больше всего боялся «спустить» идеал, подводить его к какой-то покоящейся основой не вверху, а внизу нормы. Я стою на той точке зрения, что основанием нашего жизненного идеала должны быть и верх, и низ, и земля и небо, и дух и тело, из взаимного излучения, влияния, сопоставления и учета значения которых должна быть выведена, в качестве нормы нашего поведения, разумная, отвечающая потребностям нашего духа и законам социальной гармонии, золотая середина.

Человек — это то, о чем читаем у поэта:

Я — связь миров, повсюду сущих,
Я — крайня степень вещества,
Я — средоточие живущих,
Черта начальна Божества⁵³, —

и для него должен быть создан закон не отвлеченно-духовный и не узкоматериальный, а духовно-материальный, психофизиологический, человеческий, жизненный, срединный.

Это «снижение» идеала гораздо более рационально, чем безответственное, отвлеченное взвинчивание его на недостигаемую для большинства реального, живого человечества высоту. Оно лишает возможности и лицемера оправдывать свою духовную леность и неподвижность тем, что он «по мере сил» стремится к «недостижимому» идеалу и что, в сущности, он вовсе уж не такой преступник, потому что идеал все равно «недостижим» и те, кто дальше его ушли по дороге к этому идеалу, все-таки, дескать, не менее далеко отстоят от него, от этого «недостижимого» идеала.

Толстой советует метить дальше цели, чтобы попасть в цель. И это он советует большинству людей! Средние люди (а их-то и большинство) не выдерживают этого. Последовав рецепту Толстого, они видят, что зарвались, отступают и в этом отступлении заходят даже далеко обратно за цель. А я советую бить в цель. Тогда попавшие в нее в ней и останутся. А *немногие способные* идти дальше, увидевши, что достигнутая цель, как низшая ступень, их не удовлетворяет, пойдут свободно и легко дальше. И ни у кого не будет надрыва, бесплодно пожирающего силы.

Неисчислимы бедствия произошли в мире оттого, что так называемые мудрецы, как Толстой, боялись «спустить» идеал. Люди рвались в возу не по силам (имею в виду хотя бы интеллигентов-добровольцев земельного труда в старых условиях), расстраивали силы, нервы и, по большей части, бросали воз. А другие предвидели наперед, что так и будет, и совсем не брались за воз и не пытались его везти, и оттого остались далеко от идеала философии середины, который, вероятно, могли бы выполнить. Третьи, самая ничтожная часть, продолжали тянуть воз: на них смотреть было жалко, и почти всегда и им самим себя было жалко.

Сторонники «недостижимого идеала» и бескрайнего идеализма говорят: «Да, это для тебя мир хорош, потому что требования твои малы, потому что ты мещанин духом, а для людей роста выше среднего и для людей великих мир — это болотная лужа, и высокий, “недостижимый” идеал им нужен для того, чтобы не задохнуться в ней».

Все это — слова! Идеал должен быть, но такой, который бы, действительно, преображал и возвышал нашу жизнь. Болото жизненное должно быть осушено, а это дается только нравственным напряжением и целесообразной творческой деятельностью.

Прочел сегодня «Круг чтения» за 29 февраля, как раз о «недостижимом идеале».

а) «Идеал только тогда идеал, когда осуществление его *возможно только в идее, в мысли, когда он представляется достижимым только в бесконечности...*» (Л. Толстой).

б) «Совершенство — норма неба. *Желать совершенного* — норма человека» (Гёте).

в) «*Не всегда необходимо, чтобы истинное воплощалось*; достаточно, чтобы оно *духовно витало перед нами...* чтоб оно, как звук колокола, мощно, но милосердно, гудело в воздухе» (Гёте)⁵⁴.

Все это прекрасно выражено и когда-то трогало мое сердце. Да не может не воодушевлять меня и теперь — своей возвышенной и поэтической формой.

Но все же в этих попытках отстоять фантастический высокий идеал жизни, хотя бы как «никогда не достижимый», мне чувствуется (в частности, у Гёте, с его буржуазным мирозерцанием) безотчетное стремление *охолостить, лишить силы настоящий, жизненный идеал*, последняя стадия которого все-таки не может не быть осуществимой для высоко настроенного и искреннего человека.

До чего неуклонно придерживался Лев Николаевич учения о «недостижимом» идеале, свидетельствует хотя бы такая заметка его в дневнике за 1910 г. (10 января): «Для жизни необходим идеал. А идеал — только тогда идеал, когда он — *совершенство*. Направление только тогда может быть указано, когда оно указывается математически, не существующей в действительности *прямой*» (выделено Толстым)⁵⁵.

Но — что это такое? Ну, разве можно о направлении, о содержании всей душевной и телесной жизни человека говорить, решать так схематично, в

терминах математики, геометрии?! И какая святая, непоколебимая вера в эту фантастическую, ведущую куда-то в мертвое, внежизненное пространство, «математическую, *не существующую в действительности*, прямую»! Когда же и где же это, и у кого шла жизнь «по прямой»? Может быть, у Франциска Ассизского? Может быть, у Льва Толстого? Да нет, нет! Это введение мертвой, «научной» терминологии для характеристики самого живого, неуловимого, что есть у человека — его *нравственной жизни*, просто непонятно в устах сердцеведа и художника слова, — непонятно и неприемлемо для меня, для нас. Пусть схема приводила в порядок, освещала для Льва Николаевича какую-то область, какой-то сектор (при мысли о схемах эта геометрическая терминология, и на самом деле, сама просится на язык!) его умствований, — все же такая схема ни в психологии, ни в физиологии ничего не доказывает и доказать не может.

Пусть царствует во всей полноте закон стремления к недостижимому идеалу. Пусть две мыслимые грани жизненного пробега каждой человеческой души будут: *животность*, с одной стороны, и *святость*, с другой.

Но так можно выразить именно лишь номинальное, общее, мыслимое и метафизическое значение этого закона. В таком значении он может являться знаменем для всего человечества. В реальном же своем приложении, — для рода человеческого, по крайней мере, на данной ступени развития, — закон этот получает ограничительное толкование. Ступень современная высока для животности и низка для святости, для полной духовности. Мы *духом* уже изменились настолько, чтобы не быть животными. Вот когда мы *телами* изменимся, через несколько, может быть, столетий или тысячелетий, настолько, чтобы подняться на следующую ступень над современным, реальным, средним уровнем человека, тогда можно будет говорить и о святости как о реальном, осуществимом законе для всякого человека, — для человека как такового, а не только для особых, чрезвычайно редких, можно сказать «сверхнормальных», исключений.

Идеал *недостижим* (в полном объеме). Уже из этого основного положения следует, что некоторые его ступени вообще недоступны для людей; другие ступени доступны лишь для немногих исключений среди людей; третьи — лишь для особо высоких в духовном и моральном отношении людей, и т. д. Такое положение вынуждает нас:

1) наметить границу того, что *вообще доступно выполнению человеком* и что возможно лишь *как мыслимое* («в смерти», как говорит сам Толстой);

2) наметить границу того, что *достижимо для большинства всего человечества* в современном его состоянии, — желательные ближайшие ступени;

3) принять во внимание вообще, что именно по лестнице восхождения к идеалу не может быть ни в каком случае прыжков, оставляющих не пройденными некоторые ступени, из чего следует, что и каждый отдельный человек должен наметить себе, на каждый данный момент, лишь *ближайшую ступень лестницы*, а не лыститься — сразу, с одного маху оказаться на вершине этой лестницы.

Наконец, 4) иметь в виду, что и ступени-то на этой лестнице — *не одинаковы по размерам, по высоте и ширине*. И, например, ступень от брака к безбрачию и полному целомудрию для огромного большинства людей почти непостижимо, неизбывно трудна; легкомысленные и скороспелые аскеты на ней-то и ломают чаще всего себе шею...

«*Я бы хотел* выполнить предписание идеала, отказаться от излишеств, перейти на труд, но *по слабости* не могу!» — говорит «толстовец».

— Отлично, мы вам верим! Однако... «слабостью» часто отговаривались и богатые люди, что не могут зажить более скромно. Что же? Так и считать нормальным это явление «недобровольных» богачей? Нет, это невозможно! Когда критикуют и хотят реформировать или отстранить революционным путем грешащий против равенства, несправедливый, буржуазный строй, то о душевной жизни богачей не спрашивают и с ней не считаются. И это понятно: ведь своя душевная жизнь есть и у бедных, угнетенных, занимающих место не на верхних, а на нижних ступенях социальной лестницы. Им-то социальная реформа, наверное, помогла бы. И она, так или иначе, везде должна быть произведена. Везде должны быть установлены такие социальные нормы, которые заранее устраняли бы возможность возникновения такого странного класса — богачей «по слабости». Трудное в индивидуальном порядке осуществление призыва Христа, обращенного к богатому юноше, — о раздаче имущества, должно быть все же осуществлено, если только... юные и старые, добровольные и недобровольные богачи не хотят, чтобы на их голову обрушилась социальная революция.

Таким образом, богач-«толстовец», оправдывающийся своей «слабостью», ни в чем не выше, не лучше, а, может быть, кое в чем и похуже обыкновенного «буржуя».

Нет правила без исключения. Появляются и живут среди нас и святые. Христос, Будда, Франциск Ассизский были святые. Я и «толстоца» Сережу Попова считаю святым. Но их путь — другой. И, несмотря на преклонение наше перед ними, мы все, каждый из нас в душе знаем, что мы *не можем, не хотим и не имеем права* вступить на их путь, путь отказа от личности и полного самоотвержения, поскольку мы являемся, как это и в просторечье говорится, «обыкновенными людьми». *Обыкновенными*, а не «необыкновенными». *Прави-*

лом, а не исключением. И тут мы обязаны поставить другой вопрос: для кого же, в самом деле, пишутся и провозглашаются религиозные, философские и нравственные системы? Для самих только творцов и проповедников или и для других людей? Если же для других, то — только ли для некоторых, для более одаренных, для исключений или для всех?

Я думаю, что поскольку религиозная или нравственная истина провозглашается во всеуслышание, то она провозглашается *для всех*, имеет *общий, вселенский* характер. Каждый обыкновенный, заурядный человек принимает ее за руководство. Положение одаренного человека разнится от положения человека ординарного только в том отношении, что у первого, очевидно, «карма» более высокая: ему нужно сделать меньше усилий для усвоения и воплощения истины, чем второму. Истина же и путь, разумеется, остаются для всех одними и теми же, общими, что не мешает отдельным единицам идти своим, особым путем, — быть может, и путем аскетическим.

В христианстве давно уже чувствовалось, что отвлеченный и чисто спиритуалистический идеал не имеет никаких корней в подлинной природе человека и мира. Открыто отказаться от этого идеала, однако, было нельзя. Надо было поэтому придумать какое-то объяснение тому, что принималось неприемлемое, что за цель пути выдавалось то, к чему, вообще, не было дороги, что можно было, «веря», не «делать». Софизмов тут было высказано немало. (Учение о «недостижимом идеале» — один из них.) Однако самым любопытным и казуистическим было умственное изобретение одного из отцов Церкви, признающееся церковниками «изумительно-глубоким».

В чем же оно состояло? В том, что «воплощение Слова» означает якобы «освобождение человека от отвлеченной мысли, от измерений мира мерилom рассудка», от необходимости педантичного следования провозглашенному голый теорией пути.

Понимаете? Христос, дескать, сошел на землю и принял грешный человеческий облик для того, чтобы и людям... не стыдно было быть людьми и жить по-человечески. «Уж если, дескать, и Он облекся в наше естество, то...» и т. д.

Или, как это объяснял в терминах возвышенной философии Ю. И. Айхенвальд:

«С тех пор, как Абсолютное великодушно приняло форму относительного, с тех пор, как Совершенное Слово поступилось своей идеальностью и облеклось в столь несовершенную человеческую плоть, с тех пор, как в земные долины с небесных высот снизошла божественная Истина, человек получил возможность (!) *отказаться от безусловного* и в своем поведении, в своем мышлении *ограничиваться рамками условности*. Ему сделана была величай-

шая уступка... Абстракция уступила место живой и теплой конкретности, и получила эта конкретность, эта частная и частичная жизнь не только права гражданства, но и права божественности; она была освящена, и с тех пор свято стало земное несовершенство» (!).

Что это богословие тонкое, спору нет. Что его цель конкретная — самооправдание, — тоже ясно. Непонятым и обидным остается только то, что сознательными людьми Призрак («идеал»), пусть дорогой, так легко выменяется за Истину (правду о вещах), дороже которой вообще ничего нет. Ибо, вместо того, чтобы подыскивать премудрые метафизические объяснения нежизненности якобы принимаемого людьми абстрактного церковно-христианского идеала, для искренних и ищущих людей лучше всего было бы заменить этот идеал идеалом *человечным, гуманистичным*.

Отношение Церкви к Христу-идеалу и Толстого к «недостижимому идеалу», собственно, одинаковое. И Церковь, и Толстой признают, чтут идеал, но при этом говорят, что идеал этот недостижим.

Нашего брата, идеалистов, и без того обвиняют, что мы... слишком много *говорим*, — говорим, а не делаем, наговариваем слишком много безответственных «громких слов». И это правда. Надо поменьше говорить, поменьше схематизировать в психологической области, а *побольше делать*. Если бы мы научились побольше *делать*, то не испытывали бы никакой потребности в «недостижимом идеале», а делали бы ежедневно то, что можем делать. Один практический шаг вперед значит больше, чем сто звонких слов, под которыми — пустота, ничто.

«Реалисты» и «материалисты» правы, когда они не верят словам. Человек, да еще пишущий, есть существо фантазирующее. Надо ему пресечь охоту фантазировать: требованием *дела и дел*.

Толстой был безусловно искренен, но он очень любил слова и всем хорошим словам верил беспрекословно. Он даже ценил хорошие слова (т. е. собственно *желание* что-то сделать) больше, чем самое дело. Если ему указывали на «толстовца» святой жизни, то он насупливался и выражал подозрение, не тщеславие ли тут действует. А если какой-нибудь грузный, старый, погрязший в барских грехах и привычках N или Z благочестиво распространялись на тему о том, что они, не ослабевая, борются с своими недостатками и что их «внутреннее состояние» делается все духовнее и духовнее, Толстой улыбался, радовался и умилялся, хотя и он, и собеседники его отлично знали, что во «внешней» их жизни ровно никаких сдвигов не произошло.

Как известно, и советовал Толстой в последние годы всем, и молодым, и старым, не тот или иной практический шаг, который бы продвинул их вперед в стремлении к лучшей жизни, а как бы боясь ответственности за возможную «неосторожность» или «неосмотрительность» своего совета, призывал прежде всего к внутренней работе над собой, к работе самосовершенствования, к борьбе со слабой, греховной стороной человеческого «я». В известном отношении это было мудро, рационально, трогательно, но удовлетворяло, наверное, не всех.

Оттого наблюдалось столько отпадений от веры Толстого: люди шли в революцию, в общественную работу, поступали на государственную службу и не только занимались внутренним совершенствованием, но... *делали*, работали.

Очень интересно суждение Вл. Соловьева о евреях. Говорю только об одном пункте, ценном и любопытном для меня не потому, что он касается именно евреев, а потому, что я нахожу здесь подкрепление своей антитолстовской позиции отрицания неограниченного идеализма, отрицания учения о «недостижимом» идеале.

По мнению Вл. Соловьева и по моему мнению, еврейскому национальному характеру присущ материализм, но только не просто материализм (как на это смотрит толпа), а *религиозный материализм*⁸⁶. Что это значит? А то, что евреи *не хотят отделять идеального начала от его реального воплощения*. Так что их «религиозный материализм» происходит *не от слабости, а от избытка веры, стремящейся к конкретному воплощению*. Проще говоря: для религиозного еврея больше, чем для христианина (занесшегося в облака), «верить» — значит «жить по вере». Тут могут быть извращения религиозного чувства, материализм «религиозный» может переходить в самый вульгарный материализм *житейский*, в культ Маммона, что мы и видим у иных евреев, но все же, в основе, замечание Соловьева верно.

Чувства реализма, *почвы под ногами* не должен терять и религиозный человек. Верящие в Бога, но не пошедшие за Христом евреи знают и понимают это, кажется, лучше, чем христиане, и, во всяком случае, лучше, чем «толстовцы». Последним остается только сослаться на то, что у так называемых последовательных людей и вера приспособлена к их возможностям, подогнута под их «вкусы», но если «конкретность» и «чувство реализма», с «толстовской» точки зрения — пороки, то зато и *лицемерие* «толстовцам» не приходится и не гоже провозглашать добродетелью.

Примечательна уравновешивающая, позитивная роль Аристотеля в Древнем мире. Любя своего учителя Платона, он все же разошелся с ним — во

имя истины, во имя логики. Он старался привести платоновское учение об идеях в более тесную связь с эмпирическим знанием. Преклоняясь перед *разумом* как высшей способностью человека, Аристотель и на добродетель смотрел как на развитие в себе человеком, путем постоянного упражнения, способности делать *разумное* единственным предметом своих желаний. А так как истинно разумный человек всегда выбирает справедливую *середину между двумя крайностями*, то за высшую добродетель Аристотель признает *справедливость, знающую меру*. Эта уравновешенность в характере, индивидуальности и мировоззрении древнего грека поражает. Это стремление к внутренней и внешней гармонии очаровывает. И разве оно не более достойно человека, чем христианское самоотречение, мучительная аскеза и вечная, не перестающая лихорадка сознания и воли у Францисков и Антониев? или у яснополянского Льва? Найти «справедливость, знающую меру», во всех проявлениях жизни — такая это высокая, благородная задача и для каждого современного человека!

Задача самосовершенствования — не только отрицательная: подавление своих грехов и недостатков. Но и положительная: формирование характера, развитие способностей, борьба за личность. Думают, что христианство требует предельного самоунижения и отказа от личности. Если бы это было так, то я бы отказался от христианства. Человек должен стоять на своих ногах твердо. Религия может только поддерживать его в этом отношении.

Встретясь с умным словаком, другом Л. Н. Толстого доктором Альбертом Шкарваном, ныне покойным, я, между прочим, обсуждал с ним предполагаемые причины, — не внешние, собственно, а внутренние причины, — поразившего всех самоубийства другого друга Толстого и общего нашего друга, тоже словака доктора Душана Маковицкого. И тут Шкарван, между прочим, очень хорошо сказал, что «каждый человек должен иметь свою жизнь», — я понял так, что — в смысле: *должен иметь свое «я»*. Да, да! Тут-то, в этом пункте, я и сам ищу причину самоубийства Душана. Он не хотел *утверждать себя*, он не устроил *своей* жизни, расплескивался, отдаваясь весь другим, не выявил и не утвердил своего «я» (что вовсе не мешало бы самоотречению в религиозном смысле), — и, при столкновении с Великой Губительницей — Жизнью (болезнь, семейные неудачи и т. д.), он погиб.

Вспомнился «Пер Гюнт» Ибсена и выразительный символ Пуговичника. Не приложима ли идея Пера Гюнта к Душану? Слишком понадеялся на Толстого и не имел ничего своего. Толстой ушел — и для Душана все пошло под гору. Беспечному путнику жизни оставалось только погибнуть.

Душан Маковицкий — не единственный известный мне пример людей, пренебрегавших созданием своего «я» и живших духовной жизнью другого, учителя или старшего и более развитого друга. Я знавал и других, таких же, как Душан, чудных и самоотверженных, но внутренне несамостоятельных людей, людей, не хотевших или не умевших сберечь для себя не только своего личного, временного «я» (допустим, что христианину этого не жалко), но и своего высшего, духовного «я». Они слишком опирались на других, слишком прилипали к ним душой. Им бы надо научиться жить самим по себе, независимо от учителя или друга или кого бы то ни было другого, а они все искали, к кому бы прислониться духовно. Сказать правду, и у меня был такой, безгранично привязанный ко мне друг. Люди, которые живут не сами собой, а жизнью других, подобны омеле. И это не «оскорбительно», а это трагично: паразитизм духовный! «Милый друг, люби меня поменьше!» — бывало, хотелось мне сказать своему сателлиту: «люби больше всего Бога в самом себе!»

IV

Мужчина и женщина

Мужчина и женщина...

Вопрос — вечный. Вопрос — ясный. Не допускающий двух решений. Тем не менее, и в него спиритуалистами, буддистами, христианами, монашеством — православным и католическим, изуверами-сектантами, вроде скопцов, и, к сожалению, также нашим великим писателем и мыслителем Л. Н. Толстым внесено начало скепсиса и разложения, доходящего до отрицания естественных отношений между мужчиной и женщиной, до провозглашения брака грехом и падением.

Человечество в целом этим скепсисом и разложением, конечно, не затронуто. Оно продолжает жить, как жило испокон веков, с браком и в браке, но отдельных, оторвавшихся от «земли», от брака и, по большей части, жестоко искалеченных душ в нем, со времен Средневековья, было и теперь найдется, конечно, немало. Закон о стремлении к «недостижимому идеалу», созданный крайними идеалистами, находит и тут свои жертвы.

Ренессанс чуть было не уничтожил старое суеверие, но, пересолив в обратном направлении, в увлечении примером языческой древности и культом плоти, должен был со временем отступить и снова освободить поле битвы врагам тела и плоти, врагам женщины, низкая духовная оценка которой удерживается до сих пор даже и там, где этого как будто совсем нельзя было ожидать.

В наши дни социалистическое и коммунистическое движение снова ставит мужчину и женщину как равных, как две составные части существа и рода человеческого, на одну платформу, соединяя их в жизни, труде, борьбе за лучшее будущее. Изуверов от религии, вроде католических ксендзов и православных монахов, не говоря уже о каких-нибудь скопцах, никто из сознательных, прогрессивных людей всерьез не принимает. Но такие мощные представители интеллектуального мира, как Лев Толстой, находили и находят еще, если не в Советском Союзе, то в других странах, последователей среди идеалистически настроенной молодежи, бегущей от разврата и прислушива-

ющейся к раздающимся со страниц толстовских брошюр призывов к полному целомудрию и к отказу от полового общения с женщиной. Они-то и несут на себе всю тяжесть последствий за уклонение от правильного, нормального ритма жизни, ритма природы, страдают, портят нервы и характеры, иногда уклоняются в извращения всякого рода — воображая, что тем самым они выполняют какую-то особо высокую, духовную миссию, а на деле лишь по-полняя собою всемирную галерею уродов.

Ради этих-то людей, ради каждого, очутившегося в их положении, хочется снова и снова разобраться в вопросе об отношениях мужчины и женщины, в вопросе о браке и в том, как решал эти вопросы Л. Н. Толстой.

Читателю этой книги, наверное, ясно, что как в других вопросах, так и тут, я буду отстаивать психофизическую, а не духовную и не материальную только, точку зрения на сущность отношений между мужчиной и женщиной. Будучи противником легкомысленного и поверхностного отношения к вопросу о половом общении мужчины и женщины, я отвергаю также церковное и светское монашество и становлюсь в ряды сторонников брака и взаимной верности в браке. Весьма вероятно, что и такое мнение для многих покажется своего рода идеалом (если только не «недостижимым идеалом»), но только я думаю, что человечество, спасая себя от нравственной порчи и пагубы, должно твердо охранять этот идеал, порицая всякую «игру с огнем» в половом вопросе, всякую нарочитую несдержанность и эгоистическое самодурство, проявляемое, по большей части, мужчиною и обходящееся слишком дорого несчастной женщине.

Брак — великое дело — трафарет, истина которого не перестала быть истиной оттого, что стала трафаретной. Березы весной распускаются — это тоже трафарет, но мы не в силах, даже если бы хотели, его уничтожить. То же и с браком. И в жизни человека, и во всей природе — это величайший закон, величайшее таинство, которое лежит в основе «всех вещей», которое наполняет все живущее радостью и счастьем и без которого не было бы жизни. В судьбе человека это непременно — союз и дружба на всю жизнь, с первого дня сочетания и до могилы. Физиологическое, психологическое, социальное, государственное и вселенско-метафизическое значение института брака таково, что нельзя этого значения преувеличивать, но преуменьшать его — грешно и непозволительно. Между тем именно в этот-то уклон преуменьшения или отрицания значения брака впал русский великан поэзии и мысли Лев Толстой. Недоразумение более печальное, чем это можно себе сразу представить, недоразумение — поистине драматическое.

Брак рождается из любви. Любовь — это огонь, зажигаемый небесными сферами в душе человека, это — главное выражение всей его духовно-материальной сущности. Высшая ступень, на которую человек поднимается в жизни. Основная жизненная задача. Источник воли и счастья. Победа над эгоизмом и себялюбием. Великий долг по отношению к избранным спутнику или спутнице жизни. Чудо явления нового человека в мир: дети. Преодоление внутреннего одиночества. Товарищество в труде и в борьбе с жизненными невзгодами, внутренними и внешними. Поражение страха перед могилой. Передача детям, новым людям, связи с жизнью и с миром. Отказ от иных, излишних требований к жизни.

И это все — несмотря на те дефекты и недостатки, от которых не свободен вполне почти каждый брак.

Люди невольно влекутся к взаимному общению, к любви. Духовная основа их едина. «Родство духов, — говорит И. Г. Фихте, — из невидимого мира переходит в их телесную природу и воплощается в двух полах, которые — если бы даже всякая духовная связь между ними могла разорваться — все же, уже как естественные существа, были бы вынуждены любить друг друга»⁵⁷. И, следовательно, — добавим, — они, как духовные существа, тем более стремятся к любви.

«Мы видим, что, благодаря живому обмену мужских и женских сил, всюду в природе происходит процесс роста, цветения и плодоношения. Это — закон полярности, с которым жизнь стоит и падает» (Гуго Гертвиг)⁵⁸.

«Любовь половая хотя и связана с известным общим физиологическим инстинктом, но не может быть к нему одному сведена, а несомненно имеет и нравственное значение. В самом деле, в половой любви (и даже в ней обыкновенно более, чем в какой-нибудь другой) мы находим, что одно существо внутренне и непосредственно отождествляет себя с другим, благо и страдания этого другого становятся для него непосредственным мотивом, и следовательно здесь происходит то внутреннее снятие безусловной границы между *я* и *не я*, которое составляет всю материальную суть нравственности» (Вл. Соловьев).

Любовь всегда — соединение, и не внешнее соединение, а соединение по внутреннему сродству, нахождение себя в другом, превращение двух в одно,

прорыв метафизического одиночества, торжество духа, узнавшего себя, и притом подлинного, лучшего себя, в другом. «Любовь не совершается между двумя личностями до тех пор, пока один другому не скажет: я есмь ты» (Шейх Сиры Сактинский).

Любовь к женщине... — плотская? духовная?

Любви только духовной и любви только плотской не бывает. Эрос — закон взаимного притяжения мужского и женского начал, подобный закону взаимного притяжения светил небесных, — лежит в основе всякой любви. Он, с одной стороны, является естественным восполнением и разрешением любви духовной; с другой, спасает любовь плотскую от обращения в низменное, чисто животное чувство. Границы точной между любовью духовной и любовью плотской, таким образом, провести нельзя.

Существо человеческое — едино. Любовь — целостное его выражение. Поэтому оба его элемента — и духовный, и плотский — в ней соприкасаются.

«Это так дешево — судить о любовных отношениях людей односторонне — только по мотивам телесным, чисто половым или только по душевным и духовным мотивам. Проблему человека следует брать во всей совокупности. Во всяком случае, природа, которая при всех противоречиях стремится к гармонии, требует этого» (Гуго Гертвиг).

Физическое общение является естественным завершением глубокого чувства любви. Это — последняя мыслимая интимность в отношениях любящих, акт исчерпывающего доверия, теснейшего сближения, взаимного проникновения, не только физического, но и душевного, когда *ты* превращается в *я*, когда два «я» сливаются в одно. Это — кульминационный пункт, апогей любви, венчающий ее, доставляющий высшее счастье любящим. И не чувственная сторона здесь — главное, а именно этот пафос взаимности, это сознание полного слияния, последней близости с любимым существом.

«Любовь» продажная, ограничивающаяся одним половым актом, не имеет ничего общего с любовью подлинной, где духовное сближение является необходимой предварительной ступенью для сближения физического. Равным образом, духовное сближение между мужчиной и женщиной, любовь, отказывающаяся от своего воплощения — осуществления «во плоти», никогда не может достигнуть полноты блаженства любви всеобъемлющей, двумерной. И проституция, и так называемая «платоническая» любовь (если она сущест-

вует) — это лишь одинаково жалкие суррогаты любви, *любви-брака*, единой истинной любви, живящей человека и мир.

«Было время, когда любовь небесная и земная еще не представлялись людям чем-то раздельным. Тогда человек жил еще в тесной природной и любовной связи со всеми космическими и теллурическими явлениями. И только развивающаяся domestикация положила начало разделению земной и небесной любви. Это разделение — наше несчастье и страдание. Когда нам удастся в жизни найти настоящего партнера, то небесные и земные силы объединяются сами в мужчине и женщине. Тогда рождаются здоровые, счастливые дети и получается брак, путь которого ведет с земли на небо» (Гуго Гертвиг).

«Тройной узел связывает тайну земли: рождение, брак и смерть».

Списано с листочка отрывного календаря. Подписи нет. И не нужно. Это — сама мудрость мира. Она легко и глубоко входит в душу. И навсегда остается в ней.

Половой акт — момент зарождения новой жизни, момент творческий — такой напряженный, такой жгучий, такой все силы берущий, такой блаженный и такой всепоглощающий, что человек не может быть не призван за него природою к расплате, — и он расплачивается — увяданием и смертью: он уже не нужен больше природе, она все выполнила через него, — главное, обеспечила продолжение жизни на земле, продолжение рода. Умерло отдельное звено, но связь поколений остается.

Любовь, смерть, рождение — тоже звенья одной цепи.

То обстоятельство, что половое чувство присуще решительно всякому человеку — дурному и хорошему, сильному и слабому, святому и грешному, *независимо от их воли*, — показывает, что *не человек* поставлен природою распоряжаться — быть или не быть половой жизни в человечестве. Бог, *Deus sive natura*, так распорядился. И идти в этом деле против воли Бога, — всегда значит одно: уродовать природу, причем последствия этого уродования часто бывают ужасны. Всем известно, сколько бывало темного, болезненного, порочного, сколько эксцессов и даже преступлений разыгрывалось в уединенных жилищах католических священников и за стенами монастырей, католических и православных, мужских и женских. Лютер был прав, что в свое время сорвал маску лицемерия с лица римской церкви, что в своей церкви позволил

священникам жениться и что, пробыв перед тем много лет монахом, потом открыто женился сам. Права и Православная Церковь, что отвергла «целибат» всего духовенства. Она, конечно, знала, что на деле и в католической церкви «целибат» не соблюдается.

Л. Н. Толстому удалось в 1890-х и 1900-х гг. и своими религиозно-философскими и моральными сочинениями, и нашедшей в те годы повестью «Крейцера соната» привлечь особое внимание общества к вопросам взаимоотношения полов, брака и целомудрия. Поразило, главное, что прославленный писатель заявил себя противником всякого полового общения между мужчиной и женщиной и защитником полного целомудрия.

Каковы были его доводы?

Доводы эти делятся, во-первых, на *доводы от разума* и, во-вторых, на доводы *от чувства*. Первые — крайне слабы.

1) Толстой советует «метить дальше цели, чтобы попасть в цель» (согласно учению о «недостижимом идеале»), иначе говоря — стремиться к полному целомудрию, чтобы не впасть в крайний разврат и, так сказать, задержаться на «честном» браке. «Недостижимый идеал», таким образом, притягивается в качестве служебного средства. Но тогда так и надо оговориться, что *целью* он быть не может, и указать на более конкретную и ограниченную цель, — как, например, целомудрие до брака и «честный» брак.

2) Мы — не животные, — говорит Толстой, — это только для животных обязателен закон размножения. «Человек, как человек, находит в себе другой закон, противный половому общению для размножения — закон целомудрия»⁵⁹. Так ли? Противны ли вообще высшие духовные человеческие законы естественным физическим законам существования нашего тела? Ведь если бы это было так, то человек имел бы право претендовать и на то, чтобы уничтожить и другие телесные законы: например, избавиться от необходимости доставлять телу пищу, питье, тепло, чистоту, отдых, лечение, следить за низшими отправлениями организма и т. д. Ведь все эти заботы, пожалуй, возложены на слабого телом человека еще в большей степени, чем на некоторых животных. И установлено так самой природой. Наша обязанность состоит только в том, чтобы правильно понять взаимоотношения духа и тела, но не в том, чтобы уничтожить законы того или другого.

3) «Плотская любовь, брак есть служение себе, и потому есть во всяком случае препятствие служению Богу и людям»⁶⁰. Так ли? Действительно ли брак есть только служение себе, а не миру? И есть ли плотская любовь и брак «во всяком случае» препятствие служению Богу? Ведь это — смотря по тому, как понимать Бога. Если понимать его отвлеченно-схоластически, то, может быть, плотская любовь и брак, как проявление действительной жизни, и про-

тивны Богу. Но если понимать Бога как живую совокупность или, более того, как живой источник всех основных и первоначальных сил, действующих в природе, то с этой точки зрения физический закон размножения, даже если он проявляется только в физической жизни человека, не может быть противен Богу и, следовательно, при известных условиях, не может являться и препятствием служению ему. Что касается вопроса о том, могут ли плотская любовь и брак служить препятствием к служению людям, то очевидно, что это может происходить только в исключительных, ненормальных случаях, так как закон размножения является *всеобщим для людей*, составляя неотторжимую часть их природы, почему и представляется бесплодным рассуждать на тему о том, может или не может *природа вредить природе*. Человек *так создан*, и этим сказано все.

4) Хоть Толстому и возражали, что если люди достигнут идеала полного целомудрия, то они уничтожатся, и потому идеал этот не верен, — но он не смущался этим. «Прекратится животное-человек, — говорил Толстой. — Но, право, об этом двуногом животном так же мало можно жалеть, как и об ихтиозаврах и т. п., только бы не прекратилась жизнь истинная, любовь существ, могущих любить»⁶¹. На это скажу, что, во-первых, делить род человеческий на две половины людей — животных вроде «ихтиозавров» и «существ, могущих любить» Толстой не вправе, так как и в последнем «ихтиозавре»-человеке теплится духовная жизнь и способность любви, а, во-вторых, любезно соглашаться на полное исчезновение этих полу-«ихтиозавров», да еще по их собственной вине, — просто *не религиозно*. Высшая творящая сила, Бог, а не Толстой распоряжается судьбами своих созданий.

5) — Ну, а если так-таки все, все люди исчезнут, благодаря полному осуществлению идеала целомудрия?! — говорят Толстому. — И в этом нет ничего страшного, — отвечает он: ведь все равно астрономы и ученые вычисляют и предсказывают, хотя и в очень отдаленном будущем, полное прекращение жизни на земле. — И тут опять можно возразить Льву Николаевичу, что эти астрономы и ученые, — хотя, может быть, и бессознательно, — но все-таки *более религиозны*, потому что они занимаются только *объективными* вычислениями и предсказаниями гибели мира, но не готовят эту гибель и не желают ее, а он, Толстой, — он *готовит ее* (хотя бы только теоретически) своей неуступной и непреклонной проповедью полного целомудрия.

6) Нет, возражает и на это Толстой: хотя я и проповедую полное целомудрие, но... «род человеческий прекратиться не может»⁶². Лев Николаевич замкнулся в круге своих противоречий. Он, действительно, верил, что хотя бы и получила всеобщее распространение проповедь полного воздержания от половых сношений, — род человеческий все-таки не прекратился бы. Как же бы это вышло? Так, просто... (Очевидно, путем случайных падений). Больше, кроме этого, Толстой ничего ответить не может. Судьба мира вверяется... досадным (с точки зрения Толстого) случайностям.

Или... все учение о «недостижимом идеале», включая сюда и призывы к полному целомудрию, было для Льва Николаевича, и на самом деле, только словесным оборотом, не могущим играть никакого значения в жизни?

7) Не нужно рожать новых детей, воспитывайте чужих детей, посмотрите, как их много и как они нуждаются в вашей помощи, — говорит Толстой. — Не говоря уже о том, что тут он вступает в борьбу с могучим инстинктом *отцовства* и *материнства* и страсти иметь своих, а не чужих детей, — мы опять обязаны против наивного довода выступить с наивным возражением: да «чужие»-то дети откуда берутся?! ведь у них тоже есть отцы-матери, соединенные плотской связью, т. е. браком!..

Если же это — дети сознательных развратников и опустившихся людей, то ведь так портится порода. А что скажет по этому поводу «евгеника»? Но... что такое «евгеника» для Льва Николаевича? Что ему Гекуба?

8) «Стремление к целомудрию должно уравновесить численность населения»⁶³, — говорит, наконец, Толстой (буквально). И тут он пускает в оборот аргумент, пользоваться которым ему, как религиозному человеку, как будто и не пристало: аргумент числа. Толстому ли, в самом деле, оспаривать лавры Мальтуса? К тому же —

...Небо ясно,
Под небом места много всем...⁶⁴

Словом, *доводы от рассудка* против всякой половой жизни и в пользу полного воздержания от нее у Толстого, как религиозного мыслителя, слабы и не выдерживают критики.

Гораздо более сильны, — или, вернее сказать, силен (потому что он один), — *довод от чувства*. Довод этот состоит в том, что половое соединение мужчины и женщины само по себе — мерзко, скверно, нечисто, отвратительно, и потому человек, уважающий себя и ценящий свое духовное достоинство (все равно — мужчина или женщина) должен, по возможности, совершенно избегать этого соединения.

Но, не говоря уже о различии и сложности эмоциональных ощущений, связанных с совершением полового акта у разных лиц и в разных случаях, довод о нечистоте, омерзительности полового акта всецело покрывается и побеждается простым указанием на то, что этот акт, влечение к нему, возможность его — не выдуманы человеком, а даны самой Природой.

Омерзительным, нечистым может быть только неестественное. Все естественное и закономерное в жизни природы, в том числе и в области половых отношений, не может быть, само по себе, ни омерзительным, ни нечистым.

Дети — самое святое в жизни, залог ее продолжения на земле, залог нравственного прогресса человечества, плод любви и полового единения

мужчины и женщины, — приходят в мир в результате какой-то ошибки Провидения? какого-то огреха, недостатка в устройстве человеческого организма? в результате всегда грешного, всегда порочного акта, о котором, однако, и в Евангелии сказано, что «Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их» и что «посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. И так, что Бог сочтет, того человек да не разлучает»⁶⁵ А сам Христос? Ведь и он был человеком, — человеком, рожденным от отца и матери, что бы там ни выдумывали фальшивые идеалисты, монахи и монашествующие или их предшественники, хотя бы и древние, насчет «непорочного» зачатия». (Какая дерзкая и коварная попытка опозорить плоть, Божью плоть!) Такими же нормально рожденными людьми были Франциск и Августин, Сергей Радонежский и Серафим Саровский, Бетховен и Гёте, Паскаль и Достоевский. Или и они явились только плодом «греха»? Нет, мы не можем разделить этого воззрения!

Заметим также, что когда крайние по своим воззрениям моралисты, громя половой инстинкт, берут его при этом только как выражение чувственного влечения, вне связи с проблемой семьи и брака, то они снова, сознательно или несознательно, лгут против природы, ибо задачей природы было, очевидно, обеспечить возможность продолжения рода (через брак и семью), но не обеспечить возможность разврата пошатнувшимся в своих нравственных устоях, слабым и несчастным людям.

Наконец, моралисты этого типа, заботясь о том, чтобы унижить, свести на нет значение полового чувства, подчеркнуть разницу между жизнью плотской и жизнью духовной или, по выражению Толстого, помешать людям «разукрашивать плотскую страсть павлиньими перьями духовности»⁶⁶, — моралисты этого типа совершенно не замечают, что зачастую они впадают в обратную и при том не менее опасную крайность, а именно: полного принижения, полной «материализации», полного оскотинения полового чувства и половой жизни у человека. Не желая павлиньих перьев, они готовы и у павлина выщипать весь хвост, уверяя, что в существе павлина ничего от этого не изменится.

Связь или, если можно так выразиться, даже *смесь* духовных и телесных явлений в жизни человека ясна каждому, даже и отвергающему ее философски, просто из повседневного опыта самонаблюдения. Эту связь или смесь трудно отвергать хотя бы только на основании того простого соображения, что человек все же духовнее животного. А раз так, то мы не решимся отрицать, что даже половой акт сам по себе протекает у человека иначе, чем у животного. Психическая сторона человеческой личности накладывает какой-то духовный отпечаток и на этот физический акт.

Принижение, оскотинение полового акта у человека возможно, но только оно идет в ногу с принижением и оскотинением данного человеческого инди-

видуума и в других областях его психофизического бытия. Не избегнувший первого не избежит и второго, и наоборот. Но тот, кто избегнул второго, избежит и первого. Тут — неперенная связь.

Когда же пророки духовности (не материалисты!), в излишней ревности об этой духовности, стремятся вырвать всякие духовные основания из-под одного из самых сильных и, в сущности, непобедимых инстинктов человека, — то они становятся на путь опаснейшего, *практического* материализма и, думается мне, не тушат пожар, а только раздувают его.

Я знаю, что, например, Л. Н. Толстой собирался *описать* половой акт, чтобы показать его грубо-животную природу. Он об этом говорит в одном из опубликованных своих произведений. Но я знаю более. Я знаю, что в свое время он уже исполнил это намерение и *описал* половой акт. Я сам читал это описание в «Своде мыслей Л. Н. Толстого», составленном В. Г. Чертковым и Ф. А. Страховым, именно в отделе, посвященном половому вопросу⁶⁷.

Что же? Лев Николаевич описывает только чисто внешнюю, вещественную сторону полового акта, грубо называя все предметы и явления своими именами. Описывает так, как описал бы только монах, ненавистник плоти. Духовную, психическую сторону этого акта он обходит полным молчанием. Более того, со свойственным ему в неограниченной степени литературным умением, он, обязавшись дать только объективное описание, совершенно незаметными на первый взгляд дозами и приемами привносит в это описание свою собственную ненависть к описываемому и свое личное отвращение перед ним. В результате толстовское описание полового акта выглядит бесконечно грубее и материалистичнее, чем, например, научно-медицинское описание этого акта у Мантегаццы или поистине целомудренное и простодушное описание, которое мы встречаем в претенциозном, но скучноватом романе Лоуренса «Любовник леди Четтерлей».

Но вот вопрос: достигает ли Толстой своей цели — внушить читателю отвращение к половому акту? Нет.

Если хотите, он достигает несколько иной цели, чем та, которую он себе ставил, а именно, внушения отвращения к своему *описанию* полового акта.

Да, сдается мне, что религиозный ригорист Толстой и тут погрешил против религиозности: тайны «божьего» мира не поддаются раскрытию, когда к ним подходят с нарочито-грубым мерилом и излагают их циничным языком. Говоря так, я не хочу оскорбить Толстого. Его жизнь и личность были воплощением благородства. Но тут, в стремлении во что бы то ни стало унижить и смешать с грязью половой акт, — Толстой, действительно, спустился с своей высоты, и в этом — горшее его самообвинение.

И великий Толстой мог думать, что он адекватно «описал» половой акт в этой карикатуре на описание, включенной подобострастными учениками в «Свод» его мыслей!.. Да он гораздо искуснее, полнее и адекватнее, со всей

глубиной и всем блеском своего гениального литературного дарования, *уже описал* этот акт в другом месте: он описал его в романе «Воскресение», в XVI, XVII и XVIII главах 1-й части, в рассказе о романе Нехлюдова и Катюши. Психологи и моралисты, в определении природы полового чувства, всегда будут считаться у Толстого именно с этим описанием полового акта в романе «Воскресение» и с другими подобными описаниями в его художественных произведениях, а не с пародией на описание в «Своде» Черткова и Страхова.

Моралист и одновременно художник Толстой, вероятно, сознавал недостаточность всех своих рассудочных и философских доводов против всякой половой жизни вообще. Поэтому он вспомнил о последнем и самом могучем средстве, оставшемся в его распоряжении, — и в 1889 г. он пишет свою «Крейцерову сонату». Я понимаю, что весь буржуазный и мещанско-интеллигентский мир ошеломлен был этим произведением, как стая лягушек брошенным внезапно в пруд бульжником. Приздумались и чистые люди над нечистыми формами половой жизни.

Но я никогда не мог понять, почему «Крейцеровой сонате» придавалось многими или хотя бы некоторыми значение сокрушающего удара по положительной оценке брака и половой жизни вообще. В этой повести дан совершенно конкретный, индивидуальный, отдельный случай (*casus*, как говорят юристы) испорченного с детства, в высшей степени неуравновешенного в нервном отношении и развращенного мужчины, Позднышева, — человека определенной среды и притом человека, лишенного не только духовного взгляда на жизнь, но и вообще каких бы то ни было признаков того или иного устойчивого, самостоятельного мирозерцания. С проклятиями и огульным, слепым осуждением вспоминает Позднышев о своей супружеской и семейной жизни. Все ее тяготы, связанные с отдельными разногласиями супругов, с воспитанием детей и т. д., страшно преувеличиваются, — тут даже Толстой-художник изменяет себе. Желю Позднышев знает только как самку. С детьми, дающими столько счастья родителям в нормальной семье, у него нет никакой связи. Да и могло ли быть иным его отношение к семье? Нет! Старый и, в общем, слабый критик Толстого профессор-богослов А. Ф. Гусев совершенно правильно указывает в своей книге о «Крейцеровой сонате», что та распутная жизнь, которую вел Позднышев до самого вступления в брак, «должна была убить в нем, как и во всяком другом, самую способность к чистой и прочной привязанности». Позднышев, по словам А. Ф. Гусева, «везде говорит даже не о любви какой-нибудь, а о простом чувственном влечении, которое в нравственно испорченных людях вспыхивает то к одному, то к другому субъекту»⁶⁸.

Мережковский цитирует, однако, в своей книге о Толстом и Достоевском высказывание Позднышева о «любви». Но что это за высказывание!

«— Ведь что главное погано, предполагается в теории, что любовь есть нечто идеальное, а на практике любовь ведь есть *нечто мерзкое, свиное*, про

которое и говорить, и вспоминать мерзко и стыдно. Ведь не даром же природа сделала то, что это мерзко и стыдно. А если мерзко и стыдно, то так и надо понимать. А тут, напротив, люди делают вид, что мерзкое и стыдное — прекрасно и возвышенно!»

Четыре раза повторены эти: «мерзко и стыдно»!

И это — *чистое* воззрение на брак? Нет! Мережковский совершенно справедливо расценивает этот пассаж как такое «бесстыдное обнажение пола», которого, «кажется, еще никогда нигде в мире не было». Обидно не только за человека, но даже за природу, на которую здесь возводятся недопустимые поклеп и клевета. Только истрепанный жизнью, пресыщенный развратник с опустошенной душой мог так рассуждать о любви и браке, как рассуждает Позднышев.

Естественно, что такой человек, ничего не видевший в браке, кроме удовлетворения похоти, под влиянием чувства ревности убивает свою жену. Если бы обстоятельства жизни разбудили в нем не ревность, а какое-нибудь другое чувство первобытного (даже и под «культурной» оболочкой) зверя-человека, например, чувство зависти к богатству старого дядюшки, то он бы, наверное, убил своего дядюшку, чтобы воспользоваться его богатством.

Такие случаи и случались, и теперь случаются, и, вероятно, будут случаться. Но почему, почему этот случай, случай Позднышева, может считаться единственным, в своем роде, отображением процессов влюбленности, половой связи мужчины и женщины, брака, семьи и т. д.? Почему случай этот возводится в общее явление? Почему хотя бы те же, скажем, «толстовцы» пользуются этим необоснованным правом носиться с «Крейцеровой сонатой» Толстого как с своего рода *евангелием идеи целомудрия*? Почему? С какой стати?

«Крейцера соната» — художественное произведение и потому ее образы обладают внутренней правдой? Да, но куда же девать другие образы? Наташи, Долли, Кити, Левина, Андрея, Пьера, героини рассказа «За что?» у самого Толстого? Как выкинуть из мировой литературы образы Ромео и Джульетты, Фердинанда и Миранды, Вертера и Лотты, Германа и Доротеи, Онегина и Татьяны, Ракитина и Лизы, Инсарова и Елены, князя Мышкина и Настасьи Филипповны, Адама Биды и его возлюбленной в особо рекомендуемом Львом Николаевичем, в качестве произведения настоящего искусства, романе Джордж Элиот «Адам Бид», и пр., и пр.? Ведь образы эти обладают для нас не меньшей внутренней убедительностью, чем Позднышев из «Крейцеровой сонаты». Однако смысл их — совсем другой!

Да, я добросовестно старался усвоить взгляд Льва Николаевича на половой вопрос, но только я понял, в конечном счете, что произвольные схоластические построения, противные голосу жизни и живого чувства, не могут претендовать и на руководство жизнью и живым чувством.

В 1890 г. В. Г. Чертков писал Л. Н. Толстому о послесловии к «Крейцеровой сонате»:

«...Поторопитесь же прислать мне хоть полстранички или несколько строк, принимающие во внимание законность нравственного брака для тех сотен миллионов современных людей, которые еще не поднялись до уровня возможно более целомудренного брака. Если вы этого не сделаете и послесловие разойдется по миру без этой прибавки, то миллионы современных людей, еще живых во плоти, будут оттолкнуты от жизни Христа, а не привлечены к ней»⁶⁹.

Толстой отвечал (24 апреля 1890 г.): «...Я не мог в послесловии сделать то, что вы хотите и на чем настаиваете: как бы реабилитацию честного брака. *Нет такого брака*»⁷⁰.

В 1910 г. Л. Н. Толстого посетил скопец старик Г.⁷¹, много лет проведенный в ссылке в Сибири за принадлежность к своей секте, человек острого и быстрого мужицкого ума. Они во всем сходились со Львом Николаевичем, и в главном — в признании безнравственности всякой половой жизни, но все же Лев Николаевич доказывал старику, что оскопляться не нужно.

— Лев Николаевич, — возразил скопец, — но если половая жизнь не нужна, так для чего же нам *этот предмет* нужен?!

Толстой был так озадачен этим вопросом, что, по собственному признанию, не нашелся сразу, что ответить. Да и много позже, со смехом вспоминая о вопросе скопца, Лев Николаевич в значительной степени сохранял тот же озадаченный вид. Ответа своего скопцу он, во всяком случае, другим не сообщал. Да и был ли этот ответ так же удачен, как «удачно», не в бровь, а в глаз, поставлен был вопрос скопца?..

В том-то и дело, что духовно, в глубине сознания проповедник полного воздержания от половой жизни Л. Н. Толстой был весьма, весьма недалек от *скопчества*.

О «целомудрии» взывал и Розанов. Красноречиво взывал. Но своеобразно, конечно.

«Лютер предполагал и предлагал двукратное или троекратное в неделю совокупление. Но, полагая, что не без причины “день седьмой суббота — господу Богу твоему”, я бы предложил и посоветовал всякой семье удерживаться в пределах одного недельного совокупления: дабы для других трудов

жизни, для скорбей и тягостей ее всегда иметь бокал *жизненности* в себе *наполненным до краев*, и так именно, чтобы влага была *дугую* над краями. Пусть изливается, что не может держаться, что “через край”. “Небо” должно быть именно в нас, густое, темно-синее, с налившимися звездами, с жгучим солнцем, полною луною: “вот-вот” просыплется и упадет; но не просыпай его, береги его. Тогда будешь нежен к людям, привязчив, памятливы, милосерд, словоохотлив, делоохотлив, труженик без усталости, работа будет не тяжела, скорбь не будет переходить в отчаяние и меланхолию, люди станут нравиться, природа — нравиться... И дети будут очень здоровы и очень талантливы. Мы должны помнить, что ко всему в мире мы привязываемся через себя свое; как всем в мире мы пользуемся для семени своего» («Люди лунного света»).

От такой проповеди целомудрия иным «толстовцам», конечно, не поздоровится. А между тем здесь именно проповедуется *истинное целомудрие*, какое должно проникать и человека, не отказывающегося от нормальной половой жизни. Думаю, наконец, что подобный род проповеди относительного целомудрия достигнет на практике лучших результатов, чем отвлеченная, наджизненная, головная толстовская проповедь целомудрия абсолютного.

«Розановский» мотив отыскиваем, как это ни кажется невероятным, у... Канта. Мало того, наводит нас на этот мотив в кантовской философии не кто иной, как именно Лев Толстой. Со стороны Канта, с его «категорическим императивом», и в особенности со стороны Льва Николаевича, с его отрицанием плоти, это *совершенно непоследовательно*. Введение же подобного мотива в круг своих поучений и немецким, и в особенности русским мыслителями-идеалистами объясняется, очевидно, только *силой этого мотива*, втайне ими сознаваемой.

Говоря это, я имею в виду то обстоятельство, что Л. Н. Толстым введено в его «Круг чтения», который он сам считал квинтэссенцией мировой мудрости, следующее обращение Канта к молодежи:

«Молодой человек! отказывай себе в удовлетворении твоих желаний (в увеселениях, в роскоши и т. п.)⁷², если не из намерения совсем отказаться от удовлетворения их, *то из желания иметь в виду все более возрастающее наслаждение*. Такая бережливость по отношению к твоему жизненному чувству сделает тебя, благодаря *отсрочке наслаждения*, в действительности богаче. Сознание, что наслаждение находится в твоей власти, плодотворнее и обширнее, чем удовлетворенное посредством этого наслаждения чувство, потому что вместе с удовлетворением оно уничтожается»⁷³.

Совет, который, действительно, может быть благотворным для молодежи. Но — *мотивировка*, — достижение высшей степени наслаждения, — имеют ли право Кант и в особенности Толстой пускать ее в оборот? Нет.

Полное целомудрие! Дай Бог, чтобы хоть мужья-то женам и жены мужьям были верны, а то ведь и этого-то нет.

Подняться на ступень безбрачия, целомудрия (притом — *действительно подняться*, без опасности извращения полового чувства) могут лишь самую природою к тому предназначенные люди. Самое физическое их устройство, характер помогают духу в осуществлении этой задачи.

Вот таким именно описывает Борис Зайцев Сергия Радонежского:

«...Жизнь Сергия дает образ постепенного, ясного, внутренне-здорового движения. Это непрерывное, недраматическое восхождение. Святость растет в нем органично.

...Насколько можно чувствовать Сергия, чрез тьму годов и краткие сообщения, в нем вообще не было улыбки. Св. Франциск душевно улыбается — и солнцу, и цветам, и птицам, волку из Губбио... Св. Сергей ясен, милостив, “страннолюбив”, тоже благословил природу, в образе медведя близко подошедшую к нему... В нем нету грусти. Он как будто бы всегда в сдержанной, кристально-разреженной и *прохладной* атмосфере. В нем есть некоторый север духа.

...За всю, почти 80-летнюю, жизнь его нигде, ни на одном горизонте не видна женщина. Юношей отошел он от главнейшей “прелести” мира... Все “житие” нигде женщиной не пересечено — даже настоятельницей монастыря соседнего, поклонницею и “женою-мироносицей”, как св. Клара в жизненном пути Франциска. В прохладных и суровых лесах Радонежа позабыто само имя женщины... Как будто Сергей-плотник лишь мужской святой, прохладный для экстаза женщины и женщин будто вовсе не выдавший.

...Прохлада, выдержка (так и хочется сказать: суховатость. — *В. Б.*) и кроткое спокойствие, гармония негромких слов и святых дел создали единственный образ русского святителя.

...Сергий — пример ясности, света прозрачного и ровного»⁷⁴.

Вот — облик «святого» от рождения, — очевидно, и своеобразным духовным складом, и самым организмом своим предуготованного к этой роли. И много ли таких людей?!

И как же — те, высоко одаренные, чистые и святые люди, кому не так легко далась эта святость, кто не имел «прохладности» и, скажем, суховатости Радонежского святого? Возьмите Франциска Ассизского. Недаром биограф русского святого неоднократно обращается к сравнению Сергия с Франциском. Франциск — христианин *второй* после самого Христа, быть может, по степени приближения к идеалу, провозглашенному Евангелием, — и, однако, даже на высотах святости он не освободился окончательно от соблазна брака и любви к женщине. (Молодость Франциска, как известно, была очень бурная.) Б. Зайцев упоминает о св. Кларе. А известная легенда о том, как Франциск, томясь физически и душевно одиночеством и тоскуя по семейной жизни, выбегал зимою на двор, лепил фигуры (итальянских «баб») из снега и *обнимал их, как жену и детей*, чтобы успокоиться?!

Да что Франциск! И у самого чистейшего и «прохладнейшего», суховатого Сергия Радонежского, не знавшего женщин, естественное стремление к соединению с женским началом, по словам его благоговейного биографа, все же, по-видимому, нашло какое-то отдаленное выражение — *в культе Богородицы, Пречистой Девы*: «глубокой ночью ежедневно, в келии, он пел акафисты и молился Богородице». В смысле верности этому культу Богородицы-Мадонны, «Сергий был типичным средневековым человеком в русском облике», — говорит тот же Б. Зайцев. Совершенно верно! Вот еще лишнее подтверждение почти полной невозможности даже для самой высокой человеческой святости отречься совершенно от культа женщины хотя бы в самой неожиданной форме. Действительно, мы знаем, какое огромное значение имел и имеет в католичестве и в католическом монашестве культ Мадонны.

Для людей «лунного света» (выражение Розанова), какими и были у нас, по-видимому, Сергей Радонежский и, между прочим, Серафим Саровский, даже в невиннейшем и святейшем культе Богоматери, Пречистой Девы открывается все же выход для незыблемо и непостижимо закрепленного в нас, в нашей духовной и плотской природе, влечения к соединению с Женским Началом, хотя бы в мистическом и сверхплотском его значении.

Таков закон Жизни, закон Природы. Таков, несомненно, закон самого Господа Бога, руководящего, по представлению «святых», как жизнью вселенной, так и жизнью человека и каждой букашки во вселенной.

Есть очень поэтические объяснения и оправдания того *безбожного, противуестественного* состояния, в которое ставят себя аскеты и монахи, отказывающиеся от нормальной, полноценной человеческой жизни. Тонкий и нежный Гюисманс, в душевной растерянности и одиночестве своем нашедший приют у католиков и религию с ее требованиями воспринимавший больше как художник, так говорит о монастырях и о монастырской доле:

«...Именно монастыри обуреваемы темными силами; там ускользают от них души, и они во что бы то ни стало хотят их покорить себе. Нет на земле места, которое так охотно посещалось бы темными силами, как келия; никто не мучится так, как монах» («В пути»).

Мотив этот повторяется и у других писателей. То же самое отмечает Б. Зайцев в своей книге о православном Афоне⁷⁵.

«Темные силы», дьявол — вот кто виновник! Как это странно — эта ветошь понятий — в устах просвещенных людей! Почему же эта просвещенность не подскажет им, что там, где на пути бурного потока воздвигается искусственная преграда, он выходит из берегов? что там-то именно, где нормальные проявления жизни пресекаются, и создается питательная среда для возникновения всякого рода эксцессов и извращений? что, в этом смысле, сопротивление тому, что монахи называют «темными силами» и что, в действительности, является благодетельной, живой силой жизни, бесплодно? и что слепой аскетизм, по существу, есть не что иное, как только душевная болезнь и дурной вид богоборчества?

Но, рано или поздно, должны это понять и Гюисмансы. И чем раньше это будет, тем лучше для них и для общечеловеческого духовного и физического здоровья.

Что проделывают «темные силы» с аскетами, хорошо показывают философские и поэтические произведения средневекового мистика Рейсбрука Удивительного (1273–1381), одно время увлекавшего наших декадентов.

Общая установка Рейсбрука, которую он дает в своем сочинении, носящем выразительное название «Одеяние духовного брака», такая. Есть три главных, могущественных врага, которые нас искушают и борются с нами «во всякое время, во всяком состоянии и многими способами»: это — *дьявол, мир* и наша *плоть*. Если мы заключаем мир с одним из них и если мы следуем ему, то мы побеждены, ибо враги эти «сходятся во всех распутствах».

Значит, для того, чтобы стать христианином, надо отказаться: 1) от собственной плоти и 2) от мира. А это уже будет обозначать и отказ от дьявола. Иначе говоря, мир и наша плоть — это и есть дьявол. Веселенькая теория, нечего сказать!

И, однако, если мы откажемся от нее, то мы — в «духовной» области — ни за что не переживем того, что переживает Рейсбрук.

Что же он переживает? Все время рассуждая о Христе, как о *женехе*, он повествует нам о духовном сладострастии сердца и всех телесных сил, ощущения которого, «в божественных перегибах любви», «более велики и сладострастны для тела (!) и души, чем все сладострастия земли». Он

повествует также о «духовном опьянении», рождающемся от «этих сладострастий». Это «опьянение», в свою очередь, является причиной странных привычек и проявлений у тех, кто ему поддается, а именно: кто поет хвалы Богу, кто плачет, кто заражается нетерпением во всех своих членах, так что начинает бегать, прыгать и топать; кто «начинает производить телодвижения и рукоплескать»; кто «кричит громким голосом»; кто «принужден молчать и таять от наслаждения во всех своих чувствах»... И Рейсбрук Удивительный добавляет: «Это — *жизнь наиболее сладострастная, с точки зрения телесных чувств*, какой человек может достичь на земле; в известные мгновения это сладострастие становится таким огромным, что человек воображает, что сердце его сейчас разорвется».

Иначе говоря: гони природу в дверь, она войдет в окно!

Отношения между Богом и человеком Рейсбрук трактует как отношения между двумя «влюбленными». К чему это все? Если он религиозно добросовестен, то, очевидно, к тому, чтобы научить аскетов не жалеть об отказе от любви и влюбленности обыкновенной, которая может быть заменена любовью-«влюбленностью» серафической, экстатической, бесплотной, духовной... Странный выход для существа, принадлежащего к миру, который природою или самим господом Богом, по церковной терминологии, целиком создан во плоти!

В другом своем произведении — «Книге двенадцати бегинок» — Рейсбрук Удивительный вкладывает в уста одной фламандской монахини-бегинки такие слова об Иисусе:

«Он ускользает от меня, как бродяга!» — в ответ на что другие бегинки раздражаются следующими признаниями:

Я пирую вместе с Иисусом.
Он мой и я — Его.
Он меня расходует ночью и днем,
Он украл мое сердце;
Я поглощена Его ртом.
Мне нечего делать вовне!⁷⁶

Вот вам и аскетизм!

Читаю Пржевальского «Из Зайсана через Хами в Тибет». Описание Лхасы. Стр. 221: «...Народ весьма испорчен нравственно... Между (монашествующими) ламами сильно распространен грех содомский». Но ламы верят, что все грехи их им простятся, потому что они совершены в священном городе.

Вот и еще образец неудачной борьбы с природой. Целибат ламаистский, оказывается, «не хуже» католического. Струна слишком, неразумно натянута — она лопается...

«Что такое блуд? — спрашивает Мережковский. — Это — запуганный, загнанный в самый угол души и тела, и здесь разлагающийся пол. Это — пламя, которое гасят, но не могут погасить, и которое, тлея, превращается в чад»⁷⁷.

Глубокая правда скрыта в этих словах, и девять из десяти монашествующих и «толстовствующих», наверное, подтвердят в душе справедливость этого патолого-психологического наблюдения оригинального мыслителя и младшего современника, но не единомышленника Толстого. Конечно, иной монах или монашествующий, боясь пошевелиться в рамках доктрины, чтобы нечаянно их не сломать, и чад предпочтет огню, предпочтет тлеть, только бы не гореть, только бы не подчиняться голосу Природы, по роковому заблуждению отождествляемому чуть ли не с дьявольским, и даже именно с дьявольским искушением, но только — ох! и жестоко же мстит таким отщепенцам жизни, выпадающим из ее ритма, эта стихийная, в себе несущая законы для всего живого, неудержимо стремящаяся к своим целям могучая сила природы!

Есть прекрасный, особенно близкий моей душе, роман испанского писателя Пио Барохи «Путь совершенства», о значении чистой любви в браке. Пио Бароха сам себя называет почти дилетантом в литературе, и дилетантство его тут как раз очень дорого: оно — залог искренности.

Вот — содержание «Пути совершенства».

«Испорченный мадридский юноша, аристократ по происхождению, утомленный никчемной столичной жизнью, отправляется, сначала пешком, потом то пешком, то верхом, то в экипаже, бродить по своей родной стране — по Испании... Терпит голод, холод, приключения... Наблюдает деревню, интересуется архитектурой старинных городов... Заходит в церкви и часовни. Одно время его манит к себе идея церкви, аскетизма. Душа у него тонкая, художественная. Он мил, наблюдателен, умен...

Но потом он постепенно убеждается, — ясней, чем день, — что церковь выветрилась, выдохлась, просто-напросто обмирщилась, обмещанилась и излицемерилась до последней степени. Вернее — умерла. И держит власть над такими же мертвыми людьми...

А тут — встреча, почти нечаянная. Дальняя родственница, красавица-девушка, молоденькая, чистая. Бойкая, развитая и не неглубокая...

Полюбил. Встретил взаимность. Женился. Женился — и счастлив, самым хорошим, страстным чистой страстью, глубоким глубиной взаимной привязанности, естественным, необходимым и прекрасным — как утро, как вечер, ночь, солнце, луна и звезды, воздух, лес, деревья, — вот таким счастьем счастлив.

И все — мучившее — прошло. Прошла хандра. Прошло недовольство жизнью. Брюзжанье. Беспорядочного разврата уже нет, не может быть и никогда не будет. Человек спасен. Человек вочеловечился.

Фернандо чувствовал, как в его душе и теле, словно поток глубокой, чистой реки, растет мощное, сильное желание любви. Иногда... он принимался анализировать себя. И, замечая, что начало этого потока жизни и любви теряется где-то в бессознательном, он думал, что он — это как бы ключ, бьющий из недр природы и отражающийся в себе самом, а Долорес — большая река, в которую он впадает. Да, она — великая, мощная река природы. Теперь, яснее, чем когда-либо, Фердинанд понимал все огромное величие женщины и, целуя Долорес, верил, что она послана ему самим Богом, — этим неизвестным, но живым Богом, который творит семена и вечно колеблет мертвую материю содроганиями жизни.

Перед Долорес он чувствовал уважение, как перед некоей священной тайной. В ее душе и в ее теле, верил Фернандо, в ее груди и в округленных руках заключено больше науки жизни, чем во всех книгах мира. И видел он, как в искреннем, здоровом сердце его жены бьются великие, неясные чувства: Бог, вера, жертва, — все.

...Счастье его не было захватывающим, подавляющим: оно не было страстью, мучимой беспокойствами и опасениями. Они вполне понимали один другого, — может быть, именно потому, что никогда не старались понять.

Ко всему Фернандо ощущал какой-то особый прилив нежности: к доброму солнцу, которое своим нежным теплом ласкало поля, к земле, вечно щедрой и вечно плодотворной...»

А потом родился ребенок, и отец, сидя у его колыбели, давал себе слово «беречь мальчика и удалять от него смущающие, мрачные идеи искусства и религии...» Пускай сын его «в жизни этой увидит не скорбные тайны, а несказанные, светлые прелести».

Когда знаешь, скольких людей и как ломали, в молодости их или даже в зрелом возрасте, ложно понятые принципы религии и морали, все эти прещения и запрещения естественной человеческой жизни ради созданного необузданным, фанатическим воображением идеала мнимо-чистой и мнимо-бесплотной жизни, то радуешься душевно за судьбу опоминающихся вовремя Фернандо, радуешься смелости и глубине ума писателя, поставившего и правильно разрешившего старую, наболевшую проблему, к которой, по большей части, подходили односторонне.

А жизнь сторонников идеи целомудрия? Да вот она! В том же романе живописует Пио Бароха быт маленького испанского городишки Йекоры, всецело находящегося под влиянием и в руках многочисленного местного католического духовенства.

«...Йекора осталась в тисках суровой, формалистической, бездушной религии, в лапах у маленьких кациков, крючкотворов, ростовщиков, попов, людей с грязными пороками и с жалкими, лицемерными фразами на устах.

...Жизнь в Йекоре — мрачная, унылая, отталкивающая... Нигде не заметно, чтобы кто-либо заботился об удобстве или красоте. На лицах не видно улыбок. На улицах не встретишь девушек с цветами на волосах, и не увидишь по вечерам молодых людей под балконами возлюбленных. Мужчина, соединяясь с женщиной, чувствует какую-то боязнь и мрак на душе, как будто пол есть нечто постыдное и преступное...» (Это — совсем как у «толстовцев»!). «...Женщина уступает мужчине без страсти, без желания нравиться, рождает детей без любви, без наслаждения, думая, вероятно, об адских муках, которыми угрожал ей священник, и эту свою варварскую боязнь греха передавая только что родившемуся существу».

«Варварская боязнь греха...» Конечно, бывает и такая! У примитивных людей прежде всего: у крестьян, не вышедших из круга интересов одной деревни и еще не порвавших с церковью, у наших бывших купцов замоскворецких и приволжских. Тут образ Кабанихи из «Грозы» Островского выплывает в памяти, фигура Манефы из его же комедии «На всякого мудреца довольно простоты». Но поддаются «варварской боязни греха» и многие сектанты, из тех, что «не приемлют мира» и придерживаются утверждения о греховности плоти. «Толстовцы» — в том числе.

«Варварская боязнь греха» — заразительна. Архимандрит Фотий заразил ею стареющего Александра I, быть может, действительно превратившегося в старца Федора Кузьмича. Отец Матвей Константиновский — Гоголя. Неведомые силы (юродивый Гриша? оптинские старцы? русская, византийско-православная, религиозная традиция вообще?) — Л. Толстого.

Нужно новое Возрождение, как в 15 и 16 веках, новый кризис веры, чтобы «варварская боязнь греха» исчезла. В этом отношении все, что привнесли в русскую жизнь глашатаи идеи коммунизма, сыграет, и во многом сыграло уже, положительную роль. Люди пробудились к вере в себя, к вере в жизнь, к инициативе, к творчеству, к счастью. Попы из Йекоры их уже не запугали бы.

В августе 1910 года Л. Н. Толстой получил от сибирского крестьянина Василия Ермохина, когда-то посетившего его в Ясной Поляне, статью *о безбрачии*. В статье высказывалась и доказывалась мысль о том, что формула «плодитесь, множьтесь и наполняйте землю» *устарела* и что ее надо заменить формулой: «совершенствуйтесь». Хотя формула «устаревала», от сотворения мира, когда она впервые, по Библии, была провозглашена, в продолжении не менее (по церковному счету) 7000 с лишним лет и «устарела» окончательно только при Ермохине, Лев Николаевич «с большим интересом» прочел статью о безбрачии, приветствовал ее «цельность», констатировал в письме к В. И. Ермохину от 12 августа 1910 г., что «он с ним одних и тех же взглядов», и выразил удовольствие «быть в общении с такими людьми»⁷⁸.

Может быть, общение с своеобразным мыслителем из народа, а вероятнее всего — своим последователем, и было, действительно, приятно для Льва Николаевича, но неужели сибирский крестьянин и на самом деле прибавил что-то, своими рассуждениями об «устарении» библейского закона о бытии и продолжении рода человеческого, к мировоззрению великого Толстого?

Иудаизм, как я уже говорил, не является столь абстрактным, столь оторванным от земли учением, как христианство. В нем меньше идеализма, романтизма, эстетизма, меньше порыва и полета, чем в христианстве, но, кажется, больше истинной мудрости и понимания человека и жизни.

— Старый-то Бог умнее нового Бога — говорила, сравнивая отношения иудаизма и христианства к половому вопросу, одна очень оригинальная старуха в Москве. Она интересовалась Толстым и «принимала все» у него, кроме его отношения к половому вопросу, и слово Библии «плодитесь и размножайтесь...» казалось ей в данном случае более веским, чем слово Евангелия.

Учение иудаизма отдает себе отчет в том, что у жизни есть свои законы и что нельзя не считаться с ним. Требования природы извечны. Просто «отменить» их не дано даже и Христу. Учение о самоотречении, о любви к другому больше, чем к самому себе, ведет к походу против собственной жизни, а, следовательно, и к походу против жизни вообще, между тем как природа предписывает нам не самоуничтожение, а самоутверждение. Тайное еврейское учение Кабала, глубокая философия, выраженная в форме мифологической и символической, касается вопроса о половой жизни и рассматривает половой акт как выражение воли к жизни, как акт творческий, и, следовательно, божественный. Важна и функция питания, но эта функция служит лишь продолжению жизни, тогда как в половом акте и посредством полового акта

творится, создается новая жизнь. Отсюда — и экстаз полового акта. Согласно еврейскому законодательству, даже верховный первосвященник, *коэн-гадоль*, должен быть женат. Если у него умирает жена, то он на время, до новой женитьбы, отстраняется от исполнения своих обязанностей. Предполагается, что состояние безбрачия может содействовать зарождению и развитию в душе человека, — в данном случае первосвященника, — таких чувств, которые могут помешать гармоническому, нормальному ходу его духовной жизни. Точно так же и обыкновенный раввин должен быть женат. (И тут — никаких celibатов!) Бессемейный раввин не получает должности.

Читал «Историю еврейского народа», т. 1, древнейшую эпоху еврейской истории, под редакцией Н. Никольского (1917), и там наткнулся на текст декалога Моисея в его первоначальном виде, еще до записи в Библии. Все — проще и ближе к сути дела, чем в библейской редакции. А, в частности, заповедь седьмая читается не «Не прелюбодействуй», а «*Не нарушай брака*». И это понятно и вполне отвечает трезвому еврейскому духу, тогда как позднейший вариант «Не прелюбодействуй» недостаточно ясен и допускает перетолкования, вроде... толстовского: не нарушай целомудрия, не прикасайся к женщине. Но старое, оно же и классическое, религиозное и нравственное законодательство вовсе не имело в виду толстовско-христианско-сектантского монашества. Люди еще не знали в ту пору декаданса человека.

Можно ли разводиться? Думаю, что в каждом отдельном случае этот вопрос решается особо, индивидуально. Огромное значение имеют дети. Для родителей бездетных и для имеющих детей совершенно иначе стоит вопрос о разводе. Количество, возраст, свойства детей, степень привязанности тех или иных из них к отцу или к матери тоже играют роль. Могут играть роль, и даже решающую, и многие другие частности... Ну, а вообще, *принципиально* я, конечно, не стою на точке зрения католической церкви о полной недопустимости разводов. А евангельский завет: «что Бог сочетал, того человек да не разлучает»⁷⁹ — вызывает во мне некоторое недоумение. Что разумеется здесь под «человеком»: муж? жена? или... чиновник, священник, производящий развод? Неясно... И *по духу* Евангелия, мне тоже неясно, что сказал бы Иисус запутавшимся в противоречиях и окончательно охладевшим друг к другу мужу и жене? *Он*, кто с таким предельным пониманием, с такой предельной гуманностью и любовностью отнесся к женщине, омывшей его ноги благовониями и осушившей их своими волосами, к «грешнице», которой угрожало побиение камнями? Не может быть, чтобы, как какой-нибудь тупой католический лоб, благой Иисус, лишь во имя соблюдения требований формального «закона»,

вязал бы железной цепью то, где ни единой «плоти», ни «духа» единого уже не было! Иначе не он, а кто-то другой должен был провозгласить это великое: не человек для «субботы», а «суббота» для человека...⁸⁰ Под поезд Анну Каренину он бы не послал...

Мне, конечно, сейчас же напомним о другом высказывании Иисуса: о том, что кто разводится, прелюбодействует, и кто женится на разведенной, прелюбодействует тоже⁸¹. Но эти мужественные и строгие слова я лично (может быть, ошибаясь), воспринимаю, действительно, как протест против разводов, но только — разводов у легкомысленной, развращенной, избалованной, безумной толпы, — не столько «плебса», сколько «сметанки» общественной, — той толпы, того «большинства», для представителей которых перемена жены, мужа кажется слишком легким и безответственным делом. Не вижу я, что ли, что было бы безумием одобрять и поощрять такого рода разводы?! Вот, советская власть запретила легкие, безответственные разводы в Советском Союзе, потому что они уже стали прямым *социальным злом*, не переставая, конечно, быть в то же время и злом нравственным. Но разве речь идет об этих разводах людей, которые за свою совместную жизнь, вероятно, даже не успели и не удосужились понять, что такое «брак». Нет, нет, не в этом дело! Тут все ясно. Брак есть брак — и крышка. А мы говорим о случаях *исключительных*, где и брак был добросовестен, и развод тоже совершается на основаниях *добросовестности*. И вот о таких случаях мое мнение такое: держать ставших чужими друг другу людей в браке *насильно* — нельзя. Не только нельзя, но даже безнравственно и преступно.

Это безусловно относится к тем случаям, когда разойтись желают и готовы и муж, и жена. Ну, а как же там, где только один из супругов готов к разводу? Там — отдельное решение для каждого отдельного случая, по совокупности всякого рода частных, как я уже и говорил выше. И все же среди этих отдельных решений я допускаю и разводы. Покидать супруга или супругу, когда они еще любят и преданны, конечно — дело жестокое. Но, по-видимому, и оно становится подчас неминуемым. Да и как может быть иначе? Ведь и принуждать не любящего или не любящую к сожитию тоже жестоко, более, чем жестоко. *Любовь*, истинная любовь в таком положении должна подсказать любящему или любящей другое: не нудить к сожителю отошедшего от тебя человека, а пойти на жертву и добровольно освободить его от данного слова. Если, без любви, для человека брачное сожитие является тюрьмой, то зачем же задерживать его в тюрьме? А если еще и любишь его, то тем более.

Впрочем, вопрос это настолько острый и болезненный, что и тут мне чье-нибудь раненое сердце может возразить: «Хорошо вам рассуждать! вас, видно, не коснулось горе! чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу!..»

Нет. Пишу на основании и продуманного, и пережитого.

Почему Л. Н. Толстой в своих статьях и рассуждениях был более ригористичен, чем в своих художественных произведениях (если не говорить о дидактической «Крейцеровой сонате»)? Не потому ли, что в первых он слушал *себя, своей воли, своих желаний*, а в последних шел послушно за голосом истины, поскольку голос этот для художника отождествлялся с *голосом жизни, с голосом природы?*

Взять хотя бы «Анну Каренину». Мне понятно, что запугавшаяся в противоречиях своего положения Анна должна была или могла покончить с собой, но мне не кажется все-таки, чтобы своим знаменитым романом Толстой доказал ненужность и преступность *всех* разводов. И если даже Лев Николаевич клонит постепенно мораль романа в эту сторону, то все же, желая оставаться художником, т. е. оставаться правдивым, он вынужден пользоваться совершенно другими тонами и красками для изображения духовного состояния идущей к разводу, как к необходимости, женщины, чем те тона и краски, с какими мы встречаемся в его философских статьях и изречениях.

«...Я ли не пыталась любить его (Каренина), любить сына, когда уже нельзя было любить мужа? — рассуждает, беседуя без слов сама с собой, Анна. — Но пришло время, я поняла, что я не могу больше себя обманывать, *что я живая, что я не виновата, что Бог меня сделал такою, что мне нужно любить и жить...* И Он знает все это, знает, что я не могу раскаиваться в том, что я дышу, что я люблю, знает, что, кроме лжи и обмана, из этого ничего не будет» (ч. 3, гл. XVI).

Анна «никогда не сомневалась в религии, в которой был воспитана», но «мысль искать своему положению помощи в религии была ей чужда», потому что «она знала наперед, что помощь религии возможна только под условием отречения от того, что составляло для нее *весь смысл жизни*» (ч. 3, гл. XV).

Опять — жизнь и жизнь! Непреодолимое требование жизни! Что, в самом деле, подумаешь, за «преступление» со стороны бедной женщины, вышедшей замуж не любя и никогда перед тем не любившей: полюбила!..

Впрочем, если сама «преступница», полюбившая женщина, может считать, что любовь и жизнь — одно, то моралист может объяснить и, конечно, объясняет это увлечением, страстью, ослеплением и т. д. Однако и *сам муж*, т. е. существо «пострадавшее», оценивает положение, в сущности, точно так же. Вот что, за Каренина, говорит автор романа: «Алексей Александрович *стоял лицом к лицу перед жизнью, перед возможностью любви в его жене к кому-нибудь кроме его, и это-то казалось ему очень беспомощным и непонятным, потому что это была сама жизнь*. Всю жизнь свою Алексей Александрович прожил и проработал в сферах служебных, имеющих дело с отражениями жизни. И каждый

раз, когда он сталкивался с самою жизнью, он отстранялся от нее. Теперь он испытывал чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, спокойно прошедший над пропастью по мосту и вдруг увидавший, что этот мост разобран и там пучина. Пучина эта была — сама жизнь, а мост — та искусственная жизнь, которую прожил Алексей Александрович» (ч. 2, гл. XVIII).

Мы понимаем, что и автор романа, Толстой, не мог говорить иначе, если он хотел, чтобы мы поверили правдивости его описания.

В том же романе Толстой спокойно констатировал, что Левин не мог успокоиться, «потому что он, так долго мечтавший о семейной жизни, так чувствовавший себя созревшим для нее, все-таки не был женат и был дальше, чем когда-нибудь, от женитьбы. Он болезненно чувствовал сам, как чувствовали все его окружающие, что *нехорошо в его года человеку одному быти*» (ч. 2, гл. XVII).

Главы же о влюбленном состоянии Левина, о возвышенности и чистоте этого состояния (ч. 4, гл. IX, XI, XII–XVI) являются *настоящим гимном любви мужчины к женщине* — гимном, созданным именно художником, а не моралистом Толстым.

«...Левин чувствовал, что у него *выросли крылья*... Он чувствовал себя *на высоте*, от которой кружилась голова, и где-то там внизу, далеко, были все эти добрые, славные Каренины, Облонские и весь мир» (гл. IX).

«Выросли крылья»... Лев Николаевич едва ли знал (а может быть, и знал) об изречении Бетховена: «Музыка и любовь — крылья души» («Musik und Liebe — Flügel der Seele»), но, во всяком случае, он, в подлинном величии своем, умел воспринимать любовь по-бетховенски, что и доказывают названные главы «Анны Карениной». Или главы эти — лишь плод «настроения», «самообмана»?

Однако другое место в них кажется мне еще более существенным и важным, это — описание встречи Левина и Кити в момент приезда его к родителям девушки с целью сделать предложение:

«...Только что она вышла, быстрые-быстрые легкие шаги зазвучали по паркету, и *его счастье, его жизнь, он сам — лучшее его самого*, то, чего он искал и желал так долго, быстро-быстро приблизилось к нему. Она не шла, но какою-то невидимой силой неслась к нему.

Он видел только ее ясные, правдивые глаза, испуганные той же радостью любви, которая наполняла и его сердце. Глаза эти светились ближе и ближе, ослепляя его своим светом любви. Она остановилась подле его самого, касаясь его. Руки ее поднялись и опустились ему на плечи.

Она сделала все, что могла, — она подбежала к нему и отдалась вся, робея и радуясь. Он обнял ее и прижал губы к ее рту, искавшему его поцелуя» (гл. XV).

Ну, что ж? Надуманно ли это, неестественно ли, «нехорошо», «безнравственно»? Нет, мы не чувствуем ничего подобного! Тут совершилось величайшее и святое таинство встречи и единения мужского и женского начал — встречи и единения как залога не умирающей и творящей жизни, — и мы, хотим ли мы этого или не хотим, в душе благословляем союз Левина и Кити, как благословляет его автор — художник-правдолюбец.

Тот же смысл имеет поэтическое описание венчания Левина и Кити. Тем же смыслом проникнуто описание первых родов Кити и появления на свет «человеческого существа, которого никогда прежде не было и которое так же, с тем же правом, с той же значительностью для себя, будет жить и плодить себе подобных» (ч. 7, гл. XV). Все — *радость, веселье, счастье*, хотя и связанные подчас с физическими и нравственными страданиями, страданиями движения, роста, но все же радость, веселье и счастье, и в глазах религиозных людей — благословение Божие, осуществление им установленного закона.

Левин находит мудрыми, глубокими и подходящими к торжеству слова церковных молитв и утверждений, связанных с обрядом венчания, — и мы их находим такими же:

«...Боже вечный, расстоящийся собравый в соединение и союз любви положивший им неразрушимый; благословивый Исаака и Ревекку, наследники я Твоего обетования показавый: сам благослови и рабы Твоя сия, Константина, Екатерину, наставляя я на всякое дело благое... Ты бо изначала создал еси мужеский пол и женский, и от Тебе сочетавается мужу жена, в помощь и в восприятие рода человека. Сам убо, Господи Боже наш, пославый истину на наследие Твое и обетование Твое, на рабы Твоя отцы наша, в коемждо роде и роде, избранные Твоя: призри на раба Твоего Константина и на рабу Твою Екатерину и утверди обручение их в вере, и единомыслии, и истине, и любви... О еже ниспослатися им любви совершенней, мирней и помощи, Господу помолимся» (ч. 5, гл. IV).

И где же, в самом деле, больше вековой мудрости — здесь ли или же в позднейших попытках Л. Толстого подорвать нравственную основу брака, охаять, очернить, принизить и, главное, внутренне выхолостить, освободив от всего высокого и духовного, чувство подлинной, истинной любви между мужчиной и женщиной?

Потуги и попытки эти поистине оставляют нас равнодушными и в жизни мира ничего не меняют.

Вопрос о семье всегда связывался буржуазными философами и публицистами, а пуще — теми, кому они служили, т. е. представителями капитала, с вопросом о собственности. Доказывалось и казалось, что как скоро человек женился и завел семью, то он обязательно должен был в доступной ему, максимальной степени обзавестись и собственностью. И вот производилось жадное, безудержное, часто бессмысленное и поглощавшее все силы главы семьи накопление, — и все якобы во имя семьи. Попечением о семье оправдывалась, между прочим, и крупная собственность на землю. Советская действительность выявила необоснованность такого взгляда. Семья в СССР существует, а собственности на средства производства (имения, фабрики, крупные торговые предприятия) нет. Семья в СССР — *трудовая*. Здесь часто работают и жена, и муж, причем накоплению *трудовой собственности*, до собственных домов включительно, препятствий не ставится. Однако помещиков, купцов и фабрикантов нет, как нет, в какой бы то ни было степени, и капитализма вообще.

Семья, как оказалось, может прожить и с этой ограниченной собственностью. Дети в СССР растут счастливые и здоровые, но не перекормленные до степени молодых, породистых поросят и не избалованные вконец ничегонеделанием. Государство во многом (бесплатное образование, лечение и т. д.) приходит на помощь семье. Счастливы же советские семьи не меньше, чем в старом, отошедшем в прошлое обществе.

Все это — лишний довод в пользу семейной жизни. «Целомудренникам» (исключая людей особого призвания, воздерживающихся от вступления в брак) делать на земле нечего. Ни Толстой с его идеалистическим спиритуализмом, ни Мальтус с его буржуазно-материалистической статистикой поколебать семью не могли.

В старые времена было много (теперь меньше) «женоненавистников» или, по крайней мере, людей, скептически оценивавших способность женщины к культурной и общественной работе. Может быть, кое в чем «женоненавистники» были и правы. При *капиталистическом* режиме женщины *буржуазного* класса, действительно, едва ли только не своей наружностью да нарядами и занимались. И производили впечатление пустых и никчемных. И так тянулось, уже сыздавна, из рода в род... Поневоле женщина сохранялась только как самка и умирала, обесценивалась как культурная и общественная работница.

К женщинам не было доверия. У них не было прав. И, помню, разделяя сам некоторые из делавшихся женщинам упреков, я еще тогда, в молодые годы, пришел к тому выводу, что единственное средство дать женщинам подняться состоит в том, чтобы, во-первых, оказать им доверие и, во-вторых, предоставить им, на равных основаниях с мужчинами, всякую работу, какую

только они захотят. На этом доверии, на этой работе, на *равноправии* женщина только и выправится!..

Ныне я должен констатировать, что мечта моя выполнена Советским Союзом. Именно тут (но никак не в буржуазных странах) женщине оказано правительством и законом *полное* доверие и предоставлено *полное* равноправие с мужчинами в выборе профессии и работы. Ей обеспечены также *все возможности* для того, чтобы подготовиться к тому или иному роду труда и профессии. Результат? Женская доля труда и влияния в Советском Союзе огромна. Эта доля велика и в управлении государством, и в культурном строительстве, и в промышленности, и в коллективном сельском хозяйстве. В лихие 1941–1945 годы женщина с винтовкой в руках защищала Родину — партизанкой или бойцом в регулярных войсках. Женщина везде избирает и избирается, на равных правах с мужчиной. Все это создало новый тип *советской женщины*, высокий, деятельный и гордый тип любимых дочерей страны. От буржуазных «дам» в советской женщине, в массе, уже ничего, ничего не осталось — ни в наружности, ни в привычках, ни в общественном положении: женщина всюду смело выступает вперед как равноправный участник в строительстве социалистической культуры. Она — на высоте и как жена и мать, и тут государство, где нужно, тоже идет во всем ей навстречу. Исчезает кокетство, исчезли манерность и лживость несчастных рабынь буржуазного режима. Женщина не связана «навек» и цепями брака и не должна годами лить напрасно тихие слезы, сожительствова с чужим человеком, как это слишком часто бывало раньше.

Да, положение женщины несравненно достойнее и счастливее, чем было в прошлые времена. Но Советскому правительству и этого кажется мало. Оно идет последовательно все вперед в своем стремлении поднять женщину, защитить ее права, оказать ей полное доверие и дать полную возможность проявить себя. Таким именно духом наполнено остающееся в постоянной памяти у меня постановление ЦК ВКП(б) от 8 марта 1949 г. по поводу празднования «Женского дня». В нем, наряду с констатированием того, что уже сделано государством и партией для женщин, намечаются новые пути к поднятию женского благосостояния. «Жизненно важная государственная задача, — пишет по поводу упомянутого постановления газета «Правда» в передовой статье, — выдвижение женщин на руководящую работу. Партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации *обязаны решительнее и смелее выдвигать женщин на руководящую государственную, партийную, хозяйственную, профсоюзную и комсомольскую работу*». Значит, *никаких сомнений* в пригодности женщин для всех родов труда! Приказ — довести до 100 процентов доверие к новой женщине!

Поистине — замечательный приказ. Смелость гения-реформатора, ясно видящего перед собою сознательно намеченную великую цель. Полнейший разрыв с прошлым и с его предрассудками. Передовое общественное и со-

циальное творчество в самом глубоком и лучшем значении этих слов. Новая веха на пути к подлинному коммунизму.

Для немецких песенок в веселом венском роде: «Wein, Weib und Gesang!»⁸² и т. д. — уже не осталось места. Советская женщина занимает такое же положение в обществе, как и ты, мужчина. Радуйся! Ведь только теперь и дружба, и любовь ваша может быть двухсторонней и полной, без «снисхождения» и «покровительства» с одной стороны. Только теперь может получить настоящее осуществление и завет Шейха Сиры Сактинского о том, что «любовь совершается между двумя личностями только тогда, когда один скажет другому: я — это ты».

V

Смысл культуры

Что такое культура?

«Воля человека постоянно ищет и находит средства заставить его держаться за жизнь и продолжать жизнь, при помощи тех иллюзий, которые она составляет себе относительно всего существующего», — говорит Ницше в «Происхождении трагедии». Человек чувствует глубокую, подспудную неудовлетворенность бытием и — ищет утешения, забвения. Средства утешения могут быть всякие, но для натур избранных это — наука, искусство и метафизика. «Одним человеком овладевает страсть к познанию и заблуждению в духе Сократа... Другого окутывает развевающийся перед глазами соблазнительный покров Майи — красоты, искусства. Третий хватается за то метафизическое утешение, что под вихрем видимых явлений течет вечная жизнь...» И Ницше добавляет: «Из этих средств или этих чар и состоит все, что мы называем культурой».

Определение культуры — далеко не полное. Произведения науки, искусства и философии или религии не только радуют и питают нас своей глубиной и красотой, но, идя к нам «из тьмы веков», еще и служат для нас вестью из прошлого, ушедшего мира, соединяют нас с предками нашими, жившими за целые эпохи до нас, и тем укрепляют в нас сознание принадлежности к *бессмертному человеческому роду*, обогащая при этом, разумеется, несказанно и наш духовный мир. Значение памятников культуры становится вдвойне ценным для нас, когда мы учитываем, что большинство искренних и бескорыстных деятелей культуры — писателей, художников, музыкантов, архитекторов — именно *для нас-то*, для *грядущих поколений* и работало, как работаем и мы не только для настоящего, но и для будущего, для потомков наших. Тут — цепь сплошная и неразрывная. Вот в чем еще, а не только в непосредственном наслаждении от созерцания предметов искусства или от чтения мудрой и прекрасной книги, состоит смысл и значение культуры.

Создавая памятники культуры и заботясь об их сохранении, человек, — если не брэнное тело его, то дух, — вступает, в известном смысле, в борьбу

со смертью и уничтожением, т. е. с тем, что составляет главную основу недовольства человека бытием. И пусть это — новая иллюзия, но для людей культуры все же значит что-то и отнюдь не является пустым звуком эпитет «бессмертный», когда он прилагается к Платонам, Аристотелям, Данте, Рафаэлям, Гёте, Ломоносовым, Бетховенам, Пушкиным, Толстым. Эти люди, как и Моисей, Христос, Конфуций, Магомет, Франциск Ассизский, Петр Великий, Маркс, Ленин, поистине *живут* в нас. И все вообще здание культуры стоит единым, вечным символом бессмертия, наподобие величественной пирамиды, только духовной. Создание — достойное человека и показывающее, что не так-то уж он растерялся и упал духом в том мире, куда Высшая Воля послала его на определенный отрезок времени.

Иное стихотворение, иная картина или песня, — что-нибудь вышедшее из духа Лермонтова или Шопена, — таит, хранит в себе подчас оттенок или выражение настолько тонкого, нежного, глубокого и, при всем своем своеобразии и индивидуальности, настолько общечеловеческого чувства, что, ознакомясь с этим творением, вы испытываете полное слияние с духом творившего. Это — сознание, исполненное невероятной радости и приносящее вам глубочайшее удовлетворение. Еще бы! — далекое или умершее вдруг приблизилось или ожило, вы — в нем, и оно — в вас, время и пространство вдруг перестали существовать.

Помню, как в 1910 году в Ясной Поляне Л. Н. Толстой позвал меня в свою комнату и с волнением стал говорить о том, как глубоко тронула и поразила его одна, прочитанная и переведенная им в тот день, мысль Паскаля.

— Эта мысль просто переворачивает меня сегодня, так она мне близка, точно моя! Я чувствую, как я в ней сливаюсь душой с Паскалем. Чувствую, что Паскаль жив, не умер, вот он! Так же, как Христос... Знаете, теософия говорит о таинственном, но что может быть таинственнее этого явления: вот, Паскаль умер двести лет тому назад, а я живу с ним одной душой!.. И так, через эту мысль, он соединяется не только со мной, но с тысячами людей, которые ее прочтут. Это — нечто такое глубокое, таинственное и умиляющее!..

Вот это-то самое я и хотел сказать своим рассуждением о смысле культуры. Паскаль писал свои «Pensées»⁸³ на отдельных лоскутках бумаги, которые лишь после смерти его были собраны, систематизированы и изданы. И вот содержание одного из этих лоскутков, — может быть, случайно сохранившегося, — дошло до Толстого и... «перевернуло» его.

Увы, лоскуток бумаги, кусок холста, не говоря уже о каменном здании, о глыбе мрамора, слитке бронзы, переживают человека. И это такое чудо, что люди научились передавать им свою душу и так — создали культуру, способную (пока земля стоит) преодолеть и рамки времени!

И почему бы нам не ценить культуру?!

А между тем были ее отрицатели, и в список их имен включаются великие имена Руссо и самого Л. Н. Толстого, — справедливо или несправедливо, кто разберет? Сторонники Руссо и Толстого скажут, конечно, что учителя их отрицают лишь «ложную», ненастоящую культуру. Другие, опять, найдут, что и то, что разумеется подчас под «ложной» культурой, на деле может иметь колоссальное значение... и даже — чем менее уловимое и определимое, тем более дорогое...

Я думаю так: осторожное и чуткое отношение ко всем памятникам духа, ко всему творчеству ушедших в небытие поколений не может не составлять прямого долга каждого живущего, если он претендует хоть на тень порядочности и благородства.

Понятие *вечного* Лев Николаевич трактовал отвлеченно, метафизически: «вечным» можно жить и сегодня, «вечное» — это не будущее, это — не категория времени, а, скорее, категория качества, достоинства.

Ничего возразить против такой трактовки не могу. Но вот любопытно, что в одной записи своего дневника за 1909 год Толстой, — может быть, в минуту «слабости» и как бы снижаясь с высоты своего религиозного мировоззрения, целиком пропитанного духом «категорического императива», — говорит если не о «вечности», то *о жизни в будущем* в том смысле, как мы склонны употреблять это понятие, когда рассуждаем о смысле культуры.

«Думал о славе людской, — пишет Лев Николаевич. — Есть в этой потребности доброго мнения о тебе, любви к тебе людей что-то непреодолимое и законное. И сейчас мне пришло в голову то, что насколько ложно, преступно желание похвалы, любви людей при жизни, настолько хорошо, добро, законно *желание продолжения своей жизни в душах других людей после своей смерти*. В этом желании нет ничего потакающего личности, нет ничего исключительного, а есть одно *желание участия в общей, всемирной, духовной жизни, участия в деле Божьем*, бескорыстное, безличное. Кажется, что это верно»⁸⁴.

Широка душа Толстого. Глубоки его духовные искания. Главное: глубоко и искренне стремление к свободе духовной, нежелание связываться тем, чем он сам же себя связал, т. е. определенными «принципами» и «догматами» отвлеченного характера, свободно и искренне это вольное потряхивание своими собственными цепями... с готовностью и совсем сбросить их, когда понадобится.

В приведенном изречении Толстой выступает перед нами не неумолимым и по-своему «жестоким» религиозным ригористом, а простым, добрым, мудрым, смиренным и покорным жребия своему человеком, целиком базирующимся на земном, «данном» нам всем судьбою, единственно реальном основании.

И мечта — хотя бы и по смерти, своими мыслями, своим творчеством «участвовать в общей, всемирной, духовной жизни, участвовать в деле Божьем» (строящемся на земле) — это уже знак *примирения* с миром, выражение *позитивного* отношения к миру, к тому «внешнему», «материальному» миру, который перед тем признавался за ничто и однажды даже с легким сердцем приносился в жертву комете Галлея, долженствовавшей разрушительным образом задеть многогрешную нашу планету своим хвостом.

Культурный Толстой на этот раз живо почувствовал смысл и значение культуры, которую он чаще отрицал, чем признавал. Значит, он все же сознательно принадлежит культуре. И культура, с своей стороны, от Толстого, конечно, никогда не откажется.

Очень любопытны два письма Льва Николаевича к духоборцу Веригину в сибирскую ссылку: о пользе книгопечатания⁸⁵.

Веригин довел до абсурда руссовско-толстовскую точку зрения о пагубности цивилизации и «ложной» образованности, сектантски-дикарски скатившись к признанию *ненужности всякой книги*. Толстой горячо и в то же время мягко усовещивает невежественного «пророка из народа», которому так по душе роль апологета невежества, убеждая его в ошибочности столь радикально-нигилистической точки зрения. Веригин, наверное, с внутренним чувством превосходства ученика, пошедшего «гораздо дальше» учителя, пробежал эти строки как бы *оправдывающегося* перед ним корифея русской литературы, светила русской мысли. Поучительная картина!..

Картина эта и на самом деле поучительна, — по крайней мере, для многих «толстовцев», слишком упрощенно подошедших к «опроценским» теориям Л. Н. Толстого, — «толстовцев», которым поистине более приличествует название «веригинцев», чем «толстовцев».

Защищая книги, Л. Толстой тем не менее нападал на науку, в современном понимании этого слова, противопоставляя ей нечто узкое и утилитарное. Лев Николаевич знал, что побороть авторитет науки нелегко. И потому он притягивал все возможные средства, чтобы скомпрометировать науку, — и не ту или иную ее ветвь, не то или иное, не оправдывающее себя, течение или направление, не ту или иную ложно поставленную себе наукою цель, а именно самый *принцип знания*. Обращается он, между прочим, также к помощи критериев абсолютных.

«Знанию нет конца, — рассуждает Л. Н. Толстой. — И потому про того, кто знает очень много, нельзя сказать, чтобы он знал более того, кто знает очень мало»⁸⁶.

Иначе говоря, об академике Павлове, например, нельзя было сказать, чтобы он знал более, чем абсолювент «десятилетки». Но стоило ли прибегать к подобным софизмам? И кого они могут ввести в заблуждение? Разве что какого-нибудь невежественного, хотя и добродетельного, «толстовца».

Л. Толстой ставил науке утилитарные задания. Наука должна помочь человеку хорошо жить. Это важно, но, кроме того, есть и чисто теоретические задания, к удовлетворению которых ведет человека его любознательность. С древнейших времен (Ассирия, Вавилон, Эллада) занимались, например, люди астрономией и строили свои, долго неопытные, представления о том, что происходит там, на небе. Что же, законно это было или противозаконно? По Толстому, противозаконно. По-нашему, законно. Зачем ограничивать ум человека в его развитии и в его запросах? Но суть вопроса еще в том, что, по большей части, все познания чисто теоретического характера на поверку оказываются имеющими ближайшее отношение к практической жизни человека на земле. Недаром знакомство с положением и передвижением небесных светил используется моряками в их странствиях по морям и океанам. А химия? а зоология? Сколько проблем, возникших на почве бескорыстной любознательности, повело в своем дальнейшем развитии к полезнейшим практическим открытиям!

Не первым надсмехался Толстой над учеными, изучавшими «букашек». Но, может быть, именно на работе этих ученых основана современная бактериология, как и все дело предохранительных, а также целительных, пастеровских прививок. Ограничить ученого в его стремлении проникнуть поглубже в природу нельзя, его глаз постарается заглянуть за любую преграду, которая поставлена будет ему на пути. Он должен быть свободным и всесильным в своем мастерстве — только так он может творить и делать открытия.

Теоретики широко расчищают поле науки. Деятели прикладного знания выбирают из всех завоеваний и приобретений науки то, что годится на прямую пользу людям. Но *система знания* — одна, и попытка Льва Николаевича раздробить или раздвоить ее не привела и не могла привести ни к какому результату. У людей не было бы ни плута, ни электрической лампочки, если бы не были установлены предварительно основы металлургии и науки о свете.

Мережковский, в своем исследовании «Л. Толстой и Достоевский», собрал «букет» отдельных словечек и выражений Л. Н. Толстого о науке. Отсюда мы узнаем, что Л. Толстой доказывает «ничтожность знаний опытных» (Сочинения, изд. 1898 г., т. XV, стр. 230); что, по его словам, все открытия современной науки, от Ньютона до Гельмгольца, все эти, как Лев Никола-

евич выражается, «исследования протоплазм, формы атомов, спектральные анализы звезд» — совершенные «пустяки» (XV, 224), «ни на что не нужная чепуха» (XIII, 193), «труха для народа» (XIII, 181), по сравнению с истинною наукою «о благе людей» и о том, «каким топорщиком выгоднее рубить», «какие грибы можно есть» (XIII, 175); что «вся наша наука, искусство — только огромный мыльный пузырь» (VI, 264); что «ни в какое время и ни в каком народе наука не стояла на такой низкой степени, на какой стоит теперешняя» (XV, 256); что она нечто вроде «талмуда», на изучении которого современные люди «вывихивают себе мозги» (XIII, 168) и т. д. Надо сказать, что можно подобрать множество других, подобных же по смыслу и форме, выражений у Толстого, особенно из его дневников и сочинений, написанных уже после 1898 года. Выражения эти характерны не только сами по себе, но и потому, что они ясно определяют самый дух воззрений Льва Николаевича на науку — дух недоверия, отрицания и высокомерного презрения. Неверие в объективное значение истин и достижений эмпирического знания только подкрепляло это отношение Толстого к науке, и тут опять сказалось определенно влияние христианского, монашеского спиритуализма и «неприятя» мира реального, мира материального.

Толстой — бессознательно, конечно, — прикрывался маской сочувствия народным интересам, с которыми якобы современная наука расходится. Но что сказал бы Лев Николаевич сегодня, когда к науке и знанию приобщились широкие народные массы на его родине и когда сознательный рабочий не только не проявляет никакой вражды к науке и культуре, но, наоборот, стремится к ним, часто преодолевая немалые трудности? когда из рабочего класса вышел целый ряд выдающихся деятелей науки и культуры, с своей стороны несущих плоды своих познаний еще дальше и глубже в бывшие «низы» народа? когда неграмотность ликвидирована и когда в самых глухих уголках России и других советских республик возникли новые культурные предприятия, фабрики, заводы, школы, театры, дома культуры, библиотеки, избы-читальни и т. д., и т. д.? И когда — добавим — народ принимает все это с благодарностью и с полным признанием усилий власти пойти к нему навстречу? Когда он извлекает из знаний новые и новые плоды для всей общенародной жизни?

Или Толстой стал бы снова доказывать, что все это не нужно народу, что народ мог бы преспокойно оставаться на печи, не знать ничего ни о радио, ни об электричестве, ни о социалистическом устройстве жизни и отдаваться лишь подготовке к смерти через самоотречение и самосовершенствование?

Очень может быть, что да. Но тут, зная, что народ стал жить лучше, достойнее, легче, чем при отцах и дедах Толстого и при нем самом, мы никак не могли бы пойти за Львом Николаевичем.

Теоретический интерес, дело любознательности — вещь совершенно естественная и сама собой разумеющаяся. Любуясь луной, солнцем, звездами, человек не может не ставить себе вопроса об их устройстве. Его не могут не интересовать и анатомия человека и животного, и геология, и сравнительное языкознание. Лучше всего доказывают естественность и непреодолимость, неотвратимость бескорыстной любознательности примеры великих ученых, решавшихся на сумасбродство, жертвовавших всем, чтобы только иметь возможность поставить или продолжать свои изыскания. Помню, на меня в юности произвел сильное впечатление пример Линнея, который еще совсем молодым человеком проявлял живой, непреборимый интерес к естествознанию. Служа солдатом и стоя однажды в строю, Линней обратил внимание на порхавшую вокруг бабочку: он еще никогда не видал такой! Бабочка так заинтересовала его, что он, не в силах себя превозмочь, бросил ружье, выскочил из строя и, перед глазами товарищей и начальства, начал гоняться по площади, стараясь прихлопнуть бабочку своей форменной, военной шляпой...

«Не смей интересоваться бабочками!» — можно было бы сказать Линнею, но... что из того? Куда бы он мог спрятать свой интерес? в карман?

Таким же разительным показался мне пример почтенного швейцарского астронома .....⁸⁷, который, будучи уже глубоким стариком и желая во что бы то ни стало подняться на только что, с величайшими трудностями, воздвигнутую на Монблане обсерваторию, позволил запаковать себя в тюк, с тем, чтобы затем проводники тащили за собой этот тюк на канатах, через пропасти и ледники, на альпийскую вершину: дотащили-таки, распаковали, и ученый работал, на уровне нескольких тысяч футов, во славу!

Что мог сказать Толстой о .....?⁸⁸ Что ему лучше было бы заняться делами благотворительности или спасения души, чем лазить, с опасностью для жизни, на Монблан? Но разве не было бы это ущерблением свободы духа ученого?

А героизм множества русских полярников, начиная Дежневым и кончая Папаниным?

А работники над радиом, огромное количество которых попортило себе руки или совсем погибло от действия таинственных лучей недостаточно еще исследованного вещества? Служили они человечеству или не служили?

Так-то!..

Когда композитор Лядов в свое время (заочно, конечно) упрекал Л. Толстого за то, что «он — человек живота, а не духа», потому что для него все, «и Бог, и искусство», должно быть только полезно, то он знал, что говорил. «Полезным», утилитарным вовсе не исчерпывается наша духовная жизнь. Толстой любил молиться, а ведь, с его точки зрения, ему можно было, пожалуй, сказать: «не молись, это — бесполезное занятие!» Он бы запротестовал. Но если можно *молиться*, то можно и *познавать*.

Сидя в 1914–1915 гг. в Тульской тюрьме⁸⁹, я занимался, — теоретически, разумеется, — астрономией. Не могу сказать, какое я получал при этом наслаждение: то одно, то другое из изумительных астрономических открытий возникало передо мной. Свод небесный раскрывался и представлял в своем несравненно организованном, закономерном живущем и дышащем и в то же время бесконечно разнообразном виде. Целые миры, каких не могла бы выдумать самая буйная фантазия, открывались перед изумленным и благоговейно трепещущим умом. Сколько поэзии! Сколько пищи для религиозного, в лучшем смысле, чувства!.. И почему мы стоим так далеко от этой науки? Ведь это такое счастье — хоть на мгновенье оторваться от поверхности нашей планеты и совершить вольный полет по вселенной, в качестве «космонавта», хотя бы только и духовного! Нельзя же быть такими мещанами, чтобы не пожелать даже оглянуться вокруг себя в мире. Грешно ничего не знать о солнце, планетах, звездах, туманностях, о размерах и движении светил, о расстоянии их от земли и друг от друга, о Млечном пути, о протуберанцах, затмениях и т. д., и т. д. А если бы к этому иметь еще возможность воспользоваться телескопом? Ведь выше этого удовольствия ничего и представить себе нельзя!.. И почему хотя бы зачатки астрономии не преподаются в школах? Почему ученикам не рассказывают о Галилее, Гершеле, об открытии Ле-Веррье, о чудесах спектрального анализа? Какое это имело бы огромное воспитательное значение! Сколько бодрости, инициативы и силы духа, сколько любви к знанию и потребности в смелом исследовании почерпали бы юноши и девушки, изучая хотя бы основы астрономии, хотя бы самые разительные и эффектные ее откровения! Ум привыкал бы к иным мерам и горизонтам и, конечно, рос, расширялся бы и сам. А что астрономия возносит человека над пошлостью и грязью человеческого существования, для меня нет ни малейшего сомнения.

Я говорил о Линнее, о .....⁹⁰. Но вот вспоминается мне история еще одного большого, непреодолимого увлечения в науке: увлечения *камнями*.

Талантливый русский минеролог академик А. Е. Ферсман был обуян любовью к камням с юных лет и уже молодым человеком обладал прекрасной минералогической коллекцией. Он отлично понимал техническое значение камня, но едва ли не еще больше увлекался поэзией красоты и «бурной» историей камней, особенно самоцветов. И куда только ни кидался он на изучение камней? И на Урал, и на Алтай, и в Забайкалье, и в Крым, и в Западную Европу, и на острова Средиземного моря. Уже стариком принимал личное участие в тяжелой экспедиции на Памир — на поиски голубого и синего памирского лазурита, — поиски, увенчавшиеся полным успехом. При Академии наук

Ферсман заведовал минералогическим кабинетом. Тысячи, десятки тысяч кристаллов прошли через его руки, в то время, как глаз ученого внимательно и детально их исследовал. Влюбленный в красоту самоцветов — алмазов, рубинов, сапфиров, шпинелей — Ферсман не жалел ни времени, ни сил, ни всей жизни, отданных любованию этими прекрасными как цветы произведениями земли и их изучению. Он знал возраст того или иного камня, — сотни миллионов лет, а то и больше, — и различал все виды самоцветов. Вместе с Плинием верил, что изумруд — это камень, который для знатока и любителя — «превыше всех благ земных» и красота которого «прекраснее благоухания весеннего цветка». Да только ли изумруд? Нет, и другие самоцветы полны были для него такого же очарования!..

И что же? Надо было, по Толстому, оторвать академика Ферсмана от этого увлечения камнями? Перевести его работу на что-нибудь более «полезное»? Иначе говоря: убить его душу?

Не думаю. Ведь он и полезного много сделал: все его важнейшие открытия в области минералогии использованы были с техническими целями. А главное, таких поэтов и «фанатиков науки», сравнительно, так мало, что нет никакой нужды укладывать их на прокрустово ложе толстовской теории «полезного знания». Пусть увлекаются, пусть горят и шумят. Авось, и нам станет веселее, и на нашу долю перепадет что-нибудь от этого горения и шума.

К счастью, такой именно точки зрения придерживалось и Советское правительство, поддерживавшее академика Ферсмана во всех его предприятиях и предоставившее ему все возможности для успешного развития его блестящей научной и популяризаторской деятельности. То же самое можно сказать и о гордости нашей земли — замечательных летчиках-космонавтах.

Надо также учесть, что Толстой, по-видимому, был мало осведомлен и недостаточно ясно представлял себе, как делается наука. Если бы он знал, сколько любви и самоотвержения вкладывает ученый в свое дело, может быть, он и отказался бы от своего скептического отношения к науке. В университетские лаборатории он не заглядывал. А ведь наука делается не только в больших городах и в великолепных университетских зданиях. Она делается, и с успехом делается, и в провинции, и среди дикой природы, где-нибудь в пустыне или в степи, а то так на задних дворах или около уборных, как рассказывает об этом хотя бы книга А. Поповского «Во имя человека» (М., 1948). В этой книге мы находим много ярких картин из жизни и деятельности знаменитого офтальмолога В. П. Филатова, прославленного хирурга А. В. Вишневского, изобретателя литогенетических лучей А. Г. Гурвича и известного паразитолога Е. Н. Павловского, а также замечательных учеников последнего — Причетниковой, Латышева и др. О настоящем, а тем более великом, ученом можно

сказать, что у него нет личной жизни, что он весь, целиком, принадлежит избранной им научной дисциплине и что нет такой жертвы, которой он ей бы не принес. Он не доспит, не доест, он отказывается от отдыха, он пустит в дело свои деньги, когда не хватает денег казенных или общественных, он заразит себя разными болезнями, чтобы испытать тот или иной способ лечения на себе самом, он откажется от кафедры в столице, чтобы сохранить за собой возможность продолжения научной работы в самых суровых условиях где-нибудь в Средней Азии, он и близких своих не пожалеет, веря, что и для них — *счастье* участвовать в его труде на благо человечества. Писательский фанатизм Лев Николаевич понимал и сам много работал, а вот оценить труд и вдохновение ученого отказался. А, между тем, начав с упорного изучения какого-нибудь *комара, клеща* или *москита*, ученый спасал потом целые области от жестокой лихорадки, тифа или других болезней, истощавших население и уносивших столько жертв, сколько их не уносят и войны. Так это было и с великим Пастером во Франции. А сколько поисков, сомнений, ошибок и разочарований переживает часто какой-нибудь творец великого научного открытия прежде, чем подойдет к нему! Сколько телесного, нервного и душевного напряжения отдает он своим изысканиям!

И там, где, казалось бы, должны звучать только слова признательности и благодарности, там вдруг раздается слово насмешки и осуждения: все это, дескать, чепуха, все это ни к чему...

Нет, нет, такое отношение к науке может быть только плодом незнания, только результатом намеренного закрывания глаз на жизнь, на действительность.

Характерно скептическое отношение Льва Николаевича к медицине.

«Несмотря на то, что доктора лечили его, пускали кровь и давали пить лекарства, он все-таки выздоровел». Это — из «Войны и мира». И этот мотив повторяется в романе не раз. И это — в отношении к исторической эпохе, полной страданий и несчастий человеческих! Как-то это несерьезно и даже... нехорошо. Что же, врачам надо было, ссылаясь на недостаточность медицинских познаний, оставаться безучастными ко всем страдающим? Не лечить ни князя Андрея, ни Анатолия Курагина, ни Пьера, ни Наташи Ростовой?

Нет, Л. Н. Толстой в этом, сложившемся еще в молодости и постоянно проявлявшемся в старости, мелочном, упорном, насмешливом и *недобром* скептицизме по отношению к врачам и медицине положительно спускается с той высоты, на которой иначе он стоит неизменно как человек, художник и мыслитель.

Лев Николаевич определенно несправедлив к медицине и врачам. И когда у него, — вообще, такого доброго, справедливого, — не хватает доводов, то

он начинает приписывать медицине то, чего у нее нет. Так, в «Круге чтения», в отрывке на 29 апреля, он уверяет нас: «Ложно же направленное врачебное искусство, вместо того (?), чтобы заботиться об облегчении страданий, ставит себе целью избавлять людей от смерти (??) и научает их надеяться на избавление от смерти (???), на удаление от себя мысли от смерти и тем лишает людей главного побуждения к нравственной жизни» (????)⁹¹.

К чему такая казуистика? Какой врач *не* хочет, по возможности, избавить человека от страданий? И что это за фантастические врачи, старающиеся не просто *отдалить* момент смерти, если физическое состояние человека это позволяет, а «избавить людей от смерти»? Смог ли, наконец, хоть один врач, да и стремился ли к этому — удалить мысль о смерти у своего больного? И ответственен ли врач, благодаря этому, действительно, за то, что у людей, таким образом, якобы пропадает «главное побуждение к нравственной жизни»?..

Все это так нарочито, так рассудочно, так неясно и недоказательно, что ни Толстому-мыслителю чести не делает, ни медицину и врачей нимало не затрагивает. Но эта упрямая и глубоко консервативная толстовская оппозиция науке, знанию, вере человека в себя и в свои силы получила в приведенном афоризме яркое выражение. Пойдем ли мы тут за Толстым-консерватором? Нет.

— Я не верю в прививку Пастера, — сказал Л. Н. 21 января 1905 г.⁹²

Это записал доктор Маковицкий, домашний врач Толстых.

Тут же он рассказал, со слов одной крестьянки, которая боялась, как бы ей не заразиться бешенством от коровы, укушенной бешеной собакой, и собиралась ехать на освидетельствование в Москву, что будто Л. Н. сказал ей:

— Напрасно ты едешь! Меня бы хоть три собаки укусили, я бы не поехал.

Слава Богу, судьба сохранила Льва Николаевича от укуса бешеной собаки. Но, случись такое несчастье, — право, при всем моем уважении и любви к Толстому, я позволю себе все же высказать сомнение, что он не сделал бы себе пастеровской прививки. Ведь поехал же Л. Н. в 1901 г. в Крым, вместо того, чтобы оставаться хворать в Ясной Поляне. Лечился он, пользуясь советом врачей, и от всех других своих болезней. Впрочем, не «поддавливаю» его на противоречиях. Меня интересует другое: не был ли только словесной фрондой этот вечный его скептицизм по отношению к медицине? — Какие, на самом деле, греховодники эти врачи: помогают (и с успехом, надо сказать!) *телу*, тогда как заслуживает помощи единственно *душа*...

— Я не верю в прививку Пастера!

Лев Николаевич хотел ошеломить этими словами «дьявола угождения телу» и всех «материалистов». «Напушал туману» и притворялся круглым невеждой. Но люди не верили мнимому «невежеству» гениального писателя и... преблагополучно лечились — и прививкой Пастера, и другими средствами

научной медицины. Это было на пользу их здоровью и нисколько не вредило душе, тем более, что, когда приходил час последнего расчета, они, смиряясь перед Высшей Волей, покидали пути земные, а врачи — шли помогать другим.

Нам легко теперь рассуждать о «ненужности» науки или хотя бы некоторых ее областей, когда вся жизнь наша окружена наукой и, так сказать, плавает в науке; когда и самое это утверждение о «ненужности» науки внушено нам, как культурным людям, именно избытком нашей культурности, иначе говоря — тою же наукой. Но крестьянину и рабочему, до революции по большей части тонувшему в темноте и невежестве и часто сознававшему это, наш поход «против науки» был бы, наверное, непонятен. Они рвались вон из своего болота и бывали благодарны каждому, кто протягивал им хоть соломинку, чтобы вылезти. Так что не было необходимости Льву Николаевичу становиться против этого почти что «инстинктивного» тяготения к науке и, например, советовать родителям не отдавать детей в школу, а молодым людям — не идти в университет. Какая бы ни была при нем школа и как бы ни было несовершенно университетское образование, они все же были школой и образованием и просвещали хоть верхушку народа, а от нее потом знание просачивалось и вниз.

Помню, когда я, горячий последователь Толстого, прочел в 1910 году, в стенах Московского университета, свой реферат *против университета*, Лев Николаевич одобрил этот мой шаг и приветствовал меня, по возвращении в Ясную Поляну, особенно сердечно, как «победителя», а журналист А. Столыпин (брат премьер-министра) писал обо мне в своих «Заметках» в газете «Новое время»:

«Не понимаю студента Б.! *Какого ему еще рожна нужно?! Россия и без того тонет в темноте и невежестве*, а он открывает поход против высшего образования, так мало у нас распространенного!..»

Конечно, А. Столыпин представлялся мне тогда жертвой «ложного знания», человеком, для которого закрыто познание «истины», но теперь я готов пожалеть, что не услышал вовремя его предостерегающего голоса.

Впрочем, мое положение особое. Я не переставал заниматься наукой и покинув стены университета. Общим правилом мой пример не мог бы стать.

Замечательно отношение КПСС к науке. Свалив весь буржуазный строй, коммунисты пестуют школы и университеты как любимые детища: не надыхаются на них и ничего для них не жалеют. Они поняли огромную силу образования, силу науки. Сделали обязательным обучение. Выдвигают ученых, наряду с рабочими, в первое сословие. А ведь это — народная власть. Народ

знает, где его выгода, где его жизнь. Образованию придан практический характер. Все чисто утилитарные цели, поставленные знанию техническому, выполняются. Но не забываются и задачи теоретические, прогрессируют и астрономия, и зоология, и ботаника, и археология, и языковедение, и все другие отрасли науки, занимающие ум человеческий. Чего же ради придерживаются правители Советского Союза такой широкой точки зрения на задачи знания, на организацию школы? Думаю, прежде всего потому, что они признают, что знание — *едино*, что систему его надо развивать равномерно, что все части этой системы связаны, а, во-вторых, также и потому, что науку, знание они — рассчитавшись со всякой метафизикой, церковной и философской — считают главным, больше того — *единственным* источником просвещения, а стало быть и прогресса.

Так или иначе, наука реабилитирована. Может быть, Руссо, Толстой и духоборец Веригин не отказались бы сегодня от своих возражений против нее, во имя жизни простой, трудовой, несложной, патриархальной, но... нынешний век менее патриархален, чем какой бы то ни было другой. Это — век борьбы, борьбы классов: буржуазии и верящего в свою победу пролетариата. Борющиеся столкнулись резко, не на жизнь, а на смерть. Остановить эту борьбу невозможно. В патриархальную идиллию ручейков, кустиков и цветочков какого-нибудь Кларана или Ясной Поляны борющихся не заманишь. На кону — средства производства, капитал, власть, кусок хлеба, жизнь. Борьба должна быть закончена. Вопрос должен быть решен. Государственная, промышленная и культурная жизнь — чрезвычайно сложна. Колесо истории, над которым, бывало, иронизировал и Толстой, и «толстовцы», работает без остановки и... без ошибки. Поздно поэтому призывать людей вернуться к единоличному земледелию и к «просвещенному невежеству». Наука играла, играет и будет играть свою огромную роль в жизни человечества.

Сколько было споров об объективной реальности человеческого знания! Сколько существует различных гносеологических теорий! Л. Н. Толстой разделял, в этом отношении, мысли Канта и Шопенгауэра. Однако разрешать этот вопрос следовало не в метафизической, а в практической плоскости. Знание безусловно реально для меня и сегодня, т. е. реально в повседневных, посясторонних условиях и для живущего в открытой нам, повседневной жизни человека. А что находится за этим знанием в метафизической сущности вещей, мы знать не можем, а, главное, знать это нам совершенно не нужно. Не стоит, следовательно, ломать голову над тем, береза ли та береза, которую мы видим, или только «феномен» какого-то «ноумена». Ведь и мы сами-то, с точки зрения идеалистического воззрения на мир, только «феномены», — к чему же нам пытаться пробить это стекло, отделяющее «феномены» от «ноуменов»?

К чему опорочивать сомнением в ее «подлинности» ту, единственно данную нам действительность, в которой мы себя находим?

Другого опыта, как посюстороннего, у нас быть не может, значит, не может быть и иной, как посюсторонняя, науки.

Если нельзя отказаться от науки, играющей огромную, исключительную роль в жизни человека, то никогда не откажется также человечество и от искусства. Искусство — душа жизни народов. В нем — грусть, радость, мечты, любовь, вдохновение, бунт, тоска, все чувства, все душевные переживания человека, возведенные, по Гоголю, «в перл создания». Талант, гений и мастерство находят свое выражение в произведениях искусства. В искусстве ищут люди радости, отдыха, поучения опытом жизни. Если бы искусство было даже совсем пусто внутренне, в нем радовало бы самое изящество формы, — например, веселая песенка или ручка кавказского кинжала. Но искусство (хотя этого и добивались модернисты) никогда не было, да и не может быть пустым, потому что нет ни одной такой, окончательно, совершенно пустой человеческой души. Все что-нибудь да и зацепится в произведении искусства из того, чем на самом деле жив человек... Так что, по-моему, не могут даже иметь особой цены все рассуждения о том, каким должно быть искусство. Предписывать искусству довольно трудно. Оно будет таким, каким оно будет. А будет оно, если только останется на высоте художества, наверное хорошим и доходчивым, т. е. либо трогаящим, либо радующим, ободряющим и вдохновляющим людей, и тем самым ценным для них. Словом, старое соображение о том, что хороши все виды искусства, кроме скучного, по-моему, не лишено смысла.

Л. Н. Толстой в своей книге «Что такое искусство?»⁹³ резонно отмечает, что в научно-эстетической литературе его времени существовал полный разброд и что наукой эстетики не установлено никаких общепризнанных определений и данных об искусстве. И, напротив, предлагаемое им самим определение искусства, как одного из средств общения людей между собой, основанного на способности человека заражаться чувствами других людей, может быть принято нами. Много важного в его рассуждениях об искусстве «господском» и «народном». Обосновано в значительной мере и его требование более упрощенной и доступной формы искусства.

Спор наш со Львом Николаевичем начинается там, где он доказывает, что истинное искусство должно быть только либо религиозным, либо житейским, но притом выражающим такие чувства, которые доступны всем без исключения людям. Это похоже уже на предписание, ограничивающее свободу

и поле деятельности художников. Однако и тут Толстой остается на высоте серьезного и глубокого отношения к обсуждаемому вопросу.

Мы вправе отвергнуть только отрицательные оценки, данные Львом Николаевичем европейским корифеям искусства — Бетховену последнего периода, Данте, Гёте, Шекспиру, Рафаэлю, Микеланджело, Листу, Вагнеру, Ибсену и др. (оставляя в стороне спорных — Берлиоза, Метерлинка, Беклина, Клингера, Бодлера, Верлена и др.). Скажем так, что мастера эти *не нравятся* Толстому, что его вкус — проще и спокойнее, что он, по-видимому, не переносит равных с собою по силе, но совершенно отличных по индивидуальности творцов, что он напрасно с яснополянской-деревенской точки зрения расценивает могучих Данте и Буонаротти, что он — дух слишком русский и односторонне-христианский, который не склонен соблаговолить перенестись в другие миры: гетевско-немецкий, дантевско-итальянский, шекспировско-английский и т. д., и т. д., а потому и ворчит и бранится на титанов, которые позволяют себе рядом с ним говорить своим голосом и своим языком. Отдавать Толстому «на растерзание» «Девятую симфонию» Бетховена, «Фауста» Гёте и театр Шекспира мы не хотим, а чтобы спасти их, приходится признать все своеобразие и всю причудливость суждений яснополянского философа об отдельных творцах и творениях в области искусства.

Другая книга Л. Н. Толстого об искусстве — «О Шекспире и о драме»⁹⁴ — начинается подробным изложением трагедии «Король Лир», изложением, которое должно показать все несовершенство и всю глупость, ходульность и напыщенность этой драмы. Но сказать ли, что чувствовал я во время чтения этого длинного и, конечно, не достаточно объективного, а даже весьма иронического и местами прямо-таки издевательского, толстовского изложения «Короля Лира»? Одно: какая замечательная, какая могучая драма!

Дальше прочел я и критику Толстого на эту драму и... соображениями его не убедился. Все они «ломаются в открытые двери», потому что, конечно, мы должны сделать поправку на *эпоху*, когда писал Шекспир, когда создавался «Король Лир». Отсюда — ряд технических погрешностей (анахронизмы, каламбуры не вовремя, обилие «мертвых», которых «вытаскивают за ноги» со сцены и т. д.). Поправку на эпоху мы должны сделать и когда оцениваем шекспировские произведения по существу. Толстой отнесся к Шекспиру с точки зрения художника-реалиста, а это неверно. Театр шекспировский был почти что балаганным театром. Он служил, прежде всего, увеселению и развлечению публики. Никто из присутствующих на первых представлениях не верил в реальность короля Лира. Все относились к пьесе как к *игре*, как к *сказке* (чуть, было, не сказал: как к детской игре-сказке, что также было бы недалеко от истины). И так к пьесе относился, прежде всего, и сам автор. Он

знал, что *развлекает* публику. Творя, отдавался безудержной, неограниченной фантазии: лишь бы занять, заинтересовать. Считаюсь с мнением знатных и сильных, многое выражал только обиняком: намеками, шутками да прибаутками, иногда нескромными. Это оскорбляет Толстого в XIX веке, но зато это, может быть, спасало голову и достояние драматурга в XVI веке!

Но при всем этом, до известной степени условном и *искусственном* (и тоже не нравящемся Льву Николаевичу) характере пьесы, она полна такой силы воображения, такой психологической глубины, такого стихийно-богатого словотворчества и, главное, *такой высокой человечности*, такого подлинного гуманизма, что нам поистине остается только преклониться перед величием шекспировского духа.

Мы прощаем автору все, чем он сам — в спешке и из угождения сильным — испортил свою пьесу, все ее случайные и технические недостатки и с волнением следим за необыкновенным развитием душевной драмы старика-короля-сумасброда. Яркие образы Корделии, Гонерилы, Кента, Эгмонта дополняют наше впечатление. «Король Лир» потрясает нас, и согласиться со Львом Николаевичем насчет ничтожества и бессодержательности этой пьесы мы никак не можем.

Кстати, некоторые из отдельных замечаний Толстого тоже очень спорны. Ему кажется, например, что 80-летний Лир *не мог* выйти с трупом Корделии на руках. Почему?! А волнение? а бешенство? а безумное горе? Разве каждый из нас не знает, что в исключительном душевном состоянии и самый слабый физически человек может на минуту превратиться в титана?..

То, что мы говорили о «Короле Лире», относится и к Шекспиру в целом. Какими бы недостатками ни страдало его творчество, недостатки эти вполне объясняются культурной отсталостью и невысоким моральным уровнем эпохи, или случайностью, между тем как гениальный размах, исключительная глубина и высокая идейная человечность его творчества сияют немеркнущим светом и в наши дни.

Наконец, и возражения его против объективизма шекспировского искусства не могут опорочить Шекспира: во-первых, есть много искренних и убежденных сторонников такого искусства, которые как раз и указывают на стихийную связь Шекспира с жизнью, а, во-вторых, высокое моральное поучение можно вывести, на поверку, почти из всех пьес Шекспира: «Короля Лира», «Гамлета», «Макбета», «Ричарда III», «Кориолана» и др.

Шекспир не удовлетворяет Л. Н. Толстого как драматург, но это не мешает ему все же оставаться Шекспиром.

Кстати, о театре.

Известный когда-то провинциальный актер Чарский в роли короля Лира, Шаляпин в роли мельника в «Русалке» Даргомыжского, итальянский трагик

Джованни Грассо в итальянской пьесе из народного быта, автора и название которой забыл, И. М. Москвин в роли царя Федора Иоанновича в Художественном театре и Михаил Чехов в роли Хлестакова в том же театре — вот величайшие театральные впечатления за всю мою жизнь. Во всех этих случаях искусство уже переставало быть искусством; таинственным, магическим путем оно переходило в самую жизнь, актер на сцене исчезал и полностью превращался в изображаемое им лицо.

Эта способность, — не только актера, но и автора, и режиссера, и художника, — *творить жизнь* на сцене — является показателем вневременной, объективной ценности человеческого духа, его не уместяющегося в пределах одной жизни значения. Театр съедает актера как человека, но там, где засеяно зерно искусства, и всходы — богатые, незаменимые: тысячи людей проживут с мельником Шаляпина и Федором Иоанновичем Москвина или с королем Лиром Чарского их жизнь, станут оттого богаче и опытнее душою.

В. Розанов говорил, что у актера нет собственного духовного содержания, собственного «я», потому что он все время только изображает других. Бог, по его словам, создавая мир, забыл сотворить актера и, спохватившись, лишь ткнул пальцем в хаос: образовалась дырка. Эта-то дырка, это-то пустое место и есть душа актера. Не имея своего содержания, актер все время старается наполнить эту дырку чужим содержанием... В конце концов, можно сказать, что самого его просто нет.

— Забавная теория эта⁹⁵, а пожалуй, все же неправда: должно быть что-то в «дырке», что творит эти воображаемые и изображаемые на сцене жизни. И не лучше ли, вместо атрибута никчемности и пустоты, присвоить актерской душе атрибут *универсальности*?

Театр — великое порождение человеческой культуры. Не надо «театрализовать» жизнь, превращать жизнь в театр, как советовал Н. Евреинов⁹⁶, ибо правдивость и искренность в жизни дороже всего, но нельзя не видеть и того, что, раз нашедши театр, человечество от него уже не откажется. В самом деле, с театром человек живет не раз, а два, и три, и сто и двести раз, удлиняя, таким образом, почти до беспредельности свое короткое существование, — и зачем бы ему от эдакого блага отказываться?

«Спор о значении формы и содержания в художественном произведении ведется давно и будет вестись, пока на земле останутся поэты и критики. Но каково бы ни было решение спорящих, бессмертие получают лишь творения, которые обладают богатством содержания. Трудно назвать хотя бы одно, которое бы пережило века благодаря только совершенству формы. Изысканная внешность истлевает как одежда, если поэт не знает, во имя чего творит. Чтобы спасти плотскую форму от тления, необходима душа творения: его содержание.

Знает ли поэт, какова на самом деле душа его творения и чем оно будет дорого людям? Конечно, нет. Он дает ему жизнь — не только внешнюю, формальную, но и внутреннюю, ибо в подлинно великом произведении содержание и форма неотделимо слиты воедино. Тогда, подобно живому ребенку, художественное произведение живет и развивается, имея собственную, непредвиденную и независимую от отца судьбу» (В. Вейдле).

«В любой из европейских стран литература — цвет жизни народа, в России она — стон ее», — так или приблизительно так выразился о русской литературе Генрих Сенкевич. Это и верно, и неверно. Неверно хотя бы уже потому, что в русской литературе есть Пушкин. И верно, поскольку русская литература своей содержательностью и идейной насыщенностью безусловно превосходит любую другую литературу в Западной Европе.

«Стон жизни народа»? Да, когда возникла великая русская литература XIX столетия, которая после того и именовалась на Западе преимущественно «русской литературой», положение широких народных масс, рабочих и крестьян, в феодальной и затем в полуфеодальной России было очень, исключительно тяжело. И литература, в лице *всех писателей поголовно*, очень чутко откликалась на это положение, шла к народу с выражением своего сочувствия, звала к борьбе, искала методов освобождения народа от беды и рабства. Потому-то и запечатлелся в ней «стон народа». Парламента и общенародной политической жизни не было. Благодаря этому, литература получила двойное значение и выросла в великую гуманистическую силу, которая, защищая народ, подрывала устои царского правительства и капиталистического мира. В этом ее великое значение, в этом ее особое положение среди всех других литератур.

Вожди русской литературы, — и величайшие писатели-беллетристы, и поэты типа Лермонтова и Некрасова, и критики такого формата, как Белинский, Писарев и Добролюбов, — гениальны и искренни. В них жива совесть. Оттого литературное служение, стоявшее на огромной художественной высоте, они обратили в *служение народу*, — и, в результате, народ и теперь, освободившись от гнета царизма и капитализма, с благоговением и с трогательной благодарностью повторяет имена писателей-классиков и публицистов-критиков. Деятели эти живут в его душе и никогда не умрут, хотя общенародное развитие пошло, в некоторых отношениях, может быть, и не совсем в том направлении, на какое иные из писателей XIX столетия указывали. Они не могли видеть многого, что ясно современному человеку. И народ за то с них не спрашивает. Он признателен им уже за то, что они помогли ему разбить его цепи.

Не прекрасный ли это удел для литературы? И не была ли она, в действительности, не только «стоном», но и «цветом» жизни своего народа, объединяя

в своих рядах всех лучших людей своего времени: Герценов и Белинских, Лермонтовых и Толстых, Чеховых и Горьких?

О, конечно, русскую литературу никогда не прельщало «расцвести» в духе Александра Дюма или Шарля Бодлера! И даже наш Достоевский, заглядывавший во все попутные пропасти, на 100 % человечнее западноевропейских Бодлеров и Верленов.

Думаю, что огорчаться нам от этого за свою литературу не приходится.

Об искусстве постоянно говорят как о чем-то внешнем, о чем-то таком, что человек может сделать так и может сделать иначе. Существует поэтому множество мнений, теорий и систем, посвященных решению вопроса о том, как надо делать искусство. Можно говорить и о теории Толстого. Однако не всегда принимается во внимание, что, делая искусство, человек рассказывает себя, а для того, чтобы этот рассказ был интересен, необходимо быть самому интересным и содержательным, необходимо думать, образовываться, страдать, наблюдать. «Для великих достижений в искусстве одного таланта недостаточно, — говорил Генрих Ибсен. — Необходимо еще другое и большее, чем талант: страсти, страдания, наполняющие жизнь и сообщающие ей смысл. Без этого не может быть творчества, разве только — сочинительство».

Да, искусство дорого только тогда, когда за ним стоит *человек*, когда за ним стоит *индивидуальность*.

«Предписывать» в искусстве, конечно, невозможно. Но... Есть одно «но». Однако, сначала — об этом «предписывании». Гёте о нем говорил:

— Нет ничего глупее, как сказать поэту: ты должен был бы сделать то-то и то-то, так-то и так-то! Я говорю это как старый знаток.

Еще бы! — добавим мы от себя.

Но... вот тут-то и следует наше «но», содержание которого, впрочем, должен осветить для нас тот же великий «знаток», т. е. Гёте:

— Я всегда заботился, — говорит он, — о том, чтобы *сделать себя более проникательным и совершенным, повысить содержание своей собственной личности и затем высказывать всегда лишь то, что я познал как добро и истину*.

Так вот чего можем мы, во всяком случае, желать от поэта: чтобы он был не пустой погремушкой, а полноценной и просвещенной личностью. Надо ли говорить, что тогда, само собой, изменится соответствующим образом и содержание его искусства?

Призыв к признанию свободы поэтического творчества отнюдь не обозначает проповеди творчества безыдейного. «Быть поэтом теперь — значит

мыслить поэтическими образами, а не щебетать по-птичьи мелодическими звуками»⁹⁷, — говорил еще Белинский. Против этого изречения можно возразить только одно: здесь не нужно словечко «теперь». Не только в годы Белинского в России, но всегда и везде истинная поэзия является «мышлением поэтическими образами». Слово «мышление» можно при этом и не понимать слишком узко: чувства и эмоции, запечатленные в образах, являются тоже законным содержанием поэзии. Фетовское «Шепот, робкое дыханье» — конечно, поэзия. Душа человека стоит за ним. Это — вовсе не только «искусство для искусства». Но содержание мысли, содержание чувства должны, конечно, принадлежать только автору, определяться только им. *Искренность* является поэтому краеугольным камнем поэтического произведения, как это признает, без сомнения, и Л. Н. Толстой.

Л. Н. Толстой не любил поэзии. Только «по воспоминаниям молодости», как он сам говорил, трогали его некоторые, и то лишь самые совершенные, стихотворения Пушкина, Тютчева и Фета. Вообще же, складывание строчек одинакового размера, подыскивание рифм и всю технику стихосложения, рождающую гармонию и музыкальность стиха, Толстой считал ненужным осложнением и даже препятствием для выражения владеющих человеком мыслей и настроений.

В 1910 году в Ясной Поляне придумана была даже такая отписка, отпечатанная посредством шапирографа на открытках и рассылавшаяся в ответ на присылку стихов всем поэтам и кандидатам в поэты: «Лев Николаевич прочел ваши стихи и нашел их очень плохими. Вообще, он не советует вам заниматься этим делом».

Страшновато было рассылать такую отписку всем, всем без исключения стихотворцам: а вдруг среди них окажется действительный талант?

Но воля Толстого была категорична, и открытки рассылались.

Лев Николаевич, наверное, спас поля русской литературы от множества плевел незрелого стихотворчества, а за возможные ошибки принимал тяжелую ответственность на себя.

Заслуживает ли поэзия такого страха или, еще лучше сказать, такого *страхования* против нее?

Думается, что нет.

Поэзия, конечно, не стихоплетство, но и без «стихоплетства» поэзии трудно обойтись. Почему? Она — немного косноязычна (пример — Пастернак), не удовлетворяется языком ясным и простым (Пушкин — один на много веков). Она, в сущности, иррациональна. Поэтому поэт не говорит, а *поет*: не смыслом, так ритмом, мелодией он удовлетворит, покорит слушателей. Требовать же ясности от поэзии — это все равно, что требовать рационализма,

который является, по существу, антиподом поэтического. «Простое», «умное», исполненное рационалистического духа стихотворение — всегда плоско. Иное «туманное» — перл поэзии. Валерий Брюсов, при личной встрече, не хотел подать мне руки... *за то*, что мой учитель, покойный уже тогда Лев Толстой, в своей книге «Что такое искусство» надсмехался над одним стихотворением Малларме как над бессмыслицей. Но «туман» в стихах и не улавливаемый сразу рассудком «ясный смысл» — вовсе не такая беда. Недаром тот же великий Пушкин обронил свое: «Поэзия, прости Бог, должна быть глуповата». Недаром, задолго, задолго до всяких Пушкиных, Малларме и Брюсовых, и великий, старый Сократ рассказывал:

«...Ходил я к поэтам... и спрашивал у них, что именно они хотели сказать... Чуть ли не все присутствовавшие лучше могли бы объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами... Не мудростью могут они творить то, что они творят, а какую-то прирожденную способностью и в исступлении, подобно гадалкам и прорицателям»⁹⁸.

Пушкин... Если вначале возможны были споры о нем, то как возможны они после того определения, которое дал месту Пушкина в литературе Н. Г. Чернышевский: «Он первый возвел у нас литературу в *достоинство национального дела*?»⁹⁹ Это глубоко верно и одного этого достаточно, чтобы Пушкина любили, чтобы о Пушкине не забывали. Но мы любим Пушкина и не забываем его не только вследствие его исключительного значения в истории литературы, — нет, мы любим его как *вечно живое* начало солнечности, начало здорового и бодрого оптимизма, начало радости жизни, начало деятельного и бодрого ума, начало правдивой, острой и передовой мысли, соединенной с высокой культурой и с высоко-поэтическим восприятием действительности. Достоинствами ясного, чистого и предельно-прекрасного пушкинского русского языка восхищается и старый, и малый. Покоряет нас в Пушкине и его глубокая, преданная любовь к Родине, его вера в Россию. Что он соединял с этой верой и чистейший, великодушнейший космополитизм, доказывать не приходится.

Много у Пушкина было врагов, иногда бессланных, а иной раз достаточно одаренных, но... пало все, что они насажали, натворили и нагородили против Пушкина. Даже Л. Толстой, этот неугомонный потрясатель основ старой цивилизации, не отважился поднять руку на Пушкина-писателя, считая его своим учителем и до конца восхищаясь лучшими его творениями, в частности — прозой. И революция всенародная признала авторитет Пушкина как национального русского поэта. Пушкин живет. Кого пронзила пуля пустоголового Дантеса? Воздух!

«Убить» Пушкина! Нет, смазливенькому французику это не удалось.

Пушкин живет. Это ощущает каждый из нас, «встречаясь» и «общаясь» с Пушкиным, как ощутил я в Тульской тюрьме в 1915 году за перечитыванием полного собрания его сочинений и писем.

Толстой, желая поднять мою душу, надломил ее. Пушкин никого не мог надломить. Его поэзия, его восприятие жизни — сама гармония, сама человечность. Он и надломленную душу может выправить и успокоить.

Только представить себе — *Россию без Пушкина!* Россию, не получившую 37 лет жизни этого благороднейшего из ее сыновей! Это поистине было бы нечто очень печальное: шла бы тогда русская жизнь, по Толстовскому выражению, «без изюминки». А Пушкин, как изюминка, подслащает и веселит жизнь великого народа.

И все в нем было цельно, умно, хорошо. Лев Николаевич нашел, что «Борис Годунов» был ненужным подражанием Шекспиру¹⁰⁰. А «Борисом», да еще оснащенным музыкой Мусоргского, живут не только русская, но и иностранная культуры.

Ханжам не нравится «атеизм» Пушкина, без сомнения бывший одной из форм его отрицания церковной казенщины и мертвечины николаевской эпохи. Но Пушкину отнюдь не чужда и религиозная настроенность, и притом в высшем, не церковном значении. Без нее не были бы созданы ни «Пророк», ни изумительное «В часы забав иль праздной скуки», ни столь трогавшее Толстого «Воспоминание».

Живой человечности учимся мы у Пушкина — человечности без тени сентиментальности и без необходимости насильственного подавления в себе естественных человеческих чувств и стремлений. Учимся доверию к жизни, счастливы, с помощью пушкинской поэзии, нащупать дорогу развития всех человеческих способностей и уметь и жить, и умирать, благословляя Провидение. От крайностей толстовского заушения и неприятия жизни надо вернуться к светлomu, жизнеутверждающему гению Пушкина.

Пушкин живет. Мы это чувствуем — стоит только произнести великое имя.

Хочется мне вспомнить здесь еще об одном русском писателе, который все растет и растет после своей смерти: об А. П. Чехове. В истории русской литературы мало образов, столь чарующих и привлекательных, как образ А. П. Чехова, писателя-художника, соединяющего с глубоким знанием жизни, исключительной способностью проникновения в человеческую психологию и предельным, тончайшим словесным мастерством какую-то особую, обвеянную поэзией, целомудренную скромность и бездонную, всепокоряющую нежность. По сжатости, выразительности и образности языка в рассказах и новеллах

Чехова сравнивали когда-то с Мопассаном. Но, как ни блестящ Мопассан, Чехов, по существу, не только равняется ему, но и превосходит французского писателя своим стилем — экономичным, сжатым и в то же время предельно тонким и точным, а к тому же — по-русски одухотворенным, без этого излишнего отягощения телесным, плотским, животным, что часто чувствуется и удручает, — как удручает спертый воздух в давно не проветривавшейся комнате, — у французов и, в частности, у Мопассана.

Давно пора отвергнуть также взгляд на Чехова только как на поэта безвременья, изобразителя «лишних людей» и т. п. Живописуя пошлость и борясь с пошлостью, Чехов несомненно подымается надо своим временем. Нельзя смотреть на Чехова и только как на художника, лишённого будто бы собственного мировоззрения, как это утверждали многие, в том числе и Л. Н. Толстой. Мировоззрение у Чехова было, и сейчас оно вырисовывается для нас довольно ясно. Мировоззрение это было научное. Чехов был идеалист, как почти все русские его эпохи, и героям его свойственно было мечтать о «небе, усыпанном алмазами». Однако идеализм Чехова, в противоположность идеализму Л. Н. Толстого, был, если можно так выразиться, гораздо более «почвенным». Мечтая о звездах, Чехов чувствовал землю под ногами, и в этом отношении он ближе к нашей эпохе, чем Толстой. Как герой рассказа «Скучная история», Чехов верил, что «наука — самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви и что только ею человек победит природу и себя». Его мечты о счастье — совершенно конкретны. «Моя святая святых, — писал А. П. Чехов в письме к поэту Плещееву, — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались»¹⁰¹. Отношение интеллигенции к народу должно строиться не на сентиментальной идеализации мужика и на филантропии, а на «расчете, знании и справедливости», как выражается доктор Соболев в рассказе «Жена». Надо делать, надо изменить существующий строй, надо оснастить мужика и рабочего знаниями, надо дать народу проявить свою силу, надо помочь трудовым людям занять равноправное положение в обществе и государстве.

В молодости и Антон Павлович прошел через увлечение Толстым. Но вот что он потом писал о этом (в письме к А. С. Суворину):

«Толстовская философия сильно трогала меня, владела мною лет 6–7, и действовали на меня не основные положения, которые были мне известны и раньше, а толстовская манера выражаться, рассудительность и, вероятно, гипнотизм своего рода... *расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса*»¹⁰².

Эта тирада великолепно показывает, в чем Чехов опередил свою эпоху. Тут он выступает перед нами в качестве не отвлеченного, морализирующего только, а *конкретного гуманиста*, знающего, что народ нужно прежде всего поднять материально, а, следовательно, освободить его от кабалы и рабства, чтобы он мог вздохнуть свободно.

Чехов верил в культуру. Он и своим земельным, дачным участком в Аутке увлекался, поскольку можно было обратить его из дикого, каменистого клочка земли в культурное, красивое место. Знакомя с скромными своими хозяйственными планами и достижениями А. И. Куприна, говорил:

— Знаете ли, через триста-четырееста лет вся земля обратится в цветущий сад. И жизнь будет тогда необыкновенно легка и удобна!..

Жизнь пока еще очень тяжела. Злые силы не дремлют. Косность человечества еще не преодолена до конца. Но если бы Чехов проснулся и посмотрел, как ожили и расцвели когда-то запущенные и бесплодные пространства Узбекистана и Казахстана, как культура мощно продвинулась в самые глухие и самые заброшенные уголки советской земли, как поднялся народ, каких людей выдвинул, какое гордое самосознание в себе выработал, он бы, наверное, признал, что назначенный им срок — в триста-четырееста лет — для обновления жизни уже значительно сокращен.

Революция не только разбудила к новой жизни русский народ, но пробудила и привлекла к культурным задачам и все другие, ранее угнетавшиеся народы на территории СССР. Так узнали мы поэтов и писателей грузинских и армянских, казахских и узбекских и многих других, не говоря уже о старых не русских писателях формата Тараса Шевченко, которых даже царское правительство, несмотря на все свое старание, не могло удушить и замолчать: так они были значительны. И теперь СССР поет и творит одинаково бодрыми голосами, на языках нескольких десятков, ранее безмолвных, народов. Какой веселый, ценный хор!

Идейно советская литература также идет в традициях классической русской литературы. Дело освобождения народов совершилось, и новая русская литература, потеряв окончательно характер «стона», ищет положительных типов, отражает творческий характер эпохи. Но, как и старая, классическая русская литература, она служит не забаве, а важнейшим личным, общественным и государственным проблемам, занимающим народы СССР.

У Тургенева где-то, — не могу сейчас вспомнить, где, — есть замечание о том, что слово иногда бессильно передать то, что чувствует человек. «Разве что музыка могла бы это сделать»¹⁰³, — добавляет он. Помню, как это в юности

поразило меня. А я как раз тогда собирался служить слову, но много занимался и музыкой. «Так это или не так?» — думал я — и не мог решить этого вопроса: был слишком молод. Теперь же, накопив достаточный опыт, могу только присоединиться к мнению знаменитого нашего писателя. Да, музыка — еще более тонкий и выразительный передатчик внутренней жизни, чем *само* слово!.. С тем большим вниманием и благоговением должны мы к ней относиться.

Трудно рассуждать и теоретизировать о музыке: на каждом шагу подстерегает опасность — уклониться в мистицизм, в туманные и неопределенные общие места ложного глубокомыслия. И это потому, что о музыке нельзя говорить равнодушно и что нет такой мерки, которой можно было бы воспользоваться для определения ее сущности и значения. Это — такая огромная сила (недаром Толстой почувствовал ее в Крейцеровой сонате Бетховена), так властно и безраздельно человеком завладевающая и притом настолько непонятная и необъяснимая для обыденного разума, что человек, желающий сказать что-нибудь о музыке, невольно ставит себя перед дилеммой: либо опозлить, либо затемнить тему, но всегда остаться непонятым. Иными словами: музыка есть музыка, и *слово* до конца разъяснить ее не может. Оттого, должно быть, она и возникла, что слова человеку показалось мало...

Можно говорить только о *впечатлении*, производимом тем или иным музыкальным произведением, причем не исключено, что впечатление это у разных людей будет разное, смотря по тому, совпадает или не совпадает то или иное музыкальное произведение с их душевным строем и его особенностями. Может, конечно, быть разной также и степень музыкального развития, степень подготовленности к восприятию музыки (это дается образованием и упражнением), но, так или иначе, в любом глубоком музыкальном произведении остается еще «что-то», что мы воспринимаем, не будучи в состоянии объяснить это словами.

Впечатление — иначе говоря, характер и степень крепости тех духовных уз, который налагает музыка, — вот все, что мы получаем от музыки и что кладет печать на нашу душу, определяя силу и прочность ее подчинения прослушанному музыкальному произведению, ее добровольного и сладкого духовного рабства обаянию, голосу этого произведения.

Повторяю, чтобы не впасть в общие места, лучше, быть может, говорить о музыке конкретно, отправляясь от непосредственного впечатления, производимого тем или иным артистом, тем или иным музыкальным произведением. Обо всех не расскажешь, но приходят на память впечатления самые дорогие, основные...

Помню, когда я молодым студентом прослушал в первый раз 9-ю симфонию Бетховена в Москве, в Солодовниковском театре¹⁰⁴ (дирижировал

Кусевицкий), — я выскочил, в экстазе, с высокой, полутемной галерки из здания театра и помчался, глядя перед собой восторженными глазами, вперед... Только вперед, не замечая, куда и зачем я иду. Хотелось подставлять воздуху и ветру свое лицо, хотелось раствориться и слиться со всем миром: так сильно было сознание своего единства с ним, своей духовности и неуничтожимости. Так огромно было впечатление от прослушания грандиознейшего из музыкальных произведений!..

Seid umschlungen, Millionen!
Diesen Kuß der ganzen Welt!
Brüder, über'm Sternenzelt
Muss ein lieber Vater wohnen...¹⁰⁵

Позже, и в Москве, и за границей, я слушал «Девятую» еще не раз и, хоть не был уже юношей и не бегал сломя голову по улицам, но все же всегда и неизменно испытывал такое же чувство величайшего душевного подъема, как и в первый раз, бывал так же глубоко тронут и так же, в мыслях и настроении, «переходил за черту» временного, земного и ясно ощущал ту струю неуничтожимого, вечного, которое Толстой не советует смешивать с «будущим»: ведь ощутить его мы можем и в этой жизни.

9-я симфония Бетховена — несомненно религиозное, подымающееся до высочайшего пафоса, произведение, хотя в нем и нет ни одного церковного мотива. Великая душа Бетховена сама создала свою «молитву», обратилась к высшему началу жизни на своем собственном, музыкальном языке: в оркестре, в хоре и в выступлениях четырех солистов. Ничего профессионального в этом произведении нет, и, может быть, именно поэтому оно признается людьми всех вероисповеданий, как признается и умнейшими атеистами, высоким и вдохновенным творением. И действие 9-й симфонии на всех, конечно, одинаковое: отрывающее от будней, вырывающее из пределов ограниченности, подымающее, воодушевляющее.

Вся душа, вся судьба человека заключена в этом творении: от стога глубочайших, интимнейших страданий до взрыва самозабвенного, патетического восторга, счастья слияния с творческой основой жизни и с душами «миллионов».

Вот оно — высокое искусство. Религиозная, предельно-глубинная идея тут не продиктована композитору извне. Она является простым выражением его огромной, необыкновенной, но глубоко человеческой души.

Л. Н. Толстой относит «Девятую симфонию» Бетховена к «дурному роду искусства». И это — на основании созданного им особого критерия, по

которому можно «судить о достоинствах произведений искусства». Бедный Бетховен! Не попал под критерий!.. Но только не рассудочны ли все такого рода критерии? И обязаны ли произведения искусства под них «подпадать»?

В частности, что касается 9-й симфонии, то нам кажется, что она и под «толстовский»-то критерий не попала лишь по недоразумению. Лев Николаевич считает ее нерелигиозной, а меня больше всего захватывает в 9-й симфонии проникающее ее религиозное, безусловное чувство всеобщего братства. Толстой не решается отнести симфонию даже к «христианскому житейскому всемирному искусству». А между тем симфония глубоко человечна! «Всемирность» же ее содержания доказывается уже ее поистине *всемирной* популярностью.

Музыка будто бы «не отвечает» мысли стихотворения Шиллера «К радости», но... почему-то миллионы слушателей симфонии и входящего в нее хора, распевającego шиллеровские строки, придерживаются диаметрально противоположного взгляда!..

Нет, симфония возбуждает в слушателях прямой восторг, и не доктринерским суждениям повалить ее и лишить значения и силы.

Тоже в студенческие годы слышал я в Москве знаменитого бельгийского скрипача Исаи. Кургузый, широколицый урод. И вдруг: кристально чистый, отвлеченный в чистоте своей звук скрипки в руках этого урода. Игра Исаи была волшебством, совершенно уносившим душу в какой-то другой, высший и лучший, мир. Мне и сейчас, через 50 с лишним лет, стоит только вспомнить тон скрипки Исаи, как у меня замирает сердце и я перестаю дышать... Что это такое? Это-то и есть *сила музыки*, метафизический смысл ее как искусства.

Незабвенны музыкальные вечера в Ясной Поляне. Шопен в исполнении А. Б. Гольденвейзера... Маленькая группа слушателей, во главе ее — Лев Толстой... Он умиляется, плачет, заявляет, что ему все равно, если вся цивилизация пропадет «к чортовой матери», — только музыку жалко!..

Именно в Ясной Поляне понял я Шопена. Никогда ни в каких концертах его музыкальная речь не производила на меня столь неотразимого впечатления, не полняла и не трогала так душу, как в слабоосвещенном яснополянском зале с двумя роялями и с большими живописными портретами Толстых и Волконских по стенам. Нельзя придумать ничего тоньше, нежнее и в то же время индивидуальнее и законченнее, чем эта музыкальная исповедь юноши и мужа — полуполяка и полуфранцуза. Не может быть также и ничего человечнее музыки Шопена. Поразительная красота ее — это только поразительная

красота его собственной души. То, что он оставил нам эту душу в звуках, — его величайшее и человечнейшее дело. Жить, сливаясь в известные моменты с его душой, так дорого, так радостно, так важно! Рояль договаривает все за тебя, что ты, быть может, и хотел бы сказать, да не умеешь и не можешь.

Нежный друг миллионов, тонкий и благородный Шопен, ты живешь — в своих творениях — едва ли не еще интенсивнее, чем жил до своей физической смерти! Твоя тонкая и человечная душа победила смерть. Искусство одержало в твоём лице одну из своих величайших побед.

Толстой любил Шопена едва ли не больше всех других композиторов. Но, странно, он и тут делал оговорку. Так как со временем должна народиться другая музыка, всем доступная, народная, то он думает, что и Шопен, как он ни любит его, будет забыт, исчезнет. Так формулировал однажды эту оговорку Лев Николаевич в моем присутствии.

Имеет ли она основание под собой? Едва ли.

Жизнь, а, следовательно, и музыка высокой и сложной души может быть понятна только тем, кто развивался и сам и кто присматривался к другим высоким и сложным душам. Это дается развитием, образованием. Образованием же или, по крайней мере, навыком достигается овладение внешней формой более или менее сложного музыкального произведения, умение «читать», расшифровывать музыкальные иероглифы. Человек неподготовленный, необразованный не поймет и не усвоит не только произведений Шопена и Бетховена, Глинки и Чайковского, но и любого научного произведения, любой философской книги.

Что же из этого следует? Что надо снижать образование, и общее, и музыкальное? Нет. Правильное решение может быть только одно: *надо подымать, распространять образование и общий культурный уровень народа.*

В СССР это как раз и делается. И вот что замечательно, — в отношении музыки, по крайней мере: произведения всех тех композиторов, которых Толстой считал «недоступными» народу, — Шумана, Шопена, Бетховена, Моцарта, Баха, Чайковского, Римского-Корсакова и многих других, — украшают программы не только исключительных по своему уровню, столичных, но и *народных* концертов по всему Союзу. Их включают в себя и широкие, всенародные программы радио. Оказывается, народ и отказываться от прекрасной, глубокой музыки не желает, и понимать ее научился. Не отказывается он и от чудесных песен — плодов коллективного народного творчества. Народная душа все вмещает. Народ стремится все понимать и знать. Он воспитывается на образцах *высшей культуры*. И, без сомнения, есть уже среди миллионов советских слушателей Шопена и Чайковского такие, которые глубоко понимают и воспринимают их музыку, а со временем таких развитых и музыкальных

душ из народа будет еще и еще больше, — неизмеримо больше по сравнению с тем временем, когда великий Толстой мог наслаждаться чудной игрой Гольденвейзера в изящном яснополянском зале, а рядом корпели, подчас при свете лучины, в своих глухих избах темные и невежественные жители деревни. Они и имен-то Шопена и Чайковского никогда не слышали, — где же им было пытаться понять их произведения?!

Но времена меняются. Революция преобразила лицо земли, изменила народ. Распространила радио, телевизор... В этих измененных условиях ни Шопен, ни Чайковский «забыты» уже быть не могут.

«Вечный свет в музыке, имя тебе — Моцарт!» — до сих пор помню этот патетический возглас из книги Антона Рубинштейна «Разговор о музыке», читанной мною еще гимназистом, вместе с товарищем, будущим композитором, профессором Московской консерватории Анатолием Александровым.

...Нежданова пела на Толстовском вечере арию Моцарта из оперы «Похищение из Сераля»:

«Я любила, я знала счастье:
Ах, как жизнь была легка!»

Серебристый голос... Изумительная по чистоте интонация... Прелестная, смелая, полная жизни и благородства мелодия... Высокая артистичность всего исполнения в целом...

«Я любила... и страдала...»

Это звучит, как колокольчик в воздухе. Это — как отголосок райского блаженства. Как классическая надпись, остро и четко вырезанная на мраморе. Что-то неуничтожимое, что-то ставшее высшей эстетической истиной. И душа — как зачарованный ребенок перед этой истиной.

Да, недаром Лев Толстой любил Моцарта!..

В антракте подходит «братец» Иван Колосков, глава секты «трезвенников», увлекавшийся в то время идеями Толстого. Лицо — расстроенное и даже прямо сердитое.

— Какое безобразие! — говорит он.

— Что такое? В чем, где безобразие?

— Да Нежданова! Выбрала такую вещь: любила... страдала... Разве можно это петь на Толстовском вечере? Возмутительно! Весь вечер испортила!..

Вне себя от негодования, «братец» прекратил разговор, — кажется, боясь сказать что-нибудь еще более резкое, — и отошел в сторону.

Я только поглядел ему вслед:
— Бедный!

В молодости я слышал в Москве пианиста Иосифа Гофмана. Это был изумительный виртуоз и блестящий интерпретатор классической музыки. Техника его была безгранична, недостижима. Когда он сидел за роялем, казалось, что инструмент играет сам, без его помощи: до такой степени исполнитель и инструмент сливались. Помню «Кампанеллу» («Колокольчик») Листа: *руками* этого сделать было нельзя. Значит, тут верховодила какая-то «высшая» сила: рояль пел и заливался, а не играл. Пианист сам казался живым воплощением музыки... Публика, разумеется, «неистовствовала». В антрактах любители автографов, в числе которых был и я, чуть не раздирали Гофмана на части.

И удивительно: сам пианист не ценил своего дарования: он воображал себя великим инженером-изобретателем. Владел технической мастерской и все средства, крупные средства, которые давала ему концертная деятельность, тратил на приобретение и усовершенствование разных машин. Как известно, инженерное и техническое дело Иосифа Гофмана не прославило, а память о нем как о великом пианисте все же живет и в истории музыки, и в сердцах тех, кто его хоть раз слышал. Это наивное, ребяческое отношение Гофмана к своему таланту (вспомните Моцарта в Пушкинском «Моцарте и Сальери»!) только лишний раз показывает, что талант независим от человека, что он приходит к нему как бы со стороны и что, в конце концов, не человек владеет талантом, а талант владеет человеком: и не хочешь, а играй! восхищай слушателей! гори у рояля, забывая обо всех иных, посторонних увлечениях! А вот придешь домой — можешь заняться и техникой, и филателией, и чем хочешь...

Талант — это рок. Обреченность. И человек, даже если бы и хотел, уйти от него не может.

Вечер. За тонкой стеной, в соседней квартире — бесконечные разговоры, крик ребенка и в то же время — приглушенное радио. Я уже привык к этим «концертам» и потому — слушаю и не слышу.

Но вдруг... я узнаю — слабо, будто очень, очень издалека слышный — голос певца: ведь это — покойный Шаляпин! Элегия Массне!..

Обмануться нельзя. Только в *его* голосе могло быть столько мощи и в то же время глубочайшей тоски и нежности:

...Все унесла ты с собой,
И солнца свет, и любовь, и покой,
Все, что дышало тобой!..

Слышна даже не вся мелодия, долетают только отрывки. И слушать-то не стоит! Не приняться ли, в самом деле, за брошенные дела?.. Но нет! Подумай: ведь это — голос Ф. И. Шаляпина, голос, чаровавший весь мир, голос гениального артиста, голос человека, с которым и ты встречался и с которым, несмотря на кратковременность знакомства, установил какой-то контакт душевный... Он давно умер, но вот — поет, будто из могилы.

Да, будто из могилы, глухо и томно. Человек, с помощью магнитофона и радио, *воскресил* голос Шаляпина, заставил его звучать для всей страны. И я с двойным, с тройным вниманием слушал этот голос мертвеца, хоть и не громкий, но такой же гибкий, страстный и живой, каким он был при жизни певца.

Радио — великое приобретение культуры (Л. Н. Толстому неизвестное), и нельзя достаточно оценить его значение.

Удивительным образом Л. Н. Толстой, по крайней мере, в своей книге «Что такое искусство?», оказался более снисходительным к живописи, чем к литературе и музыке. «В живописи более, чем в других родах искусства, можно указать на произведения, удовлетворяющие требованиям всемирного христианского искусства, т. е. на произведения, выражающие чувства, доступные всем людям». Такие произведения мы находим в области жанра, пейзажа, изображений животных.

Кого же называет Толстой из художников, представляющих, если не всем своим творчеством, то хотя бы отдельными произведениями, «истинное искусство»? Англичанина Langley, французов Мариона, Лермита, Милле, Жюля Бретона, Бастьен-Лепажа, немца Деффрегера, русских Ге, Крамского. Мы видим, что это — не только большие, но преимущественно случайно выбранные имена мастеров второстепенного, если не третьестепенного, значения. Но, главное, их так мало! А где же Рафаэль, Ван-Дейк, Веласкес, Рембрандт, Лука Кранах, Франц Гальс, Ганс Гольбейн, Альбрехт Дюрер, Рубенс, Тициан, Боттичелли, Мурильо, Корреджо, Рейсдаль, Делакруа, Йорданс, Менцель, Брюллов, Репин, Суриков, Верещагин и многие, многие другие?

Все они, очевидно, оказались за чертой «истинного искусства» на том основании, что их живопись по содержанию будто бы недоступна народу.

Впрочем, Лев Николаевич сам приводит имена тех художников, которые, по его мнению, особенно резко противостоят, всем своим существом и всем содержанием своей живописи, понятию «истинного искусства». Это — опять-таки более или менее случайные, классические, но преимущественно так называемые «декадентские» (согласно понятиям 1897 года, когда написано «Что такое искусство?»), имена: Рафаэль («Преображение», да и весь Рафаэль), Микеланджело («нелепый» «Страшный суд»), англичане Дальмас и Берн-Джонс, французы Моне, Мане, Пювис-де-Шаван, немцы Беклин, Штук, а

также большинство французских картин, «изображающих женскую наготу в разных видах». И опять хочется сказать: ведь за довольно случайными именами и даже направлениями, называемыми или подразумеваемыми Толстым, существует огромное количество произведений, им как бы не принимаемых во внимание, не говоря уже о том, что и у многих из дурно третируемых им художников мы можем найти высокие, даже с его точки зрения, творения.

Словом, Лев Николаевич суживает и часто, как нам кажется, искусственно суживает общую картину развития живописи, чтобы избежать признания положительного значения едва ли не за огромным большинством ее созданий. В частности, мне кажется, что Толстой недооценил русскую живопись и ее духовно-общественное содержание.

Все дело в том, что не только принадлежность к «христианскому» или «доступному» искусству определяет высоту и значение тех или иных произведений изобразительного искусства и, в частности, живописи, но также и сила, оригинальность, уменье, чуткость, талантливость или гениальность мастера. Между тем, в оценке Толстого принцип эстетический играет обидно малую роль.

Если кто-нибудь, идя за Толстым, скажет: «человеку нужно только выучиться рисовать, писать красками и лепить, в особенности голые тела» («Что такое искусство?»), чтобы затем «не переставая писать одну картину и лепить одну статую за другой» (там же), то мы ответим только: *выучись и попробуй* — рисовать, писать и лепить!

Имеет ли эстетика самостоятельное, насущное значение? Конечно.

«Если у тебя два каравае хлеба, продай один и купи лилию», — говорит китайская народная мудрость.

Прелесть одного такого выражения убивает наповал антиэстетические теории, вроде тех, что развивали у нас некоторые нигилистические философы и публицисты 1860-х годов, или той, какую отчасти развивал Л. Н. Толстой в своей книге об искусстве.

Живопись... Что важнее: *краски* или *сюжет*? Старая проблема, старый спор, разбивший любителей искусства на два лагеря. Лагери эти, для краткости, пожалуй, можно было бы назвать *французским* (краски!) и *русским* (сюжет!). Французская живопись, в самом деле, — в том, что касается развития формы и красок, — идет дальше всех и впереди всех. И, пожалуй, нет другой, столь же насыщенной идейностью, столь же богатой по содержанию и по сюжетам, как русская.

Куда приткнуться?! К какому лагерю?!

Ища синтеза, можно будет, пожалуй, сказать, что русская школа является до известной степени школой синтеза. В самом деле, многие, очень многие

выдающиеся произведения русской живописи, произведения, художественной значительности которых не станут отрицать и критики-формалисты, отличаются как раз не только ярким идейным содержанием, но полноценной гармонией красок: так это и у Венецианова, и у Федотова, и у Александра Иванова, и у Брюллова, и у Крамского, и у Репина, и у Серова. С технической стороны картины этих художников нисколько не ниже творений лучших западноевропейских мастеров.

Между тем, искусство Запада, искусство высокое, за немногими исключениями (вроде, скажем, гениального испанца Гойи, французов Лангелеса и Милле или немца Менцеля второй половины его деятельности), развивается почти исключительно в соответствии с понятиями и вкусами сначала феодального, потом капиталистического общества и руководствуется, главным образом, лишь теми или иными эстетическими, формалистическими теориями и принципами.

Темы западного искусства: портреты королей и принцев (Веласкес, Ван-Дейк, Менгс), библейские, античные и батальные сюжеты, семейные портреты и семейный быт буржуазии (голландцы, австрийцы, немцы), обнаженное женское тело (французы, итальянцы), женские головки (Грез, английские художники), виды городов — в их центральной, парадной части (Каналетто, Беллотто), изображения соборов и замков, история в ее наиболее эффектных и красивых эпизодах (Менцель, Давид), охоты, шинки, выпивки (голландцы, немцы), пейзажи, натюрморты, в последние годы — необъяснимые явления болезненной экспрессионистической, сюрреалистической, абстракционистской фантазии...

Темы русского искусства: портреты выдающихся деятелей культуры (Кипренский, Тропинин, Брюллов, Крамской, Перов, Репин, Серов), преступления власть имущих (Флавицкий, Репин, Ярошенко, Якоби), пороки аристократии и буржуазии (Федотов, Пукирев, Неврев), жизнь трудового крестьянства (Венецианов, Мясоедов, Максимов, Савицкий, Прянишников, Богданов-Бельский, Серебряков, любимый художник Л. Н. Толстого Н. Орлов), жизнь городской бедноты (Перов, В. Маковский), жизнь рабочих (В. Маковский, Архипов, Касаткин, С. В. Иванов, Лемох), нарастание революции в стране и борьба против царского правительства (Репин, В. Маковский, Ярошенко, С. В. Иванов, Серов), осуждение войны (Верещагин, Савицкий), история в ее поворотных пунктах (Суриков, Прянишников, Серов), вольное изображение евангельских сюжетов (Крамской, Ге, Поленов), прямая критика церкви (Перов, Корзухин, Репин), народные легенды и сказки (Васнецов, Нестеров, Рерих), пейзажи — не столько эффектные, сколько интимные (Саврасов, Ф. Васильев, Шишкин, Остроухов, Левитан), — русский пейзаж, впрочем, вообще скромный и интимный... Идейность и сюжетная насыщенность советской живописи еще более повышается.

Конечно, это — только схема, исполненная недостатков. Я признаю сам, что «стилизую», «закругляю», «выдумываю» оба перечня, но все же, как мне кажется, они в основном близки к действительности.

Сюжетным содержанием искусства, главным образом, и не может не определяться и его роль в культуре и в народной жизни. И в то время, как на Западе искусство остается принадлежностью высших и хорошо обеспеченных классов, в России оно пользуется общей, всенародной популярностью. К искренней, интимной любви русского студента, русского интеллигента, а в последнее, пореволюционное время и русского рабочего (не только московского, а любого, кого только судьба закидывает в Москву) к *Третьяковке* не подберете на Западе никакой параллели. Парижский Лувр? Да, но не посещается ли он, преимущественно, тучами налетающих в Париж «для разгулки времени» (по выражению сумасшедшего «князя Блохина» из «Так что же нам делать?» Толстого) иностранцев, с Бедекерами в руках? А о любви, об *интимной любви* широких народных кругов к своей национальной галерее и к выставленным в ней сокровищам национальной живописи тут едва ли можно говорить. Да и не может быть интимной любви человека из народа к изящным, но холодным творениям Пуссенов и Матиссов.

Связи с народом западное искусство не завоевало и не обладает, не может похвастаться ею, хотя установление такой связи именно на Западе, при сравнительно широком распространении общего образования, и не представляло бы, как кажется, никаких особых затруднений. Но... жизнь народа на Западе, — и это не только во Франции, но и в других странах, — сама по себе, а искусство — само по себе. Это обесценивает искусство, лишает его того особого значения, какое оно всегда имело и имеет сейчас на нашей родине.

Впрочем, я отнюдь не собираюсь выступать в роли хулителя западного искусства. Его культурное значение и глубокое влияние на людей образованных неоспоримо. Говорю это на основании личных впечатлений и наблюдений. Мне посчастливилось видеть на Западе много замечательных, прекрасных полотен, начиная с прославленной Сикстинской Мадонны и кончая оригинальными работами мало известного в России выдающегося швейцарского художника Годлера! А между Дрезденом и Берном — и лондонская Национальная галерея, и парижский Лувр, и берлинский «остров музеев» с Пергамоном, и чудная венская галерея, и мюнхенские, и лейпцигские собрания, и прекрасные галереи в Брюсселе, Гамбурге, Касселе, Праге и других городах Западной Европы. И я не могу не назвать иначе, как великим богатством душевным все то, что я получил от посещенных мною музеев и галерей. Сколько высокого наслаждения доставило мне созерцание тех холстов, которые составляют высокую и бесспорную ценность в западном искусстве! Говорю и об отдельных

картинах, полных глубокого идейного содержания (а их много), и о работах просто прекрасных, отразивших глубокий художественный вкус и художническую виртуозность их создателей. Иногда я думал: хоть и работал тот или другой художник феодального или капиталистического мира на богатого и властного заказчика, но все же его талант и бескорыстно-светлое отношение к миру и жизни, его любовь к прекрасному и изящному сквозят в любом сюжете, и искусство тут побеждало.

Подолгу простаивал я, бывало, перед такими шедеврами, как «Мария с младенцем и святыми» Лоренцо Лотто или лондонская и чудесная, хоть и менее известная, «Мария с младенцем» Ван-дер-Верффа, «Портрет дожа Лоредано» Джованни Беллини или «Дремлющая Венера» Джорджоне, перед тичиановскими, рембрандтовскими, боттичеллевскими холстами и перед другими картинами венецианской, флорентинской, испанской, французской, голландской школы, в которых все дышало непостижимой красотой и гармонией и божественным краскам соответствовал прелестный, легкий и совершенный рисунок.

Каждая из таких картин оставляла свой след в душе.

Искусство, едва ли не всякое совершенное искусство, несомненно воспитывает, по внутренней, подспудной, глубокой линии, без каких бы то ни было (хотя бы и Толстовских) программ и катехизисов.

Искусство подымает.

Искусство гуманизирует. Не может быть зверем тот, перед кем открывается такая красота. Поневоле ценит созерцающий искусство и любовь художника к прекрасному, учится преклоняться перед его трудом-подвигом и быть ему признательным за то, что он ввел его в храм своей души.

К величайшим ценностям искусства относятся и выдающиеся скульптурные произведения. Нам дороги и древние, наивные и примитивные — египетские, китайские, индийские, мексиканские и др. статуэтки как памятник жизни древних народов. Восхищаемся мы и прекрасными классическими образцами скульптуры.

К прекраснейшим из них, вне сомнения, относится виденная мною в Лувре античная, полублупившаяся от времени, но живая статуя из тепловато-розового мрамора: знаменитая Венера Милосская. Невозможно себе представить более совершенное исполнение в мраморе человеческого, женского тела. Атмосфера чистоты и красоты окружает это произведение.

Другое могучее впечатление, в том же Лувре, это: две статуи, по бокам одних дверей, «Рабов» Микеланджело. Статуи — колоссальные. Недоконченные. Фигуры, недовысеченные из мрамора. На ногах и за спинами их виднеется еще грубый, не снятый мрамор. И это производит такое впечатление, как будто

рабы выбираются, освобождаются на свет из облепившей и охватившей их грубой, бесформенной материи.

Оно так и есть: статуи только рождались в свет, но не дородились. Работа скульптора была прервана. Огромные, сильные «рабы» так и остались рабами охватившей и пленившей их материи. Они — прекрасны, но «скручены» камнем по рукам и по ногам. Титаны, жаждущие свободы, но никогда ее не достигающие.

Если бы Микеланджело кончил статуи, они не производили бы такого огромного, такого потрясающего впечатления.

А еще — огромное впечатление от скульптуры: это обломки статуй, украшавших западный фронтон афинского Парфенона, похищенные англичанами и хранящиеся в Британском музее в Лондоне, в частности — один из них: именно, юношеская фигура полулежащего Кефиса. Мрамор поддался уже времени, местами искрошился, расщепился, но работа Фидия или одного из его учеников так идеально прекрасна, что вы смотрите на этот кусок камня как на живое, прекрасное тело. Связь с V столетием до нашей эры устанавливается непосредственно и мгновенно, и это очень трогает.

Толстой с большим неодобрением и почти с презрением говорит о «полудиком рабовладельческом народце», научившемся изготавливать статуи голых женщин, и, однако, искусство древних греков живет и поражает своей высотой человека XX столетия так же, как оно поражало современников за пять веков до нашей эры.

Кстати, тот же «полудикий» народец дал Сократа, Платона и Аристотеля.

Общий вывод суждений Л. Н. Толстого об искусстве очень суров. «Искусство нашего времени и нашего круга стало блудницей», — говорит Толстой. Надо «избавиться от заливающего нас грязного потока этого развратного, блудного искусства» («Что такое искусство?»). Кто же и как должен был избавить общество, народ от этого развратного, блудного искусства, в частности — искусства изобразительного? Может быть, современное Толстому правительство? Или Академия художеств? Или те или иные художественные объединения? Нет! Их отнюдь не тревожила «аморальность» некоторых явлений, течений в искусстве. Раньше могла действовать и действовала только *политическая* или *церковная* цензура в искусстве, — отсюда: удаление с выставок таких картин, как «Бурлаки» и «Исповедь приговоренного» Репина, «Апофеоз войны» Верещагина или «Распятие» Ге. Сюжетов фривольных цензура не касалась.

Льву Николаевичу так и не удалось увидеть торжества нового, более строгого в моральном отношении основополагающего принципа в искусстве. Ему, конечно, не приходилось и мечтать о том, чтобы когда-нибудь этот принцип

был утвержден в русском искусстве. Между тем время борьбы с «искусством-блудницей» пришло. Это, конечно, наше время, когда, с установлением на российских пространствах великой республики Советов, многое из прежних, привычных умонастроений и неписаных законоположений поставлено было на голову. Нельзя представить себе ничего более серьезного, подлинно демократического, истинно-прогрессивного и более строгого в моральном отношении, чем дух советского искусства.

К искусствам должна быть, по справедливости, причислена и архитектура. Вернее: и архитектура, не повседневная, житейская, а планированная, стильная, может быть искусством, и искусством высоким. С детства я благоговел перед единственно доступной мне «выдающейся» архитектурой — архитектурой уездных кузнецких церквей в Сибири. Потом с тем же благоговением вглядывался я в абрис пятикупольного (построенного в виде уменьшенной копии московского Храма Христа Спасителя) Нового собора в Томске и в его высокие, расписанные живописью внутренние своды. Москва доставила мне ряд прекрасных архитектурных впечатлений и прежде всего — сказку Кремля. Нигде больше не видал я, да и нет нигде на свете ничего подобного! Это — поистине бессмертное творение русского духа, хоть и опиравшегося тут в своем творчестве на итальянцев. А самыми мощными отдельными впечатлениями в Москве были: собор Василия Блаженного, Успенский собор, церковь Покрова на Покровке, Никола Хамовнический, дворцы-больницы XVII–XIX столетий да ряд ампирных особняков, рассеянных по Остоженке, Пречистенке и Арбату с их переулками. После Второй мировой войны — высотные здания и прежде всего здание университета на Ленинских горах. В Петрограде я восхищался общим изяществом и красотой колоннады Казанского собора, величием Исакия, красотой и пышностью Зимнего и Таврического дворцов, виденных не только снаружи, но и внутри.

Но все же самым «душещипательным» впечатлением были не московские и не петроградские сооружения, а маленький, скромненький храм Покрова на р. Нерли, близ села Боголюбова во Владимирской губернии. Я увидел его летом 1918 года, отправившись пешком из Владимира в Суздаль. За спиной у меня были уже замечательные владимирские соборы, Успенский и Дмитровский, и тем не менее церковь на Нерли поразила, захватила, оглушила меня.

Далеко за селом. Не меньше, чем в двух или в трех верстах. На широком, зеленом, открытом лугу. Над речкой. Одна. Возвышается изящная, стройненькая, беленькая церковка в древнерусском стиле: она сложена из белого камня, завершена одной главой на высоком барабане. «Здание отличается необыкновенной стройностью и изяществом пропорций, тонкой пластичностью форм. Наружные стены расчленены уступчатыми лопатками и колонками,

украшены нарядным арматурным поясом и разными белокаменными скульптурными украшениями. Входы оформлены перспективными порталами с белокаменной резьбой»¹⁰⁶.

Глядя на эту постройку снаружи, еще можно было сохранять спокойствие, можно было ее «сознать» и рассуждать о ней. Но когда я, через не запертые, а только притворенные двери, вошел внутрь и по белоснежным, стройным столпам скользнул взором кверху, к сводам и куполу, я «потерял себя»: потерял способность рассудочно относиться к тому, что вижу. Дивная мелодия зазвучала надо мной и похитила мое сердце без остатка. Белоснежные массы летели так легко и так стройно вверх, что на моих глазах как бы воочию совершалось чудо: претворение тяжелого камня в легкое ангельское крыло. Я застыл в невыразимом восторге...

Один, в полном молчании сияющего летнего дня, обошел я церквушку, заглянул в крошечный алтарь, вышел по обветшавшему крылечку наружу, обошел всю постройку вокруг... Да, передо мною было несомненное чудо архитектуры. Чудо, сотворенное неизвестными чудотворцами в XII–XIII веках.

Столь непосредственного и сильного впечатления не производила на меня до тех пор ни одна постройка. Даже не Кремль. Там — слишком грандиозны массы, слишком богата орнаментировка, слишком очевидны усилия строителей. А тут — точно все родилось на лугу само собой, как лебедь. За границей я продолжал свои поиски прекрасного в архитектуре. Церковь на Нерли дала мне высокий критерий для оценки известнейших и знаменитейших созданий мировой архитектуры.

Кельнский собор, — не то, что церковь на Нерли! — стоит в двух шагах от главного вокзала. На ту же площадь, ограниченную с одной стороны собором, с другой вокзалом, выходит колоссальный мост для железнодорожного и автомобильного движения, перекинутый через Рейн. Кругом — шумные, торговые улицы... Я бесконечно сожалел за собор: только всеильные в «новом веке» меркантильные соображения могли побудить сосредоточить вокруг знаменитого исторического и архитектурного памятника все железнодорожное движение и всю шумиху и суету современного большого города. Нет покоя собору, выстроенному не для кармана, а для Бога и во имя идеи прекрасного. Сам же человек обсуетил свой первоначальный божественный порыв...

Любовался с моста на мощные готические башни собора, на лес башенок над алтарем... Обходил собор медленно вокруг, по площади, то приближаясь к нему, то удаляясь от него... Углублялся в характер общего замысла, следил за подробностями общего плана, любовался деталями: легкая башенка на среднем корабле, южный портал с его всплеском ажурной волны каменных дуг и башенок к небесам, три двери западного перспективного портала с их

поразительно разнообразной и в то же время не выходящей из общего плана мелкой резьбой по камню... А как мощны, как полны, как твердо-устойчивы и в то же время легки две главные башни собора, каждая из которых возвышается на 156 метров!.. И, наконец, как единодушно, прекрасно, завершено все творение в целом!..

Вошел внутрь. Полумрак. Цветные стекла четырех или пяти ярусов окон. Ряды стройных, мощной твердости, легких колонн из светло-серого камня. Скамьи для молящихся. Огромный резной алтарь вдали... Целая площадь прикрыта длинными, темными сводами готического здания...

Я прошел вперед и сел неподалеку от алтаря на пыльный боковой скамье у правой стены, прислонясь к ней спиной (потом один кельнерец на улице отчищал мне спину от пыли). Закинул голову: величие, покой, гармония...

Прямо передо мной, в первом ярусе — огромное окно с цветным витражом: «Рiета» — рыдающая Богородица над телом Христа. Направо, налево, убегая вверх под своды — еще окна, еще витражи с картинами, с узорами, с художественным и гармоническим чередованием и сочетанием цветов... Эти цвета, эти краски прямо горят из темноты...

Колонны, своды то раздвигаются перед окнами, то заслоняют их...

Я — не на земле, я — в другом мире...

Никогда не забыть мне этого волшебства красоты!

Хочется молиться, и я молюсь, — привычными, старыми, церковными словами:

— Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты привел меня сюда, в этот храм Твой, сподобил меня видеть эту красоту неизреченную!..

...Когда я, покинув, наконец, собор, шел по улице, душа была торжественная, тихая, спокойная.

Одним из любимых сооружений моих является также Аахенский собор. Тут древность состязается с красотой в стремлении убедить, поразить, победить впечатлением посетителя. Собор замечателен и снаружи, всем разнообразием и великолепием своих то византийских, то романских, то готических куполов, часовен и порталов, но еще более он действует своим внутренним видом. Входя через главный портал в Аахенский собор, я всегда чувствую себя как бы перенесенным за пределы привычной нашей веси трех измерений.

Самое замечательное в храме — его первооснова: воздвигнутый еще в 796 г. Одоном Мецским и освященный, в качестве «императорской капеллы», папою Львом III византийский октогон, восьмигранный купол, с прекрасной (возобновленной позднее) мозаикой. Купол величаво и в то же время легко покоится на восьми мощных столпах. Восемь полосатых, по-арабски, арок верхнего обхода опираются на двойные, красивые мраморные колонны.

Полна изящества и красоты также двухэтажная, 16-гранная, прекрасная своей полутемью и благородной, выдержанной в неярких, заглушенных тонах, мозаикой на потолке, внутренняя галерея, которая охватывает со всех сторон «императорскую капеллу».

Но прекрасен и главный алтарь, выстроенный позднее в готическом стиле и полный света...

Тихо передвигаюсь по резным помещениям собора, осматриваю и ризницу с ее собранием бесценных памятников средневекового прикладного искусства и все время чувствую себя перенесенным в особый — чудный, золотой, духовный мир. Религия это или искусство? И то, и другое вместе. Искусство само так высоко, так прекрасно, что оно переходит в религию. Оно именно религиозно убеждает и побеждает своею силою и духовностью. *Красотой* побеждает, но не в мирском, а в *религиозном*, высочайшем, духовном смысле...

Выходишь из собора, глубоко обогащенный новыми, сильнейшими и незабываемыми впечатлениями.

В октябре 1927 года посетил я город Эрфурт — город, где Лютер начал свой монашеский путь и где встречались не только Александр I с Наполеоном, но и Наполеон с Гёте¹⁰⁷.

Осмотрел все его достопримечательности, кроме собора, а потом... потом опять началось чудо. (Не подберу другого слова!) Именно — знакомство с одним из тех высших достижений западноевропейского архитектурного гения, с которыми я уже неоднократно встречался, раньше и позже, за время моих странствований и которые, с непреодолимой силой, отрывая от земли, восхищали меня в какой-то высший свет, в мир радостных и полноценных, прекрасных эстетических эмоций. Такое чувство пережил я перед Кельнским, Аахенским, Вормским, Фрейбургским и Наумбургским соборами и внутри их, перед собором Парижской Богоматери и в темных закоулках его, слабо освещенных из окон с древними цветными витражами, среди живой сказки Версаля, в готическом соборе св. Вита в Праге, на Карловом мосту и в древнейшей романской базилике св. Юрия там же, в соборе св. Стефана в Вене, в волшебных замках, воздвигнутых Людвигом II Баварским в горных Альпах, в замороженном от разрушительного действия времени средневековом городке Меерсбурге на Боденском озере, перед зданиями парламентов в Лондоне и Будапеште, в древнем чешском городе Кутна Гора с его «Св. Барборой» и готическим колодцем, перед Мюнхенской и Бреславльской (Братиславской) ратушами, на Ремерберге во Франкфурте-на Майне, в очаровательных Гильдесгейме и Гейдельберге в Германии и в др. местах.

И вот, снова — величественное, обличающее изощренную и в то же время бесконечно благородную фантазию творца в своих подробностях, староготи-

ческое (XIII в.) здание Эрфуртского собора, вместе (непрерывно вместе!) с стоящей рядом с ним, на одном и том же высоком холме, такой же старой, трехбашенной или, вернее, трехшпичной (трезубец Нептуна) церковью св. Северина, — вызвало во мне то же знакомое чувство высокого и радостного душевного подъема, ибо и на этот раз я созерцал нечто, действительно, безусловно прекрасное.

Да, это была такая радость! Я ожил от утомления, от скучных подробностей долгого пути. Этот дивный, фантастический комплекс, — собора и Severinkirche¹⁰⁸, возвышающихся посреди площади совершенно рядом на одном пагорке, — был просто нечаянным и дорогим подарком. Когда глядишь на холм с обоими храмами с отдаленного конца площади, то кажется, что ты грезишь, что ты стоишь перед миражем и что это в облаках плывут перед тобою бесплотные формы прекрасных, неземных видений. Нечто вроде рериховской или билибинской сказки, их живописной фантазии — только в готике.

Поднялся по широчайшей и высочайшей лестнице, ведущей на холм, не переставая останавливаться, оглядываться и восхищаться. И башни собора, и ажурные столпы с завитками по краям огромной террасы, и чудный, *двухсторонний*, пристроенный углом, в виде отдельного шатра, готический портал собора, — все казалось мне совершенно необыкновенным и прекрасным.

Много интересного и красивого нашел я и внутри храмов, но не это поражало, а поражало соседство храмов на холме. Вот — сила архитектуры. А ведь простая вещь: поставили оба храма рядом. Почему бы второй по времени из них не построить отдельно, на какой-нибудь другой площади? Но... вмешался гений. В голове его пронеслось волшебное видение. Гений сказал свое слово, и мечта его была воплощена в дереве и камне... Видение его стало доступно и нам... Автор построения двух храмов на холме в непосредственной близости друг от друга давно сгнил в могиле, а осенившая его голову идея живет и радует нас и по сей день.

Мне непонятно, как это Л. Н. Толстой, посетивший Париж с Notre Dame, Вену с собором Св. Стефана, Брюссель с церковью св. Гудулы, Лондон с парламентом, — эти и другие западноевропейские города с их замечательными памятниками человеческого строительства, которыми и я, грешный, имел счастье восхищаться, — почему он нигде, ни в своей книге об искусстве, ни в романах, ни в рассказах, ни в письмах, ни в дневниках не описывает их и, по большей части, даже не упоминает о них, как будто, проходя мимо, он и не видал единственных в своем роде, грандиозных и прекрасных созданий человеческого гения! Почему?

Или он был занят другими вопросами (в частности, школьным) и у него не хватило непосредственного внимания и интереса к шедеврам архитектуры, чтобы постараться оценить, понять и изучить эти шедевры? Или, наоборот, он признал их безоговорочно и безусловно, так что и распространяться об этом не находил нужным? Мы не знаем.

Впечатления от Версаля, Лувра отмечаются Львом Николаевичем, но бегло и без углубленного их анализа. Этого, конечно, мало — мало от него, как писателя.

Об одном шедевре гражданской архитектуры, который определенно нравился Л. Н. Толстому, нам известно: это — здание Румянцевского музея (нынешней Гос. Библиотеки имени В. И. Ленина) в Москве. Толстой даже говаривал, что когда он шел из своего Долго-Хамовнического переулка в центр города, то переживал последовательно два архитектурных впечатления: одно — отрицательное и другое — прекрасное. Под первым он разумел храм Христа Спасителя, неудачное создание архитектора Тона в «русском стиле», другое — баженовский Румянцевский музей.

Оценки обоих сооружений — совершенно точны. Но остается все-таки необъяснимым недостаток внимания Толстого к высоким созданиям западной архитектуры.

Культура может быть и духовной, и материальной. Но почему она *не должна* быть и той, и другой?! Должна. Но только надо заботиться, чтобы внешняя, материальная культура не стала целью самой по себе и не задавила, не заглушила культуру духовную, как это бывает в капиталистическом обществе у разбогатевших невежд (Гордей Карпыч Торцов в «Бедности не порок» Островского тоже заводил в своем доме «культуру»!). Но нет нужды также презирать материальную культуру, когда она создается трудовым человечеством для себя же. Уже самый *труд культурных людей* является достаточной гарантией, что тут не дойдет дело до гипертрофии и до вырождения культуры. Возвращаться же к первобытному долмену (я знал на Кавказе одного «толстовца», жившего в долмене), отказываться от книг и от железных дорог человеку нет надобности: облегчение внешней жизни должно содействовать духовному развитию. Скажем так: как и все наше призвание и вся жизненная задача, культура должна быть единой, *духовно-материальной*.

«Культура обратится в культ Бога и Земли», — мечтал поэт и философ Вячеслав Иванов. «Так будет, дорогой друг, — писал он, — хотя и нет еще знамений такого обращения»¹⁰⁹.

Верю, верю и я вместе с Вяч. Ивановым, что *так будет*.

VI

Государство

«Когда-то правительство являлось необходимым и меньшим злом, по сравнению с тем, какое происходило вследствие незащитности человека среди организованных соседей, но сегодня правительства стали ненужным и гораздо большим злом, по всему тому, что проделывают они с своими народами», — говорит Л. Н. Толстой в своей статье «Патриотизм и правительство»¹¹⁰.

«Теперь уже нет особенных насильников, от которых государство могло защищать нас», — добавляет Лев Николаевич в своем сочинении «Царство Божие внутри вас»¹¹¹.

На этом основывает Толстой свое учение о государстве или, вернее, о безгосударственности. Люди стали хорошими, непрерывно совершенствуясь в течение двух тысяч лет с тех пор, как появилось христианство. Государство больше уже не нужно им.

Ах, как ошибался Лев Николаевич! Как он идеализировал человека! И как хорошо, что из могилы своей он уже не видел, какие бури пронеслись над человечеством со дня его кончины 7 ноября 1910 года! Не видел хотя бы тех 70 немецких трупов, которые гитлеровцы, заняв Ясную Поляну, захоронили вокруг его могилы... вокруг того священного холмика, на котором он, в детстве, с братом Николенькой, закапывал благословенную «зеленую палочку» с написанным на ней законом любви.

Закон любви... А тут немцы прошли, с огнем и мечом, почти всю Россию, добрались до Ясной Поляны и подожгли дом великого Толстого!.. Хорошо, что нашлись люди, поставленные государством, которые потушили пожар и спасли дом, которые вырыли 70 разбойничьих трупов и освободили от их непрошенного соседства могилу одного из величайших гениев России.

Хорошо... да, хорошо, что государство, Советское правительство организовало защиту страны и, хоть с величайшими жертвами и усилиями, но выкурило полчища нового Чингисхана из пределов русской земли. Первый Чингисхан посетил Россию в XIII веке, второй (если не считать Наполеона)

в XX. Много ли стали люди «лучше» за это время? И точно ли теперь уже нет «тех особенных насильников», от которых государство могло бы защитить нас? Нет, видно, есть еще насильники. И если этого не видел Л. Н. Толстой с его идеализмом, то это хорошо видели и понимали последователи Маркса и Энгельса, знающие, что «насилия» рождаются не сами собой и не оттого, «лучше» или «хуже» стали люди, а из недостатков и несправедливости существующего политического и социального строя, из животного стремления капиталистов и хищников народного труда защитить всеми средствами свои преимущества и привилегии, а, если можно, то захватить и новые, хотя бы пришлось для этого уничтожить тысячи и миллионы людей и со всей беззастенчивостью наброситься на чужое имущество. Поэтому-то люди труда должны быть всегда готовы к самозащите.

Гитлеровское нашествие — один урок, один пример коварного, изменнического (ибо существовал договор о ненападении) и ничем не вызванного насилия.

Другим уроком, другим примером послужила для меня история, разыгравшаяся в 1919 году в родном моем городе Кузнецке, в Сибири. Там одно время установился короткий промежуток анархии, междуцарствия, когда Советская власть еще не взяла правление в свои руки, а представители старой власти бежали, исчезли. Именно в этот переходный период *безвластия, анархии* появилась неизвестно откуда взявшаяся, разбойничья банда «роговцев», называвших себя анархистами. Она терроризировала город, сожгла ряд зданий и церквей, в том числе историческую Богородскую церковь, связанную с именем Достоевского¹¹², из церковной парчи и шелков понашила себе штаны и рубахи, перерезала множество «именитых» и неименитых граждан, которым рубила или отпиливала головы, одному священнику вырезала язык и воткнула в спину штык, одному городовому с фамилией моего школьного товарища, возможно — именно этому товарищу, разрежала брюхо и наполнила его битым стеклом и т. д., и т. д. Это не были ни большевики, ни их противники в борьбе за власть. Это была именно самородно возникшая, на почве пресловутого безвластия и анархии, злая сила, которую извергло темное, неисследованное и не поддающееся исследованию нутро народа. Темные элементы вдруг почувяли, что теперь-то им только и разойтись. Если бы в городе были власти, они защитили бы людей и их достатки от разбойников. Но властей не было.

Уже из этих двух, приведенных мною «примеров» видно, что существование государства и правительства, пока что, имеет-таки свою *raison d'être*¹¹³ и что Лев Николаевич слишком преувеличивал высоту того нравственного уровня, на котором стоит человечество. Высокие и благородные люди, пламенные идеалисты, каким был Толстой, обычно и о других думают как о равных себе, и вот в том-то все горе, что на деле этого нет. Людская, злая стихия без

государства разыгралась бы, вероятно, так, что перед этим ступевались бы все преступления государства. Потому-то из двух зол и приходится, действительно, выбрать меньшее, — только не анархию, а именно государство. Да, это — сила. Да, к сожалению, это — сила, которая иногда стесняет добрых. Но она же и сила, которая вяжет злых и оберегает родные пределы от внешних нападений.

Если уж не суждено нам отделаться совсем от темных, т. е. внушаемых безудержным животным эгоизмом проявлений нашего «я», то проявления эти, по крайней мере, должны быть дисциплинированы и введены в соответствующие рамки. Так возникает право.

Поскольку общество непосредственно заинтересовано в поведении человека, оно, в целях самозащиты, организует контроль над его действиями. Целям этого контроля служат: законы об охране труда и трудовой собственности, об охране личности против оскорблений, институт брака, всевозможные полицейские и судебные установления и т. д., и т. д.

Нравственный прогресс человечества и более справедливое и равномерное распределение житейских благ умягчают, ослабляют и делают постепенно ненужными все формы вмешательства права в жизнь индивидуума. Но прогресс этот идет не так быстро, как бы нам хотелось. Общественный строй в большинстве стран далек от идеального. Представители каждого нового поколения все снова и снова начинают ту же борьбу «всех против всех» за личное благо и преуспевание. При этих условиях надолго еще, а, может быть, и навсегда, обеспечиваются смысл и существование юридических норм, стеснительных для меньшинства людей высокой нравственности и держащих в узде огромное большинство людей примитивного, чисто эгоистического и, по существу, антиобщественного склада.

Наконец, миллионы людей не могут жить неорганизованно. Не может вестись неорганизованно и сложнейшее народное хозяйство, взаимозависимость частей которого многим стала ясна тоже только в связи с военными событиями. Мы знаем теперь, что это значит, когда на рынке нет ни хлеба, ни крупы, ни масла, ни сахара, ни керосина, ни спичек. Все это не падало с неба! Небось, не забыли мы также злых дней, когда температура в комнатах в холодное время года равнялась уличной, когда заборы и пустующие деревянные дома разбирались на дрова, мертвецов тянули на кладбища на детских салазках, а в аптеках не хватало лекарств для больных. Это было, когда ослабела и застопорила столь ненавидимая анархистами государственная организация. Вдруг стало ясно, что общий организационный центр нужен. Таким центром в каждом государстве является правительство. В последнее время понадобился организационный центр и в мировом масштабе. Сначала таким центром была Лига Наций. Теперь, после Второй мировой войны, им хочет быть Организация Объединенных Наций. Государственные и мировые

организационные формы пока несовершенны и находятся в состоянии эволюции, но путь прогресса и совершенствования для них открыт, как он открыт и для каждого отдельного человека.

Несомненно, что на принципиальную оценку Л. Н. Толстым роли государства могло оказать и, наверное, оказало сильнейшее влияние отрицательное отношение его к современному ему российскому государству, с самодержавным царским правительством во главе. Достаточно прочесть только одну главу из «Хаджи-Мурата» — о Николае I, чтобы понять, какое отвращение и какой, чисто революционный по силе, протест возбуждало в Толстом царское самодержавие.

К современной его старости фазе нашей «куцей» конституции с бессильной Государственной Думой Толстой тоже не питал ничего, кроме презрения.

Когда однажды, в 1910 году, ему рассказали о свободолюбивом гражданском устройстве в Швейцарии и когда присутствовавший при этом один из друзей Льва Николаевича заметил, что в Швейцарии нельзя, однако, ожидать отказов от воинской повинности, потому что таких отказов там не допустят, Толстой возразил:

— Да им хоть есть что защищать насильем: это их порядок, которым они пользуются. А кому же нужно защищать наш беспорядок?

Это отношение именно к российскому самодержавному режиму могло, конечно, сказаться и сказалось на отношении Толстого к *государству вообще*. Некоторые, особенно резкие статьи и суждения о государстве направлялись Толстым определенно в адрес царского — виттевского или столыпинского — правительства.

Но на этом нельзя было поставить точку. Вопрос об управлении общенародными делами и об организации новой народной власти все же нуждался в разрешении.

Новый тип государства, Советское государство поднялось на такую высоту, какой Л. Н. Толстой еще не мог себе представить. Оно стало подлинным представительством трудового народа и служит только народу, а не какому-нибудь «высшему», аристократическому сословию или касте. Все граждане в нашем государстве равны, и всем предоставлены одинаковые возможности развития и честного труда. Земля и фабрики принадлежат народу. «Господ» нет, есть только организаторы, которые выдвигаются из среды самого же народа. Внешняя политика Советского государства — мирная. Оно, вместе с социалистическими странами и странами народной демократии, последовательно и упорно борется за мир, зная, что войны поглощают бесполезно колоссальные

материальные средства, а также силы и жизни людей. Перспективы дальнейшего развития и совершенствования государственного аппарата — огромны, и каждому отдельному гражданину остается только изо всех сил трудиться и содействовать дальнейшему прогрессу и дальнейшим успехам нового советского общества, что каждый в СССР и делает, тем более, что и самый труд в советском государстве уже не является проклятием, а стал «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства».

Анархистам следует считаться с истиной, отмеченной еще Владимиром Соловьевым и гласящей, что государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад¹¹⁴. Вот чего не учитывал я в своей молодости, идя за Л. Н. Толстым.

Но только деятели российской революции и тут внесли поправку. Они, действительно, верят, что жизнь земная может быть превращена в своего рода «рай». И я, вместе с ними, думаю, что если в течение 100–200 лет прикладывать к делу переустройства государства и общества ту же колоссальную энергию, какую они прикладывают к этому делу теперь, и если не возникнут исключительные, чрезвычайные препятствия со стороны, то жизнь и на самом деле может стать прекрасной, как в нашей мечте, называемой раем.

В 1907 году старик Суворин бранит в своем дневнике тогдашнюю петербургскую публицистику, не исключая и своей газеты. «Все стало дрянью, именно дрянью, — говорит он и продолжает. — Когда народ голоден, беден и невежествен, то во имя его может сказать что-нибудь смелый гений, а не поддельванья под него, не дворяне с добрыми намерениями, но без дел, не буржуа-кадеты, у которых больше капиталов, чем талантов и ума»¹¹⁵. И тут само собой подвергается имя: *Ленин!* Вот кто был тем смелым гением, который, во имя голодного, бедного и невежественного народа, снова, как Петр, «Россию вздернул на дыбы» и затем вывел ее на широкий и благодарный путь социалистического развития.

Величайшего значения политическим домислом со стороны основоположников марксизма было соображение о революционном призвании пролетариата. Только они, марксисты, утверждали, в противоположность нашим «народникам» и другим партиям, что именно рабочие, а не крестьяне и не другие классы, произведут и доведут до конца революцию. «Потерять они могут только цепи, а выиграть целый мир»¹¹⁶. Крестьяне, хоть и страдали так

же, но были разрознены, а отчасти (вспомним о кулаках, мироедах!) заражены тем же консервативным, буржуазным душком, как и все вообще собственники. Нет, только на одних рабочих можно было положиться!

Ленин тоже уверял это с первых же шагов своей деятельности, проявляя и тогда, и в дальнейшем, несокрушимую уверенность в единственной правильности своего пути.

Он победил. Что сказали бы теперь народники, «экономисты», постепенновцы, кадеты et tutti quanti?¹¹⁷ Говорить им было бы нечего, а между тем заря коммунизма охватила уже не только Россию, но и ряд других стран: великий Китай, Кубу, Польшу, Венгрию, Чехословакию, треть Германии, Румынию, Болгарию, Югославию, Албанию... Рабочие стали руководящим сословием в этих государствах. Буржуазия Европы и Америки трепещет.

Где-то коммунизм еще только подымает голову и борется, — в России, в Советском Союзе он уже победил и *созидает*, и созданное им огромно, неожиданно колоссально. Жаль, что в работе Гитлер на дороге попался, помешал. Но, отбросив Гитлера, великая страна идет дальше, и нельзя даже гадать о том, как поразительны будут новые успехи коммунистического строительства.

Вот что сделала партия пролетариата, призвав в союзники крестьянство и интеллигенцию. Огромность и широта этой исторической картины ослепляют. Народ живет в своем порыве одной жизнью. Ленин и другие отошедшие вожди не умерли: они трудятся и борются в тех, кто перехватил их знамя и с той же энергией идет по их стопам.

Переворот всей жизни — полный, полный и плодотворный: разбужены и пущены в ход силы всего народа, бывшего народа «обломовщины» и «пошехонья». Наконец-то богатырь проснулся и встряхнулся. Расправив свои члены, он принялся за борьбу и за работу. Картина — грандиозная.

И Гитлер в свое время встряхнул Германию. Но его движение не было всенародным, это была затея правящих классов, затея буржуазии, да притом — затея хищническая, направленная к завоеванию и ограблению чужих стран и народов. В этих внутренних ошибках был и приговор судьбы над гитлеровским движением. Коммунизм — народен и честен. Он несет хлеб бедняку, создает человеческое жилье для рабочего, проводит каналы и орошает безводные степи, оплодотворяет целину, электрифицирует деревню, строит избы-читальни и дома культуры, вводит всеобщее обучение, всех лечит, всех равняет, всем дает работу, заботится о стариках, о детях. Того, что раз завоевал, народ уже не отдаст.

Да, только таким, эпическим языком и можно говорить о последнем 40-лети жизни бывшей России и населяющих ее народов. Я не политик, но и не настолько слеп, чтобы не видеть всей широты, всей глубины и всего значения тех политических перемен и того глубокого переворота в экономике, с построением промышленности, с обобществлением земли и т. д., и т. д., которые

осуществлены на моей родине. Особенно теперь, по окончании страшного «экзамена» — Великой Отечественной войны. («Колхоз победил», — говорил о разгроме гитлеровцев Советами один мой знакомый, старый чешский агроном, работавший когда-то в России.) Если раньше, не занимаясь политикой, я не понимал дела Ленина, то теперь, когда оно может уже считаться, в основе, осуществленным и когда дороги назад нет, а старый и слишком узкий «толстовский» горизонт не удовлетворяет, стыдно и обидно было бы для меня, как и для каждого русского человека, расходиться с своим народом в оценке избранного им пути. Последователи Маркса и Ленина — реалисты. Поэтому они избрали путь материальных перемен: путь перестройки производительных сил и производственных отношений. Изменение бытия людей вызовет и перемену в их сознании. Нельзя оспаривать — в отношении масс — справедливости этого положения. Надо сначала накормить голодного, а потом уже начинать с ним разговоры о нравственных проблемах. Порадуемся, что капиталистическая эксплуатация уничтожена, что нашему рабочему и крестьянину живется легче, что культурные потребности самых широких кругов народа неизмеримо выросли и что необозримые горизонты открыты перед советским человеком и в политике, и в экономике, и в культурной жизни.

Тем из людей на Западе, кто критически приглядывается к коммунизму, можно было бы указать хотя бы на одно его завоевание: *на установление федеративного устройства Советского Союза*. Само по себе это дело является только *одной из реформ*, проведенных советской властью в пределах бывшей России, а между тем какое величие отличает эту реформу! На проведение ее нормальным порядком, без революции, не жалко было бы и 100 лет, а между тем Коммунистической партией Советского Союза она проведена за каких-нибудь 20–30 лет!

16 союзных республик, народы которых разговаривают, управляют своей жизнью, ведут школьное дело и издают газеты и книги на своих языках... Все они автономны в самоуправлении и в делах культуры... В каждой союзной республике — свое правительство и свой Верховный Совет... Почти так же самостоятелен и ряд автономных республик и областей... Но основными вопросами, политикой, внешней и внутренней, ведает всесоюзное правительство, избираемое всесоюзным Верховным Советом... Одна идея — свободы и благосостояния всех трудящихся — объединяет все народы, все республики. Старое соперничество и старая ревность слабых народов к сильным не имеет места, потому что все материальные средства распределяются правильно и равномерно, под всесоюзным контролем. Страх перед иноземными соседями малые народы не питают, ибо в СССР существует правило: все за одного и один за всех. Ничего похожего на ту рознь между отдельными национально-

стями, какая существовала в дореволюционной России, Советский Союз не знает. Никакие метания «главноуправляющего» Керенского, кидавшегося в эпоху Временного Правительства то на север, то на юг, в бесплодных попытках остановить расползание старой России после Февральской буржуазной революции 1917 года, не нужны.

Радостно, спокойно и величаво развивается жизнь союза более 100 равноправных, освобожденных от помещичьей и буржуазной эксплуатации, великих и малых народов и племен на пространстве одной шестой части суши.

Мир еще не видел такой федерации.

1949 год. Еду из Москвы в Тулу. Целый ряд станций что-нибудь напоминает: *Столбовая* — тут мы жили со Львом Николаевичем в гостях у Чертковых, в с. Мещерском; *Лопасня* — тут поблизости расположено бывшее имение А. П. Чехова Мелихово; *Тарусская* — отсюда надо ехать 13 километров в Бехово, Поленово тож, где стоит дом художника В. Д. Поленова, обращенный в музей его имени; *Ревякино* — тут неподалеку обитала когда-то милая «толстовская» семья Серебровских, которую я навещал с своим незабвенным другом, философом-самородком Сергеем Булыгиным; *Лаптево* — отсюда недалеко до с. Боровково, где жил крестьянин-писатель М. П. Новиков, к которому Л. Н. Толстой собирался уйти из дома, который показывал мне в своей избе «маленькую, но отдельную и теплую» комнату, приготовленную им для великого старца, и у которого я, вместе с ним и с его семьей, когда-то убирал хлеб на поле...

В Лаптеве поезд задержался. Станция имеет праздничный вид. Толпы разряженного народа. Гармоника. Песни, танцы... В чем дело? Оказывается, только что произошло открытие больницы, первой на всю округу и «такой, что и в Москве поискать». Да вон и здание ее белеется, из вагона можно видеть: большое, прекрасное, с покоящейся на двух колоннах высокой аркой над входом. Среди скромных деревянных домишек — это как лебедь среди утят...

Поглядел я и на людей: веселые, радостные, чистенькие. Ни одной лохматой, грязной мужицкой фигуры на платформе, как это бывало раньше. «Мужики» все превратились в «колхозников», и их общекультурный уровень сильно поднялся. Теперь есть у них и прекрасная больница, которой, не будь революции, они, наверное, никогда бы не получили.

Лаптево... Боровково... М. П. Новиков принадлежал к тем, кто, как и я, не сразу понял революцию. Я помню, мне прислали однажды за границу, т. е. уже после 1923 года, статью Михаила Петровича, в которой он, со свойственной ему смелостью и резкостью, доказывал, что крестьянству никакого обобществления земли и сельского хозяйства не нужно, что общим желанием всего российского крестьянства является только увеличение личных

земельных наделов. Я верю, что Новиков писал искренно и что свой взгляд он считал передовым и прогрессивным. Ретроградом он не был, но ошибка его состояла в том, что *после великой социалистической революции* он все еще, по старой привычке, боролся... *с самодержавием*, не замечая, что жизнь давно уже обогнала его и его «либерализм».

Коммунисты полемизировали тогда с Новиковым¹¹⁸. Что можно было ответить ему?

Я, с своей стороны, сказал бы крестьянину-«толстовцу», что в его мышлении обнаруживаются, по меньшей мере, два дефекта: 1) тот, хоть он и был, по своим идеалистическим представлениям, близок Толстому, учившему, что «земля — Божья», но практически он, видимо, все-таки не мог себе представить, чтобы земля могла не принадлежать никому, и оставался, как это ни странно сказать, убежденным собственником; 2) дефект чисто хозяйственный — нежелание или неумение считаться с тем, что крупное, обобществленное сельское хозяйство — бесконечно выгоднее мелкого и раздробленного, потому что дает больше зерна (запаханы межи, вводится машинная обработка полей и т. д.), и что, следовательно, реформа, — укрупнение, обобществление, коллективизация сельского хозяйства, — должна была быть произведена.

Что же мы видим? Прошло около 20 лет со времени проведения этой реформы, и она уже оправдала себя. Страна стала сильнее и богаче, труд — продуктивнее. Нашествие Гитлера остановлено и отброшено. «Колхоз победил!» Влияние СССР широко распространилось и на Западе. Голос его — слышнее при решении мировых вопросов, чем голос старой России. Огромные капиталовложения сделаны в развитие промышленности, механизации труда и всяческого строительства вообще. Культурный уровень страны повысился: из полудикой, деревенской, посконной она превратилась в сознательную, грамотную, прилично одетую, промышленную. Жить стало вольготнее, сытее. И это, — даже при некотором нетерпении населения, забывшего недавнее прошлое и предъявляющего к правительству все большие и большие требования, — видно на каждом шагу. Правильно организованные колхозы и совхозы *выгоднее* и для крестьянства, и для государства. Нынешний крестьянин и сытее, и культурнее прежнего. Оттого-то и исчезли эти немые и нечесанные патриархальные крестьянские фигуры в рваных свитках или тулупах на больших и на маленьких железнодорожных станциях. Оттого же — и непривычная чистота во всех вокзальных помещениях, обилие диванов и стульев, картины, дешевые буфеты, справочные бюро, почта, ежеминутное подметание отбросов. Оттого открыта и «настоящая», городского типа больница в Лаптеве. Оттого трудовой народ по воскресеньям наряжается, танцует, поет песни, ест мороженое (не только в Москве, но и в любом рабочем поселке), посещает кинематограф, обзаводится телевизорами, слушает радио или веселит себя гармошкой и играет в футбол.

И если Новиковы, действительно, желали счастья народу, то дух их может быть спокоен: общенародная жизнь в СССР неустанно прогрессирует в направлении к благоденствию и счастью.

Наш брат, «толстовцы», воспитанные в идеях мирного анархизма, всегда презрительно думали о всякого рода власти. Самое слово «власть» звучало для нас как нечто одиозное, ужасное, преступное. Основательно ли?

На днях, размышляя о природе власти, я подумал, что, собственно, всякое управление общественными делами, всякое правительство — это крест. И крест — далеко не легкий, требующий от того, кто его несет, не только огромного труда, но и большой твердости и выдержки, доходящих до границ полного самоотречения. Я по своему опыту знаю, что на властвующего, правящего (хотя бы в самых узких границах, до заведования каким-нибудь учреждением включительно) наваливается обычно много темных, авантюристических, претенциозных элементов, глубоко эгоистичных «рвачей», ловящих рыбку в мутной воде, желающих поживиться от вас чем-нибудь, а в случае неудачи готовых на оскорбления, клевету, подкопы, на какую угодно «оппозицию». Надо, повторяю, иметь много мужества и твердости, чтобы противостоять этим темным силам, этим «рвачам», — все-равно, в малом ли или в общенародном масштабе; уметь, когда нужно, сказать им: нет! И тут любой христианин — *не* христианин, если он не выкажет нужной твердости, даст овладеть собой, оплошает, трусит, подчинится: ведь это было бы равносильно отказу от общего дела ради частных, да еще недобросовестных, притязаний.

Вот тебе и «власть», кошмар всех, и в особенности христианских, анархистов! Ну-тко вы, бегуны от власти, спросите себя: готовы ли вы на такое положение? А если *не готовы*, то почему? Из эгоизма (желания в бездеятельности соблюсти свое спокойствие) или, действительно, из *альтруизма*, как вы говорите?

Интересный случай — когда Л. Толстой говорит о «правительстве» совсем иным языком, чем обычно, а именно не как о разбойничьей шайке, а как о подлинном представительстве народа: это — в замечательном, пророческом предисловии к Солдатской и Офицерской памяткам, предисловии, обычно почему-то не печатающемся с этими статьями и приводимом Бирюковым в его «Биографии Л. Н. Толстого», т. 4, стр. 61.

Рекомендуя правительству осуществление земельной реформы по системе Генри Джорджа как меру, могущую предотвратить неизбежную «кровавую революцию», Толстой говорит: «Очень может быть, что я ошибаюсь... Одно

несомненно, что дело правительства не заботиться только о том, чтобы не изменилось его положение, *а смело взять центральную идею прогресса и всеми силами, которыми оно обладает, проводить ее в жизнь. Только тогда правительства получат в наше время какой-нибудь смысл и перестанут быть предметами ненависти, отвращения и презрения всех тех людей, которые или не пользуются их привилегиями, или не понимают значения правительственной деятельности.* А такие люди теперь почти все».

Это место — весьма замечательное. Лев Николаевич рассуждает уже не как анархист, а как русский гражданин своего времени, разделяющий общее революционное настроение и недовольство старым строем. Выясняется, что Толстому не чужда была мысль о каком-то идеальном правительстве, могущем «смело взять центральную идею прогресса» и «проводить ее в жизнь».

В той же статье Лев Николаевич говорит также о таких правительствах, которые должны, *«поняв направление пути, по которому движется человечество, вести по нем свои народы».*

Правительства «ведут свои народы»! Оказывается, и такая, совсем не «толстовская», картина возможна, и весь вопрос только в том, куда ведут правительства.

Мы опять видим, что Лев Николаевич потому так резко отрицательно относился к идее какого бы то ни было правительства, что слишком сильна была его оппозиция, сильно его отвращение к русскому правительству, современником которого он являлся, — к самодержавному царскому правительству, в течение столетий беспощадно и жестоко эксплуатировавшему трудовой народ. Да в его время не было и никакого другого правительства, которое, не ограничиваясь казовой стороной и словесным провозглашением принципов демократии и равенства, разрешило бы по существу вопрос о жизненных интересах широких крестьянских и рабочих масс, создало бы для них устойчивое экономическое положение и не смотрело бы на них как на «низшие сословия». Едва ли можно сомневаться, что Л. Н. Толстой горячо поддержал бы правительство, поставившее себе задачей проведение в жизнь теории «единого налога» Генри Джорджа! Ему, кстати сказать, часто указывали, что для осуществления этой теории нужно правительство. Толстой ничего не мог возразить против этого и однако... от теории Генри Джорджа не отказывался.

Правительство, о котором Л. Н. Толстой мечтал, — правительство, которое, «поняв направление пути, по которому движется человечество, ведет по нему свои народы», правительство, которое «смело взяло центральную идею прогресса» и «проводит ее в жизнь», появилось всего только через семь лет после смерти Толстого. Поразительно это предвидение гениального Толстого, совершенно точно и почти что в терминах наших дней определившего, каким должно быть то правительство, которое установилось в России в результате

Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года! Правительство это, «поняв направление пути, по которому движется человечество», ориентирует все развитие государственной и экономической жизни, в том числе и постановку земельного вопроса, не на дворянство, не на буржуазию, не на деревенское кулачество даже, не на частника и не на кустарника, а на весь трудовой, рабочий и крестьянский, народ. Это — не Столыпин с его «хуторами», столько крови испортившими Толстому и вызывавшими его острейший протест. Нет, «смело взяв центральную идею прогресса», идею уничтожения собственности на средства производства, в том числе собственности на землю, идею раскрепощения трудового народа и освобождения его от власти эксплуататоров как в городе, так и в деревне, Советское правительство «всеми силами, которыми оно обладает, проводит в жизнь эту идею», ни перед чем не отступая и побеждая все встречающиеся на пути препятствия. Творя дело Маркса — Энгельса — Ленина, оно тем самым прямо выполняет и примечательный и до сих пор недостаточно оцененный Толстовский императив. Каковы бы ни были те средства, которыми оно пользуется для борьбы за свое дело (Толстой мог бы их отрицать), оно непреклонно идет к указанной нашим мыслителем цели. Счастье трудового народа стоит на первом плане для правительства Коммунистической партии. Толстой должен был бы это признать, а признавши, не изменил ли бы он свое воззрение на правительство и государство вообще?

Не будем говорить за Толстого. Но ответ напрашивается сам собой, — и ответ *не* отрицательный.

Итак, можно считать установленным, что Толстой готов был бы с уважением и с признанием отнестись к такому государству и правительству, которое поставило бы своей целью осуществление идеи Генри Джорджа о мирном и безнасилованном освобождении земли от частной собственности. А как бы он отнесся к государству и правительству, которое сделало бы главной целью своей внешней политики *идею мира и борьбы с войной*? Нельзя сомневаться, что и к такому правительству он отнесся бы с тем же, если еще не с большим, уважением и признанием. Но такое государство и правительство как раз существует в наши дни: это — СССР и Советское правительство.

Можно ли, в наши дни, представить себе возможность войны между СССР, Китаем, Польшей, Чехословакией, Германской Демократической Республикой или каким-либо другим из тех государств, которых связывают союзные отношения на почве взаимного уважения к народовластию, к гражданскому равенству, к идее мира? Нет, нельзя. А что, если бы и другие государства, обновив и усовершенствовав свой внутренний строй, примкнули бы к тому же союзу? Тогда исполнилась бы вековая мечта народов: войны не было бы

больше, половина рода человеческого не калечилась бы в битвах и не погибала бы от нужды и голода, а все материальные ресурсы расходовались бы только на мирные — социальные и культурные — цели. Это кажется, действительно, мечтой, а между тем это так близко! Ведь уже около 1 миллиарда людей, т. е. около половины всего человечества, живет в этом мирном союзе. Когда же, когда войдут в него и все остальные народы?! И когда варварский и жестокий обычай войн прекратится совершенно и навсегда?!

Думается мне, что в вопросе о целях и стремлениях политико-социального характера между политическим коммунизмом и «толстовством», на самом деле, большой разницы нет. Каков идеал коммунизма? Уничтожение классов, всеобщее равенство, уничтожение богатства и бедности, обобществление всех средств производства (с целью воспрепятствовать обогащению отдельных лиц и эксплуатации бедных богатыми), личный труд, мир. Всему этому, несомненно, сочувствует и «толстовство». Ленин говорил, что для Толстого характерно было «срывание всех и всяческих масок». Но то же характерно как для самого Ленина, так и для его партии вообще. Недаром только в Советской России мог появиться ряд таких замечательных и при том строго научных изданий, как, например, только что проштудированные мною «История дипломатии» или «Дипломатический словарь». Марксистский, всеобнажающий метод дает авторам возможность сказать правду о явлениях и людях в той области буржуазного мира, само название которой можно было бы считать синонимом лжи, обмана и подлости. Все капиталистические правительства (а только их знал Толстой) тут разоблачены.

Разница между Толстым и коммунизмом — лишь в способе обоснования своего идеала и в способе его осуществления. У Толстого — религиозное обоснование, у коммунистов — чисто практическое. Что же касается способа осуществления, то «толстовский» способ — «лучше» (мир и любовь), но только он не приводит к цели, а большевистский способ — «хуже» (насильственная революция), но зато он гарантирует победу.

В самом деле, если бы спросить не только у «толстовцев», но и у самого Толстого, верили ли они серьезно в возможность *осуществления* своего политического и социального идеала на деле, то ответ был бы, без сомнения: *нет*. Толстой бы, наверное, даже прибавил, что не надо думать о последствиях своей деятельности и что дело не в осуществлении идеала, а в том, чтобы к нему стремиться и непрестанно приближаться. И в этом он и его ученики коренным образом отличаются от политических коммунистов, которые, выработав программу социального преобразования, без устали и добросовестно *работали и работают практически*, чтобы осуществить свою программу, осуществить идеал социального равенства — и во многом уже добились это-

го осуществления. Тут — их отличие не только от «толстовцев», но и от всех теоретиков-идеалистов.

Замечательно говорит об этом выдающийся чешский философ и критик Франтишек-Ксаверий Шальда (1867–1937) в своей статье «Пятнадцать лет Советской России» («Salduv zapisnik», ч. V), перевод с чешского:

«Что может сказать о Советской власти такой человек, как я, который не является правоверным марксистом, хотя и был структуралистом другого направления? И многие-премногие, кто находится в таком же положении? Думаю, что какова бы ни была их теоретическая точка зрения, они не могут отказать в своем интересе к этому грандиозному эксперименту, подобного которому до сих пор не существовало. Удастся он или не удастся, будет иметь полный успех или только половинчатый, это никак не может уменьшить уважения к нему, уважения, обусловленного именно титанизмом его размаха. Ни за что на свете мы не должны желать, чтобы перестало быть то, что произошло; чтобы это завоевание человеческого духа вернулось к своему исходному пункту; чтобы было стерто все усилие последних пятнадцати лет, столь беременное будущим, как никакое другое доселе не только в русской, но и во всемирной истории. Наоборот: спиритуалист ли ты, или христианин, или идеалист, красней, что дело общественной справедливости вершится за границей на основе материалистической и атеистической и не подвигается дома, у тебя, на основах твоей идеологии, которую ты считаешь единственно правильной. Как это возможно, что эти твои хорошие идеологии совершенно недействительны в жизненной реальности? Что они годятся только для того, чтобы покрасоваться ими? Только для академической тихой пристани, безветренной, уютной? Нет, вам бы следовало попытаться принудить свои государства и народы не к борьбе с Россией, а к всемирному соревнованию с ней, по своим планам и идеологическим методам, чтобы они не оставались только на бумаге, а постарались обратиться в дело».

Шальда советует сделать своим соотечественникам то самое, что они делают теперь, после победоносной войны славянства против немцев, а именно: идя в ногу с Советским Союзом по пути социального прогресса, стремятся доказать, что и они способны стоять на высоте современного научно-политического миропонимания.

Обличения Шальды относятся и к тем, кто, как Толстой, внутри России считал, хотя бы и с лучшими намерениями, «единственно правильной» свою «хорошую», но «недействительную в жизненной реальности» идеологию.

Конечно, можно продолжать спорить — «по-интеллигентски» — с теорией Ленина, но практика его учения, сказавшаяся через 40 лет, опрокидывает спорщиков «вверх тормашками».

Большевики, — как хороший землекоп, — запустили глубоко лом, нажали изо всех сил на ручку и выворотили страшный ком... И все начали строить по-новому. Хоть и дорого обошлось, а добились своего. Правда, и людской материал в их распоряжении был подходящий. Кажется, только русский народ, с его смелостью, верой в себя и способностью самоотречения, мог провести и осуществить столь грандиозный переворот.

Можно ли говорить об *идеализме* у коммунистов? Можно.

«Класс, имеющий силу в своих руках, класс, действительно в трудовом порядке изменяющий мир, всегда склонен к реализму, но он склонен также и к романтике».

К мечте. Но только это — не недостижимая фантастическая звезда, не утешающая химера. Это просто — самый план, самая советская пятилетка и дальнейшие сверхпятилетки.

Это — тот «*практический идеализм*», о великом наличии которого у материалистов говорил Энгельс в ответ на упреки противников марксизма в «узости и чрезмерной трезвости».

Проповедуя необходимость физического, главным образом сельскохозяйственного труда, Лев Николаевич рассматривал интеллигенцию в целом как *не работающее сословие*. Интеллигенция, чем бы она ни занималась, по сути приравнивалась Толстым к фабрикантам и помещикам, т. е. к паразитам народного труда. Он выделял еще, до некоторой степени, *учителя* как полезного труженика, но уже профессия *врача* казалась ему абсолютно никудышной. Подобный взгляд едва ли можно признать правильным. Движение к «упрощению», которое захотело бы уничтожить и интеллигенцию, переведя ее на работу топором или лопатой, поступило бы крайне нерасчетливо. Отказавшись от высококвалифицированных представителей труда и знания в разных областях, народ только подсекал бы свое собственное положение, подсекал бы возможности прогресса и улучшения как в своей хозяйственной и культурной жизни, так и в области политического продвижения вперед. Жизнь без интеллигенции обошлась бы народу еще «дороже», оказалась бы более накладной для него, чем жизнь и работа под руководством этих «ненужных» (по Толстому) политиков, экономистов, врачей, инженеров, агрономов и т. д.

Толстой был противником разделения труда, причем в значительной степени на отрицательное отношение его к этому принципу подействовало резкое классовое разделение, господствовавшее в его время, то ужасное, ненормальное положение, в котором находился труд рабочего и крестьянина при царском режиме. И вот, вместо того, чтобы посвятить себя изысканию средств для изменения или свержения старого режима, как это, с своей стороны, делали его современники Чернышевский, Петрашевский, Лавров, Плеханов, Ленин и другие, Толстой обратился к выходу чисто индивидуальному: в своем сочинении «Так что же нам делать?» (1886) он рекомендует всем, желающим встать на правильную почву в вопросе труда, применение в своей жизни знаменитых «четырёх упряжек», т. е. разделение своего рабочего дня на четыре равные части, из которых одна посвящалась бы тяжелому земельному труду, другая — более легкому труду ремесленному, третья — умственному труду и четвертая — общению с людьми. Таким образом, — говорит Толстой, — удовлетворены были бы и все основные требования человеческой природы: деятельность мускулов, деятельность пальцев и кисти рук, деятельность ума и воображения и естественное стремление к общению с другими людьми.

Лев Николаевич пытался и сам в своей жизни применить эти «четыре упряжки» и был вполне удовлетворен воздействием их на свой организм, на состояние своего сознания. Он оговаривался, что если кто не мог так распределить свою работу, то важно, чтобы он развил в себе, по крайней мере, «сознание обязанности на труд» и постарался перейти к занятию физическим трудом, преимущественно земледелием, поскольку труд на фабрике удален от природы.

Все эти, крайне наивные с точки зрения современного экономиста, рассуждения могли иметь место разве что в эпоху 80-х и 90-х гг. прошлого столетия, когда они были высказаны и когда инициатива *единицы* переоценивалась, а к мысли об *общих революционных действиях* пришло лишь незначительное количество интеллигенции. Способ «четырёх упряжек», конечно, превосходен, но только для проведения его в жизнь нужно кем-то и чем-то предварительно подготовленная материальная база, которая могла быть у помещика, но представляла большие затруднения для городского интеллигента и являлась абсолютно недостижимой для рабочего и крестьянина. Последним приходилось работать по 10–16 часов в сутки, утомляясь до одури и забывая о каких бы то ни было «упряжках», чтобы обеспечить себе и семье кусок хлеба. А разделив свой день на «четыре упряжки», человек труда очень скоро должен был бы умереть с голоду и уморить всех членов своей семьи.

И для огромного большинства искренних «толстовцев» проблема труда на земле носила поистине трагический характер: перейти на земледелие готов, но земли нет, как нет и денег на ее приобретение. Что делать?! Как быть?! Так и оставаться тунейдцем?! Эти отчаянные вопросы, иногда и с присово-

куплением просьбы одолжить деньги, то и дело летели в Ясную Поляну, вплоть до самой смерти Льва Николаевича. И что же он отвечал своим ученикам? Всегда одно и то же: добрая жизнь, которой нельзя устроить без денег, не есть добрая жизнь. «Не выходя из того положения, в котором вы находитесь, старайтесь работать над собой, над своей душой!» Такой ответ, конечно, не удовлетворял. Для чего же души были напрасно взволнованы идеалом земельного труда?

Улучшить состояние здоровья и духа нескольких помещиков и интеллигентов система «четырех упряжек» могла, но для народа она была совершенно бесполезна.

Принцип разделения труда может и должен быть сохранен, ради целесообразности производства и организации, хотя, конечно, его нельзя обращать в предлог для разделения людей на *тружеников* и *паразитов*. Но все роды труда, и физического, и умственного, сейчас до такой степени развились и усовершенствовались, что человеку уже трудно быть универсальным и уметь делать все. Важно только, чтобы делали все и чтобы продуктами труда люди, действительно, обменивались, не пытаясь захватывать и присваивать себе плоды чужой работы незаконно и в недопустимом, сверхнормальном количестве.

Регулировать такой обмен должно, однако, опять-таки государство, социалистическое государство, отрицавшееся Толстым.

Максим Горький рассказывает в воспоминаниях об Александре Блоке, что однажды поэт «заговорил о русской интеллигенции надоевшими словами осуждения», которые показались Горькому «особенно неуместными после революции».

Алексей Максимович не оставил слов Блока без возражения. «Я сказал, — говорит он, — что отрицательное отношение к интеллигенции есть именно чисто “интеллигентское” отношение. Его не мог выработать ни мужик, знающий интеллигента только в лице самоотверженного земского врача или преподобного сельского учителя; его не мог выработать и рабочий, обязанный интеллигенту своим политическим воспитанием. Это отношение ошибочно и вредно... Всегда, ныне и присно наша интеллигенция играла, играет и еще будет играть роль ломовой лошади истории. Неустанной работой своей она подняла пролетариат на высоту революции, небывалой по широте и глубине задач, поставленных ею к немедленному решению»¹¹⁹.

Л. Н. Толстой, с его скептическим отношением и к интеллигенции, и к революции, пожалуй, не согласился бы с Горьким. Но суждение последнего от этого ничего не потеряло бы в своей убедительности.

Что касается кучки «толстовской» интеллигенции, то в роковую для родины минуту она оказалась в хвосте истории. Из нашего отвлеченного, холодного к подлинной жизни и ее нуждам спиритуализма народ (под которым мы, как и Толстой, разумели главным образом крестьянство) не мог извлечь для себя ничего спасительного. Ведь он нуждался не столько в душевной помощи (сам Толстой признавал его духовную жизнь высокой), сколько в помощи внешней, конкретной, материальной: заели его кулаки-мироеды, помещики, фабриканты, становые. А мы, горожане-мечтатели, это видели и не видели, понимали и не понимали. «Терпеливо» ждали, пока все само собой, по-толстовски, «образуется», не замечая, что если наше терпение рассчитано на долгий срок, то терпение измученных народных масс уже кончается. И какой-то двусмысленный характер приобретало постоянное восхищение Льва Николаевича *терпением* трудового народа.

Иной дорогой шла радикальная политическая мысль. Ленин, вспоминая о Белинском (которого он считал одним из предшественников русской социал-демократии), говорил: «Передовая мысль в России... жадно искала правильной революционной теории... Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала*». Замечательное наблюдение, — не наблюдение только, а вывод из собственной практики. Ленин в такой же степени, как Белинский, отдал свой мозг на служение народу. Годами готовился он к этому служению, подготовил соратников, целую школу — выступил в нужный момент и победил.

Между тем, для «толстовцев» и для других русских идеалистов, окопавшихся в одностороннем и потому бесплодном идеализме и спиритуализме, выступление Ленина после краха первой русско-германской войны было поистине своего рода *deus ex machina*¹²⁰. И рост, и быстрое укоренение нового движения в народе и особенно в рабочем классе им тоже были непонятны. В лучшем случае, они объясняли его «сложившимися обстоятельствами», если только не «злонамеренностью» и «недобрым нравом» вождя. А, между тем, у великого вождя все было рассчитано и заранее приготовлено. Расчет мог кое в чем не удался. Но тогда должны были прийти и пришли преемники Ленина, перехватившие его инициативу и дополнившие его дело. Общее же развитие шло по той же, первоначально определенной и намеченной линии.

Да, ленинскую теорию Россия *выстрадала*. Теперь же доказано, что, следуя этой теории, Россия может оставаться Россией, т. е. жить не только материальной, но и глубокой духовной жизнью. Современная и будущая Россия не отвергнет, конечно, и общечеловеческих элементов теории толстовской. Она, без сомнения, любит и не перестанет любить как Ленина, так и Толстого.

«По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей власти в России, — он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился со страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на порабощении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху до низу пропитывают всю современную жизнь.

Критика Толстого не нова. Он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской, и в русской литературе теми, кто стоял на стороне трудящихся. Но своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина. Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение. Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев» и т. д. Толстой отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого.

Представители современного рабочего движения находят, что протестовать им есть против чего, но отчаиваться не в чем... Отчаяние свойственно тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода, не способен бороться. Современный промышленный пролетариат к числу таких классов не принадлежит»¹²¹.

Лев Николаевич постоянно обсуждал вопросы политического и общественного устройства с точки зрения требований религии и отвлеченной нравственности. Естественно, что такой подход к решению этих вопросов не мог быть плодотворным. К политическим вопросам религиозного критерия

прикладывать нельзя. Пути религии и политики — разные. Религия занимается духовным состоянием человека, политика же основана в первую голову на экономических взаимоотношениях людей. Политика — борьба и притом настолько суверенна в своей области, а постулаты ее настолько неотвратимы, что религия почти ничего существенного в развитие политики внести не может. Я имею при этом в виду, разумеется, религию внекультовую, чистую, идеальную, — религию в духе Толстого. Гораздо хуже обстоит дело, когда за политику берутся церковники, именно *католики* в Западной Европе, имеющие во многих странах свои партии: тут религия является только ширмой, прикрывающей самые определенные, чисто экономические, буржуазные интересы. О *такой* «религии» не стоит и говорить!

Впрочем, диктуемый высшими религиозными и религиозно-нравственными побуждениями политический и социальный идеал (безнасилие, равенство, полный отказ от войны и т. д.) можно считать своего рода программой-*maximum*, довольствуясь в то же время борьбой за конкретный режим, являющийся программой-*minimum* и хоть сколько-нибудь, хоть в самом главном приближающийся к чаяниям религиозных людей, хоть до известной степени удовлетворяющий всех «взыскующих Града», по старому выражению.

Христианский коммунизм мог бы считаться подлинным политико-социальным идеалом религиозных людей. Можно, не дожидаясь общего осуществления этого идеала, проводить его в жизнь в более узкой сфере — личной, общественной: отказываясь от всего излишнего, организуя кооперативные объединения, артели, земледельческие колонии и т. д. Но нельзя рассчитывать на то, чтобы все общество в целом, не пройдя предварительных политических ступеней, усвоило себе сразу идеальный, с «толстовско»-христианской точки зрения, режим. И дело тут не в том, что кому-то не удалось *убедить* общество, а в том, что у политики есть свои законы развития, наиболее полную и точную характеристику которых мы находим в трудах Маркса, Энгельса и Ленина. Время наивного идеализма, расточавшего много красивых слов и призывов, но на суть дела не действовавшего, окончилось. Установлено и признано, что в истории и в общественном развитии — неукоснительно и реально — действуют законы диалектического и исторического материализма. Вопрос о характере производительных сил и производственных отношений является решающим для политики, которая теснейшим образом и прежде всего связана с экономикой той или иной страны. Политику делает народ, политику делают классы, выдвигающие на работу своих специалистов — инженеров от политики. Религиозным людям, как таковым, там делать нечего. Вот почему, лелея «толстовский» идеал, можно только со стороны оценивать усилия отдельных партий на политической арене и сочувствовать той из них, чье знамя христианину-идеалисту ближе всего.

Или — надо совсем отказаться от беспочвенного, с точки зрения политики, идеализма и включиться в правильную и регулярную политическую работу, не боясь борьбы во всех ее формах и не боясь, что тот или иной шаг в борьбе не отвечает христианскому жизнепониманию.

В «толстовском» учении имеются два пункта, придающие ему как будто политическую силу: 1) требование о переходе к физическому, по возможности — земельно-земледельческому, труду и 2) отказ от военной службы. Но оба эти пункта обязательного значения не имеют, и учитель придавал им значение только как личным, и притом идеальным, требованиям. Все, кто знал Толстого, подтвердят, что он 1) всегда отговаривал людей города (студентов, служащих, купцов и т. д.) от выполнения их намерений перехода на землю, как могущего оказаться для них сверхсильным и повредить их душевной жизни, и 2) что он настойчиво требовал смотреть на отказ от военной службы только как на акт личный, не могущий и не долженствующий иметь значения революционного выступления: «отказываюсь только потому, что такова моя вера, что *не могу служить*, только потому, что выполняю этим внутренний долг, долг совести»; всякое другое отношение к этому акту Толстой считал недостаточно последовательным, ненадежным, непрочным и могущим тяжело разочаровать.

В 1880-х годах, в первую пору после того, как сложились у него новые взгляды, Толстой, пожалуй, еще увлекался до некоторой степени общественным значением своего учения и его внешних требований (работа на земле, отказ от военной службы, участие в согласии трезвенников, пропаганда), но впоследствии, — может быть, видя бесплодность своих усилий обновить общество, а также не желая брать на себя ответственности за страдания и жертвы своих единомышленников, — он совершенно изменил центр тяжести своего учения и обратил его из хоть сколько-нибудь общественного в чистоличное, субъективное, напоминающее до известной степени церковное учение о «спасении души».

Известно, что Толстой отговаривал своих единомышленников от агитации, а также советовал им избегать каких бы то ни было объединений, организаций и каких бы то ни было совместных действий. «Я — ни за кого, я — только сам за себя, и за меня — тоже никто», — вот что мог бы и должен был бы, по Толстому, сказать каждый «толстовец», который предпринимал какое-нибудь радикальное изменение в своей жизни.

Кроме того, надо было строго остерегаться *соблазна тщеславия* и не предпринимать ничего хотя бы под тайным воздействием тщеславия. Не следовало также стремиться научить кого-то, повлиять на кого-то своим поступком и поведением, *показать пример*. Все это — от лукавого.

Вот и весь политический багаж «толстовства»! Что же можно было сделать и чего добиться в политике с таким багажом. По совести, ничего! Ни теперь, немедленно, ни в будущем, в неопределенном отдалении, тем более, что и «будущее нам не принадлежит». Все делалось только «для Бога». Последствия во внешней области «могли быть», но о них запрещалось даже думать.

И, действительно, большинство приверженцев «толстовства» даже и не выполняло его радикальных требований и, в частности, перехода к личному земельному труду, а отказавшиеся от военной службы, — истинные мученики своей идеи, — часто гибли в одиночку по тюрьмам и дисциплинарным батальонам, где они также последовательно воздерживались от всякой агитации. Царское правительство побаивалось их влияния на солдат, но тем не менее легко справлялось с ними. Отказывались, впрочем, тоже не все «толстовцы». Поколебавшимся, как, например, Сулержицкому, Лев Николаевич писал, что он их не осуждает и что теперь он их любит даже больше, чем любил раньше...

Такое бездеятельное, пассивное отношение к тяжелому положению народа не могло удовлетворить всех, пошедших за Толстым, и я лично, например, всегда, хоть и не совсем сознательно, стремился обратить «толстовство» в общественное движение: выпуском коллективного воззвания против войны в 1914 году, основанием Общества истинной свободы в память Л. Н. Толстого в Москве, учреждением Вольного содружества духовных течений, устройством Курсов свободно-религиозных знаний, изданием журнала и т. д. За мной многие шли, как шли и за другим представителем подобного течения, основателем «Общины свободных христиан» в Петербурге и деятелем трудовой общины-коммуны «Трезвая жизнь» в Москве И. М. Трегубовым. Но считавший себя выразителем правоверного направления в «толстовстве» В. Г. Чертков осуждал подобные тенденции как «непоследовательные».

«Толстовцы», не исключая и Черткова, восхищались коллективными действиями у духоборцев (сожжение оружия, массовые демонстрации, общее переселение в Канаду и пр.), но... по их мнению, то, что позволялось духоборцам, наивным, необразованным крестьянам, не возвысившимся до высоты и последовательности «толстовского» учения, отнюдь не приличествовало единомышленникам Л. Н. Толстого. К духоборцам относились как к разновидности русского сектантства и потому принимали у них без возражений все, но от своих позиций отказываться все же не хотели. Духоборцы — «дети природы», а «толстовцы» — люди разума, идущие за великим Толстым.

Таким образом, если исключить нечаянное идейное влияние «толстовства» на одиночек, — влияние понятное, если принять во внимание огромный талант и искренность Толстого-проповедника, — то мы должны признать, что оно не могло внести ничего существенного в дело борьбы за улучшение условий

народной жизни и скорее, как это и утверждали с.-д. и коммунисты, играло отрицательную роль, отвлекая далеко не худшую часть молодежи от участия в политической жизни и в активной борьбе за освобождение трудящихся.

Л. Л. Толстой пишет в своих воспоминаниях, что посетивший Ясную Поляну профессор Т. Г. Масарик, будущий президент Чехословацкой республики, ходил с Л. Н. Толстым на деревню к крестьянам. «Войдя в одну из изб, он *был изумлен нищетой русского народа и заплакал*». Лев Львович добавляет, что его отец, он сам и другие члены семьи «были поражены крайней чувствительностью чешского профессора»¹²².

«Крайняя чувствительность!» Но ведь перед Масариком была, действительно, *нищета, голая нищета*, в полном смысле, — такая нищета, которой не было на его родине и о которой он, гуманный человек, даже представления не имел. Почему же его естественная для развитого и передового человека чувствительность была сочтена *крайней*? Выходит, что надо было так же «спокойно», как Лев Львович, смотреть на эту отчаянную нищету кормильца страны, крестьянина?

Помню, как и я, впервые прибыв в 1906 г. из более или менее благополучной Сибири в европейскую Россию, тоже был поражен открывшейся передо мною ужасающей бедностью и прямо-таки нищетой «расейского» (как у нас в Сибири говорили) крестьянства. Но еще более поразило меня увидеть ту же нищету в *Ясной Поляне*, в деревне, где жил Толстой, деревне сысποкон века *принадлежавшей* ему и его предкам, деревне, откуда распространялись его христианские и христианско-анархические взгляды.

Ведь Толстой страдал душевно не менее Масарика, наблюдая вековую нищету деревни, — отчего же за 80 лет своей жизни он не смог добиться существенного улучшения положения крестьян Ясной Поляны?

Этот вопрос неотвязно стоял в моем сознании и на него я никогда не мог получить ответа. И если Масарик «заплакал», то не оттого ли отчасти, что и перед ним встал со всей своей безответностью этот вопрос? Вотчина великого Толстого, — и — в таком жалком, таком беспомощном состоянии!.. Это должно было казаться и, действительно, казалось кошмарным.

Виноват тут был, конечно, не столько Толстой лично, сколько его мировоззрение, не требовавшее «действий». В самом деле, обычные рассуждения Льва Николаевича о том, что «почему помогать Ясной Поляне, когда и в других деревнях то же самое», были безнадежно теоретичны и не могли служить оправданием его пассивности. Разве *ближний* не вправе был рассчитывать на помощь?

Пассивность — вот то слово, которое объясняет все. Убита вера в *действие*, уважение к воле и пестуетея доверие к учению о том, что «все само

собой образуется», что «ничего не надо предпринимать», что менять надо не последствия наших поступков, а само наше сознание, что перемена внутренняя должна предшествовать перемене внешней, что «лучше ничего не делать, чем делать ничего», что «неделание» — мудрое правило и т. д., и т. д., и т. д. И вот десятки лет проповедовал Толстой эти и подобные им теории, а сотни мужиков, баб и детей жили и жили у него под боком, все той же полузвериной, полунищенской, жалкой, несчастной, наполненной непосильным трудом, полуголодной и примитивной жизнью.

В конце концов Лев Николаевич, — сам или под влиянием Черткова, — на 82-м году жизни отступил от своей теории «неделания» и, хоть лично не «сделал», но завещал дочери и другу найти средства для выкупа яснополянской земли у его жены и сыновей и передать ее безвозмездно крестьянам, что и было выполнено после его смерти.

Выходит, что «делание»-то все-таки было нужно. А если бы Лев Николаевич не «спохватился», уходя из жизни (как не «спохватились» и не умели «спохватиться» тысячи других помещиков), то помочь тут могло бы только «внешнее вмешательство» — революция. Она и пришла. И сказала свое слово. Но покойный Толстой уже не слышал его.

Идеалисты, — говорит Л. А. Плоткин в книге «Писарев и литературное общественное движение 60-х гг.» (М., 1945), — «объявляли материальное призрачным, преходящим. Сущностью же утверждалась духовная, идеальная субстанция...» Но и это положение имело отношение к политике. «Если материальные условия жизни человека роли не играют, то зачем же тогда людям заботиться об устройстве своей жизни на земле? Отвлекая внимание от условий материального бытия, идеалисты боролись против революции, против социального прогресса».

«Толстовцам» это покажется диким, но пусть они подумают, не подходит ли под эту характеристику и сам Л. Н. Толстой. Он — повторяю — был образцом искренности, а между тем плоткинская характеристика как будто с него и списана. Больше того: что другие идеалисты скрывали и прикрывали кудрявыми фразами, то Л. Н. Толстой так прямо и откровенно высказывал. Тысячи раз повторял он, что «материальное — призрачно, преходяще» (вспомните рассуждения о комете Галлея!). Тысячи раз повторял он, что сущность всего — духовная, с духовной субстанцией — Богом. Тысячи раз предостерегал он против «соблазна устроительства» здесь, на земле, — соблазна, ничего человеку не дающего и ни к чему не приводящего, потому что «материальные условия жизни человека роли не играют», а важно только его духовное состояние и усилие работы над собой. «Отвлекая внимание от условий материального бытия», он, действительно, совершенно открыто и

последовательно «боролся против революции» и крайне скептически относился к идее «социального прогресса», как она выражалась в политике. Иной раз даже не без задора полемизировал с ней. Так, в 1905 году, полемизируя с кадетами, Лев Николаевич заявил однажды, что ему естественнее быть под Николаем II, чем под Петрункевичем I, — власть Николая оправдана-де исторически (см. Записки Д. П. Маковицкого)¹²³.

Видел ли сам Лев Николаевич: куда он идет? По-видимому, нет. Он искренно верил во всеисцеляющее и универсальное значение заповеди самосовершенствования, хотя... не интересовался или делал вид, что не интересуется тем, *какой политический строй* установится, в конце концов, в результате наших усилий к самосовершенствованию. Поражало, в самом деле, как это ему могло быть *безразлично*, «будет ли анархизм или, напротив, рабство под игом японца или немца» следствием «исполнения вечного закона, не допускающего насилия и участия в нем» (запись в дневнике 13 января 1910 г.). «Этого я не знаю и не хочу знать!» — с своей малопонятной людям «последовательностью» заявлял Лев Николаевич¹²⁴.

Идейно Толстой, вскрывая пороки Церкви и государственной системы, конечно, расшатывал самодержавие и тем приближал революцию, но сознательно он не собирался ей содействовать. Как будет «падать» самодержавие и что его сменит, ему было «безразлично». Дескать: иди лишь к своей высокой цели — нравственного совершенствования, а там уже установится какой-нибудь и, наверное, неплохой порядок.

Может быть, в течение столетий, если не тысячелетий, такая программа и привела бы, наконец, к своей цели, но, пока что народ оставался беззащитным и продолжал бы неизбежно страдать под игом эксплуататоров и тиранов. А «толстовцы» жили бы, совершенствовались бы и умирали бы со спокойной совестью.

Ленин прервал эту инерцию ничегонеделания.

Мы, «толстовцы», одно упускали из внимания, возражая против революции, а именно, что богачи и капиталисты никогда добровольно своего положения не уступят и от своей собственности не откажутся. Могут быть отдельные и иногда замечательные примеры таких отказов, которые как раз попадались в «толстовской» среде (князь Даддани, князь Хилков, помещики братья Шейерманы и др.), но тут отказ предполагает, прежде всего, высоко развитую и убежденную в определенном смысле личность отказывающегося, а, кроме того, и среди таких личностей далеко не все способны к самопожертвованию и к самоотречению, так что ясно, что такие отказы могли носить только характер индивидуальный и не могли стать общим явлением. В самом деле, почему богатый юноша, полюбившийся Христу и выполнивший уже все остальные

заповеди нравственности, отказался выполнить его совет насчет «раздачи имения нищим» и лишь «отошел с печалью», когда услышал такой совет из уст учителя? Почему, наряду с Дадими и Шейерманами, раздавшими свою землю крестьянам, оставались еще многие и многие, среди поклонников учения Л. Н. Толстого, кто не предпринял, однако, ничего подобного и сохранил свое имущество и деньги в своих руках? Почему один из самых искренних «толстовцев», М. В. Б.¹²⁵, который владел небольшим имением в Тульской губернии, вступил после Февральской революции и в страхе перед грядущей Октябрьской, в «Союз земельных собственников» в Петрограде, защищавший право частного владения на землю... право, отвергнутое учением Л. Н. Толстого? Потому что собственность тесно сливается с личностью собственника, и их трудно «расклеить», так что приходится, в случае нужды, только «раздирать».

Спрашивается: как долго длился бы этот процесс всеобщего добровольного отказа от крупной, нетрудовой собственности? Века? И рабочий, и крестьянский класс должен был бы дожидаться?

А к тому прибавьте, что ни Толстой, ни «толстовцы» по существу и не ждали, что такой момент наступит: *не в нем было дело*, дело было в работе нравственного совершенствования и в том, чтобы те, кто владели собственностью, сознавали бы свой «грех» и стремились от него избавиться, подвигаясь, по мере сил, к «бесконечному идеалу».

Немощь!

Революционеры заражаться подобной немощью отнюдь не собирались.

«Чернышевский видел тесную связь между философией и политикой, — говорит Плоткин в той же, только что цитировавшейся книге. — Он указывает на то, что Гоббс был абсолютист, Локк — виг, Мильтон — республиканец, Монтескье — либерал в английском вкусе, Руссо — революционный демократ, Бентам — просто демократ. Даже те мыслители, которые занимались абстрактной теорией, так или иначе проникнуты духом определенных политических направлений. Все великие философские учения для Чернышевского одновременно и политические учения».

Не знаю, как характеризовать политический уклон Л. Н. Толстого: это был одновременно и анархизм, и религиозный консерватизм. Но у последователей Толстого политические тенденции определенно чувствовались, причем тенденции эти были неодинаковы. Кристаллизация определилась особенно ясно, когда разразилась революция в октябре 1917 года. Классовое происхождение «толстовцев» сказывалось определенно в их политических симпатиях и антипатиях. Рабочие и крестьяне, по большей части, преисполнились сочувствием к новой власти. К ним примкнули и «интеллигентные пролетарии» типа И. М. Трегубова. Бывшие помещики или люди, достигшие положения и

популярности при старой власти, настроились, как я уже говорил, довольно оппозиционно к перевороту и к новым порядкам. И те, и другие, может быть, не сознавали своей «заинтересованности» в отношении к революционной власти, но «заинтересованность» эта определенно давала себя знать.

«Толстовство», конечно, было очень радикально в своих политических принципах и, вместе с кропоткинством и бакунизмом, составляло определенную ветвь в русском анархизме. Но, поскольку, в отличие от кропоткинства и бакунизма, оно проповедовало «неделание», под сенью его оказывалось местечко и для представителей политического консерватизма. Полной ясности в этом отношении в «толстовстве», во всяком случае, не было. Ни один «толстовец» не мог смело и убежденно сказать, что социализм, как политическая система, лучше конституционной монархии... Словом, желая спастись от политики, «толстовство» все-таки от нее не спаслось. Лучшие из «толстовцев» искренно были убеждены, что они при любом политическом режиме, в любом государстве будут пасынками. Но, хотя бы даже это было и так, они забывали, что *не в них дело*, а что дело — *в огромных народных массах*, в том, что даст этим массам революция, выведет ли она их из прежнего, беспримерно тяжелого, бедственного состояния и поставит ли в положение действительно свободных и полноправных граждан великой республики, — в то положение, каким все народы СССР пользуются сегодня.

«Недостоверный» Генеромо (И. Б. Фейнерман) записал в своей книжке воспоминаний о Л. Н. Толстом звучащие довольно «достоверно» слова Льва Николаевича о том, как его «всегда поражало» отсутствие в революционном движении «ноты любви к тем самым угнетенным, за которых движение это так громко ратует».

Слова эти сначала кажутся нам парадоксом, но потом мы начинаем лучше понимать, что, собственно, хотел сказать Толстой, когда встречаемся дальше с такими его рассуждениями:

«Вся жизненность революционного движения, весь этот фейерверк кипучей агитации и страстных речей диктуется только жгучим чувством ненависти к угнетателям, и на всем движении поэтому лежит отпечаток желчности и кусливого сарказма, навевающего угрюмый мрак на душу последователя. Душа выходит лишенной самых дорогих и ценных сторон ее. В ней пропадает нежная мягкость, чуткость к страданиям другого, нет желания близкого, радостного общения с теми простыми и обездоленными людьми, за которых идешь даже на муки смерти. Да, это ничего не значит, можно идти на мученическую смерть и все-таки не любить того, за кого муки принимаешь, потому что душа полна ненависти к угнетателю и вся горит жаждой борьбы только с ним»¹²⁶.

Рассуждение это сразу поражает нас своей верностью. Да, общее настроение «толстовца» и настроение революционера, конечно, не похожи друг на друга. Не хотелось и Льву Николаевичу променять настроение «нежной мягкости» и «желания близкого, радостного общения с обездоленными» на действительно свойственное, по крайней мере, хоть некоторым деятелям революции настроение с «отпечатком желчности и кусливого сарказма». Но ведь тут не мешало бы принять во внимание еще и настроение *самих обездоленных*, т. е. тех жестоко эксплуатируемых и живущих в непроглядной нужде рабочих и крестьян, во имя освобождения которых от гнета возникло как революционное движение, так, может быть, и «толстовство». Каково же, в самом деле, *их* настроение: такое же светлое и любвеобильное, как у «толстовцев», или столь же озлобленное, как у революционеров? И если скорее озлобленное, чем безмятежно-любвеобильное, то что одно могло бы изменить это настроение? Ясно, что не «любовные» речи «толстовцев» (особенно сохраняющих за собой свое привилегированное положение), а только *перемена положения обездоленных*, связанная с общей переменой социального строя, которой и добивались — в борьбе, стиснув зубы и забыв на время о «нежной мягкости», — революционеры.

А кто мог поручиться, что в глубине души того или иного революционера этой «нежной мягкости» и этого сочувствия к обездоленным, при проверке, могло оказаться, пожалуй, не меньше, если не больше, чем у «толстовца»? И что *она-то* и вела его? что из нее-то и рождалась «ненависть», которую сами революционеры называют иногда *священной*?

В смысле истинного понимания своего отношения к народу большой прогресс по сравнению с русскими «толстовцами» представляет дело Ганди в Индии. Ганди, как известно, не только выученик буддизма, но и русского мыслителя из Ясной Поляны. Он боролся за освобождение своей страны и своего народа от англичан на путях мирной, безнасиленной революции, на путях неподчинения, не-сотрудничества (non-cooperation), вкладывая религиозный смысл в свою борьбу. Борьба шла неровно и приносила Ганди иногда успех, иногда поражения. И поражения эти зависели больше всего от... непоследовательности сторонников Ганди: начав свою борьбу с англичанами мирными средствами (сжигая ткани английского происхождения, добывая явочным порядком соль из моря, что также запрещалось предприимчивыми торговцами-европейцами, ложась иногда на пути английских усмирительных отрядов и т. д.), гандисты теряли подчас терпение и переходили к борьбе вооруженной. Не обходилось дело и без эксцессов. Так, в одном городе бунтари-гандисты обезоружили отряд полицейских, заперли его в сарай и потом... подожгли этот сарай. Ганди в таких случаях бывал в отчаянии и, пока не понял, что трудно, подымая людей на «мирную революцию», удерживать их от «ре-

волюции насильственной», обыкновенно отменял всякое общее выступление против англичан и налагал на себя очередной пост покаяния.

Но потом он, очевидно, увидел, что покаянием и голодовками нельзя ни англичан сломить, ни переменить индусских бедняков, борющихся за свои права... за право хотя бы наесться досыта, и в 1946 году заявил, что он более не считает Национальный конгресс (от имени которого он действовал) обязанным применять лишь ненасильственные меры борьбы.

Дело Ганди, первым показавшего путь организованного мирного сопротивления насильникам, не следует нам, европейцам, хоронить совершенно, как это иногда делается. Ведь этот путь есть, в конце концов, не что иное, как общая забастовка, от применения которой в известных случаях политики и революционеры не отказываются.

Если Толстой и Ганди были пацифистами, то теперь и слепым ясно, что и правительство СССР со всей неуклонностью ведет последовательную и твердую политику мира, выдвигая и защищая в ООН и на всех вообще международных конференциях и конгрессах идею мирного сосуществования, идею арбитража, разоружения, соглашения, полного отказа от оружия атомного и водородного, угрожающего человечеству неслыханными и невиданными бедствиями. Нет ни одного государства, которое могло бы равняться с Советским Союзом последовательностью и принципиальностью своей позиции в этом отношении. И хотя «СССР держит порох сухим», зная, что каждую минуту он может подвергнуться новому варварскому нашествию, вроде гитлеровского, представители его и советские люди вообще выступают на международном форуме с речами, под которыми, наверное, подписались бы и Толстой, и Ганди.

Вот — отрывок из речи члена советской делегации, таджикского писателя Мирзо Турсун-Заде на Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже весной 1949 года:

«Почему прогрессивные люди различных стран, все, кто трудится и создает ценности, объединились в едином движении за мир? Да потому, что мир — это возможность работать и жить, дружить и учиться, растить детей, любить и быть любимым, быть счастливым и пользоваться всеми благами земли. Вот почему мы за мир.

Война противоестественна и чужда природе современного человека. Только звери в образе людей могут снова призывать к войне, когда еще не высохли слезы матерей во всех странах, когда еще не зажили раны, не изгладилась память о разрушениях и бедах. Матери рожают своих детей для счастья на земле, к созидательной жизни, а не для того, чтобы они превратились в пушечное мясо. Народы мира не хотят войны».

Отдав, по крайней мере, половину всех своих сил служению *идеи мира*, борьбе за мир, я счастлив привести здесь эти простые, ясные и сердечные слова рядового советского гражданина против войны. Должен сказать, что подобное настроение является господствующим в СССР. Тут нет трусов, но нет, совершенно нет и милитаристов или хотя бы патриотов дурного тона, желающих победоносной войной снова и снова выявить величие Родины. Величие это и так всем ясно. Повторяю, я не встречал в СССР *ни одного человека*, мечтающего о войне, как это... к сожалению, бывает в других странах. И это тоже — следствие перевоспитания нации, произведенного режимом социализма. Труд, но не война! — вот лозунг жизни, с точки зрения любого советского гражданина. И, однако, если на его Родину снова будет произведено нападение, он оставит мирный труд и отправится на фронт, чтобы биться, а, если нужно, то и умереть за Родину.

В отношении понимания нынешней эпохи развития СССР многому научило меня изречение Гёте, записанное Эккерманом:

«Все эпохи, которые идут назад и охвачены разложением, полны субъективизма, зато все эпохи, которые идут вперед, имеют объективное направление»¹²⁷.

Это — совершенно верно. Коммунистическая, советская эпоха с самого начала взяла именно объективное направление: к освобождению рабочего класса, к созданию промышленности в стране, и обобществлению земледелия, к насаждению коммунизма и в городе, и в деревне, к мировой революции, наконец. И вот — результат: страна бодро живет, бурно развивается, преодолевает самые невероятные препятствия и трудности, укрепляется и в хозяйственном, и в политическом, и в военном, и в дипломатическом отношении, валит на обе лопатки злейшего внешнего врага и выдвигается в состав двух-трех величайших держав — решительниц судеб мира.

И возьмите предшествующую царскую эпоху: рафинированное искусство, декадентство, спиритизм, Толстой, Мережковский и Гиппиус, доктор Бадмаев, путающаяся в трех соснах Государственная Дума, весьма разветвленное и политическое, и религиозное сектантство, не имеющая голоса и влияния наука, раболепствующая Церковь, глупый царь, сумасбродная царица, наконец — Гришка Распутин, измена, разгром на войне, революция и — позорный конец!

Прав Гёте.

VII

Summum bonum¹²⁸

Все хотят быть счастливыми — и боятся признаться в этом. И в философии, в идеалистической философии эвдемонизм, признание счастья основным стремлением жизни, отнюдь не является всеобщим принципом. Философы-ригористы отвергают счастье как цель жизни и ставят человеку более высокие задачи. За ними следовал и Л. Н. Толстой. Но говорить против счастья трудно. Оттого даже такие умы, как Кант, отвергнувши принципиально эвдемонизм, все же вводят его как-то в свое умозрение. Чистая воля или добродетель должна быть, по Канту, безусловно независима от удовольствия и счастья или благополучия. Но противоречие, часто имеющее место между добродетелью и счастьем, несогласно с идеею *высшего блага*, которое в полноте своей должно заключать всякое добро, следовательно — и счастье.

Таким образом, у Канта находим понятие «высшего блага» (*summum bonum*), которое, по требованию разума, должно быть осуществлено. Осуществлять же «высшее благо» — значит: во-первых, стремиться к нравственному совершенству; во-вторых, достигать этого совершенства и, в-третьих, пользоваться блаженством как необходимым следствием достигнутой добродетели.

Таким образом, «блаженство» обещает нам даже строгий и неподкупный изобретатель «категорического императива». Он и не мог поступить иначе. Ведь он все же, хоть и на своем, по-немецки тяжелом, заумном языке, говорил с людьми.

«Для того, чтобы наверное быть счастливым, — говорит Л. Н. Толстой, — надо только одно: люби, люби всех — и добрых, и злых. Люби не переставая, и не переставая будешь счастлив»¹²⁹.

Откуда такая уверенность, что человеку ничего больше не нужно? что ему довольно любви ко всем, и добрым, и злым, для постоянного, не переставшего счастья?

Послушаем снова Льва Николаевича:

«Мы не знаем и не можем знать, для чего мы живем. И потому нельзя бы было нам знать, что нам делать и чего не делать, если бы у нас не было желания блага. Это желание верно указывает нам, что надо делать, *если только мы понимаем свою жизнь не как животное, а как душу в теле*. (Подчеркнуто мною. — В. Б.). И это самое благо, какого желает наша душа, и дано нам в любви»¹³⁰.

Таким образом, мы видим, что высшее благо или счастье, заключающееся в любви ко всем, возможно при одном условии: если мы понимаем свою жизнь не как животное, т. е. если мы игнорируем требования своего тела, или если понимаем жизнь как «душу в теле», но при этом опять-таки отталкивая, как ненужное или даже враждебное начало, наше тело и отдавая все внимание своему духовному существу, душе. Иначе говоря, в этом, основном воззрении Л. Н. Толстого на сущность «высшего блага» или счастья торжествует опять-таки *спиритуализм* и не подарено ни одного сочувствующего или снисходительного взгляда половине нашего «я», нашему телесному существу.

Есть, однако, глубокий смысл и в мудрой осторожности Канта, не желающего прямо назвать счастье целью человеческой жизни. Счастье, и в самом деле, не может быть *целью*. Но без него жизнь невозможна. Если же прямо поставить целью счастье, то умному человеку самому скучно было бы жить. В самом деле, если жить для счастья, т. е. для себя, то всякая жизнь окажется слишком короткой, а со смертью приходит ее безусловный конец. Лучше жить для какого-нибудь, переживающего тебя, дела, жить для общего блага, для работы, для нации, для искусства, для революции, для цели, не уместающейся в рамках одной жизни. Ты умираешь, но дело твоё продолжают другие.

Так живут художники, ученые, революционеры, социалисты, коммунисты. И это стремление к одушевляющему их высокому политическому, научному, художественному и общественному идеалу, постоянное напряжение, постоянная работа и жертвы во имя его достижения составляют их счастье.

В том-то и дело, что человек не может быть счастлив *один*. Он должен быть счастлив *со всеми*.

Я не совсем согласен с Фейербахом, что «боги» — дети нашего желания и продукт нашей фантазии, что люди только ипостасируют лучшие стороны

своего «я» в понятие божества и что теперь религия уже не нужна человеку, который может достичь осуществления своих идеалов и без нее, лишь с помощью науки и искусства¹³¹. Нет, подобная философия — как кислые щи без изюминки (по «Живому трупу»)¹³², как весы без стрелки равновесия, как неплодоносящая яблоня, как свод без замка. Понятие Бога имеет всеобщее, всеустраивающее, сводящее концы с концами, универсальное значение. И даже если бы оно оставалось только понятием, от него нельзя, не может отказаться человек.

Но этика Фейербаха, этика счастья, эвдемонизм, кажется мне живой и естественной. Сущность нравственности заключается, по Фейербаху, в блаженстве, но *не в блаженстве одиночном*, а в блаженстве *всеобщем*, распространяющемся на других, ибо «я» неотделимо от «ты». Стремление к счастью предполагает взаимную зависимость людей, заложенную в глубине человеческой природы. Тут прежде всего следует отметить половую противоположность, влекущую людей двух полов к соединению.

Противоречие между чувством и долгом иногда, действительно, тревожит нас, но и оно не имеет абсолютного значения и не безысходно, как это хотят доказать строгие моралисты. Даже самопожертвование, как правильно указывает Фейербах, может быть связано с счастливым сознанием блага его для других. Надо жить, а не мучиться, и быть счастливым, сколько только лежит в твоих возможностях и способностях. Фейербах — гуманист, и его искренний, высокий гуманизм определенно носит на себе следы христианского происхождения, хотя вся искусственная, вымученная метафизика исторического христианства и отброшена нашим философом без сожаления.

Нельзя, да и нет нужды, запрещать человеку жажду личного счастья. Любому моралисту и учителю нравственности приятнее видеть человека счастливым, чем несчастным. Пусть же глаза как можно большего количества людей сияют счастьем и силой жизни, а радостная улыбка почаще расцветает на их лицах.

«...Не вы ли сказали где-то: *в жизни много прекрасного и кроме счастья*. В этом слове есть целая религия, целое откровение». Так в 1837 году писал Тютчев В. А. Жуковскому¹³³. Конечно, Тютчев прав. Кроме счастья, есть еще глубокая духовная одинокая жизнь, есть самоотвержение, альтруизм, смерть «за други своя». Но все это для несчастных людей (для несчастных, а не для счастливых) бывает часто только *спасительным убежищем*, в котором можно соблюсти свое достоинство. Изречение, понравившееся Тютчеву, могло родиться только в голове такого глубокого меланхолика и человека,

обойденного счастьем, каким был В. А. Жуковский. Если бы М. П. Протасова ответила Василию Андреевичу взаимностью и стала его женой, мы не знали бы счастливее человека. О том, что можно обойтись без счастья, говорят только в тех случаях, когда на счастье уже нет и не может быть никакой надежды.

Говорят, «что цель жизни не есть наслаждение, а напротив, есть вечный труд, вечная жертва, что мы должны постоянно принуждать себя, противодействуя своим желанием вследствие требований нравственного долга», — читаем у Н. А. Добролюбова. «В этом взгляде, — продолжает он, — есть сторона очень похвальная, именно — уважение к требованиям нравственного долга»¹³⁴. Но... есть тут и какой-то монашеский душок насилия над личностью. Что это, в самом деле, за тюрьма и за вечное одергивание свободного человека? что за хроническое подавление личности, которое может ведь и надоест и опротиветь?

Философ ищет выхода из этого ложного положения и находит его. «Кажется, не того можно назвать человеком истинно-нравственным, кто только терпит над собою веления долга как какое-то тяжелое иго, как “нравственные вериги”, а именно того, кто заботится слить требования долга с потребностями внутреннего существа своего, кто старается переработать их в свою плоть и кровь внутренним процессом самопознания и саморазвития так, чтобы они не только сделались инстинктивно-необходимыми, но и доставляли внутреннее наслаждение»¹³⁵.

Дорога нащупана правильно. И одно, что остается сделать, это — зачеркнуть слово «кажется» в начале приведенной цитаты.

Я уже приводил слова композитора Лядова о Толстом: «Он — человек “живота”, а не духа. И Бог, и искусство для него должны быть только полезны». Помню, как поразили меня эти слова, когда я, еще в пору первого увлечения Толстым, случайно натолкнулся на них. Какой парадокс! Толстой, автор «Краткого изложения Евангелия», «Зеленой палочки» и «Круга чтения», — и вдруг «не человек духа». Но композиторы, артисты — как дети. В философии им позволяется изрекать вещи безответственные, но смелые — и правдивые. Лядов сам, субъективно, конечно был убежден в истинности своей характеристики Толстого-мыслителя. И мы можем понять, что им при этом руководило. Едва ли только озлобленность из-за толстовского трактата «Что такое искусство?», встреченного большинством художников и артистов в штыки. Нет, чутьем художника и артиста Лядов понял, что Толстой перегибает палку в своем утилитаризме, что нельзя поносить ни Вагнера, ни

Бетховена, ни Леонардо да Винчи, ни рафаэлевскую Мадонну только потому, что они — «бесполезны», — «бесполезны» для чего? — для «практических» целей жизни, хотя бы и понимая под «практическими» целями моральные? Но свет и радость жизни обусловлены не только материальным или даже моральным, в узком смысле, успехом. Есть источники радости — абсолютно *бескорыстные*, когда человеку «просто»-радостно, когда он «просто»-счастлив. Искусство (Гайдн, Моцарт) дает именно такую радость... — очень ценную для духа нашего, светлую, возвышающую нас радость. *Природа* дает такую же радость, тоже — чудную, редкую по полноте, хотя и... «бесполезную» ровно в той же степени, как искусство. Что такая радость может, буквально, живить душу, слишком узким моралистам безразлично. Слишком узкие моралисты, к которым Лядов, — может быть, и без достаточных оснований, — причислял Толстого, обидчивы и ревнивы. Они ревнивы к достоинству *добра* и *Божества* и вечно «обижены», что человечество не посвящает достаточно внимания, преданности и любви Богу и добру. Моралисты тоже, в значительной степени, правы. Но было бы еще лучше, если бы они перестали негодовать на собратьев-людей и научились более широко и просто и доверчиво смотреть на жизнь. Жизнь еще более богата и плодотворна, чем это представляют себе и внушают нам моралисты-сектанты, и, если относиться к ней не по-сектантски, то и можно, и надо веру в Бога, в высшую волю и веру в закон нравственного совершенствования соединять с любовью к жизни в целом, как таковой, и к тем прекрасным сторонам ее, какими являются искусство, природа, труд, любовь, семья, дружба, знание, т. е. ко всему тому, что делает жизнь для человека полнее и краше. Даже понятие *счастья* несколько не противоречит понятию добра. Наоборот, счастье гораздо естественнее и легче укладывается в русло *добра*, чем зла. *Счастье-зло...* да разве бывает такое? Разве можно назвать «счастьем» состояние разбойника, вырезавшего семью и воспользовавшегося ее достоянием? Вы скажете: «да, да, это — *преступное счастье*, но все-таки счастье!..»

Отлично! Но разве к «преступному счастью» зовут людей Лядовы, Рафаэли и Пушкины? Нет, они обращаются не к преступным и не к больным, а к здоровым и нормальным элементам общества, составляющим его большинство, и с подлинным великодушием таланта и благородства признают за этим большинством право на простое, здоровое человеческое счастье, во всех его проявлениях. Счастье не всегда дается людям, поэтому истинные гуманисты не хотят ограбить человека, урвав у него право на ту или иную долю счастья в любой, доступной ему форме. Они — снисходительны к людям. Снисходительны *на деле*, тогда как большинство моралистов, тоже «снисходительное», снисходительно только *на словах*. Они — на страже «закона Божия». Но истинный служитель закона Божия должен видеть тысячью глаз и чувствовать тысячью сердец. Отчего Христос простил грешницу? С фарисейско-праведни-

ческой точки зрения это, может быть, непонятно. Но с *истинно-человеческой* и *человечной* точки зрения это было как раз то, что нужно, — акт *подлинной любви, подлинной человечности, подлинного всепрощения*, который восхищает и никогда не перестанет восхищать человечество.

Не единственным, а одним из самых глубоких, если не глубочайшим, источником внутреннего счастья и полного удовлетворения души является, как это и утверждает Л. Н. Толстой, христианский закон о любви к Богу и к ближнему, как к самому себе. Если все другие возможности счастья отняты, то это — любовь — всегда остается в распоряжении человека.

Образ престарелого апостола Иоанна Богослова, уже совершенно ослабевшего и только повторявшего беспрестанно «братья, любите друг друга», останется навсегда, как это опять-таки утверждал и Лев Николаевич, одним из самых высоких, мощных и поэтических образов мировой истории.

Конечно, из закона о любви к ближнему никак нельзя вывести ни аскетизма, ни осуждения мира, ни отрицания его.

Бог, или неведомая, высшая воля, послал нас в этот мир и послал с тем, чтобы мы любили друг друга. Любовь должна быть цементом человеческого общежития, только тогда общежитие крепко и радостно и взаимно благотельно, а люди, дети Божии, счастливы. Но это вовсе не значит и не должно значить, что зачеркивается все остальное содержание человеческой жизни, как духовной, так и материальной, и что многосторонне одаренное, глубокое и полное творческой инициативы человеческое существо должно обратиться лишь в аппарат какой-то отвлеченной и беспредметной «любви». И нравственность, и любовь духовная — это, скорее, *метод*, но *содержание* жизни не в них или далеко не только в них.

Счастье может быть и в труде, в творчестве. И крестьянин, развивающий свое хозяйство, и рабочий, вводящий усовершенствования в производство, счастливы. И уж несомненно счастливы ученый, приходящий к важному открытию в своей области, поэт, которому удалось стихотворение, композитор, в душе которого благодатным откровением прозвучала новая, глубокая и выразительная, мелодия, и философ, по-новому осветивший мыслью какой-нибудь уголок сознания. Счастливы и революционер, и реформатор, видящие свои мысли осуществленными.

Труд, творчество... не лучший ли это вид и род счастья?

Если бы лично меня спросили: в чем, по вашему мнению, главное счастье человека? — я бы ответил: в том, чтобы *найти себя* и всю жизнь служить и работать тому делу, в которое веришь.

«Единственное счастье, о котором мужественный человек когда-либо заботился, было счастье, заключающееся в должном выполнении его работы. Не о том, что они не могут есть, а о том, что они не могут работать, вот в чем сущность жалоб всех мудрых людей. Да, единственное несчастье человека, действительно, состоит в том, что он не может работать, не в силах выполнить своего назначения. Смотрите: незаметно пройдет день, промелькнет наша жизнь, и наступит ночь, когда ни один человек уже не сможет работать. Когда настанет эта ночь, наше счастье и несчастье исчезнут, и не останется никаких следов от того, были ли мы счастливы как самые жирные свиньи в стаде Эпикура, или несчастны, как Иов на обломках своего благополучия, как поэтический Байрон с его гауэрами и великими страданиями в сердце. Но наша работа не исчезнет, не уничтожится. Короткий, шумный день с крикливыми призраками в их бумажных коронах из сусального золота проходит, и наступает, наконец, божественная, вечная ночь с ее тишиной, правдивостью и диадемами из звезд. Что ты сделал и как? Твое счастье и несчастье были только должным возмездием, от которого не осталось и следа, но покажи нам твои дела, твою работу, чтобы мы все могли их видеть» (Томас Карлейль. «Этика жизни»).

Замечательно изменение во взглядах на труд, внесенное Великой Октябрьской революцией в СССР! То, что раньше воспринималось трудящимися как проклятие и что, сопровождаясь бесчеловечной эксплуатацией рабочего, женщины-работницы и детей их, начиная чуть не с 7-летнего возраста, теперь, в республике Советов, обратилось, по цитированному уже мною выражению в «дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». Можно сказать, что в СССР все теперь измеряется трудом, и трудящийся чувствует себя не рабом, а хозяином жизни, ибо о подневольности уже говорить не приходится и все трудятся и отдают, не жалея, свои силы на *общее дело*. И как грандиозны результаты этого подлинного и всестороннего *подъема труда* в Советском Союзе! Из бедной и отсталой страна превратилась в трудовую промышленную державу, способную и накормить весь народ, и отстоять его самостоятельность и независимость от враждебных внешних сил.

Герои Социалистического Труда отмечаются золотой звездочкой, которую они носят на груди. Красивый символ! Вот бы так-то украсили рабочего в XIX веке — в Англии, Франции, России! Да куда там! — о почете думать уже не приходилось, когда и голая борьба за существование не была обеспечена.

Герои труда — это, действительно, лучшие люди страны, и золотая звездочка обеспечивает им почет и уважение везде и всегда.

Поэтому в Советском Союзе мы вправе, более, чем где бы то ни было, говорить о *счастье труда*.

Не надо ломиться в открытые двери и доказывать, что любовь к женщине и брак по любви являются одним из наиболее полных выражений личного счастья. Это все знают. И вся художественная литература, живое отражение жизни, свидетельствует об этом.

Вот сейчас передо мной, совершенно случайно, лежит на столе «Петр I» А. Н. Толстого. На стр. 617 Меншиков рассказывает Петру, как он уговаривал Шереметева отдать ему Екатерину:

— Уступи девуку... Дворец отдам, последнюю рубашку сниму!..

Стоила, стало быть, любовь-то и дворца, и последней рубашки...

Да это что — «Петр I»! Капля в океане!.. Но вода в капле — та же. Любовь к женщине — это счастье, за которое можно отдать все, до последней рубашки, и не жалко. Так оно и есть.

Знаменитый художник Репин писал 20 августа 1891 года Татьяне Львовне Толстой, дочери Льва Николаевича:

«...В свободные часы мечтаю, что встречу же, наконец, и я однажды такую женщину, в которую влюблюсь уже на остаток жизни, серьезно и безраздельно!.. Каков старикашка! Слышал бы это Лев Николаевич, что бы он подумал!? Надеюсь, вы этого никому не расскажете. Ведь я об этом уж много лет мечтаю и, признаться, теперь уже и не верю в осуществление этой мечты. Мне пора уже в альтруисты. Но на аскетизм я не способен, мне так надоедает эта возня с самим собою. Жизнь так прекрасна, широка, разнообразна; меня так восхищают и природа, и дела человека, и искусства, и науки, и колоссальные дела силами природы»¹³⁶.

Мило и откровенно.

Конечно, любовь не простое дело. Из-за нее можно и погибнуть. И гибли: сотни, тысячи, миллионы. Но миллионы миллионов были счастливы.

Этот огонь спустил на землю сам Бог — *deus sive natura*¹³⁷. Эта любовь — жестокий и сладкий закон, от подчинения которому никто не может уклониться. С выполнением этого закона связано и продолжение рода человеческого

на земле. Узел завязан крепко. Даже Христос, надземный и надмирный, не решился его развязывать и подтвердил, что супружеские связи «сочетавает» Бог. А Л. Н. Толстой, начиная с «Крейцеровой сонаты», посвятил годы неблагодарной борьбе с соблазном женской любви и, конечно, так ничего и не добился. В конце своих дней он напоминал еще, при случае, о «недостижимом идеале» целомудрия, но, кажется, уже понимал и видел, что идеал этот так же далек от земли, как был далек и в дни его юности и как останется далеким навсегда и в будущем.

«На крапиве не родится виноград, из лжи не выведешь правду; из смешения лени, равнодушия, невежества с безумием и развратом не возникнет *сам собою* порядок. Что мы посеяли, то и должны пожинать».

Кто это говорит? Толстой? Нет, Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода, главный вождь и руководитель российской реакции¹³⁸. Он тоже требовал, как и Толстой, «нравственного обновления». И тоже, как и Толстой, только этим «нравственным обновлением» и предлагал ограничиться, — *не трогая политических форм*, — в стремлении к лучшему будущему. Лучшее доказательство того, как выгодна иногда бывала реакционным кругам религиозно-нравственная пропаганда, оторванная от *дела*, — то пресловутое «*неделание*», которое предлагалось как раз Л. Н. Толстым!

Образец прекрасной, гармонической, истинно-счастливой семейной жизни, в которой такое почетное место занимали труд и служение искусству, представляет собою семейная жизнь особо любимого Толстым великого композитора Иоганна Себастьяна Баха (1685–1750). Может быть, это идеал, уже недостижимый для современного человека. В самом деле, семья И. С. Баха построена была на началах патриархальных, давно уже отвергнутых если не в деревне, то в городе. Главою семьи считался и признавался отец. Ему все подчинялось беспрекословно, но зато и его обязанности общего кормильца, покровителя и защитника были не малы. При этом Бах принадлежал к людям, твердо верящим в единство брачной связи и в необходимость оставаться верным подруге жизни до смерти, и сурово отстранял все возможные соблазны. Самое же главное то, что между ним и его женой Магдалиной (оставившей ценные записки) существовала глубокая духовная близость, основанная, во-первых, на их глубокой религиозности и, во-вторых, на понимании женою великого гения мужа и на некоторой доле ее собственной музыкальности.

Таким образом, *религия и дух музыки* питали и поддерживали всеобщее согласие, мирный труд и взаимную любовь в семье Баха. Ничем иным, как *sumptum bonum*, нельзя, действительно, назвать счастье и душевное состояние, которым владел великий композитор.

Попробуем, основываясь на записках Магдалины Бах, заглянуть во внутренний мир семьи Баха.

И. С. Бах был женат два раза. Первая его жена, Варвара, приходившаяся ему двоюродной сестрой, умерла, счастливо прожив с ним 13 лет и подарив ему семерых детей, трое из которых скончались во младенчестве. Ни Бах, ни вторая его жена никогда не забывали о Варваре, а дети от первого брака едва ли замечали, что Магдалина Бах — не их настоящая мать.

С Магдалиной И. С. Бах случайно познакомился в одной гамбургской церкви, заметив, с каким вниманием незнакомая, серьезная девушка прислушивается к его игре на органе. Бах был на 15 лет старше своей второй жены. Большой, массивный, с серьезным лицом и глубокими глазами, он производил, на первый взгляд, скорее впечатление священника или государственного деятеля, чем музыканта и скромного органиста. Магдалине сначала и в голову не приходило, что Бах может на ней жениться; что же касается его самого, то он сразу решил, что Магдалина должна стать его женой.

Когда Бах посватался к Магдалине, она невольно подумала, что этот пожилой добряк, чей взор, казалось, проникал в ее мысли, мог бы быть ей хорошим отцом.

— Любовь — это исполнение закона! — сказал ей Бах, и слова эти тяжело легли ей на душу.

Тем не менее, хотя Бах и действовал на нее сначала несколько тяжеловато и слишком серьезно, она, выйдя за него замуж, быстро привыкла к нему и всегда чувствовала себя около него удивительно спокойно и уверенно.

Образовав с Иоганном-Себастьяном и его маленькими детьми новую семью, она жила уже только для них.

Жизнь семьи шла в ровном и спокойном ритме. Бах был все время занят. То он занимался обучением детей и приходящих учеников, то сочинял музыку, то играл на органе или на каком-нибудь другом инструменте (он владел многими), то штудировал религиозные книги. Бах никогда не бил своих детей, что особенно удивительно для его времени, но был глубоко огорчен и потрясен, когда однажды уличил в обмане одного из своих маленьких сыновей. Зато и счастлив же он был, когда провинившийся мальчуган пришел с матерью попросить у него прощенья!

Баху никогда никто не мешал. Он довольно терпеливо сносил, бывало, шум, который подымали дети, вернувшись с ярмарки с дудками и погремушками. Никаких особых требований, кроме, разве что, полного уединения, не выставлял он и тогда, когда занимался композицией. А иной раз и сочинял, и писал, не обращая внимания на детский шум.

Своей игрой на органе Бах доставлял понимающим и чутким людям огромное удовольствие: небесными звуками называли они его музыку. Иногда бывало, что в Лейпциг, где жили Бахи, приезжал какой-нибудь знаток цер-

ковной музыки, который, послушав Баха, с авторитетом заявлял Магдалине, что он считает ее мужа первым органистом в мире. Та просто подтверждала это мнение, чем удивляла приезжего.

— Далеко не все великие мастера могли похвастаться признанием со стороны своих жен! — замечал гость.

— Это была их собственная ошибка! — возражал Бах: не подумавши, выбирали себе подругу жизни.

В самом деле, тот, кто, как он, внутренним оком приглядывался к женщине, ошибиться в своем выборе не мог.

Магдалина самоотверженно помогала Иоганну-Себастьяну преодолевать все тяготы жизни и только молила Бога помочь ей быть достойной своего мужа. Конечно, она была работающая женщина, хорошо управлялась на кухне, хотя они и жили очень скромно, шила, пряла, воспитывала детей Варвары и своих, — словом, была олицетворением порядка и уюта в доме, что очень нравилось Баху, ибо это означало внутреннюю и внешнюю гармонию и, отражая чисто женские положительные черты, способствовало творческой деятельности мужчины.

Может быть, Магдалина и не во всем понимала мужа. Но кто мог исчерпать всю душевную глубину Баха? Магдалина признавалась, что как бы близко она ни стояла к И. С. Баху в течение всей их долгой совместной счастливой жизни, ее ни на минуту не покидало сознание его необъятного величия. У нее всегда был страх, как бы не проснуться внезапно от этого «сна» и снова не оказаться одной, потерявши мужа.

Магдалина старалась приблизиться к Баху. Она пела и выучилась играть на органе, инструменте, который ее муж любил больше всего. С своей стороны, и Бах относился к Магдалине с удивительной нежностью. Трогательно заботился он о ней в периоды беременности. Старался утешить и поддержать ее дух, когда они теряли кого-нибудь из детей.

Баху было 38 лет, когда он поселился с семьей в канторском доме в Лейпциге, где он и оставался затем до самой смерти в июле 1750 г. О внешней жизни композитора и его семьи нельзя рассказать ничего особо любопытного, ничего анекдотического. Жизнь эта состояла из ежедневной работы по мелочам, из ремесленной работы по исправлению и усовершенствованию органа, из школьного преподавания, интимной семейной жизни, постоянной композиторской работы, когда выбиралось для этого свободное время. Тихими зимними вечерами Иоганн-Себастьян и Магдалина сидели рядом и переписывали ноты. Тихая, счастливая работа без каких бы то ни было сенсаций. Колоссальное творческое наследие Баха создавалось непреднамеренно и росло медленно и спокойно, как дерево, которое простоит тысячелетия и всех будет удивлять как чудо. — «Я не способен сочинять песни о несчастной любви или о страсти, — ведь я владею Магдалиной!» — говорил Бах. Музыку, которую он

писал, породили его любовь и страстное влечение в другой, идеальный мир, и что он пережил и перечувствовал в этом другом, внутреннем мире, он выражал в звуках. Но чтобы быть в состоянии это делать, нужна была спокойная, безмятежная жизнь в семье, где все были искренно привязаны друг к другу.

Часто Бах читал своей жене афоризмы и разговоры Лютера. Он был представителем традиционной, церковной религии, и его особенно восхищало убеждение Лютера, что в наивысших достижениях музыки можно распознать мудрость Божию, вложенную Творцом в его творение. С другой стороны, Бах часто говорил, что он, на его собственном пути, писал только музыку *своего познания*, — так же, как он создал и свою собственную музыкальную технику.

Часто Магдалина задумывалась о том, какое это было удивительное явление, что этот человек, который так скромно и незаметно жил рядом с ней, который ел, пил и радовался, как все остальные члены семьи, оказывался в то же время человеком, который создавал столь необыкновенные музыкальные произведения. В этом она признавала большую разницу между ними — разницу, которую, однако, он сам никогда не давал ей почувствовать.

Бах не предпринимал никаких больших путешествий, никакой перемены места, не нуждался ни в каких особых внешних вспомогательных средствах и в шуме мирском для своего творчества. Не внешний, а внутренний мир привлекал его. Зимними вечерами довольно бывало огня в камине, света свечей и музицирования с женою, детьми и, может быть, с некоторыми друзьями на разнообразных инструментах, чтобы сделать его счастливым и еще поздно ночью побудить его к сочинению его нежнейших мелодий.

А сколько терпения проявлял он по отношению к своей семье, своим друзьям и даже к чужим людям! Как трогательно было его отношение к органу! И орган принадлежал к его семье, и Бах заботился об инструменте с такой же нежностью, с какой он заботился о своей жене и детях. Он улучшал и совершенствовал орган с тем же бесконечным терпением и с той же тщательностью, с какими это делали старинные, верующие и целиком погруженные в свою работу средневековые ремесленники, которые никогда не думали о времени и размере заработка.

Бах не подготовлял себя, путем специального школьного образования, к своему великому искусству и всегда подчеркивал, что всеми достижениями он обязан только непрерывным стараниям и работе и что при этих условиях каждый может ему уподобиться. Магдалина живо описывает, как Иоганн-Себастьян, погруженный в свою музыку, оставался все же среди занятой разнородными делами семьи тихим, сосредоточенным и, тем не менее, даже в этом состоянии, не упускавшим ее ни на минуту из виду, по своей доброте сердечной. Даже когда он прославился, он остался верен своему скромному образу жизни, не прельщался внешними успехами и проявлял полное равнодушие к похвалам, которые перед ним рсточались. И только когда кто-нибудь

говорил композитору, что музыка его перевернула ему душу и сделала его лучше, то он, действительно, бывал счастлив.

От обоих браков у Баха было 20 детей, из которых осталось в живых 6 сыновей и 4 дочери. Некоторые из детей особенно любили его. Так, дочь Доротея отказалась от замужества, чтобы не расставаться с отцом. Иные, — как, например, гениально одаренный, но, к сожалению, сбившийся с дороги и спившийся сын Фридеман, — невольно огорчали и глубоко расстраивали отца.

Чем старше становился Бах, тем больше он работал, так что, в конце концов, потерял зрение. К сожалению, врачи уложили его под нож, испортили его глаза в конце и разрушили его тело лекарствами и кровопусканиями. Во всех этих испытаниях 65-летний старик шел неустрашимо по своему внутреннему пути и старался только, с своей стороны, утешить Магдалину, детей и друзей, уверяя их, что с потерей наружных глаз для него открылись внутренние. Из внутреннего источника еще посещала его удивительная бодрость, и он не переставая работал над своей музыкой, хотя теперь и должны были писать за него другие.

Магдалина рассказывает в своих записках, что Бах незадолго до смерти получил опять на короткое время способность зрения. С счастливым лицом заявил он ей, что там, куда он теперь отходит, он увидит гораздо более красивые краски и услышит бесконечно более прекрасную музыку. Потом он пожелал, чтобы она и дети спели что-нибудь, и они запели для него его прекрасный, светлый хорал «Все люди должны умереть...».

Так умер Бах, — умер, как он, без сомнения, всегда желал: в кругу своей семьи. Магдалина ненадолго пережила своего мужа. Казалось, что, никогда не расставаясь с ним в этой жизни, она спешила соединиться с ним и «в другом мире» (по Гуго Гертвигу)¹³⁹.

И дружба, — не простое товарищество, а исключительная, истинная дружба с человеком, близким духовно, — дает нам, особенно в ранней молодости, когда еще не зародилась любовь, много счастья.

Еще Герцен отмечал (исходя, конечно, из опыта своей горячей дружбы с Огаревым), что значение дружбы в молодости часто недооценивается, в особенности по сравнению с той высотой, на которую ставится, и справедливо, любовь к женщине. И тут он высказывал такое соображение: «Первая любовь потому так благоуханна, что она забывает различие полов, что она — страстная дружба. С своей стороны дружба между юношами имеет всю горячность любви...» («Былое и думы»).

Больше того. Элемент половой жизни, внедряющийся, рано или поздно, во взаимоотношения мужчины и женщины, — не хочу сказать — компрометирует, — а лишает молодую, чистую любовь ее исключительности, ее

бескорыстия, ее особенной, духовной ценности, а, в этом смысле, также и той «благоуханности», о которой говорит Герцен. Между тем как в дружбе взаимное положение друзей, характер их отношений, взаимная ценность двух индивидуумов — сохраняются одни и те же, надолго, если не навсегда.

«Дружба между мужчинами, когда она переходит в известную степень, заключает в себе нечто столь глубокое, возвышенное, идеальное и бесконечно сладостное, чего не достигает никакая иная дружба. Женщин не было на трапезе, когда на закате своей жизни Иисус приобщался с своими учениками и созвал мир на вечный братский пир» (Поль Сабатье)¹⁴⁰.

Немцы знают цену дружбы.

Сидя в роковые годы Отечественной войны в баварской глуши, в лагере для интернированных советских граждан, развертываю номер «Deutsche Allgemeine Zeitung»¹⁴¹ от 15 марта 1943 года и читаю статью-балладу Вальтера Бауэра «Друзья мои, где вы...».

Немецкий солдат, на фронте, лунной ночью, вспоминает о своих друзьях и стремится к ним душой. «А, может быть, мы еще сойдемся? — мечтает он: на родине... где-нибудь в поле или в горах, у костра, как бывало? Сойдемся и вспомним о тех, кого уже не будет с нами?»

«...Мы будем молчать и в молчании вспоминать о мертвых. Может быть, нам и удастся остаться живыми. Но кое-кого будет не хватать. И все же мы будем чувствовать себя так, как будто бы их шаги звучат вместе с нашими. Мы разожжем огонь и усядемся молча, с нашими старыми, продыmlенными трубками, и только пламя, порывающееся к звездам, будет говорить. Мы поймем его слово. *Вовсе не надо слов, чтобы призвать мертвых.* Они — тут. Они окружают нас, как они были с нами и в жизни. Им это было бы по душе, что мы так сидим и молча вспоминаем о них. Им не надо ни венков, ни похоронных речей, на этот раз — нет. Они хотят только остаться в нас, в нас расти. «Das Jote verwest, der Jote wächst» («Мертвое гниет, мертвый растет»), — сказал старый Гёте, когда ему передали известие о смерти художника Рунге. Вот так должно это быть. В нас, живущих, должны вы расти».

— «Вовсе не надо слов, чтобы призвать мертвых...» Я прочел это и — заплакал... Тоска заключения в лагере-крепости действовала особым образом. Невольно вспомнил я о своих, умерших или навсегда потерянных для меня, друзьях. «Тут ли вы? Да, они — тут».

И что за чудное слово Гёте!..

Рассудок говорил: ты сентиментален, как немец.

А чувство отвечало: и хорошо! и прекрасно! и пусть «как немец»! В том хорошем, что есть у немцев, вовсе не стыдно им уподобляться.

И я снова и снова перечитывал глубокое, прекрасное, процитированное мною здесь заключение статьи-баллады...

Да, немцы, — не напыщенные «наци», а обыкновенные, рядовые юноши-немцы, — знают цену дружбы. И нельзя не уважать их за это.

В Боге, — разумею высокую, напряженную молитву, сосредоточение душевного внимания на самом дорогом, на самом прекрасном, и никогда не умирающем, — в Боге любящие, даже внешне разлученные, даже разлученные смертью одного из них, опять соединяются. Кто подлинно любил и кто подлинно молился, знают это. Знал это и блаженный Августин, свидетельствующий — в молитве же:

«Блажен тот, кто любит тебя и друга в тебе; ибо только тот не теряет никого из дорогих, для кого они все дороги в том, кого нельзя утратить»¹⁴².

Для здорового и нормального человека природа, как океан для рыбы, является необходимым условием жизни, а, следовательно, безусловным источником счастья. Разнообразны и прекрасны ее картины и голоса, — всем пяти чувствам, и еще *душевному*, шестому, есть что сказать природе. Почти нет такого времени и места, когда бы этот разговор с природой мог прекратиться: и в городе, и на заводе, и даже в тюрьме (покрасневший от восхода солнца косяк окна, воробей на подоконнике, маргаритка или ромашка в уголку на дворе, голубое небо на короткой прогулке, первый дождь весной, первый снег осенью) чуем мы всегда живительное веяние природы.

От природы можно закупориться, но тогда и душа, и тело бледнеют, страдают и хиреют. И, наоборот, чем ближе стоит человек к природе, тем он сильнее, спокойнее, уравновешеннее, тем — безусловно — счастливее.

Много я видел прекрасного в природе: сибирские реки, Алтай, Кавказ, Крым, Черное и Балтийское моря, Дунай, Балканы, Высокие Татры, баварские, швейцарские и австрийские Альпы, Рейн, Фирвальдштеттское, Рица и другие горные озера... что еще? — да много, много, всего и не перечислишь!

Но если бы у меня спросили: что произвело на меня сильнейшее впечатление, я указал бы на один уголок на Кавказе. В 1912 году я жил на Михайловском перевале (близ Геленджика), отделенном от Черного моря 8-верстной

горной полосой. Наш хутор с большим фруктовым садом лежал на склоне огромной горы, сохранившей старое, черкесское название Тхачаугучук, что значит: земля, с которой Бог. Это не была вершина с вечным снегом, но все же она производила величественное впечатление. Весной кудрявые розовые кроны цветущих персиков и миндаля забегали из нашего сада вверх по склону Тхачаугучука. Холодком и неизъяснимой, благоуханной свежестью несло на нас от гордой вершины...

От шоссе, проложенного в горах, подъем до хутора продолжался один час, да от хутора надо было карабкаться час с лишним до вершины Тхачаугучука. И однажды мы, с компанией молодежи, одолели этот подъем. Вот тут-то и ожидало меня невиданное зрелище. Прямо на меня опрокинулось море. Пучина морская сплошной синей стеной встала перед нами, когда мы вскарабкались на макушку Тхачаугучука. Известно, что чем выше вы подымаетесь перед лицом моря, тем выше море вздымается перед вами, — и в этом состязании «дыблящихся» берега и моря последнее, в конце концов, оказывается победителем, ибо и Эльбрус перед ним невелик. А тут, помимо того, что все море, на необъятном пространстве, протянулось перед нами голубой, но несколько более темной, чем небо, пеленой, открылся перед нами еще один эффект.

Дело в том, что если глядеть с вершины Тхачаугучука на юго-восток, т. е. в ту сторону, куда по берегу убегает Кавказский хребет, то оказывается, что как раз перед Тхачаугучуком вздымается еще несколько других остроконечных горных вершин: горный край точно зубами или, скажем, зубьями ощерился. А между этими зубьями, как занавес в театре, протянута нежная, спокойная, синяя, шелковая пелена, — пелена эта — море...

Хоть умри, а никогда бы не выдумал я ничего подобного! Восторг мой был полный. От этой совершенно фантастической красоты глаз не хотел отрываться. Хотелось остаться на макушке Тхачаугучука навсегда, в какой-нибудь «куще», совсем не спускаться туда, вниз, в «прозу жизни», — в прозу, которая и сама по себе, с ее персиками и миндалем, была все же так хороша!..

Я испытал восторг, к которому не подберешь другого эпитета, как религиозный, глубочайший, беспредельный. И только именно там, наверху, я оценил предание, повествующее, что первоначальные обитатели края, черкесы, совершали паломничества на вершину Тхачаугучука и устраивали там молитвенные собрания. Да, там, на вершине, среди этой изумительной, непередаваемой красоты, душа вырастала, расширялась, выходила из телесных границ и жила во всем прекрасном и все же нам принадлежащем космосе.

Полчаса пребывания на вершине Тхачаугучука стоили жизни.

Природа дорога нам не только тем *необычным*, фантастически-прекрасным, что в ней есть, — морями, бесконечными реками, горными вершинами,

тропической растительностью, гигантскими водопадами и т. д., и т. д., — нет, и в самых скромных, потаенных проявлениях ее жизни, движениях ее души мы находим неизъяснимую красоту и радость. Левитан: косячок дров в поле... короткая травка... согнутая ветром рябинка... А у нас рождается восторг в сердце, что все это передано так хорошо, так чутко, так естественно. Отнеситесь к природе по-левитановски — и она вся вам откроется: целиком, до конца и без изъятия. И, сохранив эту связь с природой, со *всякой* природой (во всякой есть прекрасное), вы никогда не останетесь одиноки.

На прогулке двором немецкого лагеря-крепости взглянул на небо и поразился красотой голубого, дышащего и теперь, в феврале, всей силой весеннего очарования, просвета среди однообразно нависших, тяжелых серых облаков. И подумал: ведь надо мной — самое «настоящее», извечное, баварское, т. е. почти итальянское, почти южное небо! — небо, которое не только теперь, не только среди горя и несчастья захваченного войной человечества, но и в самые счастливые для человечества и для здешней, баварской стороны, времена *было бы решительно таким же, тем же* (это в лагере и дни ужасной, нескончаемой войны казалось странным!), тем же ни в чем не меняющимся и ни от чего людского не зависящим, прекрасным, самодовлеющим и богатым радостью и красками лучшим проявлением природы.

И эта мысль, не новая, «наивная», «смешная», вдруг, как ребенка, обрадовала, утешила...

— Да, да, — пронеслось в сознании: и сейчас, заключенный в крепости, обделенный самым необходимым в жизни, я все же могу в полной мере отдаваться мощному обаянию сияющей красоты небесного свода, которого отнять у меня никто не может!

И еще:

— Не все в мире погибло, не все связи с Богом, с глубочайшей основой жизни рухнули! Не весь мир заражен проказой и несчастьем войны, и если не на земле, то *над землей*, — там, куда не залетают и самолеты, — царствует и сегодня прежний покой, прежняя гармония, прежний, самодовлеющий, закономерный строй жизни, прежняя, полноценная красота. Идеал Прекрасного еще не умер, — значит, возможен возврат к нему, возможно возрождение человечества для лучшей доли, для более достойной, радостной и счастливой жизни.

«Красота спасет мир»?

Красота природы, во всяком случае, спасает, поддерживает, лечит, облагораживает и возрождает уставшую, больную, израненную и истерзанную превратностями судьбы и тяжелой житейской борьбой человеческую душу.

VIII

Смена поколений

Наша жизнь — это пламя свечи, горящей лишь определенное время. Она слишком хрупка, чтобы не быть неуязвимой. Можно стараться оберегать и оберечь ее, но нельзя ее нежный и переменчивый поток обратить в железо.

С этим надо примириться. Как и со смертью самой. В нашей власти, дело нашего разума — *уменьшить* страдания, но избавиться от них совсем, хотя бы в последний, смертный час, нельзя. Каждая отдельная человеческая единица, передав плоды своего труда остающимся (в этом и состоит преемственность культуры), уходит из жизни навсегда. Примем это как закон и отнесемся к этому мужественно, утешаясь мыслью, что будут жить наши дети, внуки, что человечество в целом бессмертно.

Надо и место на земле освободить — для новых и новых, идущих нам на смену поколений. *Мы — не хозяева жизни, мы — только гости на земле.* Лев Толстой и другие с ним правы, когда они это утверждают. Будем благодарны неведомому хозяину за гостеприимство и — разумно, спокойно и смиренно — отойдем в сторону, а на наше место пусть придут другие. Работа Жизни и Смерти, двух сестер, блюдущих «порядок» в мире, — это стальной закон природы, и нам не остается ничего другого, как только склониться перед ним. И лучше сделать это достойно, не теряя своего лица, чем впадая в малодушие или в бесцельное бешенство.

Миллиарды людей прошли по земле. Как могли бы они все вместе на ней поместиться? То же самое — не только в человеческом, но и в животном мире. Одни уступают место другим. Смена поколений — единственный выход из положения. Природа распорядилась целесообразно. Она и не так жестока, позволяя человеку, живущему правильно, нормально, дожить до 80–100 и более лет. В этом возрасте уход из жизни уже не страшен. Он — благодетель: изживший себя старик устал — его тянет на отдых, на покой. Он тихо

и незаметно уходит из жизни. От нас зависит: продолжить нашу жизнь до ее естественного конца.

Вопрос о жизни и смерти волновал Л. Н. Толстого с молодых лет, в зрелом возрасте и в старости. Как будто он решил его для себя. Однако на смертном одре все-таки заявил окружающим:

— Не обижайтесь, *мам!*¹⁴³

Мам, т. е. согласно шахматной фразеологии: конец! гибель!

Приглядимся к толстовскому пониманию вопроса.

С одной стороны, Льву Николаевичу была чужда материалистическая точка зрения. С другой, очень неясны, неопределенны и внутренне противоречивы были его доводы в пользу бессмертия. Самый главный довод, дававший тон всем его исканиям, был, собственно, не довод, а только возмущенное восклицание: «*не может быть*, чтобы, умирая телесно, человек переставал существовать и духовно!» Но это «не может быть», отражая отношение человека к существующему и не им созданному порядку вещей, никак не может, конечно, считаться *доказательством* бессмертия или продолжения духовного бытия человека независимо от тела.

Пред нами —

«Страна безвестная, откуда путник
Не возвращался к нам...» («Гамлет»).

А между тем у Льва Николаевича, как я его помню, был соблазн *допустить*, что кто-нибудь из наших близких, «ушедших в загробный мир», может подавать нам те или иные сигналы или знаки, как будто у него, при жизни на земле, не хватало времени, чтобы окончательно договориться обо всем с нами, живущими. Толстой, шутя, даже пробовал условиться с близкими, *каким образом* он даст о себе знать из-за гроба. Иногда высказывался он также в том смысле, что ему *любопытно* было бы узнать, что будет с ним после смерти. С этой точки зрения Льва Николаевича интересовал даже самый момент смерти, момент *перехода* в какой-то другой, новый мир. Тут можно было и шутить, и притом тешить себя какой-то неопределенной надеждой. Недаром, провожая посетившего его сына его любимого мыслителя Генри Джорджа, Лев Николаевич спросил:

— Что мне сказать вашему отцу, когда я увижу его на том свете?

— Скажите, что я продолжаю его дело, — ответил молодой Джордж.

Ответ тронул Толстого, но, наверное, желания хотя бы один раз увидеться с Генри Джорджем у него было больше, чем веры, что это может случиться в данных условиях.

Мне не надо говорить, что, конечно, Толстой категорически отрицал церковные понятия ада и рая. Ум Толстого был слишком силен и слишком серьезен. Толстой понимал, что ни суеверными умственными комбинациями, ни шутками вопрос о «загробном» бытии не разрешается, и, будучи, если можно так выразиться, логикой вещей «приперт к стене», всегда, на *серьезные* вопросы о том, что будет (и будет ли) после смерти, отвечал: «это — тайна! мы этого знать не можем!».

Назвать прямо роковую правду, состоящую в том, что духовная и физическая жизнь человека неразрывно связаны и что со смертью тела кончаются и все возможности для проявления духовной жизни, Толстой все-таки не решался...

Впрочем, он признавал: «тело сгниет и станет землей». Но что будет с тем, что мы называем душой? «Об этом, — говорил Толстой, — мы ничего не можем сказать, потому что вопрос: “что будет?” относится ко времени. Душа же вне времени. Душа не была и не будет. Она одна есть. Не будь ее, ничего бы не было».

Это метафизическое разрешение вопроса, конечно, серьезно. Но оно «говорит о душе» только тех, кто разделяет духовное, спиритуалистическое мировоззрение автора приведенного изречения, кто верит, что если бы не было души, то ничего бы не было. А как быть тем, кто не принадлежит ни к «толстовцам», ни к кантианцам, ни к спиритуалистам вообще?

Тем Толстой порекомендовал бы (и, действительно, рекомендует) наполнить свою жизнь делами добра, любви, самоотверженного служения людям, борьбы за лучшее будущее, иными словами — «понять свою жизнь в том, в чем она бессмертна». И какой бы тесный ни был круг деятельности человека, «Христос ли он, Сократ, добрый, безвестный, самоотверженный старик, юноша, женщина, — если он живет, отрекаясь от личности для блага других, он, — по Толстому, — здесь, в этой жизни уже вступает в то новое отношение к миру, для которого нет смерти и установление которого есть для всех людей дело этой жизни»¹⁴⁴.

Кто не ценит доброй, нравственной, самоотверженной жизни! Конечно, она и сама является следствием определенного мировоззрения и, в свою очередь, содействует установлению нового отношения человека к миру. Но установление этого нового отношения человека к миру едва ли совпадает с понятием бессмертия, т. е. непрерываемого бытия в пределах этого мира.

С своим правдивым и мудрым *незнанием будущего* и с возобновлявшимися, время от времени, «легкомысленными» в его собственных глазах попытками «заглянуть в будущее» и отгадать, где, как и каким образом проявит человек свое бытие после смерти, дожил великий старец до конца. В наших глазах он, как писатель и мыслитель, действительно *не умирает и не умрет*. Но сам он об этом ничего не знает.

Вспоминается давнишняя книга И. И. Мечникова «Этюды оптимизма». Помню, я читал ее в тульской тюрьме в 1915 году. Л. Н. Толстой, не переносивший и не допускавший, чтобы кто-нибудь решал основные вопросы жизни иначе, чем он сам, считал эту книгу неумной. Но у меня не было, нет такого впечатления. Правда, больше всего места в «Этюдах оптимизма» посвящено научному доказательству того, что постоянное употребление болгарского йогурта (уничтожающего вредные бактерии в нашем желудке) удлинит человеческую жизнь. Но в заключении книги Мечников поднимает вопрос как раз о том, что человек, проживший нормально-долгую, — скажем, 90- или 100-летнюю, — жизнь, изживает всего себя и, вследствие этого, спокойно и без возражений принимает смерть. Так что задача наша, по Мечникову, сводится, собственно, к тому, чтобы оберегать нормальное течение нашей жизни и стараться, пользуясь всеми радостями ее и деятельно работая на общее благо, не уйти из жизни преждевременно, а продержаться в ней до пределов самой глубокой старости. Тогда человеку естественно будет желать отдохнуть, естественно — закрыть навсегда очи и завещать жизнь своим детям, своим потомкам.

Мечников описывает таких, сытых жизнью и готовых покорно расстаться с ней, глубоких стариков, и его теория и доводы кажутся нам сами собой напрашивающимися и вполне обоснованными.

Да, только бы перестал человек сам безрассудно губить свое тело и сокращать свою жизнь, — пьянством, дурманами, развратом, организацией войн, отказом от физического труда, излишествами всякого рода, — и жизнь наградит его, как библейского патриарха, «долгою дней» и он расстанется с нею с спокойствием и достоинством Авраама, Исаака, Иакова.

Смерть молодого еще может рассматриваться как несчастье, катастрофа, но кончина глубокого старца — благовременна и благословенна. Мечников прав.

Родной мой брат Вениамин, 73-летний старик, человек, вообще-то, бодрый и жизнерадостный, с грустью упомянул в письме о щемящей, жалобной ноте в романсе Чайковского о том, что «были дни светлого счастья... и этого счастья не стало»¹⁴⁵.

«О словах этих и о жалобной этой ноте, — писал я в ответ, — я не очень задумываюсь. У меня сложилось твердое отношение к конечности нашего телесного бытия как к непреложному, извечному закону, которому надо повиноваться. Существование наше *не могло бы* быть бесконечным: на Земле тогда

места не хватило бы для кошмарного старичья. И, напротив, я верю в судьбу молодого поколения, которому мы, — охотно или неохотно, — освобождаем место. Пусть наш Никита, твой Алеша (внучата) и тысячи, миллионы таких же, как они, радостно вступают в жизнь, развертываются и проходят все ее обязательные ступени. А нам следует посторониться, открывая для них, как это теперь говорят, “зеленую улицу”. В жестоком этом на вид законе много мудрости, — подумай-ка!

Добавлю, что и *уходить* надо не со злобой и не с разочарованием, а с благодарностью за все, что мы видели, испытали, пережили, — точнее, *за все то хорошее*, что мы... и т. д., и т. д. Но прожить *как можно дольше* мы обязаны.

Лично я, — скажу тебе искренно и по душам, — готов к расставанию с жизнью в любую минуту».

Мы не можем, вместе с церковными людьми, верить в воскресение человека. Нам чужда и теория библиотекаря Румянцевской библиотеки в Москве Н. Ф. Федорова об «общем деле» всего человечества, состоящем в том, чтобы воскресить всех умерших, при содействии науки, как непонятно и то, что подобная теория могла увлекать целый ряд интеллигентных людей и в том числе Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Но уже более привлекательным кажется нам разделяемое миллионами индийцев буддийское представление о «реинкарнации», о перевоплощении душ, поскольку мы можем наблюдать, в разных формах, явление духовной наследственности в человечестве. Но так как и тут от нас требуется не столько *знание*, сколько *вера*, то мы должны все же сказать, что мы отнюдь не знаем наверное и того, что реинкарнация, перевоплощение существует в природе вещей на самом деле. Хотя какая-то тайна и стоит, по-видимому, у двери гроба, но разгадать эту тайну человек едва ли когда-нибудь сможет. Нельзя только отрицать, что все мы несемся в едином, извечном потоке никогда не умирающей и не истощающейся жизни.

Вот — строки из одного сочувственного письма.

«С большой печалью прочла я Ваше письмо о кончине верного друга-жены. Стольких потерявшая сама, я знаю тяжесть *такой* утраты. Но знаю и другое: жизнь ушедших продолжается в нашей жизни, свет их души продолжает светить в нашей. Все мы так или иначе носители добра, вложенного в нас близкими, родными, друзьями и далекими во времени предками, а также учителями — с маленькой или большой буквы. Так и любимая жена, спутник Вашей долгой и многотрудной жизни, продолжает жить в Вас, в Ваших работах, в Ваших детях, в ее бывших учениках, во всем и во всех, кому только она

раздавала сокровища своего ума и сердца, в кого влагала душу свою, — все это живет и от нее перейдет к другим.

Часто жизнь бывает трудна, жестока. Труден *быт*, антипод *бытия*. Живые не живут без ссор, трений, взаимного непонимания, подчас даже отчаяния. И вот, мне кажется, что смерть уносит именно это, неважное, второстепенное. Именно *это* испаряется в первую очередь из памяти, — *свет и добро остаются*.

Вспоминаю о своей матери, писательнице, поэтессе. Она была трудным человеком, и жизнь с ней была трудна и полна взаимных несправедливостей. И что же? Все это ушло безвозвратно из памяти сердца. Остались же навсегда неугасимые огни таланта, материнской любви, человеческого обаяния, душевного благородства, великой человеческой красоты.

Старайтесь же сохранить самообладание, мужественно перенести боль и горечь потери, чтобы не прекращать движения дальше и выше, в жизни и труде, всегда нужных многим и многим, для кого живем и работаем» (Ариадна Эфрон).

«Все в мире растет, цветет и возвращается к своему корню. Возвращение к своему корню означает успокоение, согласное с природой. Согласное с природой означает вечное; поэтому разрушение тела не заключает в себе никакой опасности» (Лао-Тсе)¹⁴⁶.

«Смерть уже много лет не имеет для меня и тени трагичности. Она кажется трагичной лишь постольку, поскольку человек уверен, что вселенная существует для увеселения его личности. Но как только увидишь ясно, что личность твоя — лишь орудие для творческого усилия вселенной, — нечто вроде радиоприемника, — то исчезновение личности становится лишь заслуженным отдыхом, конечно, при условии, что ты работал честно и изо всех сил» (Виктор Лебрен).

«Неужели тебя страшит перемена? Ведь ничто не делается без перемены. Нельзя согреть воды без того, чтобы не совершилось превращение с дровами. Питание невозможно без изменения пищи. Вся мирная жизнь есть ничто иное, как перемена. Пойми, что ожидающее тебя превращение имеет тот же точно смысл, что оно только необходимо по самой природе вещей. Надо заботиться об одном, как бы не сделать чего-нибудь противного истинной природе человеческой, надо поступать во всем, как и когда она укажет» (Марк Аврелий)¹⁴⁷.

Есть еще одно соображение, помогающее нам привести в норму отношение к смерти, и тут мы, наверное, сойдемся с Л. Н. Толстым. Смерть, без

сомнения, наиболее тяжела *эгоисту* — человеку, живущему только собой и для себя. «Как это *он, он!* — и может быть выброшен из жизни?! Какое оскорбление его личности!..» Тот, кто все время трясся только над собой и над своим «драгоценным» существованием, естественно продолжает трусить и судорожно цепляться за жизнь, когда его коснется грозный перст Судьбы. Он умирает паскудно, малодушно. Иначе расстается с жизнью мученик за веру, герой на войне, революционер на баррикадах, ученый, отдающийся опасным опытам и вообще человек, готовый «положить жизнь за други своя». Он понимает, что внесенное им в жизнь не кончается со смертью, и хочет, чтобы его «посмертное» существование было достойно и не позорило его. Он жил не только в личном, но и в общем, а общее — *народ, человечество, родина* — не умирает, общее — вечно.

«Старушка-крестьянка за несколько часов до смерти говорила дочери о том, что она рада тому, что умирает летом. Когда дочь спросила: почему? — умирающая отвечала, что она рада потому, что зимой трудно копать могилу, а летом легко. Старушке было легко умирать, потому что она до последнего часа думала не о себе, а о других»¹⁴⁸.

Мы все связаны круговой порукой, и в пространстве, и во времени.

Людам эгоистического и малодушного склада привычно возражать на призывы к труду для других, для более близких или далеких потомков: «какое мне дело до других, до тех, кто придет в жизнь после меня! не хочу служить лишь *удобрением* для будущих поколений, для будущей жизни!».

На это так легко ответить:

— А ты признаешь, что *и для тебя самого* те, кто жили до тебя, предшествующие поколения служили тоже самоотверженным «удобрением»? Кто тебе дал все богатства культуры и цивилизации? Кто *тебя* поднял и вывел, в течение тысячелетий, из каменного и железного веков? Кто *тебе* дал, — если не радио, телеграф, телефон, телевизор, автомобиль, аэроплан, железные дороги и т. д. (может быть, ты отрицаешь их пользу), то хотя бы твою чистую и зимою теплую комнату со стеклами в окнах? твою рубаху? твои сапоги? искусство читать и писать? Кто? *Твои предки*.

Да, через этот прогресс жизни ты неразрывно связан с ними. *Они работали и творили для тебя*, подвигаясь шаг за шагом вперед.

Не ленись же и ты продолжать их работу — для твоих детей и для детей твоих детей, — и так до бесконечности.

Конечно, ты *живешь, непременно звеном живешь* в общей жизни человечества. Но рассчитывать на физическое бессмертие было бы легкомыслием: где место для всех нас?! Мы ведь еще, несмотря на успехи космонавтики,

не завоевали звездных миров, а через Землю прошли и проходят, сменяясь, миллиарды и миллиарды людей. Признай это!

И признай, что Мать-Природа не так уж глупа и не так жестока, как это иногда сдается ее бунтующим сыновьям.

«Жить одному... И умирать одному...» Этот мотив часто повторяется в дневниках Л. Н. Толстого за последние годы. И хоть он и связан у него с религиозным чувством, с покорностью высшей воле, но все же веет от него глубокой грустью и безнадежностью.

...Сейчас мне в первый раз пришло в голову, что у Льва Николаевича, когда он оставался один, оттого иной раз такая тоска была на душе (см. его дневники за последние годы), что он не победил до конца так мучившего его всю жизнь страха смерти, а не победил он страха смерти потому, что был индивидуалистом и что все его мирозерцание было чисто индивидуалистическое. Родину он променял на человечество, человечество было слишком далеко, отвлеченно, своей «церкви» или «партии» он не основал и не хотел основывать, и даже с кружком ближайших своих друзей и единомышленников никакими узами зависимости связан не был и не стремился к такой связи, с семьей разошелся, — великой скалой, но скалой в пустыне возвышалась его фигура.

Мне, когда я жил в Чехии, несказанно импонировал человек иного склада, именно 70-летний чешский профессор, он же министр просвещения и президент Академии Наук, Зденек Неедлый, который, будучи горячим патриотом и состоя членом коммунистической партии, *бодро и мужественно* глядел вперед. На разных собраниях раздавался его голос — молодой, исключительно умный, немного задорный голос, который я очень любил. Зденек Неедлый не боялся приближающейся семимильными шагами смерти и даже скептически улыбался ей навстречу. Он не принадлежал ей, потому что он жил не только за себя, но и за народ, за партию, а народ, партия, как целое, не умрет. Неедлый всю свою жизнь посвятил борьбе за счастливое будущее народа и рабочего класса — и он жил с ними и в них. Он знал, что он — не один, знал, что знамя, которое выпадет из его рук, подхватят и понесут другие. Он жил для коллектива и знал, что этот коллектив не перестанет существовать и после его смерти.

Умирать как части легче, зная, что целое цветет. Уходя, только очищаешь место своим детям и внукам, а на них нельзя негодовать. Покидаешь мир, благословляя его, так же, как с тобой расстаются, любя и благословляя тебя.

Нет, нет! Не одному жить и умирать. Напротив: и жить, и умирать надо с людьми, на людях. И да оправдается, хоть и в более глубоком смысле, старая поговорка о том, что «на людях и смерть красна».

Смерть заставляет нас смотреть серьезнее на жизнь. Но жизнь от нашего взгляда не меняется. Она равна себе. Принимайте и жизнь, и смерть как Необходимое. Это — две сестры, дополняющие и исправляющие работу друг друга.

Помню, — это было уже много лет тому назад, — проснулся я однажды в постели от детского пения. Это моя трехлетняя дочка Танечка, поднявшись раньше как птичка и сидя неодетая на своей постельке в соседней комнате, усердно распекает:

— Глай-лай, лай-лай! Глай-лай, лай-лай!..

Лицо мое невольно расплылось в улыбку, и в одно мгновение я с пронзительной ясностью почувствовал: и силу Танечиного детского счастья, и временность, непрочность нашей земной жизни (в состоянии полусна я часто не умом, а сердцем их чувствую), и, наконец, *естественность, благодать* всего круговорота человеческой жизни, начиная с Танечиного возраста, полного через край брызжущих счастья и силы, — до моего, упадочного, и до самой могилы. Пускай смерть явится, в свое время, завершением этого круговорота: сам по себе он прекрасен и нравственно-необходим, как бесценный дар Божий, и, дети Божии, мы должны уподобиться нашим детям, детям Земли: подчиняясь предначертанному круговороту, проходить свой земной путь с ликующим кликом:

— Глай-лай, лай-лай! Глай-лай, лай-лай!..

ЧАСТЬ II

ПЕРЕПИСКА В. Ф. БУЛГАКОВА
С Л. Н. ТОЛСТЫМ

1. В. Ф. Булгаков — Л. Н. Толстому

29 октября 1900 г. Томск

г. Томск

29-е октября.

Ваше Сиятельство!

Будучи поклонником Вашего таланта, смиренно прошу Вас, благоволите прислать мне Ваш неоцененный автограф. Извините, Ваше Сиятельство, мою просьбу, с которой я имел дерзость к Вам обратиться.

Ваш горячий поклонник
уч. III-го класса Томской гимназии

Валентин Булгаков

P. S. Прошу Ваше сиятельство выслать в Томскую гимназию, учен<ику> III-го кл. Валентину Булгакову.

2. В. Ф. Булгаков — Л. Н. Толстому

11 сентября 1901 г. Томск

Ваше Сиятельство!

Простите мне мою дерзость, с которой я имею честь к Вам обратиться; но я слышал и читал, что вы не отказываете в нескольких, драгоценных для всех словах и нам — гимназистам, а потому осмеливаюсь спросить Вашего почитаемого мнения, Вашего совета в одном деле, о котором я решаюсь открыть только Вам, творцу «Войны и мира», «Анны Карениной» и других великих произведений. Я, Валентин Булгаков, воспитанник Томской гимназии, и еще два ученика той же гимназии основали общество... развития силы воли... Прочтя эти слова, Вы, может быть, рассмеетесь, скажете, что сделать это и могли только гимназисты, но, простите, Ваше Сиятельство, мы задались серьезной целью — выработать из себя людей крепких волею, энергичных и деятельных. У нас есть правила, которые заключаются, главным образом, в том, что мы должны уметь побеждать самих себя, побеждать свои дурные желания, а также обходиться более или менее самостоятельно. Мы все трое живем в пансионе

гимназии, что позволяет нам устраивать собрания, на которых мы обсуждаем разные вопросы, касающиеся общества или его членов. О существовании нашего общества, кроме нас троих и теперь Вашего Сиятельства, не знает ни один человек. Еще раз простите за доставленное Вам беспокойство.

Вашего горячего поклонника и преданнейшего слугу

Валентина Булгакова

Томск,

11 сентября, 1901 года.

Мой адрес: Томск, мужская гимназия, Валентину Булгакову.

3. В. Ф. Булгаков — Л. Н. Толстому

25 августа 1906 г. Москва

Ваше Сиятельство, глубокоуважаемый граф Лев Николаевич!

Прилагая при сем Ваш портрет, честь имею покорнейше просить Вас снабдить его своим автографом и выслать мне, опустив открытку в почтовый ящик, обязав тем и осчастливив премного Вашего горячего почитателя и преданного слугу

Валентина Федоровича Булгакова

Москва, 25 августа 1906 г.

4. В. Ф. Булгаков — Л. Н. Толстому

20 октября 1906 г. Москва

Глубокоуважаемый граф Лев Николаевич!

Обратившись к Вам, по совету графа Сергея Львовича, с просьбой об автографе, я получил письмо от княгини Марии Львовны¹, в котором княгиня писала, что Вы никогда не подписываете присланного мною Вашего портрета, и просила меня, если я желаю, выслать для подписи другой портрет. Я, конечно, немедленно выслал, но ответа до сих пор не получил. Вероятно, виновата почта. Я беру на себя смелость написать Вам еще один раз, дабы известить об этом и спросить, не нужно ли прислать новый портрет. Но я бы был счастлив, если бы получил и не подпись под портретом, а какой-либо другой Ваш автограф. Я был бы счастлив более, если бы получил хоть один листик из черновой какого-либо Вашего произведения.

Мое настоящее письмо — последнее, более я не осмелюсь Вас беспокоить и затруднять. Но оно было единственно следствием того ободряющего влияния и той надежды, которые мне дало письмо княгини Марии Львовны, извещавшее о Вашем согласии на мою просьбу об автографе.

Примите уверения в моем глубочайшем к Вам уважении.
Студ<ент> Москов<ского> унив<ерситета>

Вал. Булгаков

20 октября.

Москва, Нижний Лесной пер., д. № 6, кв. 16.

5. В. Ф. Булгаков — Л. Н. Толстому

9 октября 1908 г. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой Лев Николаевич!

Примите и мое запоздалое поздравление, вместе с горячим душевным пожеланием здоровья и долгой жизни на утешение всего мыслящего и ищущего человечества. Благодарю Вас за тот светлый поворот, который произвели Вы в моей душе своим глубоким истолкованием вечных истин, заповеданных людям нашим общим учителем Христом.

Любящий Вас Ваш ученик.

6. В. Ф. Булгаков — Л. Н. Толстому

6 апреля 1909 г. Москва

Лев Николаевич!

Вот уже скоро год, как я работаю над сочинением под названием «Христианская этика»², которое должно представлять систематическое изложение Вашего (и моего) мировоззрения. Оно почти уже окончено, как можно видеть из прилагаемого содержания его. Здесь, однако, я не хочу распространяться о нем; скажу только, что оно было вызвано серьезной потребностью 1) поучиться самому и получить ясное представление учения, разобравшись в нем систематически и 2) сделать полезное и, по моему разумению, несомненно нужное людям дело.

Здесь же я хотел бы предложить Вам один частный вопрос.

Я излагал Ваш взгляд на науку и столкнулся с вопросом об образовании, воспитании, школе. По этому поводу Вы писали больше всего в 1862 году, в журнале «Ясная Поляна». Из написанного же Вами в позднейшее время по указанным вопросам я мог найти только две статьи: это — «О религиозном воспитании» (изд. «Обновления», 1906) и «Из письма к П. И. Б.» («Круг чтения», т. 1)³.

Эти две статьи, по-видимому, не выясняют вопросов образования и воспитания во всей их широте; в статьях же из журнала «Ясная Поляна» нельзя не заметить несогласия некоторых высказываемых там мыслей с теми взглядами, которые обнаружили в позднейших Ваших сочинениях.

Если бы Вы, Лев Николаевич, были добры и разрешили мне некоторые вопросы о деле воспитания и обучения, чтобы Вашими краткими ответами я мог руководствоваться при чтении Ваших статей различных периодов времени, я был бы глубоко признателен и благодарен Вам.

Вопросы такие:

1) Признаете ли Вы и теперь, как в 1862 году, что обыкновенно 4 принципа кладут в основание школьного образования и в оправдание его принудительности: религиозный, философский, опытный и исторический?

2) Признаете ли Вы, как прежде, что «единственный метод образования есть опыт, а единственной критерий его есть свобода»?

3) Признаете ли Вы, что школа не имеет права вмешиваться в воспитание своих учеников, в собственном значении этого слова?

4) Признаете ли Вы (что очень важно и как это говорится в Вашей ст. «Воспитание и образование»), что «школа должна иметь одну цель, — передачу сведений, знания (instruction), не пытаясь переходить в нравственную область убеждений, верования и характера»; что «цель ее должна быть одна — наука, а не результаты ее влияния на человеческую личность»?

5) Если же, вообще, Ваши взгляды значительно эволюционировали и изменились со времени написания указанных статей, то как, вообще, представляете Вы себе возможность передачи научных знаний одними людьми — другим, т. е. организацию школьного дела?

Примите уверение, Лев Николаевич, что только серьезный интерес к возбужденным вопросам заставил меня обратиться к Вам за разрешением их; быть может также, это послужит и для Вас поводом пересмотреть, привести в единство и изложить более или менее подробно Ваши взгляды на этот в высшей степени важный предмет.

Если же я ошибаюсь в чем-нибудь и подхожу к вопросу без достаточного понимания, то прошу братски простить меня, так как я старался сделать это со всем вниманием и серьезностью.

Любящий Вас

Валентин Булгаков

Москва, Остоженка, Бутиковский пер., д. Ульянова, кв. 11.

Приложение:

«Христианская этика».

(Систематические очерки мировоззрения Л. Н. Толстого).

«Я мог считать истинным то, в чем видел способность быть истинным, а не то, в чем видел ложь». (Ж.-Ж. Руссо, «Исповедь»).

Содержание⁴.

Часть первая.

Глава I. Вопрос жизни. Что такое жизнь? Неизбежность смерти и невозможность личного блага. В чем смысл жизни? Ответ опытного и умозрительного знания. Жизненный опыт человечества. Ошибка разумного сознания и значение религиозного ответа.

Глава II. Религия и ее сущность. Возражения против религии и их несостоятельность. Множественность церковных вероучений. Истина и жизнь. Три основных жизнепонимания: первобытное — личное, языческое — общественное и христианское — божеское.

Глава III. Основное противоречие жизни и его разрешение. Раздвоение сознания в людях нашего мира. Рождение истинной жизни в человеке. Отречение от блага животной личности. Любовь — единая и полная деятельность истинной жизни. Бог. Высшая Воля.

Глава IV. Самосовершенствование. Царство Божие внутри и вне нас. Существенные свойства и значение самосовершенствования. Понятие о грехе. Соблазны. Освобождение от соблазнов. Борьба с грехами. Молитва.

Глава V. Непротивление злу насиллием. Христианская мораль о взаимоотношениях личности и общественной среды. Главная причина отсталости человечества на пути нравственного усовершенствования. Сущность учения о непротивлении злу насиллием. Пассивное сопротивление. К вопросу о свободе воли.

Глава VI. Значение истинной жизни. Понятие о благе. Основа жизни: особенное отношение к миру каждого существа. Жизнь вечная. Необходимость телесных страданий.

Часть вторая.

Глава VII. Церковь. Обманы веры. Способы их распространения и внушения. *Credo quia absurdum.* Отношение церкви к жизненным вопросам. Божественно ли происхождение церкви? Понятие о ереси. Истинное дело веры. Освобождение от обманов веры.

Глава VIII. Государство. Право и значение его, как основы государства. Что такое правительствa? Насилие власти. Государство и милитаризм. Средства порабощения людей правительствами. О значении насильственных переворотов. Истинные двигатели человеческого прогресса. Общественное устройство в будущем.

Глава IX. Труд и собственность. Противоречие современных экономических отношений и корень его — собственность. Деревня и город. О благотворительности. Деньги, как средство порабощения. Разделение труда. Физический труд. Единственное возможное решение земельного вопроса.

Глава X. Семья. Воздержание. Об отношениях между полами. Брак. Семья. Религиозное воспитание детей. Вопрос женской эмансипации, его ошибка и взгляд на действительное призвание женщин. Для чего люди одурманиваются? Вегетарианство, как первая ступень в воздержании.

Глава XI. Наука. Роль науки в современном мире. Успехи техники и других прикладных наук и ложно приписываемое им значение. Признаки и задачи истинной науки... (не окончено).

Глава XII. Искусство (не написано).

7. В. Ф. Булгаков — Л. Н. Толстому

11 мая 1909 г. Москва

Лев Николаевич!

Сейчас получил Вашу статью о воспитании, при письме Н. Н. Гусева. Спешу благодарить Вас от всего сердца за Вашу доброту и неоцененную помощь, которую Вы оказываете мне своим письмом. Не только для верного теоретического представления Ваших взглядов эта статья мне необходима теперь, — но и на практике, в личной моей жизни, она много поможет мне для выяснения моего собственного положения и для моего собственного руководства, так как теперь я как раз переживаю тот возраст, когда ощущается непреодолимая жажда истинного знания, а также — выступает забота о выяснении наиболее верного направления своей жизни, о своем собственном воспитании...

Сейчас я переживаю время, когда с особенной силой эти вопросы возникают в моей голове и требуют непременно решения; надо выбрать — ту или эту дорогу. Скоро, вероятно, произойдет большая перемена во всей моей жизни и в моем внешнем положении. Я не буду пока говорить о ней или просить Вашего совета: пусть она окончательно выровняется в тайниках моей души и в единении с одним Богом. Когда же то, что должно было произойти, произойдет, я сообщу об этом Вам, моему дорогому учителю в этой жизни... И вот теперь я имею случай еще посоветоваться с Вами, узнать новые Ваши мысли о том, что меня так близко и непосредственно волнует теперь, взвесить еще серьезнее все обстоятельства данного вопроса, — все это наполняет меня необыкновенной радостью! Я, как умел, выразил мои чувства по поводу получения Вашего письма, за которое еще раз приношу Вам искреннюю и глубокую благодарность.

Любящий Вас

Вал. Булгаков

М<осква>, 11 мая <19>09 г.

8. В. Ф. Булгаков — Л. Н. Толстому

28 декабря 1909 г. Москва

Лев Николаевич!

Я был у В. Г. Черткова, как Вы советовали⁵, чтобы показать ему мою работу («Христианская этика»), которую Вы только что читали в Ясной Поляне⁶. Владимир Григорьевич нашел, что это — нужная работа. Никаких изменений или поправок в ней он не нашел нужным делать, т. е. нашел изложение и всю работу удовлетворительной (не говоря, конечно, о тех местах, на которые Вы мне указали). Ввиду этого, он думает, что ее нужно отдать в печать (именно в издательство «Посредник»), но прежде этого Владимир Григорьевич советовал мне обратиться к Вам с просьбой — написать несколько слов о моей работе издательству, которое тогда с большей охотой и готовностью возьмется выпустить ее в свет... Если это можно, Лев Николаевич, то позволю себе просить Вас об этом: не для себя, не для того, чтобы более обеспечено было появление в свет *моей* книги, а для того, чтобы можно было надеяться, что выйдет книга, нужная более или менее людям (как я смел бы думать и желать в сердце и как Вы с Владимиром Григорьевичем находили возможным думать).

В частности, если возможно, я просил бы, Лев Николаевич, в этом письме сообщить, каково Ваше мнение относительно: 1) того, насколько я приблизился к верному пониманию Вашего изъяснения христианского учения, 2) того, как Вы находите самое изложение в работе и 3) насколько, по Вашему мнению, может, вообще, пригодиться такое систематическое изложение мирозерцания. Быть может, это Ваше письмо выльется в форму небольшого предисловия к книге⁷.

Вообще же, я не предугадываю и не предлагаю никакой формы этого письма. И если здесь я в чем-нибудь не так выразился, неудачно или нехорошо, то прошу простить меня: как и всегда в тех немногочисленных случаях, когда мне доводилось писать Вам, мною владели самые добрые и искренние, радостные чувства.

Любящий Вас

Валентин Булгаков

28 декабря <19>09 г.

Москва, Котельническая набер., д. Павлова, кв. 1.

9. Л. Н. Толстой — В. Ф. Булгакову

7 февраля 1910 г. Ясная Поляна

Примите, милый Вал<ентин> Фед<орович>, этого нашего нового друга⁸, побеседуйте с ним и приезжайте с ним ко мне.

10. Л. Н. Толстой — В. Ф. Булгакову

13 марта 1910 г. Ясная Поляна

Включить рассуждение из письма: Жизнь наша дурная и т. д.

11. Л. Н. Толстой — В. Ф. Булгакову

26–27 апреля 1910 г. Ясная Поляна

Валентин Федорович,

Дайте бабе 5 копеек и скажите, чтобы выехали за нами на шоссе к казарме.

12. Л. Н. Толстой — В. Ф. Булгакову

26 июля 1910 г. Ясная Поляна

Блатову — вполне хорошо.

Тучаку — тоже.

Трушову — тоже.

Кабанову — тоже.

13. В. Ф. Булгаков — Л. Н. Толстому

26 августа 1910 г. Телятинки

26 авг<уста> <19>10 г.

Лев Николаевич!

На одном из писем, присланных мне по Вашему поручению Александрой Львовной для ответа, стояла Ваша надпись: «Не читай этого письма, я *отвечу*, пошли В. Ф.». Может быть, Вы сообщите мне через Александру Львовну, нужно ли мне отвечать на это письмо или только сохранить его до Вашего приезда? Письмо это — от мальчика, страдающего половым пороком⁹.

Посылаю Вам для просмотра мой ответ на письмо Пилецкого (Анания)¹⁰. Если ответ можно послать, то на этот случай я надписал на письме адрес Пилецкого.

Было еще письмо от Дикого, с возражениями против учения о самоотречении, с Вашей пометкой на конверте: «Б. О., В. Ф.»¹¹ На письмо это, я думаю, едва ли нужно отвечать. Пока, по крайней мере, я не ответил: ничего не придумаю такого, что могло бы быть нужно Дикому. Кажется, что он как раз из тех глухих, которые не хотят слышать. Самые простые нравственные истины ему совсем непонятны и способны подвинуть его только на ряд странных казуистических вопросов и длинных, нескладных возражений. К тому же он — из окончивших университет, естествовед. Спорить с ним трудно. У меня, по крайней мере, сердце не лежит.

Посылаю еще, по поручению Анны Константиновны, три письма, которые она предлагает Вашему вниманию и просит затем, по прочтении, вернуть ей. Письма эти помечены номерами: 1) от отказавшегося Платонова, о котором, может быть, Вы сочтете возможным написать губернатору в Ярославль, чтобы его освободили от угрожающей его здоровью работы¹²; 2) от Салиенко, приятное письмо, и 3) такое же, от него же.

Вот и все — деловое, — что побудило меня обратиться к Вам.

Я теперь почти выздоровел, болят только немного ноги (ревматизм). Жизнь в Телятинках идет своим порядком: потихоньку, в работе и во взаимном дружеском общении всех обитателей. Все мы рады за Вас и за Александру Львовну, что Вам хорошо в Кочетах и что Вы можете отдохнуть там¹³. Послезавтра день Вашего рождения: будем все вспоминать Вас с любовью. Невольно думается, скольким все мы обязаны Вам! Обязаны возможностью осмысленного и радостного существования. И как много, много еще людей вне наших Телятинок, обязанных Вам тем же самым.

Удивительно то, как та огромная работа мысли, которую Вы сделали для себя, оказалась так плодотворной, так необходимой для других людей. Как это изумительно ярко, наглядно показывает общность духовной природы всех людей! Сознание же этой общности снова толкает нас всех друг к другу, к соединению между собой любовью.

Любящий Вас Вал. Булгаков

14. В. Ф. Булгаков — Л. Н. Толстому

16 сентября 1910 г. Телятинки

16 сент<ября> <19>10 г.

Лев Николаевич!

Посылаю Вам рассказ Кудрина об его отказе от воинской повинности, записанный мною со слов Кудрина¹⁴. Рассказ этот, по своим подробностям, исключительно интересен, особенно в описании отношения к Кудрину после его отказа офицеров.

Тут же кстати прилагаю (не осудите за это) одну свою крошечную брошюрку издания 1909 года¹⁵, остатки которой от продажи мне только что прислали из Москвы.

У нас жизнь течет своим порядком.

Теперь пасмурно и стоят холода. А с неделю тому назад мы могли наслаждаться, живо чувствуя всю подаренную нам природой прелесть, которая свойственна времени конца лета и начала осени: яркое солнце, свежий-свежий воздух, осыпающиеся желтые листья...

Я сделал в эти дни прогулку верст за 35. Виделся, между прочим, с Сережей Булыгиным. Мы оба, и он, и я, готовимся к предстоящему нам в середине осени отказу от воинской повинности. Даже не готовимся, потому что можно думать, что мы уже готовы, — а просто все чаще вспоминаем об этом. И делается радостно. Не могу судить о том, что Сережа переживает, а я чувствую, что в предстоящем мне испытании мои духовные силы очень укрепятся.

Прощайте, Лев Николаевич. Так привык к незаслуженной радости быть всегда с Вами, что теперь, за месяцы Вашего отсутствия, сильно соскучился по Вас.

Любящий Вас

Вал. Булгаков

15. Л. Н. Толстой — В. Ф. Булгакову

20 сентября 1910 г. Кочеты

Спасибо вам, милый Валентин Федорович, за письмо и присылку статейки (я как будто знал ее) и за рассказ Кудрина. И прекрасно вы его записали. И рассказ очень хорош. Я читал его здесь вслух. Он производит сильное впечатление. Может быть, увижусь с вами прежде, чем получите это письмо. Думаю выехать и приехать 22-го. Привет всем друзьям.

Л. Толстой

20 сент<ября>.

ЧАСТЬ III

ПЕРЕПИСКА В. Ф. БУЛГАКОВА
С С. А. ТОЛСТОЙ

1. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

2 мая 1910 г. Ясная Поляна

Вагон ж. д., после 2-й остановки

2 мая 1910 г.

Глубокоуважаемая Софья Андреевна! Лев Николаевич очень просит Вас пересылать ему получающиеся на его имя книги. Он ждет книги от проф. Массарика и от одного англичанина¹. Едем благополучно². Л. Н. разбирает взятую на Засеке корреспонденцию.

Душевно преданный Вам

Вал. Булгаков

2. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

21 ноября <19>10 г. Томск

2 мая 1910 г.

Многоуважаемая Софья Андреевна!

Извините пожалуйста, что я прибегаю к письму, чтобы сообщить Вам, как я исполнил последние Ваши поручения: сейчас я очень занят и потому не мог надеяться успеть сходить завтра в Ясную.

Прилагаю здесь Ваш перевод письма Л. Н. к Трегубову. Перевод не исправлен мною. Но здесь же Вы найдете и оригинал, т. е. русский подлинный текст этого письма, которое удалось найти у Чертковых. Текст этот значительно разнится от Вашего перевода, и я решил просто списать его и послать Вам, не исправляя по нему перевод.

«Юбилейного» письма Л. Н. у Чертковых нет.

О первом письме Вашем ко Льву Николаевичу Александра Львовна сообщила мне, что письмо это было утеряно в Шамардине. Вот — все, что Вы мне поручали сделать.

С искренним приветом и уважением Вал. Булгаков.

3. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

26 мая 1911 г. Томск

26 мая 1911 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна, вместе с этим письмом я посылаю на Ваше имя в Ясную Поляну 6 экземпляров моего дневника «У Л. Н. Толстого в последний год его жизни»: Вам и пяти Вашим и Льва Николаевича сыновьям. Не зная точно их адресов, я решил, что, бывая в Ясной Поляне, они захватят здесь каждый свой экземпляр. Мне доставляет огромное удовольствие послать Вам и сыновьям Л. Н. эту книжку, и я буду очень рад, если она воскресит в Вашей памяти некоторые моменты дорогой всем нам жизни Льва Николаевича.

Простите, Софья Андреевна, что я так долго ничего не давал Вам знать о себе. Внешнее положение мое все оставалось невыясненным. Я отказывался от воинской повинности. Для меня это неожиданно кончилось благополучно: по близорукости моей, меня освободили от военной службы навсегда.

Заявление об отказе в конце концов игнорировали. Потом я жил некоторое время на хуторе одного знакомого — сельского хозяина и работал, но, по некоторым причинам, недавно уехал оттуда. Теперь я нанял комнатку в лежащей поблизости от Томска деревне и думаю провести здесь лето, если не зиму, и, не занимаясь ничем в особенности, просто отдохнуть и сосредоточиться мыслями. У меня сейчас большая потребность в уединении, что понятно, так как в сущности теперь только я вступаю в жизнь, освободившись от всяких обязательств перед другими людьми. Хочется основательно еще подумать, что же мне делать, какая из всех дорог моя самая настоящая...

Простите, что сразу заговорил и наговорил так много о себе...

Не перестаю очень часто вспоминать о Вас, многоуважаемая София Андреевна. Собственно, всякое воспоминание о Ясной Поляне и о Льве Николаевиче связано и с воспоминанием о Вас. И не подумайте, чтобы при этом я мог питать другое чувство, кроме любви и глубокой благодарности Вам за ту большую долю испытанного мною великого счастья жизни у Вас, которая зависела от Вас.

Как бы ни различно понимали мы наши обязанности по отношению ко Льву Николаевичу, я не слепой, чтобы не видеть, что наша любовь к нему, — вероятно, большая у Вас, чем у меня, — связывает нас и, после смерти Льва Николаевича, объединяет.

Я думаю, что Вам сейчас очень тяжело, наверное тяжелее, чем кому бы то ни было из любивших Льва Николаевича и потерявших его. Пожалуйста не думайте, что Вы совершенно одиноки в своем горе и что Вашего горя не понимают и не сочувствуют Вам. Во всяком случае, я не с такими. И пожалуйста, Софья Андреевна, что бы то ни случилось, я не перестану быть душевно преданным Вам и искренно уважающим Вас

Вал. Булгаковым

Томск, Духовская ул., д. 34, Гвинейской.

4. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

1 июня 1911 г. Ясная Поляна

1 июня 1911 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Очень была рада получить от вас письмо. За книги благодарю, но они еще до меня не дошли. Я уже прочла вашу книгу, и много плакала, когда передо мной воскресало тяжелое, последнее время жизни Льва Николаевича. До самой моей смерти я не перестану горевать и раскаиваться в том, что не сумела преодолеть своих чувств и не смирилась перед тем, что Лев Николаевич стал любить так пристрастно этого злого, хитрого и глупого Черткова, а ко мне так внезапно и болезненно для меня переменялся. Любя своего мужа, я *должна* была перенести свое несчастье, предоставить ему любить, кого он хочет. Но и теперь, оглядываясь назад на то безотрадное время, я вижу, что в том болезненном и скорбном состоянии, в котором я была, — я *не могла* преодолеть своих чувств. Когда Лев Николаевич мне говорил, что Чертков самый близкий ему человек, я затыкала уши, убегала и плакала. Ведь 48 лет этим самым близким человеком была я.

Живу и занимаюсь только тем, что так или иначе касается моего покойного мужа. Была в Петербурге, с болью сердца, по просьбе сыновей, продавала Ясную Поляну. Правительство, по-видимому, ее купит¹.

Вопрос о возврате мне рукописей из Историч<еского> Музея я пока оставила нерешенным до сентября². Издание посмертных сочинений, по словам П. И. Бирюкова, не подвинулось ни на один шаг³. Хирьяков что-то напугал за границей и даже напортил⁴. Как все это печально! Семью лишил отец сочинений своих, а крестьян — земли. Будь это в моих руках, я оставила бы права сочинений, написанных до 1881 г., в семье, а всю землю Ясной Поляны (более 500 десятин) отдала бы своим крестьянам. Теперь же деньгами завладеют корыстные люди (не называю их), конечно, *не* Саша; а сочинений Льва Ник<олаевича> не будет ни у кого, и земли мужикам тоже негде и не на что будет купить⁵. Как все это мне больно и грустно!

Вот и я пишу все о себе и наших делах.

О вас, к которому я всегда относилась с симпатией, я много думала. Если вы будете жить в деревне и работать на земле, — вас это не удовлетворит. Вы человек одаренный, вы пишете хорошо, и думаете хорошо. Вам надо, хотя со временем, приютиться к какому-нибудь умственному центру. Хорошо бы, когда-нибудь, любя Льва Николаевича и его память, пристроиться при правительственном Музее⁶ для разработки рукописей и всяких работ покойного.

Это, впрочем, *моя* мечта, а у всякого своя жизнь; и я от души желаю вам всякого успеха и радости. Пишите мне иногда, особенно при перемене адреса. Мой всегда будет *Засека*. Жму вашу руку, как всегда, с дружелюбием и доверием к вашему сердцу.

С. Толстая

На ваши письма всегда буду отвечать тотчас же.

5. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

14 июня 1911 г. Томск

14 июня 1911 г.

Я все ждал и надеялся, многоуважаемая Софья Андреевна, что Вы мне ответите. И надежда меня не обманула.

Получить Ваше письмо было для меня большой радостью прежде всего потому, что из самого факта Вашего дружелюбного ответа я увидел, что Вы не усомнились в моей искренности, с которой было написано мое первое письмо к Вам. Этому я очень рад.

В последнее время во мне все более и более укрепляется убеждение о необходимости добрых отношений со всеми людьми. Неясность, видимая запутанность отношений с кем бы то ни было мне более всего тяжелы и мучительны. Положение мое в последние месяцы жизни Льва Николаевича — между двумя домами — было в высшей степени щекотливо.

Я напрягал все усилия, чтобы остаться в стороне от событий, не принимать участия ни с чьей стороны в тяжелой разыгрывавшейся борьбе. Может быть, я возбуждал чье-нибудь неудовольствие, но требования собственной совести оказывались для меня сильнее всего. Я только не видел причины, не имея сам в сердце ни к кому зла, нарушать с кем бы то ни было добрые отношения. Недавно я встретил у Сабатье такую фразу: «Только лишь пошлый здравый смысл может смешивать любовь со слабостью и услужливостью». Я бы хотел, чтобы и меня так поняли и понимали.

Мысль Ваша о том, чтобы мне в будущем пристроиться в Ясной Поляне при правител^ьственном музее для разработки бумаг и рукописей Л. Н., в первую минуту озарила меня светом радости. Кажется, было бы грехом с моей стороны, если б я уклонился от этого. В частности, я чувствую себя способным заняться разбором великой переписки Л. Н., перечитать, систематизировать и, м. б., обработать все эти шкафы и ящики писем к нему за все время. И только одна мысль тревожит меня: неужели и около музея, около рукописей, хранящихся в нем, будут споры, борьба и недоразумения?!

Я позволяю себе быть откровенным с Вами, С. А. Не поймите меня в дурном смысле.

Кстати, не знаете ли Вы, когда может образоваться музей? Есть ли надежда на его скорое открытие? Из кого будет состоять его администрация? Если бы Вы были любезны при случае хоть вкратце сообщить мне об этом, я был бы Вам очень благодарен.

Посылаю Вам экземпляр моей статьи о ненапечат^{ан}ных произведениях Льва Николаевича¹.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно уважающий Вас

Вал. Булгаков

Томск, Духовская ул., д. 34, Гвинейской.

6. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

21 июня 1912 г. Ясная Поляна

21 июня 1912 г.

Сегодня получила ваше письмо, дорогой Валентин Федорович; оно шло очень долго, 6 дней. Я рада была иметь весточку о вас и о том, что вы собираетесь к нам в июле. Приезжайте прямо в Ясную Поляну, погостите у нас, сколько вам будет приятно и удобно, а мы здесь будем очень рады вашему пребыванию. Пишу *мы*, а не *я*, потому что живу с Юлией Ивановной Игумновой, а кроме того, у меня во флигеле гостит моя сестра с мужем (Кузминские), и с ними еще внучка, 16-летняя милая девочка¹. С сестрой мы с детства очень дружны, и я не так больно чувствую свое одиночество, хотя утешиться в моем тяжелом горе — конечно, мне невозможно никогда. Слишком я глубоко, долго и сильно любила Льва Николаевича.

Нового у нас почти ничего нет. Ясная Поляна еще мужикам не куплена; идут переговоры между нами и Сашей, иногда тяжелые. Усадьба и могила остаются в моем владении, и я рада, что могу их беречь свято и неприкосновенно. Дали мне пенсию в 10 тысяч в год², а я, продав дом³ и книги⁴, отдала своим детям 180 тысяч рублей. Но им все мало! Ведь 26 внуков у нас.

Саша усиленно ищет купить другое имение и продает Телятинки. И она, бедная, не выдерживает больше соседства г. Черткова. У меня с ней, слава Богу, хорошие отношения. С нею все еще живут Душан Петрович⁵ и Варвара Михайловна⁶. В Телятинках у Черткова часто играют на театре и собирается много публики⁷. Это развлечение народу.

Интересно, я думаю, было вам путешествовать пешком в новых и часто живописных местах. Но все-таки страшно, должно быть, и утомительно. А теперь как-то сложится ваша жизнь? В вас столько всякого содержания и хороших задатков, что хотелось бы видеть вас счастливым и хорошо занятым. От души желаю вам всего этого и сверх того здоровья и радостного состояния духа.

Жму вам дружески руку и буду вас ждать, согласно вашему обещанию.

С. Толстая

Ст<анция> Засака.

Ясная Поляна.

7. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

6 октября 1911 г. Москва

Москва, Пречистенка, Штатный пер., д. 14, кв. 3, наверху.

6 окт<ября> 1911 г.

Многоуважаемая Софья Андреевна, сообщаю Вам на всякий случай, как обещал, свой новый адрес.

Желаю здоровья и всего хорошего.
Искренно преданный Вам и всегда готовый к услугам.

Вал. Булгаков

8. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

11 марта 1913 г. Ясная Поляна

Ясная Поляна, 11 марта <19>13 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна, вчера Вы уехали¹, а сегодня я уже пишу Вам. Я вовсе не собираюсь писать так часто и тратить так много марок. И повода особенного у меня сейчас вовсе нет. Но я знаю, что первое время после разлуки с родным местом мысли все возвращаются назад, никак не можешь привыкнуть к отсутствию из дома, кажется — что уже давно оттуда, и страшно хочется знать, что *теперь там*, дома, делается, все ли по-прежнему и благополучно...

И я думаю, что весть из Ясной Вам будет приятно получить сразу по приезде в Ялту.

У нас все благополучно. Ночью Илью Васильевича² напугал Якут, который *человеческими шагами* спускался с лестницы. Только и всех приключений.

С сегодняшней почтой на Ваше имя получилось одно, просительное, письмо и телеграмма из Москвы: «Засека. Графине Толстой. Сердечно благодарим за добрые слова участия. Зося»³.

Пишу в 1 ч. дня. Утром было морозно. Сейчас только что перестал идти сильный дождь. На улице пасмурно. Я занимаюсь в библиотеке. Внизу, за перегородкой, Илья Васильевич шумит газетой. Стукают часы, жужжат мухи на раме моего окна, воображая, что они могут сквозь стекло пробраться к свету, на простор. И больше никаких признаков жизни в доме.

Пока всего самого лучшего. Всем шлю сердечный привет.

Душевно преданный Вам

Вал. Булгаков

9. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

14 марта 1913 г. Ясная Поляна

Ясная Поляна, 14 мар<та> <19>13 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна, на Ваше имя вновь получились: 1) 4 просит. письма, 2) письмо от Кони, 3) от Жданова и 4) англ. письмо на ремингтоне и печат. бланки от «The Stead International Memorial Fund» (Даже не зная англ. яз., я оч. понял, что с Вас просят деньги для увековечения памяти англ. журналиста Виллиама Стэда)¹.

Кони пишет, что с удовольствием разрешает напечатание его писем к Вам. Адрес Академии также можно напечатать. Он прибавляет, что Ваше письмо²

его очень порадовало, напомнило Ясную Поляну и время, когда он в ней бывал. Просит Вас прислать ему фотографию его вместе с Л. Н., п<о>тому ч<то> принадлежащий ему снимок выцвел. Говорит, что тоже чувствует близость к «тому берегу» и желает Вам душевного мира от Бога. О получении письма просит известить. (Я этого не посмел сделать, чтобы он не рассердился, что я первый прочел его письмо; адрес Кони на всякий случай: Надеждинская, 3).

Жданов благодарит за присланные Вами фотографии и просит делиться с ним теми сведениями по делу о рукописях, какие у Вас будут.

Все мы, кто здесь есть, живем тихо и мирно. Ничего нового.

Как-то Вы поживаете? Хорошо ли в Крыму? Красиво ли? Не мешает ли погода? Нет ли тумана на море?

Благополучно ли Вы с Ю. И.³ доехали, сильно ли утомились?

Как нашли М. С., Т. Л.⁴ и Танечку⁵? Выздоровела ли уже совсем Танечка?

У меня даже есть маленькая надежда, если Вы собираетесь еще довольно долго прогостить на юге, получить ответ на все эти вопросы. Но... с маленькими надеждами, разумеется, можно и не считаться.

Желаю Вам всего хорошего.

Всем шлю душевный привет.

Вал. Булгаков

10. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

15 марта 1913 г. Ялта

15 марта 1913 г.

Ялта.

Вилла «Елена».

От вас еще нет известий, дорогой Валентин Федорович, а я о вас часто вспоминаю. Как вам живется? Все ли у вас есть, что нужно? Посетил ли кто вас? Так и вижу вас, согнутого, над вашей работой¹, когда я проходила мимо.

Здесь очень хорошо; ясные солнечные дни; но ничего еще не распустилось; только кое-где миндаль цветет. Зато море красиво блестит в солнечных лучах и волнуется своим вечным движением прибоя и отбоя волн, то маленьких, то больших, и все хочется на это смотреть.

Ездили мы в Массандру, и там очень хорошо: есть земля и трава, и прекрасный парк. А здесь в Ялте — вода и камни, и это непривычно и иногда скучно. Что-то у вас в Ясной, становится ли похоже на весну?

Сухотины собираются уезжать в субботу, 23-го, и я поеду с ними. Значит, мы будем в Ясной Поляне 25-го, в день Благовещения, вероятно, в 12 часов дня, с ускоренным поездом. Пусть наши люди это знают и чтобы на этот день не отлучался ни кучер, ни повар, да и никто. Без нас им довольно времени отдохнуть и погулять.

Вчера ездили на могилу моей матери², на высокой горе с красивым видом. Теперь собираемся в Гаспру, тоже с грустью вспоминать страдания Льва Николаевича и нашу жизнь там...³ Но все же было лучше, чем последнее время жизни Льва Николаевича. Тогда мы его выходили с любовью, а перед его смертью — не привел Бог мне походить за ним⁴ и проститься с ним.

Ну, прощайте, до свиданья! Во мне так глубоко и неутешно живут тяжелые воспоминания, что я не могу даже и в письме их не упомянуть. Но мне здесь хорошо с любовью моих двух милых Татьян⁵, и с солнцем. Желаю вам, Валентин Федорович, всего, всего лучшего!

С. Толстая

11. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

18 марта 1913 г. Ялта

18 марта 1913 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Получила ваше второе письмо и благодарю за него. Кони я напишу сама и пошлю ему фотографию, когда вернусь. О том, как мы доехали, — я уже вам написала. У нас 3-й день страшная буря и холодный, резкий ветер. Было утром 1 ½ градуса; хуже Ясной Поляны погода стала. Сегодня мы с Танечкой из дому не выходили. Думаем выехать воскресенье, 24-го, и быть дома 26-го. Сухотинным нужно в Орле делать покупки, а 25-го все заперто, и потому надо пригонять приезд их к 26-му. А нам все равно. Что же вы не пишете, что вы без нас с Юл<ией> Ив<ановной> соскучились? Желаю вам всего лучшего и жму вашу руку.

Ст. Засека

Моск.-Курск. ж.д.

Е. В. Валентину Федоровичу

Булгакову.

В Ясную Поляну.

12. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

18 марта 1913 г. Ясная Поляна

Я<сная> П<оляна>, 18 марта 1913 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна. Сегодня получил Ваше письмо, за которое искренно признателен Вам. Сегодня же пришли открытки от Ю. И. и Т. Л., которым, разумеется, я тоже был очень рад.

Я надеюсь, что Вы уже получили *два* мои предыдущие письма¹, и потому на некот<орые> Ваши вопросы отвечать не буду. У нас по-прежнему все благополучно. Мне, конечно, хорошо во всех отношениях. Что касается весны, то она какая-то неопределенная: после Вашего отъезда было пасмурно, теперь

светло, но холодно. Снегу, однако, уже мало осталось. Я безнаказанно хожу в мелких галошах гулять в елочки.

В прошлое воскресенье, т. е. вчера, дом посетили с целью осмотреть комнаты Л. Н. *18 человек*, в 5 приемов: 1) группа вольноопределяющихся с двумя барышнями, 2) довольно неопределенного тона муж с женой, про которых нельзя сказать, что они производят симпатичное впечатление с первого взгляда, 3) Ваня Шураев с садовником Андрея Львовича, 4) Киевский журналист и 5) пятеро рабочих с завода (теперешние соседи Ал. Львовны). Юнкеров, мужа с женой и пол-Вани Шураева я еще выдержал, а затем просил продолжать прием Илью Васильевича. Оч^{чень} уж утомительно повторить неск^{олько} раз подряд одно и то же!

После посылки Вам второго моего письма здесь на Ваше имя получено по почте: 1) 2 просительных письма, 2) книжка «*Les enfants rois. Louis XVII. Le roi de Rome. Deux parallèles par M. Masson, avec un vocabulaire alphabétique, contenant des notes historiques et géographiques par Marie Ihnatowicz*»; 3) письмо, подписанное «А. Маслова», и 4) письмо, подписанное «С. Клугина».

С. Клугина — та самая дама («Ее Превосходительство»), которая обращалась с разными вопросами в Ваш книжный склад в Москве и которой Вы лично ответили. Теперь она прислала крайне трогательное письмо, в котором благодарит Вас за ответ и вспоминает Л. Н-ча. Она хочет когда-нибудь дойти до Вас и поцеловать Вам руки. Извиняется за бессвязное письмо и надеется, что Вы поймете ее чувство. В конце письма — фраза, взятая в кавычки: «Труднее и блаженнее всего любить эту жизнь в своих страданиях, в безвинности страданий».

Г-жа Маслова пишет, что все поджидала Вас в Москву — и напрасно. Сама она, впрочем, тоже все больше сидит дома: сил становится уже меньше... Федор² «плавает в волнах удовольствия» — увлекается старинными рукописями. Между прочим, собирался для него их переписывать «пасынок Татьяны Львовны», но у него заболел ребенок, и он с семьей уехал в деревню. Была у Маруси Маклаковой: она выглядела плохо и теперь уехала за границу. Сергей Иванович все нездоров: у него в ноге закупорка вены, и он вот уже месяц лежит. Теперь ему лучше. Приехал Коля Таубе³, он «женится на немочке» и направляется во Владивосток, где получает место на медных рудниках. Софья Артуровна⁴ все в деревне, и свадьба была там же. Последние строки письма: «Будьте здоровы, дорогая Софья Андреевна. Крепко Вас обнимаю. Всегда Вас любящая А. Маслова».

Больше никаких писем не было. Я все жду, что решит Сенат о рукописях⁵, чтобы сообщить Вам, но ничего пока об этом не слышно.

Очень рад, что в Крыму Вам хорошо. Думаю, что и Юлия Ивановна не жалеет больше о нашей капризной замарашке-весне. У беспредельного синего моря, конечно, лучше! И уезжать от него раньше времени, по-моему, не стоит. Тютки у нас, слава Богу, живы. Якут тоже, сколько мог, освоился

уже с своим одиноким положением. Значит, можно со спокойным сердцем отдаваться «крымским впечатлениям».

Желаю Вам, Софья Андреевна, всего хорошего, и шлю всем свой привет!
Душевно преданный Вам Вал. Булгаков.

13. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

24 марта 1913 г. Ялта

24 марта 1913 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Мне совестно, что при вашей работе вы написали мне такое подробное письмо с описанием полученных мною. Очень благодарю вас. Мы все задерживаемся; то море бушует, то пароход большой не идет, то Танечка не здорова. Теперь решили выехать в четверг, 28-го марта, и быть в Ясной 30-го в 12 часов дня. Во всяком случае телеграфирую, а пока жму вам руку и рада буду увидеть вас и поблагодарить за все.

С. Толстая

Станция Засека Моск.-Курск.
Е. В. Валентину Федоровичу
Булгакову.
Ясная Поляна.

14. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

4 июля 1913 г. Хатунка

Четверг, 4 июля 1913 г.

Шлю привет, Софья Андреевна, и прошу передать привет Юлии Ивановне. Путешествие мое продолжается благополучно, между большими дождями все как-то проскакиваю. Маршрут выдерживаю тот, который наметил; сейчас пишу от Булыгиных, напьюсь утр<ом> чаю и отправлюсь дальше — к Буткевичам¹. Не подумайте, что я совсем забыл Ясную: все время вспоминаю о ней, и вспоминаю с чувством привязанности.

Ваш Вал. Булгаков

15. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

7 июля 1913 г. Русаново

7 июля

Многоуважаемая Софья Андреевна!

Третью уже ночь ночевал у Буткевичей¹. Полосил эти дни морковь, свеклу, укроп на огороде и т. д. Ничего не читаю, не пишу и не чувствую в этом пока

потребности. Думаю, что когда так отдохну, то и занятия мои библиотекой сделаются более продуктивными.

Был в колонии у жены проф. Буткевича², брата пчеловода, у кот<орого> я гощу. Там спрашивали о Юрии Ивановиче и особенно хорошо вспоминали его жену.

Шлю привет и прошу передать привет Ю. И.³

Вал. Булгаков

16. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

25 сентября 1913 г. Ясная Поляна

Ясная, 25 сент<ября> 1913 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна, вот второй день Вас нет¹. Все в Ясной благополучно. Новость одна. То «брожение умов», о котором Вы говорили, перекинулось с повара и Ильи Васильевича с семейством на Медведева. Он забастовал и с сегодняшнего дня перестал помогать мне в работе над библиотекой. Говорит, что у него прибавилось работы у Чертковых, что ему трудно ходить в Ясную каждый день 6 верст, что он очень устает, потому что приходится заниматься почти сплошь весь день...

Уговоры мои остаться не помогли. И, конечно, мне это грустно. Нельзя, разумеется, насиловать Медведева, но... библиотека затягивается. Буду работать один. Другого помощника найти пока не представляется возможным.

С нынешней почтой пришел № «Сибир<ская> жизнь», со статьей за подписью «Вал. Булгаков» и озаглавленной «Из неопублик<ованных> писем Л. Н. Толстого к жене». В статье приводятся разные отрывки из «самарских» писем Л. Н., приведенных в Вашей книге. Начинается статья так: «В Москве печатается и скоро поступит в продажу новая исключительного интереса книга «Письма Л. Н. Т. к жене. 1862–1910 гг.»². Разумеется, это — первостепенный материал для историков жизни и творчества великого писателя. В этом материале трудно отделить *более* и *менее* интересное, так как он *весь* интересен. Но невольно обращают на себя внимание прелестные, с обилием описательного художественного элемента, письма Л. Н. из самарских степей, куда он ездил в 1871 г. на кумыс с братом своей жены юношей С. А. Берс».

Конец статьи такой: «Из «Писем Л. Н. Т. к жене» узнаешь Л. Н. не только с этой «скифской» стороны, но и со многих других сторон, и потому мы от души рекомендуем публике выпускаемую С. А. Толстой книгу». — Я думаю, что эта, хоть и совсем неважная статейка все-таки послужит распространению Вашей книжечки в Томске (и в Сибири), где много интеллигентной публики.

На Ваше имя почта доставила: 1) № модного парижского журнала, 2) пустое объявление о конской ярмарке, 3) письмо некоей Зинаиды Сергеевны Покровской (Тула, Воронежская ул., д. Покровских), которая предлагает Вам

выдать Вашу младшую дочь замуж за провизора Андрес, имеющего в Туле на углу Калужской и Коммерческой улиц аптеку и рекомендуемого с самой хорошей стороны. Сумасшедшее это письмо г-жи Покровской (напомнившее мне историю нахального «зубного врача») написано с наивной серьезностью, — не знаю уж, искренно (от глупости) или нарочито (от наглости).

4) Письмо Грузинского. Он пишет, что хорошо провел время в Крыму и спрашивает, как понравилось Вам издание писем.

Пишет Грузинский и мне. Тоже передает о своих крымских впечатлениях, а затем просит спешно доставить все материалы о библиотеке (сколько томов переписано, что есть в библиотеке наиболее интересного, сколько книг с отметками Л. Н. и т. д.) для *его* статьи в «Толстовском» ежегоднике». Должен признаться, что мне это письмо Грузинского не понравилось. Я еще не отвечал ему, но думаю ответить в том смысле, что я очень рад, что он отдохнул в Крыму, а что касается материалов о библиотеке, добытых мною, то я предпочитаю сам составить статью и непосредственно направить ее в «Ежегодник», ввиду того, что нет смысла направлять мои данные к Грузинскому, чтобы он пересказал то же самое для «Ежегодника». Я надеюсь, что с такой статьей справлюсь, т. к. для нее надо хорошо знать библиотеку, чего нет у А. Е-ча³.

Вот пока и все, Софья Андреевна. Вместе с Салтановым, — у которого сегодня болит голова и который по этому случаю пишет наизусть оч^{ень} мрачную картину (болото ночью), — шлем Вам наши лучшие пожелания. Сердечный привет от меня Татьяне Львовне, Михаилу Сергеевичу и Танечке.

Преданный Вам

Вал. Булгаков

P. S. С. Н. <Салтанов>⁴, прослушавший письмо, присоединяется к моему привету Татьяне Львовне и Сухотиным вообще.

Б.

17. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

28 сентября 1913 г. Кочеты

28 сентября 1913 г.

Сейчас получила ваше длинное и интересное мне письмо, дорогой Валентин Федорович. Оно, как часто бывает, побывало в Харькове.

Очень сожалею, что Медведев вас покинул; я все время думала, что ему очень трудно ходить пешком 6 верст ежедневно; но этому так легко было помочь; у нас всегда есть свободные лошади, и могли бы его отвозить.

Нельзя ли будет наладить на помощь вам ту барышню, которую я возьму, как только приеду? Хотя бы на механическую какую-нибудь работу.

Беспокоит меня, как всегда, как вы с Салтановым питаетесь? Ездил ли повар в Тулу? Хотя я и решила вернуться домой 2-го октября, но до сих пор не уверена, поеду ли. Сейчас идет мокрый снег, дорога из Мценска была и так ужасна, и мы с

Верочкой¹ трудно ее перенесли, а теперь будет еще хуже, и меня это смущает. На Благодатную же ехать надо ночью, или приезжать в Тулу ночью — это еще хуже.

Если я не приеду 2-го, то пришлите за мной 5-го в 5 часов дня на Засеку. Очень уж обижаются здесь все, что я собираюсь уехать от 4-го октября, рожденья Татьяны Львовны.

Еще не знаю, что решу, и многое зависит от погоды и здоровья. Верочке здесь нравится, она здорова, о чем сообщите ее родителям.

Я не знала, что *Вал. Булгаков* сообщил о моей книге в Томск. За доброе его намерение я благодарна, но распространения этой книги мне почему-то совсем не хочется.

Здесь я все время занята своей Автобиографией². Читала ее вчера дочери и Мих<аилу> Серг<еевич>у³, и он очень одобрил. Сегодня я исправила те неточности и нежелательные для печати места, которые мне указали.

Наехало сюда много гостей: все четыре сына Сухотиных⁴, их две жены, внук Мих<аила> Серг<еевич>а⁵ и проч. Обедали до 14 человек, а повар лежит больной, что доставило немало хлопот Татьяне Львовне; но она очень распорядительна и умеет все устроить. Сегодня Мих<аил> Серг<еевич> уехал на земское собрание.

Не унывайте, дорогой Валентин Федорович; может быть, из Москвы найдем вам помощника, а то и я могу вам помогать.

Насчет А. Е. Грузинского я с вами совершенно согласна; очень уж это бесцеремонно — желать воспользоваться вашим столь тяжелым трудом.

Шлю Вам и Салтанову свой привет. До свиданья.

С. Толстая

Ужасные здесь чернила и перья!

18. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

29 сентября 1913 г. Ясная Поляна

29 сент<ября> 1913 г.

Многоуважаемая и дорогая София Андреевна, сегодня Ю. И. получил Ваше письмо. Накладная, о к<оторой> Вы ему пишете, еще не приходила. — На Ваше имя сегодня — письмо Бернштейна, по-английски, из Нью-Йорка. Кажется, деловое о письмах Л. Н. к Вам. Других писем не было. — В газетах — письмо Черткова (вернувшегося в Россию) о том, что он вывез из Англии и сдал в Академию Наук 25 пудов рукописей Толстого. В Англии остались лишь копии, письма Л. Н-ча к Чертковым и нецензурные рукописи Л. Н. — Мы с Салтановым оба заинтересованы идущим сейчас в Киеве делом об убийстве Ющинского¹. Ежедневно читаем о нем в газетах длинные отчеты. Все в Ясной благополучно. Пока всего лучшего.

В. Булгаков

19. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

30 сентября 1913 г. Кочеты

30 сентября 1913 г.

Дорогой Валентин Федорович, здесь у всех грипп, начиная с Танюшки. Попали и мы с Верочкой под эпидемию: у меня сильный насморк и болит с утра голова. У Веры пока то же самое, но насморк небольшой. Ехать невыносимо 35 верст в таком состоянии, и видно судьба провести здесь рождение Татьяны Львовны, 4-го. 5-го октября пускай выедет за нами Андриан¹ на Засеку в 5 часов дня. Надеюсь, что к тому времени мы будем здоровы. Хорошо бы, если б без меня отпустили повара по его просьбе, может Авдотья² или Афанасьевна³ три дня позаботиться о вас; теперь и Медведева нет. Еще прошу Афанасьевну велеть рубить капусту. Меня многое дома заботит, но не решаюсь ехать студить Верочку и себя. Как вы поживаете?

Кланяйтесь Серг<ею> Ник<олаевичу>⁴. Жму вам руку.

С. Т.

Книгу Лине⁵ я давно послала. Неужели она пропала?

20. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

30 сентября 1913 г. Ясная Поляна

30 сент<ября> 1913 г.

Сегодня получил Ваше письмо, Софья Андреевна, и оч<е>нь Вас благодарю. — Отвечаю, п<отому> ч<то> думаю, что Вы действительно останетесь у Сухотиных до 4-го. И в самом деле, мы с С. Н. не заменим Вам того веселого и приятного многочисленного общества, какое, наверное, соберется в Кочетах в день рождения Т. Л.¹, а в Ясной все продолжает быть благополучно. — Пожалуйста не беспокойтесь, что нас плохо кормят: превосходно, как всегда. — Об уходе Медведева я не так уж очень, не чрез меру грущу и храбро намерен продолжать работу и дальше. М<ожет> б<ыть>, Нина Тих<онов>на² и будет мне кое в чем полезна, но д<олжно> б<ыть>, только кое в чем, в немногом. — У нас — снег. Наверное, и у вас тоже. — В «Русском слове» сегодня — первые две главы воспоминаний Ильи Л<ьвови>ча³. Я читал Семену⁴ то, что относится к его отцу и к нему, и он, по-видимому, был доволен. — Вечера проводим тихо, без занятий. Сейчас я приделывал усы румынской принцессе⁵ в приложении к «Новому времени», а Салтанов следил и смеялся. Вот каковы мы!

Вал. Булгаков

21. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

2 октября 1913 г. Ясная Поляна

2 окт<ября> 1913 г.

Дорогая и многоуважаемая Софья Андреевна, думал больше совсем не писать Вам, не надеясь, что письмо успеет дойти, но вот пишу, пользуясь тем, что идет в Кочеты и увидит Вас Д. В. Никитин.

Сегодня они приезжали к нам с Александрой Львовной, пили чай. Салтанов устроил гостям выставку новых своих яснополянских этюдов. Вечером мы с ним отплачиваем визит и в плетушке с Палычем¹ едем к Алекс<андре> Львовне.

Кстати, утром завтра в 6 ч. через Тулу проезжает из Кисловодска в Москву жена Салтанова, так что от Ал<ександры> Л<ьвов>ны мы с Адрианом завезем его на станцию и тогда домой. Ночь же Салтанов прождет в Туле.

Получилась сегодня Ваша открытка.

Ждем Вас 5-го.

Ничего особенного за эти день-два у нас не произошло.

Повар отпуском не хочет пользоваться до Вашего возвращения: что-то никак они не споятся о том, кто может нам с С<алтановым> готовить.

Что касается рубки капусты, то, оказывается, что кадки в Туле. Афанасьевна думает, что лучше подождать рубить до Вас.

С сегодняшней почтой прислано на Ваше имя: 1) несколько полисов от агента страхового об<ществ>а; 2) письмо из Курской г<убернии> от г-жи Шумигорской, которая просится к Вам в компаньонки, услышав, что Вы ищете таковую; 3) открытка от Нат. Альмединген с благодарностью «за ласковые строки»; 4) письмо от Е. В. Молоствовой с известием, что умер ее отец², и с просьбой сообщить, где Вы останавливаетесь в Москве, чтобы по пути за границу не пропустить случая с Вами увидеться; 5) 1 просит<ельное> письмо.

Я последние дни все подсчитывал результаты своей работы, составил обстоятельный отчет, переписал его на ремингтоне и послал 1 экз. в «Толстов<ский> ежегодник» (в Петербург), другой — Н. В. Давыдову как председателю Москов<ского> Толст<овского> об<ществ>а, организовавшего описание. Один экз. отчета приготовил для Вас.

Пока — всего хорошего и милости просим в Ясную Поляну.

Преданный Вал. Булгаков

22. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

3 ноября 1913 г. Ясная Поляна

3 ноября 1913 г.

Посылаю вам, Валентин Федорович, Сашины записки. Мои дети, по-видимому, не могут жить без вас.

А меня тревожит, не случилось ли в моей семье что-нибудь тяжелое, о чем она не решается мне сообщить одна.

Делайте, как знаете, я думаю, вам надо поехать.

С. Толстая

<Приложены две записки А. Л. Толстой:>

А. Л. Толстая — С. А. Толстой

Новая Поляна

3 ноября <19>13 г.

Милая мама.

Очень прошу тебя убедить Валентина Федоровича приехать ко мне тотчас же по очень важному делу. Он все объяснит тебе, и ты, быть может, дашь мне свой совет, как мне быть. Только, пожалуйста, попроси его приехать *тотчас же*.

Любящая тебя дочь

Саша

А. Л. Толстая — В. Ф. Булгакову

Валентин Федорович.

Очень прошу вас, как личное мне одолжение, приехать ко мне сегодня вечером по важному делу.

Александра Толстая

23. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

24 ноября 1913 г. Москва

24 ноября 1913 г.

Дорогой Валентин Федорович.

Сухотины еще не могут уехать, потому что у Мих<аил>а Серг<еевич>а неожиданно заболела и распухла нога. По этой причине и я задержусь, тем более, что от нездоровья очень устаю и не могу быстро кончать дела. Грузинского я еще не видала, Давыдова тоже; все общаюсь с собственными детьми. Как поживаете вы, и все ли у нас благополучно? Жду весточки и жму вашу руку.

С. Толстая

24. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

24 ноября 1913 г. Ясная Поляна

24 ноября <19>13 г.

Все у нас по-прежнему благополучно, многоуважаемая Софья Андреевна. На Ваше имя получились письма: два просительных, одно по поводу панихиды на могиле Л. Н. (подписанное «православный») и расписка фирмы Ступина в получении 80 рублей.

Нового нет положительно ничего. На улице — то дождь, то снег, и грязно, пасмурно. Только и сидеть дома. Вчера работал над библиотекой около 11 часов. Всего хорошего! Ваш Вал. Булгаков.

25. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

25 ноября 1913 г. Ясная Поляна

25 ноября 1913 г.

Получил сегодня Вашу открытку, дорогая Софья Андреевна. Спасибо. Как грустно за Мих<аила> Серг<еевича>! Одна боль за другой преследует его. Трудно старому человеку. И вот по такому поводу Вы задержитесь, чтобы дольше побыть с С<ухотины>ми, чего Вам так хотелось. — А у нас все по-прежнему тихо-спокойно. Я «библиотечничаю». Сегодня помянул добром Ант<онину> Тих<онов>ну: выписывал отметки Л. Н. из книг, к<>оторые она была добра для меня перелистать. А для Вас, С. А., копятя книги с неразборчивыми франц<узскими> и англ<ийскими> надписями. Ни души из посторонних эти дни в Ясной не было. Писем сегодня Вам не было же. Шлю сердеч<ный> привет всем и лучшие пожелания.

Пусть Душ<ан> П<етрович> сообщит, куда переслать ему толстое заказное письмо от Гусева.

Ваш Вал. Булгаков

26. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

26 ноября 1913 г. Москва

26 ноября 1913 г.

Дорогой Валентин Федорович.

Спасибо, что пишете мне. Мы все еще не знаем, когда едут Сухотины, нога у Михаила Сергеевича все болит, а мне их пребывание мешает заниматься делами, все время провожу с дочерью и маленькой Таней. Была сегодня у Грузинского, он не совсем здоров. Спрашивала его, почему ему нужны не-

пременно теперь ваши записи, когда они не окончательные. Он сказал, что хотел их разобрать во время праздников и обратить внимание на неточную передачу иностранных посвящений (?). Я сказала, что неразобранных очень мало, и дела над ними особенного быть не может. А что вы желаете прежде кончить *всю* работу, проверить ее и тогда сдать в Музей. Мне все время казалось, что у Грузинского было что-то недосказанное. Ваши же письма он все принес и негодовал за тон этих писем, не понравившийся ему. Я всячески его успокаивала и говорила, что мне понятно ваше желание довести ваш большой труд до конца. Расстались мы дружелюбно, и он даже сказал, что, конечно, он ценит ваш труд, но что инициатор он, и вы не должны его игнорировать.

В Москве ничего не видала и не слыхала: ни концертов, ни театра, ни картин, и мне это грустно. А вы-то как усердно занимаетесь! Пусто, тихо у вас, и погода-то какая плохая. А что ответил вам ваш знакомый, которого вы хотели взять в помощники?

Самое приятно здесь, в Москве, мне было видеть моих детей: Сережу, Таню, Илью, Сашу; а сейчас приехал и Андрюша.

До свиданья, Валентин Федорович, желаю вам бодрости, здоровья и мира душевного.

Преданная вам

С. Толстая

Антонина Тихоновна шлет вам свой привет.

27. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

26 ноября 1913 г. Ясная Поляна

26 н<о>ября> 1913 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна, думаю, что и это письмо еще застанет Вас в Москве. Сегодня на Ваше имя получилось письмо от Варвары Валерьяновны. Оказывается, она в Москве и оч<ень> хочет Вас видеть. Я думаю, и Вы, и В<арвара> В<алерьяновна> можете после пожалеть, что не встретились; поэтому и спешу известить Вас, что *телефон В<арвары> В<алерьянов>ны: 13-14.*

Она пишет, что если Вы будете в Москве, то чтобы Вы ее вызвали по этому телефону. Пробудет она в Москве до января.

В *случае нужды*, защитите только меня перед ней: мне неловко, что я прочел ее письмо: там есть сведения интимные о ее детях.

Больше писем не было. Пришло только иллюстр<ированное> приложение к «Нов<ому> времени» с началом воспоминаний Т. А. Кузминской о М. Н. Толстой-монахине¹.

Я нашел в библиотеке удивительную вещь: печатный экз. «Власти тьмы» с поправками Льва Н-ча, никому до сих пор неизвестными, как я убедился, сравнивши их с текстом даже последнего сытинско-бирюковского издания.

Много отметок интересных еще в «Études sur la nature humaine» Мечникова.

Поймал Ант<онину> Т<ихонов>ну: просматривая Мечникова, она пропустила 2 стр. с отметками, и значительными.

У меня ужасный насморк. Где-то простудился.

После дождей и слякоти опять выпал снег, и на улице опять зима.

Пока — всего лучшего!

Ваш «сопустынник» (как выразился брат)²

Вал. Булгаков

28. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

3 марта 1914 г. Москва

3 марта 1914 г.

Благодарю вас за письмо, дорогой Валентин Федорович, сегодня мы еще в Москве, и завтра вечером я еду в Петербург, а Ант<онина> Тих<онов>на еще останется. Ни веселого, ни интересного ничего в Москве не пережила и устала. Видно, в мои года уже все утомительно. Жму вашу руку.

С. Толстая

29. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

4 марта 1914 г. Ясная Поляна

4 марта 1914 г.

Дорогая Софья Андреевна, шлю отчет. Начинаю его снова фразой: все обстоит благополучно. Как ни однообразно звучит эта постоянно повторяемая мною фраза, я думаю, Вам все-таки гораздо приятнее слышать *ее*, чем если бы я сказал: в Я<сной> П<оляне> *не все* обстоит благополучно...

Письма на Ваше имя:

1) напоминание от Об<ществ>ва музык<ально>-теорет<ической> библиотеки в Москве о необходимости уплаты членского взноса,

2) английская открытка от miss H. C. Wells. И представьте, письмо мисс Wells — с «I hope»!¹ Я нарочно проверил.

Живу я все один. Но сегодня меня посетил Сережа Булыгин, которого я приглашал, будучи в прошлую субботу у Чертковых. Обедал, пил чай. Позже пришел еще один наш приятель, и мы слушали граммофон... Сейчас проводил их и *под дождем* вернулся назад.

Илья Васильевич передает откуда-то дошедший слух, что под Серпуховом произошло вчера крушение ночного пассажирского поезда, будто бы 5 вагонов разбито в щепы и будто бы — не знаю, насколько это верно — должна была с этим поездом ехать возвращавшаяся из имения Ал<ександры> Львовны Варвара Михайловна. Не знаю, так ли все это и что произошло, но все-таки жутко подумать, если несчастье...

Собственно, преждевременно не нужно бы ничего думать и говорить.

Ант<онины> Тих<онов>ны нет.

Пока до свиданья. Желаю всего хорошего и благополучного возвращения из дальнего Петербурга в тихую Ясную Поляну.

Ваш Вал. Булгаков

30. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

7 марта 1914 г. Петербург

7 марта 1914 г.

Благодарю вас, дорогой Валентин Федорович, за ваши письма; я получила в Петербурге уже два с подробным описанием содержания полученных писем¹. Вы слишком добросовестно и подробно их излагаете; я вас просила перечитывать их только для того, чтоб не пропустить чего-нибудь выдающегося или очень нужного, но таких бывает мало.

Я рада, что у вас побывали ваши друзья, не так уж вам одиноко в Ясной Поляне. Антонина Тихоновна по-видимому загуляла в Москве, а я уже мечтаю о яснополянской тишине и рада буду вернуться к своим занятиям и жизни дома, хотя здесь все очень добры и любезны².

Сегодня сдала Венгеру свою автобиографию; он сделал замечание, что я не довольно пишу о возраставшей славе Льва Николаевича во времена появления в печати «Войны и мира» и «Анны Карениной», и слишком мало пишу о влиянии моем и участии в творчестве моего мужа. Просит написать еще главу в таком духе. Но я не чувствую себя способной это сделать; когда буду дома, попробую это сделать, не надеясь на успех.

Вернуться предполагаю во вторник в 12 часов дня в Тулу, куда и вызову по телеграфу лошадей. Кстати получу, может быть, и пенсию.

Ничего интересного еще не видала и не слыхала, о чем сожалею. Вижу родных и кое-кого знакомых старых. Здесь морозно, снег выпал и совсем не похоже на весну; вероятно, и у нас так же. Если Нина вернулась, поклонитесь ей от меня, а пока прощайте, до свиданья. Будьте здоровы и не унывайте.

Жму вашу руку.

С. Толстая

Сегодня приехал сюда Андрюша³ с семьей, но я его еще не видала.

31. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

17 марта 1914 г. Ясная Поляна

17 марта 1914 г.

Многоуважаемая Софья Андреевна,

Работа по окончанию описания библиотеки, по-видимому, требует моего пребывания в Ясной Поляне. Ввиду этого я позволил бы себе заявить Вам, что согласен продолжать работу лишь в том случае, если бы Вы стали смотреть на меня только как на работника, не касаясь ни взглядов моих, ни убеждений, как частного человека, ни отношения моего ко Льву Николаевичу¹. Ибо иначе я не могу не оставить за собой полной свободы возражения на все то, с чем, по совести, я не соглашаюсь и на что отвечать молчанием, которое бы принималось за согласие, я также не нахожу достойным.

Независимостью своих суждений и своего положения я дорожил и дорожу, и расставаться с нею ни при каких условиях не считаю возможным.

Покорно прошу не отказать уведомить меня об отношении Вашем к этому письму.

Уважающий Вас

Вал. Булгаков

32. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

17 марта 1914 г. Ясная Поляна

17 марта 1914 г.

Вы очень ошибаетесь, Валентин Федорович, что мысли и слова мои были обращены к вам; я совершенно не имела вас в виду и не считаю себя обязанной считаться с мнением посторонних. Я беседовала с Варварой Валерьяновной, и потому резкая речь ваша была для меня неожиданностью, тем более, что я не желала касаться ваших взглядов и убеждений, и не давала этим права возражать мне. Ведь вы начали с вашего негодования на мое упоминание о молебне¹. Ваше же полное непонимание меня и моего отношения к мужу я давно усмотрела в вас; оно мне и не нужно.

Вы со злобой (по-христиански, верно?) кричали о моем осуждении Льва Николаевича, на мои слова, что *веками создается такой человек, как Лев Николаевич, проповедующий людям добро и любовь*, и даже такой учитель попал в сети зла под конец его жизни.

«В доме завелась “вражья сила”, и «Чертков во многом виноват», — писала мне Марья Николаевна, сестра Льва Ник<олаевич>а. То же думала и говорила я.

Признаюсь, что горячность вашу и злые слова могу еще объяснить как характер, но *угрозы* ваши о возражениях, как бы рыцарски высказанных вами мне, прожившей с мужем 48 лет, — мне просто смешны и мелочны.

Я совершенно согласна никогда с вами не говорить ни о чем больше, как о необходимом, испытал вашу заносчивость и полное непонимание меня.

Очень жаль, что вы так легко разрушаете добрые и хорошие отношения с людьми.

С. Толстая

33. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. Телеграмма

31 марта 1914 г. Москва

Московско-Курская, Нижегородская и Муромская казенные ж. д.
Засака. Из Москвы. 31 марта 1914 г.
Графине Толстой Засака Тульской
Приезжаю вторник пять дня

Булгаков

34. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

28 апреля 1914 г. Ясная Поляна

Вечер 28 апр<еля> 1914 г.

Все благополучно в Я<сной> П<оляне>, дорогая Софья Андреевна. Ал<ександру> Л<ьвов>ну Вы, наверное, уже видели и, наверное, она сама рассказала Вам, что они с Над<еждой> П<етров>ной завтракали в Ясной, а потому все мы пили чай у няни... — Сегодня на Ваше имя два письма: одно просительное (с вырезкой о получении насл<едни>ками Толстого 2000 р. из банка) и другое — от Тат<ьяны> Львовны. Т<атьяна> Львовна восхищается чудесной погодой в Ялте и сообщает, что все-таки 25-го февраля они едут в Кисловодск, и усиленно зовет туда Вас, объясняя, как просто можно это сделать. — Есть одно письмо для Ант<онины> Тих<онов>ны.

Пока — всего хорошего! Привет мой А<нтонине> Т<ихонов>не.

Ваш Вал. Булгаков, караульный.

35. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

Утро 14 мая 1914 г.

14 мая 1914 г. Станция Пашково
Сызрано-Вяземской ж. д.

Дорогая Софья Андреевна, вот я в дороге¹. Шлю привет из Тамбовской губернии! В Туле сел на поезд в 10 ч. веч<ера>. Поеду *без пересадки* до самого почти Томска. (Только за 60 в. от него надо пересесть в другой поезд, т. к. Томск стоит не на главном пути, а на ветке). В вагоне чисто, публика не неприятная. И все сибиряки! Слышишь уже в разговорах названия сибирских

городов и т. д. Сейчас пил первый дорожный чай, с яснопол<янскими> пирожками. Вспоминал и Вас, и все яснополянское. Пока всего, всего хорошего! Привет Ант<онине> Тих<оновне>.

Ваш Вал. Булгаков

36. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

15 мая 1914 г. Омск

15 мая 1914 г.

Дорогая Софья Андреевна, шлю привет из Омска. Это — за сутки езды до Томска. Завтра, в воскресенье, буду дома. — Ехал весело. Много земляков-студентов, пение и пр. Один батюшка, присоединившийся к нашей компании, прочел мне целую проповедь о незарывании в землю талантов, данных Богом, и увещевал учиться петь. — Провизия яснополянская до сих пор еще не истощилась. Я так ничего и не покупаю, кроме хлеба. Шоколад был особенно превосходен. — Пока — всего, всего лучшего!

Преданный Вам Вал. Булгаков

37. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

20 мая 1914 г. Ясная Поляна

20-го мая 1914 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Получили мы ваше открытое письмо с дороги, а теперь ждем уже известий с места. Как доехали? Как застали своих? Мы тут о вас часто вспоминаем; приехал 18-го мой сын Лева с двумя мальчиками: Китой и Петей, которые очень милы; они вам все трое кланяются и жалеют, что не увидят вас в это лето. Мальчики копают у флигеля огород, гуляют, играют в крокет и говорят, что точно они всегда тут жили и что в Ясной Поляне очень хорошо.

Навестил меня и Андрюша¹, а сегодня еще Саша² с Варварой Михайл<овно>й. В воскресенье 25-го приедет и вся остальная семья Доры³ и Левы, так что всех их будет 11 человек, кроме нас, и я робею.

Сегодня был неожиданный гость — из «Русского слова» — Влас Михайлович Дорошевич, который едет на автомобиле до Севастополя. Ходили с ним на могилу, много болтали, а зачем он приезжал — неизвестно. После обеда уехал, очень, видно, довольный.

Все это время посетителей очень много: и в доме в день Вознесения пребывало около 150 человек; а потом экскурсия девиц в 62 человека с тремя руководителями, из которых один Чехов; не знаю, как он относится к писателю.

Все та же солнечная, красивая весна, все еще пышно цветет сирень, но осыпались яблони. Для жизни весна прелестна, но засуха ужасная, и народ везде молится и огорчается на плохие всходы.

Антонина Тихоновна шлет вам свой дружеский привет. Она что-то похудела и побледнела, и мы огорчаемся на нее. Меня посетила на днях ее милая мать.

Ну, что же еще вам сказать?

Далеко вы заехали, и в такой, другой совсем обстановке, вероятно побледнели все воспоминания о пережитом в Ясной Поляне тихом и однообразном прошлом.

Сегодня на могиле встретили Медведева с учредителем народных спектаклей...

Ну, прощайте, Валентин Федорович; передайте мой поклон вашей матери и сестре¹, вам жму руку и желаю радости и всего хорошего. Лева громко играет на рояле, и мое письмо плохое.

Преданная вам

С. Толстая

38. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

21 мая 1914 г. Томск

Томск, 21 мая 1914 г.

Дорогая Софья Андреевна! С 18-го мая я — дома. Нашел все и всех благополучными. Успел повидаться и с бабушкой, которой теперь даже значительно лучше. Теперь бегаю по городу, осматриваю его и навещаю кое-кого из друзей и знакомых.

Все-таки надо сознаться, что когда я нахожусь далеко от родины, то я идеализирую ее, — представляю ее себе и другим гораздо интереснее, чем она есть на самом деле. Вот теперь, вновь приглядываясь к Томску и сравнивая его с Москвой, например, я ясно вижу эту разницу между отдаленным губерн<ским> провинциальным городом, с довольно сонной жизнью, и столицей, — разницу далеко не в пользу провинции. В счет не идет только здешняя природа, которая оч<ень> хороша и которую я люблю.

Все-таки я решил пробраться отсюда на несколько дней и в мое сибирское «святая святых» — в Кузнецк. Оказалось, что туда установлено правильное судоходство по р. Томи. Мне хочется попасть в Кузнецк к 6 июня, когда из соседнего села приносят чудотворную икону Ильи Пророка и когда открывается на неделю уездная ярмарка: на ярмарку съезжаются разные сибирские инородцы, в городах бывает шум и веселье, — и вот в это-то время я и хочу там быть, чтобы вспомнить живей картины детства и пожить прошлым.

Конечно, я рад, что попал в Сибирь, и летние месяцы проведу здесь с удовольствием.

Мама и сестра просили Вам низко кланяться, Софья Андреевна, и благодарят Вас за Ваши приветствия. Мама все расспрашивала меня о нашей жизни в Ясной Поляне, и я вижу, что она от души и искренно благодарна Вам за Ваше

отношение ко мне и ценит это отношение не меньше меня. Да иначе оно и быть не может. Я сам теперь отношусь к Ясной Поляне как к родному месту.

Наверное, приехал Лев Львович. Передайте ему пожалуйста мой сердечный привет. Я и теперь крайне сожалею, что время моего и его пребывания в Ясной Поляне не совпали хотя бы своими концами и началом. Думаю, что Паля и Кита совсем забыли меня. Мне это нисколько не мешает их любить. Но если хоть чуть-чуть помнят, то и им шлю свой привет, а также Антонине Тихоновне.

Пока извольте пожелать Вам здоровья и всего хорошего!

Ваш Вал. Булгаков

39. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

28 мая 1914 г. Томск

28 мая 1914 г.

Дорогая Софья Андреевна, пишу, чтобы поблагодарить Вас за письмо Ваше от 20 мая, которое я получил сегодня. Узнать все новости о Ясной Поляне мне было крайне приятно: право, как бы далеко теперь не заехал от нее, я чувствую, что сжился с нею и не могу не считать ее до некоторой степени родным местом.

Теперь у Вас там, очевидно, шумно и весело. Я и теперь не могу не пожалеть еще, что не видал Льва Львовича и его детей. И Дорошевич приехал как раз после моего отъезда. Я его не знаю, и, сознаюсь, познакомиться с этим талантливым и остроумным человеком мне было бы приятно и интересно.

Вы пишете про засуху, Софья Андреевна. От нее изнываем и мы. Не мы, нам просто жарко, а хлеба повсюду здесь страдают от затянувшегося бездождья. Что-то будет!

Дня через три еду в Кузнецк.

Не знаю, писал ли я Вам, в первом письме из Томска, что дом, где мы квартируем, стоит на берегу небольшой речки, протекающей через самый город (вроде московской Яузы или Вашей Воронки). Сегодня, сейчас, только что, *перед нашими окнами*, в ней утонул, купаясь, мальчик 13-ти лет: нырнул и попал в яму, из которой не мог выплыть. Я видел, как бедное тельце качали усердно на вымокшей простыне, но... все было поздно. Хочется предупредить всех, у кого есть дети, о необходимости беречь их, что называется, «пуще глазу»...

Пока позволяте пожелать Вам всего хорошего, а всем просить передать мой искренний привет. Мама и Надя кланяются Вам и благодарят за привет.

Душевно преданный Вам

Вал. Булгаков

Антонине Тихоновне желаю здоровья. Нельзя летом хворать... Впрочем, я сам... *простудился* и покашливаю. Думаю, что ненадолго.

40. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

28 мая 1914 г. Ясная Поляна

28 мая 1914 г.

Получила ваше третье письмо, дорогой Валентин Федорович, а пишу вам второе. Очень я это время засуетилась и захлопоталась. Устроить такую большую семью, как семья Левы, оказалось совсем не легко, и мы с Дорой Федоровной положили немало труда. Но дети очень милы, добродушны, умны и умеют сами заниматься. Очень много все играют в крокет. Ваши приветствия Леве и детям я передала, и они вас благодарят и кланяются вам. Жаль, что вас теперь тут нет; Леве было бы с вами очень приятно, а то его окружают только женщины.

В Троицын день приезжал Андрюша с женой и дочкой¹, привезли еще своих гостей: Матвеевых супругов и Оссовецкого. Потом приехала Саша с Варварой Михайловной и каким-то юным агрономом, и, наконец, в 5 часов дня прикатила вся семья Левы. Можете себе представить, что это было за необычное, шумное, давно не виданное в Ясной Поляне оживление. Меня все это очень утомило, и хотя я и рада детям и внукам, но мне жаль своего сосредоточенного, серьезного настроения, которое заставляло меня чаще думать о душе, о смерти и настраивать себя на молитву.

Меня удивило ваше отношение к жизни в Сибири, то есть к тому, что чувствуется в Томске тот провинциализм, от которого вы уже отвыкли, живя в Москве и потом и в Ясной Поляне при Лье Николаевиче и при всем, что касалось его. Конечно, это все другое, но ведь и вы другой, и вы растете умственно, делаетесь требовательнее к жизни; и то, что сильно впечатляло вас раньше, теперь уж отжито. Как то повлияет на вас ваш Кузнецк, тоже идеализированный так сильно вами. А природа везде хороша. У нас теперь тоже прекрасно, хоть сирень отцвела и стало даже холодно сегодня, что очень сердит Леву. — С его детьми приехала француженка, которая хорошо играет на скрипке. И сегодня я с ней играла часа полтора: она на скрипке, я на рояле. Выходило очень недурно, а мне доставило это большое удовольствие. Хороши сонаты Вебера со скрипкой и некоторые Моцарта и Шуберта.

Мне смешно было, что вы в вагоне своим пенем очаровали какого-то *батюшку* и что он советовал вам не зарывать таланта.

Ну, прощайте, пишу ночью, как обычно мне, все спят, тишина и грохот поезда, ворвавшийся в это ночное безмолвие.

Передайте мой поклон вашей матушке и сестре, вам желаю всякой радости.

С. Толстая

41. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

15 июня 1914 г. Томск

15 июня 1914 г.

Дорогая Софья Андреевна!

Благодарю Вас за второе Ваше подробное письмо о Ясной Поляне. Я получил его уже возвратившись из Кузнецка, куда я ездил на пароходе и где пробыл $3\frac{1}{2}$ дня. На этот раз ни о каком провинциализме и речи быть не могло, — потому что если Томск и можно считать городом с какими-то «претензиями», то уж Кузнецк во всяком случае никаких претензий не думает предъявлять. Оттого относишься к нему совсем иначе... Кузнецк — это несомненно — большая деревня (пока не оживила его жел<езная> дорога, долженствующая скоро пройти через него), и деревня — для меня пленительная по-прежнему, если не больше: во-первых, воспоминаниями детства, с которыми связан каждый мой шаг там, а во-вторых: своей живописностью, патриархальностью своего быта, своей древностью — если хотите (крепость с пушками) и т. д. Так что, посетив вновь Кузнецк, я остался им доволен *вполне*.

Встретили меня там в высшей степени приветливо, — я говорю о тех старых знакомых, какие еще там остались. Кузнецк простил мне все мои заблуждения и отклонения от «правильного» пути, отнесшись очень терпимо к моему «толстовству». Встреча наша с кузнечанами была такая дружная, что даже с протоиереем кузнецкого собора я снялся на память *под ручку*.

Осмотрел я там свой старый дом, на кладбище привел в полный порядок запущенные могилы отца и родных, погулял по окрестностям — и теперь снова живу в Томске.

Больше всего занимаюсь тем, что просматриваю стихи всех поэтов и выбираю материал для своего сборника «Религиозной поэзии»¹.

Во второй половине июля надеюсь двинуться в Россию, поработать у Вас, а затем и в Толстов<ском> музее.

Пока — желаю Вам бодрости и здоровья, — между прочим и для того, чтобы справиться с трудной задачей принять и удовлетворить ту массу гостей, о которой Вы пишете.

Мама и сестра также просят передать Вам их искренний привет. Шлю привет Льву Львовичу с семьей и Антонине Тихоновне.

Всего лучшего!

Ваш В. Булгаков

42. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

18 июня 1914 г. Ясная Поляна

18 июня 1914 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Где вы? что вы? Вернулись ли из своего любимого и дорогого Кузнецка? Нагляделись ли на дикие пионы и на красоту гор и сибирской природы? На ваше последнее письмо я еще вам не отвечала, потому что вы уезжали из Томска, а теперь, верно, уже вернулись, и я жду известий о вас и описания ваших путешествий.

У нас в Ясной жизнь очень полна и шумна, и подчас я пугаюсь, что чувствую себя за все и за всех ответственной, а не ошибиться ни в чем, поддерживать со всеми хорошие отношения и приглядываться к жизненным требованиям и желаниям и невзгодам всего многочисленного населения Ясной Поляны — подчас трудно и мне не по годам и не по силам. Нина моя стала что-то очень нервна и даже истерична, и меня это беспокоит; Лева, как всегда, очень изменчив в своем настроении: то уныл и во всем разочарован, а то и доволен и весел, — но всегда неудовлетворен.

Дети и Дора очень милы, на все радуются, живут полной жизнью, и мне так приятно, что я слышу весь день вокруг себя детские голоса и новую молодую жизнь.

Особенно все любят ездить купаться; на Воронке построили великолепную купальню, вода чистая, место красивое, и все учатся плавать, всякий стараясь выучиться раньше других. Смех, крик, веселье непрерывное. — Сегодня день рождения моей Саши, и все ездили к ней¹ на шоколад в трех экипажах (два прислала она). Пили шампанское, ели пироги, конфеты, фрукты, гуляли, и все остались довольны. Видела там Беленького; он, бедный, получил обвинительный акт²; что-то будет! Очень его жаль; такой он тихий и добрый. У Чертковых был доктор Беркенгейм, советует Гале осенью ехать за границу. Мотька³ тоже что-то нездорова; а будут ли они жить в Москве, как предполагалось, или останутся в Телятинках — Беленький не знает.

У нас все время была страшная жара, и только вчера выпал дождь. Засуха погубила много всякой растительности и способствовала пожарам. Семья Левы пробудет до 9-го июля, а потом приедет моя сестра Кузминская с мужем. 28-го собираюсь к Сереже⁴, но ничего о нем и его семье не знаю; был слух, что она все еще в Москве. Вот охота была сидеть в городе!

Ну вот и кончаю письмо, интересного мало сообщила вам. Никого у нас не было, ничего не случилось. О вас все вспоминаем и все вам кланяются; ждем вас *домой*.

Преданная вам

С. Толстая

43. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

4 июля 1914 г. Томск

4 июля 1914 г.

Дорогая Софья Андреевна,

Получил Ваше третье письмо, от 18 июня, за которое сердечно благодарю. Я читал его вслух своим и когда прочел конец, где Вы приглашаете меня ворочаться *домой*, мама и бабушка, особенно последняя, запротестовали. Впрочем, не могу сказать, чтобы отношение Ваше ко мне им действительно не понравилось: думаю, что мы все ценим его одинаково.

Что же касается моего возвращения «домой», то я могу сказать, что решил его время определенно: 21 или 22 июля я выеду из Томска.

Надеюсь, что теперь Вами уже получено письмо, в котором я, хотя вкратце, описывал свою поездку в Кузнецк.

Вернувшись, я тихо и смиренно сижу в Томске. Беру в публичной библиотеке книги и занимаюсь.

Сделал только еще одну интересную прогулку в две подгородние деревни. Ночевал один раз у крестьян, другой — у знакомых дачников. В одной из этих деревень я жил раньше на даче, оч^{чень} люблю ее, и так как я вообще очень чуток к воспоминаниям прошлого, которые всегда имеют надо мной большую силу, то и теперь побывать в этой деревеньке — к тому же необыкновенно живописной — мне было оч^{чень} приятно.

Третьего дня, в день 10-летия со дня смерти Чехова, был в местном летнем театре на чеховском спектакле. Давали «Три сестры». Труппа неважная, но все-таки играли сносно, и можно было смотреть с некоторым удовольствием...

Вот пока и все мои новости.

Шлю Вам, Софья Андреевна, душевный привет, а также прошу передать привет Антонине Тихоновне.

До скорого свидания!

Искренно Вам преданный

В. Булгаков

44. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

7 апреля 1915 г. Ясная Поляна

7 апреля 1915 г.

Валентин Федорович, я занялась на досуге нашей библиотекой, кот^{орую} вы приводили в порядок, и вот я прошу ответить мне на след^{ующие} мои вопросы: 1) Переписаны ли были вами старинные книги в 24-м шкапу на двух *нижних* (5 и 6) полках? 2) Можно ли книги из самых различных шкапов поставить на их места, не нарушая вашего порядка, или же не трогать их? 3) С какою

целью взяли вы их из разных шкапов? Жалею, что лишена возможности общения и переговора личного с вами. — У нас в семье горе, умерли два внука: сын Ильи Льв<ович>а — Кирюша, 9 лет, и сын Мих<аила> Льв<ович>а — Миша, 5 лет. Сам Мих<аил> Льв<ович> хворал, но теперь здоров и завтра возвращается в свой полк. Тат<ьяна> Льв<ович>а что-то все хворает; она недавно ездила в Петроград. Весна холодная и скучная. У нас взбесился Том, и перестреляли всех собак, кот<орых> он кусал. Осталась одна Белка. Будьте здоровы и бодры. Д<ушану> П<етровичу> привет, если его увидите.

Графиня С. Толстая

45. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

24 апреля 1915 г. Тула

24 апреля 1915 г.

Дорогая Софья Андреевна!

Помимо того, что ниже Вы найдете в этом письме кое-какие «деловые» строки, я пишу Вам также и потому, что просто соскучился по Вас, мне кажется чем-то неестественным так долго не писать Вам. В самом деле, я говорю правду. И хотя я совершенно не уверен, увижу ли я еще когда-нибудь Вас в родной для Вас и в бесконечно милой для меня обстановке Ясной Поляны, с ее четырьмя прудами, белыми столбами, сиренью, «предками» в золоченых рамах и с ее великой могилой, — все-таки душою я не оторвал еще себя от этого мира, в котором провел последние 2 года и из которого непосредственно переселился в тюрьму¹. А возможно, возможно, что я — уже вечный из этого уголка изгнанник: какая-нибудь сибирская или другая северная деревушка могут *навсегда* заменить для меня и этот, и все другие уголки, которые я когда-либо знал. Я готовлюсь к этому. Скажу больше — готов к этому. — Все время, как я жил здесь, я чувствовал себя внутренне недурно, хорошо. В настоящее же время состояние мое особенно устойчивое: спокойное и радостное. Вы знаете, как любил Л. Н. поговорку: «fais ce que dois, advienne que pourra»². Мне кажется, что сознание мое действительно приблизилось к тому, о котором говорят и которое рекомендуют эти короткие слова. Да, пусть будет что будет. Исполняй только свой долг и в остальном полагайся на волю Божию. И эти слова — «воля Божия» — для меня и по сию минуту не только слова: в глубине души своей я чувствую присутствие Бога, свет Его любви меня питает. — Не скажу, чтобы я не жалел, напр<имер>, о том, что я уже не могу делать моих работ (их план, казалось, только-только развернулся передо мною). Ах, очень жалел! Но и эта жалость теперь почти вся в прошлом. Опять: «fais ce que dois, advienne que pourra!..» Жалел я и о работе над Вашей библиотекой. Что делать! М<ожет> б<ыть>, еще удастся

мне ее кончить? Или уже эту почти доведенную до конца и требовавшую только более тщательной отделки работу кончит другой? Не знаю. — Между прочим, я думаю просить Толст<овское> об<щест>во, не поручит ли оно хотя бы кому-нибудь из своих членов-адвокатов защищать меня на суде². Это — единств. возможность приблизить срок моего возвращения к работам Об<щест>ва. И это хорошо бы выяснить поскорее, т. к. нам могут скоро вручить обвин<ительный> акт, а заявление в Суде о защитнике требуется сделать тотчас же. Как Вы посоветуете мне, Софья Андреевна: могу ли я с такой просьбой обратиться к Т<олстовскому> о<бществу>?

Как поживают Т<атьяна> Л<ьвов>на, Танечка, все Львовичи, Ал<ександра> Л<ьвов>на, Антонина Тихоновна? Всем шлю самый сердечный привет, хотя и боюсь, что Андрей Львович на меня сердится. — Как Ваше здоровье, Софья Андреевна, и как налаживается работа с рукописями? Участвуете ли Вы в ней сами? — В заключение маленькая просьба: будьте добры распорядиться, чтобы при случае кто-н<ибудь> из Ваших посланных в Тулу завез мне мое пальто и обе шляпы: в поддевке и в Вашей шапочке уже очень жарко.

Пока — прощайте!

Душевно преданный Вам Вал. Булгаков.

(Мне нужно, для ускорения обращения корреспонденции, писать так: г. Тула, жандармское управление, для передачи в тюрьму политическому заключенному Валентину Федоровичу Булгакову).

P. S. Не откажите в любезности прислать мне с К. Н. мое пальто и обе шляпы. В. Б.

46. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

8 мая 1915 г. Тула

8 мая 1915 г.

Дорогая Софья Андреевна! Вашу открытку от 7 апр<еля> я получил *только сегодня*. На днях я послал Вам подроб<ное> закрытое письмо, а сейчас тороплюсь ответить на вопросы о библиотеке. 24-й шкаф описан *весь*, включая и 2 ниж<ние> полки. В ящик со всеми моими материалами и с книгами из разных шкафов можно поставить на места только описанные книги, а именно: В<еликого> К<нязя> Ник<олая> М<ихайлови>ча «Старец Федор Козьмич», сочинения Мультатули и учебник Смирнова «История Христ<ианской> Церкви». Остальные книги *не описаны*, мешать их с описанными было бы крайне нежелательно, описывать же их надо непременно по системе моей и Грузинского. М<ожет> б<ыть>, пока Вы найдете возможным оставить их в ящике? Когда выяснится мое дело и я увижу, что не смогу скоро вернуться

на свободу, я пошлю Грузинскому и Вам подробнейший отчет о том, на чем остановилась моя работа и с чего надо начать, чтобы ее продолжать! Нечего и говорить, как хотелось бы мне самому закончить дело описания библиотеки. Если же не смогу, сделаю все от меня зависящее, чтобы его мог лучше закончить другой: так, чтобы и печальный перерыв в работе никак на деле не отразился. Целую Вашу руку. Ваш В. Булгаков.

Как жаль умерших Кирюшу и Мишу. Ведь я знал их обоих.

47. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

12 мая 1915 г. Ясная Поляна

Ясная Поляна, 12 мая 1915 г.

Очень рада была получить от вас письмо, Валентин Федорович. Я нашла его в Ясной по возвращении из Москвы, куда уехала и Татьяна Львовна с дочкой. Поступила Тат<ьяна> Льв<овн>а в санаторию Щуровского, близ станции Подсолнечное; здоровье ее так стало плохо, что пришлось серьезно им заняться. Меня это очень огорчает. Был у меня сегодня и вчера сын Андрияша, кот<орый> получил повышение по службе¹ и опять уехал в Петроград. Остались мы пока жить вдвоем с Ниной. Миша на войне; у них умер 5-летний сын Миша. А у Ильи умер его 9-летний сын Кирюша, что очень огорчило мать и всех нас. Саша все еще на войне в Каракелиссах, и вид страданий больных и раненых ее очень утомил, хочет на время приехать отдохнуть и повидаться с нами. Меня иногда мучает совесть, что я вас удерживала от стремления вашего идти в санитары². Мне хотелось, чтоб вы кончили работу в библиотеке, а потом шли бы на доброе дело ухода за страждущими. Жаль! Хотя вы пишете, что бодры и готовы переносить всякие невзгоды, но, конечно, вам очень тяжело, и я жалею вас всей душой, хотя продолжаю *не* сочувствовать вашему поступку³.

Вчера еще, вернувшись из Москвы, я написала сыну Сереже о том, о чем вы просите, т. е. что не может ли Толстовское общество найти вам защитника и поспешить с этим делом. С своей стороны я хлопотать не могу, не знаю как; слышала, что в Москве хлопочут об этом. Татьяна Львовна много трудилась, но теперь она бессильна по нездоровью.

Очень жалею я милого, кроткого и самоотверженно-деятельного Душана Петровича. Упрекаю вас, что вы подвергли его такой участи и взяли его подпись⁴. Весь народ вокруг Ясной очень жалеет его и бедствует без медицинской помощи. Вчера был случай на деревне, где нужна была немедленная хирургическая помощь, а подать ее некому, и вероятно больной умрет. И много таких случаев, и это на вашей совести. И самого его, Душана, жаль; он немолодой, слабый.

Вашу мать я, к сожалению, не видала, мне бесконечно жаль ее⁵. Почему вы решили, что то, что вы сделали — это *fais ce que doit*⁶... а может быть, совсем не *doit*, т. е. не нужно было.

Впрочем, простите; вместо утешения я только расстроиваю вас. Помогите вам Бог до конца вынести то, что вы переживаете, и продолжать верить в пользу ваших мыслей и поступков.

Живу я грустно, за всех болею сердцем и чувствую свое 70-летнее бессилие во всем. — Ниночка вам кланяется, а я желаю всего лучшего.

Вы спросили о судьбе рукописей. Я все свезла в Рум<янцевский> Музей⁷, но ничего не разобрано, не готово помещение. Прощайте, Бог даст, когда-нибудь увидимся, хотя у меня уже нет будущего.

Преданная вам

С. Толстая

48. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

20 июня 1915 г. Тула

20 июня 1915 г.

Дорогая Софья Андреевна!

Я давно уже получил Ваше письмо, о котором Вы говорили мне при личном свидании. Искренно благодарю Вас за него. Приятно было мне получить сведения о членах Вашей семьи, — то, что Вы не досказали в короткое время свидания. — Что касается вопроса о защитниках, то он выяснен вполне. Защитниками нашими будут: В. А. Маклаков, Н. П. Карабчевский, Б. О. Гольденблат, П. Н. Малянтович, Н. В. Тесленко, Н. К. Муравьев и М. Л. Гольдштейн. Об именах этих я знаю от матери и от Гольденבלата. Каждый из нас, обвиняемых, должен заявить о допущении к его защите всех семи адвокатов. — На днях же я получил письмо от А. Е. Грузинского, *ответ на мое*. Личные недоразумения между нами мы, слава Богу, покончили совсем. Он пишет, что постарается убедить Толстов<ское> об<щест>во оставить право окончить описание библиотеки за мной (это он решил сам, без всякой моей просьбы) и что, во всяком случае, Об<щест>ву необходимо подождать результатов суда надо мной. Это тем более не может быть стеснительно для Толстов<ского> об<щест>ва, что все равно во время войны трудно искать у публики интереса к изданию описания в свет и что, таким образом, «время терпит». В самом деле, м<ожет> б<ыть>, мне и удастся освободиться не через слишком продолжит. срок. Тем не менее я высказал Грузинскому свое желание составить объяснительную записку по поводу моей работы, с подробнейшими указаниями, на чем работа остановилась, с чего нужно ее продолжать и т. д., и т. д. Он оч<ень> одобрил эту идею и предложил послать эту записку прямо в Правление Толст<овского> об<щест>ва. Я так и сделал: подробнейшая записка составлена и уже отослана мною Об<щест>ву. Следовательно, если

не удастся окончить описания библиотеки мне, другое лицо, с моей запиской в руках, сможет заменить меня. Мысль об этом теперь успокоила меня за судьбу описания. Грузинский прибавляет, между прочим, что *пока* никто не должен трогать оставленных мною в Я<сной> П<оляне> материалов по описанию библиотеки без разрешения Толст<овского> общ<ества>. Я тоже думаю, что это было бы необходимо, т. к. иначе весь план моей работы может быть нарушен, и это непоправимо повредит делу, в важность и полезность которого я *очень* верю. — О нашей переписке с Грузинским, да и вообще о всех своих делах, писал я на днях Сергею Львовичу. Мне давно хотелось ему написать. Он — тоже одно из тех лиц, которые своим добрым участием ко мне так трогают меня здесь. Недавно с С<ергеем> Л<ьвови>чем виделся в Москве мой брат, и мама пересказывала мне подробности этого свидания.

— Чувствую я себя *очень* хорошо: вполне спокойно. Много читаю. Пишу. Даже стихи пишу! Вот образчик (слабый, как и все), написанный на слова из 2-й ч. «Фауста»: «O, Mutter, Mutter! 's klingt so wunderbar!»¹ —

Великие уста провозгласили,
Но лишь шепнули снова тот же стих,
Когда о смысле странных слов спросили.
К таинственным и дивным существам,
Праматерям, источникам вселенной
Свой возглас относил и Гёте сам,
И все, толпой коленопреклоненной.
А я, к кому вчера нежданно мать
В темницу из-за тысяч верст явилась,
Чтоб нежной лаской сына поддержать,
И перед ним от слез остановилась, —
Я, видя светлый взор и в глубине
Души прекрасной скрытое страданье,
Всю близость с ней почувствовал вполне,
Поняв всю жизнь ее — одно терзанье, —
«O, Mutter, Mutter! 's klingt so wunderbar!» —
Воскликнуть был готов не о начальных,
Мистических, а о живых, земных,
О наших матерях многострадальных.

Мать моя сейчас все в Москве, у брата. Туда же приехала сестра. Они были у меня недавно. Не знаю, соберутся ли они в Я<сную> П<оляну>. Кажется, мама стесняется Вас беспокоить. Впрочем, обе они скоро уедут домой.

Пока позвольте пожелать Вам, Софья Андреевна, всего, всего хорошего! Искренний привет мой Ант<онине> Т<ихонов>не. Душевно преданный Вам

В. Булгаков.

49. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

8 августа 1915 г. Тула

8 августа 1915 г.

Дорогая Софья Андреевна, шлю сердечный привет! Как Вы поживаете? Последние вести о Вас я получил уже довольно давно от сестры. Благодарю Вас за память и за добрые пожелания, присланные с ней, а также за добрый прием ее в Я<сной> П<оляне>: она, конечно, очень радовалась, вновь, и притом летом, побывавши там. Не беда, что она забыла привезти мне мои ботинки, за которыми, по ее словам, и поехала! Среди поэтической обстановки «толстовского гнезда» ей было так хорошо, что немудрено было позабыть о такой прозе, как ботинки...

В Ясной ли по-прежнему Татьяна Львовна, Танечка, мисс Уэллс, Антонина Тихоновна? Я всех вспоминаю часто и приветствую. Увижу ли когда-нибудь?!.. — Недавно получил письмо от Сергея Львовича в ответ на мое, очень обрадовавшее меня — и отношением ко мне, и хорошими, интересными мыслями. Вот и он говорит, что тяжело переживать все происходящее. И я часто думаю, что нас, сидящих здесь, железная решетка как-то облегчает: нет такого сильного чувства личной ответственности, потому что предпринять все равно ничего не можешь. — Между прочим, я жду теперь результата нового прошения матери прокурору Москов<ского> военно-окр<ужного> суда об освобождении меня на поруки. Тюрем<ный> врач засвидетельствовал мое нездоровье (хронич<еский> катар желудка, явное малокровие, невращения). Одно время затеплилась, было, слабая-слабая надежда, что хоть недели на две до суда выйду на свободу, увижу Ясную, всех вас... Но... надежда затеплилась и, в сущности, уже потухла, хотя ответа от прокурора еще не было. — Моя мать и сестра уже в Сибири. В прошлом письме я послал Вам стихи по поводу приезда матери (на тему из «Фауста»: «O, Mutter, Mutter! 's klingt so wunderbar!»). Получили ли Вы это письмо, Софья Андреевна? — Вообще я себя чувствую оч<ень> хорошо. Занят, как могу. Порядочно читаю. На этих днях попался мне в № 7 «Журнала для всех» за 1905 г., в воспоминаниях Б. Лазаревского о Чехове, такой отзыв о Чехове Льва Ник<олаевича>, слышанный будто бы Лазаревским в Я<сной> П<оляне>, в сент<ябре> 1903 г.:

— «Чехов... Чехов — это Пушкин в прозе. Вот как в стихах Пушкина каждый может найти отклик на свое личное переживание, такой же отклик каждый может найти и в повестях Чехова. Некоторые вещи положительно замечательны... Вы знаете, я выбрал все его наиболее понравившиеся мне рассказы и переплел их в одну книгу, которую читаю всегда с огромным удовольствием».

— Мне интересен и самый отзыв, и сообщение о любимых Л. Н-чем чеховских рассказах, переплетавшихся якобы для Л. Н-ча в особый томик. Неужели это правда? Я даже *по обязанности своей* заинтересовался им, т. к.

при описании библиотеки, помнится, он мне не попался. Не знаете ли Вы, Софья Андреевна, об этом томике любимых Л. Н-чем чеховских рассказов? Что касается отзыва Л. Н-ча о творчестве Чехова, то мне однажды довелось услышать противоположный, *неблагоприятный* отзыв Толстого о Чехове. Интересно бы узнать истинное мнение Л. Н-ча. Какое у Вас сложилось общее впечатление об отношении Л. Н-ча к Чехову? Мне сейчас особенно любопытно было бы узнать это, т. к. я только что прочел 5 томов Чехова, и многое мне *очень, очень понравилось*. Если только не в труд Вам, Софья Андреевна, в свободную минутку черкните о толстовско-чеховском вопросе словечка два.

Кончая письмо, позволю себе передать Вам, по просьбе А. Медведева (когда-то помогавшего мне в библиотеке), его почтение. (Мне он пишет, что «часто и с почтительной любовью вспоминает» о Вас.) Увы! — писать негде. Рад был бы получить весточку от Вас. Целую Ваши руки.

Ваш Вал. Булгаков

50. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

13 августа 1915 г. Ясная Поляна

13 августа 1915 г.

Получила сегодня ваше письмо от 8 августа, дорогой Валентин Федорович. Огорчилась, что здоровье ваше так стало плохо. Еще бы! столько месяцев тюрьмы! Но и без тюрьмы люди измучились и изнервничались от этой ужасной войны, избежать которой не было и нет возможности. В настоящее время сердце мое отдыхает, пока Миша с семьей в деревне, отпущен на поправку после тяжелой кишечной болезни. Саша же пока здорова, ехала уже домой, но дорогой заболел вновь сопровождавший ее в трудах — Онисим Денисенко¹ и они задержались в Тифлисе. Две Татьяны с мисс Вельс в Кочетах, поехали к 8-му августу, дню годовщины смерти Михаила Сергеевича². У меня гостила 5 недель Н. А. Лютецкая и уехала раньше срока ее отпуска, потому что соскучилась *по мясу*. Странные бывают люди! Рядом тысячи людей истинно страдают от разных причин. А при нашем вегетарианском роскошном столе *страдать* трудно.

Вы спрашиваете меня, был ли переплетен особый томик любимых Львом Николаевичем сочинений Чехова. Я совсем этого не помню. Помню, что Л. Н. очень любил Чехова, но вдруг что-нибудь ему не понравится, он отзовется о Чехове отрицательно.

Стихи ваши трогательные я получила и прочла с удовольствием. Вы, верно, знаете тоже сочинение «Мать», переведенное на множество языков³. Трогательно и стихотворение Некрасова, в котором он пишет, что самые тяжелые и горькие слезы «то слезы бедных матерей»⁴. Хорошо, что хоть

кто-нибудь на свете это понял. А то большинство к матерям относится или совсем равнодушно, или с насмешечкой, что матери чего-то *не понимают* и чему-то не сочувствуют.

Перечла еще раз ваше письмо, и, к сожаленью, о Чехове мало могу сообщить. Помню, что одно время Л. Н. очень им восхищался, но потом как будто стал холоднее к нему относиться. Да ведь последнее время жизни своей он вообще интересовался больше книгами духовного и философского содержания и изредка читал другое.

Была я вчера в Овсянникове, видела Ивана Ивановича Горбунова и его семью; они все милые и занятые люди. Он очень много работает в своем «Посреднике» и в изданиях «Маяка»⁵.

Сегодня едем с Антониной Тихоновной к ее родителям, поздравить батюшку Тихона Агафоновича с днем его именин. Ант<онина> Тих<оновна>а живет со мной и просила меня вам кланяться. Она по моему примеру рисует полевые цветы Ясной Поляны и очень хорошо. Сама я специально ничем не занята; приказчика Юр<ия> Ив<ановича> взяли ведь на войну, и я должна хозяйством заниматься. В эти дни составляла каталог мелких брошюр Льва Ник<олаевича>, которые служили мне матерьялом для моего 12-го издания⁶. — Жизнь наша очень тиха, однообразна и грустна. Мировые события измучили всех. Мы много гуляем, ходим за грибами, которых очень много было, так же как яблок. — Мало интересно мое письмо, и ничем не могу ни утешить, ни подбодрить вас. Вы молоды, может быть, еще много вам радости впереди. А мы, старики, в горе потухаем. Жму вашу руку и желаю всего лучшего.

Преданная вам

Софья Толстая

51. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

28 сентября 1915 г. Тула

28 сент<ября> 1915 г.

Дорогая Софья Андреевна! Я все не писал, п<отому> ч<то> в конце августа мать и брат подали мне надежду на мое скорое освобождение, и я все ждал ответа из в<оенно>-о<кружного> суда. Но ответа нет, и я решил, не откладывая, сообщить Вам о получении письма Вашего от 13 авг<уста>. — Как Вы порадовали меня! И сообщениями об общих близких знакомых, и описанием отношения Л. Н. к Чехову, и прежней, столь ценимой мною, добротой ко мне. М<ожет> б<ыть>, придет время, когда взбаламученное море успокоится, и я встречу Вас еще, и при других (хотел бы, чтобы при таких же, как когда мы вместе работали в Ясной Поляне над литературным наследием Л. Н-ча) условиях...

Живу я по-прежнему, внешне однообразно, но вовсе не скучая. Между прочим, занялся сейчас перечитыванием *всего* Пушкина. За ним пойдут — Лермонтов и Тургенев. Я рад, что все это явилось возможным получить. Пока — до свиданья! Целую Вашу руку. Мой большой поклон А<нтонине> Т<ихонов>не и всем домочадцам.

Ваш В. Булгаков

52. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

7 октября 1915 г. Ясная Поляна

7 октября 1915 г.

Сегодня получила ваше письмо от 28 сентября, дорогой Валентин Федорович, и рада была узнать, что вы здоровы и не слабеете духом. Скоро будет то роковое число (28), в которое ушел из дому Лев Николаевич и в которое увезли вас¹. Год в тюрьме! как это должно быть тяжело. Сегодня принесли мне из флигеля, где поселилась с дочкой и англичанкой Татьяна Львовна, целый большой ящик с книгами и два небольших с периодическими изданиями. Этот ящик был привезен еще из Москвы, и теперь я должна все это разобрать, распределить по еще не занятым полкам в шкапах, перенесенных из флигеля. Работа мне предстоит большая, я надеюсь на помощь Антон<ины> Тих<оновн>ы, но сколько раз помяну вас и пожалею, что не вы исполните эту скучную работу, которую вы исполняли так добросовестно. Я не помню, что в этом ящике, кажется, больше учебники; их надо просто бросить.

Я очень надеялась, что ваша бедная мать, столько огорчавшаяся, выхлопочет взять вас на поруки, да, видно, неразрешимо и ей. А когда будет конец нашим ожиданиям о решении вашей участи и участи Душана Петровича — неизвестно.

Вернулась моя Саша с войны, получила Георгиевскую медаль за свою службу сестрой милосердия, и, отдохнувши и поправив здоровье, снова стремится на войну в том же звании сестры милосердия. Миша мой тоже на войне в Дикой команде², там же, где Великий Князь Михаил Александрович, о котором он говорил с большого любовью и уважением, и я рада, что Миша в таких счастливых условиях. Его две дочери, 12 и 10 лет³, гостят сейчас у меня в Ясной Поляне, чему очень рада Танечка Сухотина. Навещал нас раза два Андрияша; он на службе в Петрограде, и на днях едет туда и его семья. Сережа в Москве с семьей, Илья где-то путешествует по России по своим делам, а сын его, Андрей, на войне получил два Георгия, чин прапорщика и еще что-то, и его все очень хвалят и за храбрость, и за хорошее поведение, и я рада, что, взявши на себя известный долг, он его исполняет хорошо.

Брат его Миша в плену у австрийцев, а еще брат Илюша плавает у берегов, кажется, Японии.

На Засеке поместили 400 человек беженцев. Я им хочу послать картофелю и капусты. По вечерам мы все шьем рубашки детям беженцев и делаем респираторы от удушливых газов, пускаемых немцами.

Люди у меня живут все те же, только приказчика взяли на войну, хозяйничает садовник, жена приказчика и я, что очень мне скучно и трудно.

Ну вот все я вам написала из моей несложной жизни. Собираемся читать вслух романы Сенкевича.

Хорошо, что у вас есть возможность читать русских авторов; это и приятно и воспитательно. А вы по натуре филолог и литератор; только бы скорей вас выпустили. Нельзя ли как-нибудь помочь?

Жму вашу руку, дай Бог вам бодрости и здоровья.

С. Толстая

53. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

23 октября 1915 г. Тула

23 октября 1915 г.

Дорогая Софья Андреевна! Сердечно благодарю Вас за письмо от 7 октября. Приятно было узнать все новости о *Толстых*. Между прочим, только из этого письма я понял и ясно представил себе, что Татьяна Львовна поселилась в Ясной Поляне, в флигеле. Воображаю себе флигель преображенным, и очень бы хотелось заглянуть в наверное уютный уголок одним глазком. Читая о военных отличиях молодого Андрея Ильича, я вспомнил, как прощался с ним в Ясной перед отъездом его на войну и мы оба высказали надежду встретиться там, когда я приеду санитаром. Случилось иное... Да, 28-е число близко. Трегубов видит особое, мистическое знамение в том, что меня взяли именно в этот день, — день «ухода» Л. Н-ча. Я только посмеиваюсь этому совпадению. Но приближающаяся дата невольно заставляет думать об *итоге* 365-дневного заключения. И, право, я считаю этот итог хорошим для себя в разных отношениях. Это было — испытание, экзамен, новый опыт, новые «ума холодные наблюдения и сердца горестные заметы»... Моя жизнь и до тюрьмы далеко не была непрерывным беспечным праздником, а между тем в конце концов из меня выработался неисправимый оптимист, каковым, пока что, я и пишу Вам это письмо. Итак, не смотрите грустно на мое положение. — Дело о поруках стоит в таком виде. 28 сентября брат писал мне из Москвы: «Был еще раз у прокурора в <военно>-<кружного> суда. Мне сказали, что дело ваше скоро пойдет на заключение и что возможно благоприятное разрешение

вопроса о поруках, и не только относительно Маковицкого и других, но и тебя с Трегубовым, хотя вас и считают главарями...» Прошел еще месяц этого «скоро», тянущегося уже довольно давно. Терпение мое готово тянуться еще того дальше. То же надо сказать и о Д<ушане> П<етровиче>, который, сколько я знаю, чувствует себя внутренне наилучшим образом. Его здоровье, слава Богу, тоже удовлетворительно. Я вообще думаю, что наше (не буду говорить о старике Д<ушане> П<етровиче>, но о себе, по крайней мере) положение в тюрьме гораздо легче, чем это кажется со стороны нашим друзьям и близким. Моя мать, напр., пишет на днях, что она чувствует себя «хуже, чем в тюрьме». И, разумеется, в *самой тюрьме* нет для меня ничего неприятнее и более грустного, чем подобное впечатление, производимое ею на мать. А бабушка моя — та до сих пор совсем не подозревает, где я, постоянно расспрашивает сестру и маму, как я поживаю в Ясной Поляне с Софьей Андреевной, — те расписывают ей всякие небылицы в лицах, передавая вместо моих писем то, что придет в голову... А сказать правду нельзя: такое «несчастье» с любимым внуком убьет больную старушку. — От Пушкина я в восторге. Вы сейчас по вечерам читаете вслух за круглым столом. Включите в программу этих чтений «Медного всадника», — в мое воспоминание, чем доставите мне большое удовольствие. Кажется, это лучшее, что написал Пушкин: совершенно оригинальный сюжет, глубоко, сильно, удивительно психологически правдоподобно — и какое совершенство формы!.. — Рекомендую перечитать «Медного всадника», я в то же время хочу быть непозволительно дерзким: в этом же письме послать Вам сочиненное в тюрьме, еще в июле, длинное ст<ихотворе>ние гекзаметрами. Великодушно простите! Посылаю только для того, чтобы из него Вы могли почувствовать еще одну сторону нашей жизни здесь: общение с природой через те дырочки и щели, какие еще между нами и ею остаются.

Пока до свидания! Я должен еще просить у Вас прощенья, что не поздравил Вас с днем рождения. Но я помнил его и думал о Вас. Всего хорошего, Софья Андреевна! Примите мою благодарность, что не забываете меня. Александре Львовне, Татьяне Львовне, Танечке, мисс Уэллс, Антонине Тихоновне прошу передать мои приветствия и лучшие пожелания. 28-го и 7-го незримо буду в Ясной Поляне.

Любящий Вас

Вал. Булгаков

Большой мой поклон Илье Васильевичу.

Бывают ли посетители на могиле и в доме? Хорошо ли и много ли расходуется брошюра Сергея Львовича о Ясной?..¹ Кто и как вспомнит Л. Н-ча 7-го, в *пятилетие* со дня смерти? Интересно бы узнать.

Матери-природе

Строена крепко тюрьма. Кирпичей не жалели на стены,
Ни на ограду высокую, в пять четвертей толщиной,
Прочны замки на дверях и решетки железные часты...
Наглухо заперты мы! Все ж, однако, я вижу всегда
Иль сквозь решетку в окно, иль открыто во время прогулки
Узким двором, над собой, между стен, голубой небосвод.
Вечный, прекрасный! Тебя-то от нас уж никто не отнимет.
Так невозможно сознание Бога отнять, что в душе —
Мыслей, и чувств, и забот всех превыше — как небо, сияет.
В тусклые стекла иль в форточку я любовался не раз
Долгой зимою на пышный закат и на вид деревяньки
С церковью белой, окрашенной вечером в розовый цвет,
С рощей старинной и чистеньким домом священника подле.
Вон далеко по дороге, чернея, лошадки трусят,
Все запряженные в дровни: домой мужички поспешают;
Утром проехало много их в город, сегодня — базар.
Мирные в душу картины теснятся... А часто, бывало,
До свету вставши, гляжу, как заря занимается: вдрут
Белый оконный косяк загорается отблеском алым,
Двух этих красок сиянье аккордом торжественным, звучным
В душу вливается, зренье чаруя. — Природа-краса,
Сердцу довольно и этого, чтобы тобой насладиться!
Зимушка старая, сердисься что ты? Морозы кряхтят,
Вьюги метут да метут, и в сугробах весь двор утопает.
Вьюги метут... Но однажды я вышел, одетый тепло, —
Боже! — Капель. Крыши мокры и черны, и грязны дорожки,
В воздухе ж теплом и влажном и свежем — весть о весне!..
Галок откуда-то много взялось, и теперь ежедневно
Я из окна за двумя наблюдаю: то — муж и жена.
Заняты оба усердно постройкой жилища, — но где же? —
В банной трубе. Ведь заметили, хитрые, как-то, что печь
Эта не топится вовсе и что над трубой не клубится
Синий дымок. Ну, и тащут туда всякий хлам для гнезда.
Сядет на край, а там — юркнет в трубу, только хвостик ткнет в небо.
Злы люди. Птичьей невинной работе зачем бы мешать?
Верно. Но вот человек как-то лезет на крышу, на баню,
Влез и железным листом поплотней накрывает трубу.
Галки, потерян ваш труд! Не кружитесь, не вейтесь, ступайте
В новую сторону — лучшей удачи и счастья искать.

Вот прилетели грачи в подкрыльях, как в черных шальварах.
Важно, вельможами по двору ходят. Знать, близко весна!
Частые дождики все моросят, и весь снег почти стаял.
Возле дорожек, на грядках цветочных, примятых, кой-где
Свежая травка видна. И все глубже лазурное небо!
Выставил раму, окно распахнул я: звенящей волной
Воздух и свет полился, и в камере стало просторно!..
Вижу: деревья оделись прозрачным зеленым пушком, —
Гуще да гуще пушок, уж от церкви видна лишь верхушка...
Солнышко ж греет и греет... И вот как-то в теплую ночь,
Средь тишины, раздается вдали соловьиная песня!..
С этого вечера долго, всю весну, из темных кустов
Трели лились соловьиные, радуя узников сердце.
Ласточек рой острокрылый кружился над нашей тюрмой:
Маленькой темною тенью скользя по воздушной дороге,
Быстро и смело они прорезали пространство собой;
Их щебетанье веселое слышалось целое лето,
Будто покинуть нас в горе певуньям казалось жаль.
Раз, возвращаясь с прогулки, я глянул в окно коридора, —
Что ж? На кладбище белеет цветущей черемухи куст!
Мимо ж тюрмы, вдоль ограды, два мальчика в летних рубашках
Тихо идут: у того и другого прелестный букет
Тоже из веток пахучих черемухи. — Дайте мне, дайте!
Свежих цветов ароматом хочу я упиться!.. Но нет,
Судьбы несходные, детки, у нас и различны дороги:
Мирно идите, резвитесь! Я ж, право, доволен и тем,
Если сердечную радость могу испытать от сознанья
Вашего счастья — наивного краткого детской поры. —
Бабочка желтая вкруг головы облетела, играя...
Птенчик-воробышек мне на дорожке попался, худой,
С голым брюшком и подшибленной ножкой. Я в камеру, было,
Думал его отнести, накормить, приютить и согреть
Этою близостью теплого маленькой трепетной жизни
Сердце свое одинокое, но, подобравши птенца,
Мать-воробья я заметил, тревожно, с чириканьем, мимо
Два или три пропорхнувшую раза. Тогда я пустил
Птенчика. Надо ль мешаться мне в жизнь воробьиною? Полно! —
Как ни слаба крошка-мать, а родное дитя сбережет.
Клонится время все дальше. Громовые грозы грохочут,
В небе зарницы сверкают, и ливни, и грады идут.
Рожь за деревней желтеет, а близко, «у нас» в огороде,

Темно-зеленый картофель, капуста — стальной полосой
Черную землю покрыли. Полоска картофеля скоро
Белыми сплошь запестрела цветами, а там, вдалеке,
Клевер скосили уже, да рожь убирать начинают.
Вон, словно шапки, снопы по жнивью раскидались... И как
Скучно мне станет глядеть на тюремные серые стены,
Голые, да на некрашенный пол, да на черную дверь, —
Тотчас к окну подойду и на виде прелестном и милом
Всею душой отдыхаю я. Сколько я раз за него
Господа благословлял, и поныне все благословляю!..
Ночью же в легкой рубашке к решетке в окне припадешь:
Бездну глубокую темного неба и в ней излученья
Чудных светил созерцаешь — тот вечно горящий алтарь, —
Станет на сердце легко и торжественно, дух воспаряет
К звездам прекрасным, он — там, среди них, и не давит тюрьма!
Нет, не замкнуться никак и нигде не укрыться вам, люди,
Персти сыны, дети земли, от тех благ, что природа всем смертным дарит,
Мощным дыханием и за тюремной стеной ободряя,
Дивно внушая сама эту песнь намогильным цветам.

В. Б.

21 июля 1915.

По написании этого письма получил от брата новое письмо. Содержание его (о нашем деле) излагаю на открытке, которую посылаю сегодня же.

54. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

24 октября 1915 г. Тула

24 октября 1915 г.

Дорогая С. А.! Открытка эта — P. S. к длинному-длинному письму, посылаемому сегодня же. Написал его и вдруг получаю письмо от брата о нашем деле. Оказывается, что вопрос об освобождении нас на поруки зависит от командующего войсками Московского военного округа. Прокурор суда составил так наз. «заключение» по нашему делу и передал его командующему в войсках ми. Ответ должен быть через 2-3 недели. В «заключении» этом, переписывавшемся на машинке целую неделю, деяния наши приравниваются, как сказали брату, к «выборгскому воззванию» членов 1-й Государственной Думы. Если не отпустят нас на поруки, то придется посидеть в тюрьме до суда еще месяца два. «Все на благо...»¹ — кончу письмо последними словами последнего дневника Л. Н-ча.

Ваш В. Булгаков

55. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

16 марта 1916 г. Москва

Бол. Алексеевская, д. 30.

16 марта 1916 г.

Дорогая Софья Андреевна!

Надеюсь, Вы не посетуете, если я поделюсь с Вами некоторыми из первых моих московских впечатлений.

Был в общем собрании Толстов<ского> об<щест>ва. Из 200 членов собралось всего 11 человек. Среди них были: Сергей Львович, кн. Голицын, И. И. Горбунов, Грузинский, Богданов и др. Председательствовал проф. Новгородцев, с к<оторым> мне приятно было познакомиться: оч<ень> любезный и умный человек. Грузинский запоздал, а сначала было прочитано его письмо о том, что описание библиотеки закончено. Я сделал к письму добавления. Новгородцев, как председатель, выразил мне благодарность за работу и отметил, что ее значение огромно. Его внимание и мнение я оч<ень> оценил, т. к. это мнение не профана, а оч<ень> культурного, развитого, ученого и вообще понимающего человека. Из других вопросов интересен был касавшийся Хамовн<ического> дома. Решено следить за его состоянием, причем расходы по ремонту просить городское управление взять на себя. Но этого мало. Я, И. И. Горбунов и библиограф Боднарский подняли вопрос о том, что необходимо ускорить постройку собств. здания музея. В. М. Голицын поддержал нас, и собрание постановило, даже не считаясь с военным временем, поручить Правлению Об<щест>ва собрать необходимый материал о желательном виде и устройстве здания музея, а затем представить этот материал в Моск<овское> гор<одское> управление, с ходатайством о неотложном осуществлении постройки. После собрания Голицын отвел меня в сторонку и спрашивал, неужто нельзя надеяться, что пожертвованные Вами в Румянц<евский> музей рукописи и др. предметы вернутся в центральный Толстов<ский> музей? Я ответил, что, по-видимому, нельзя, но что если здание музея будет построено, то можно вполне надеяться получить новые ценные вклады как от гр. Софьи Андреевны, так и от других лиц. «Знаете, — сказал Голицын, — ведь эти пожертвования в Румянц<евский> музей и Александры Львовны — в Академию наук — собственно говоря подрывают существование Толстовского общества!» Я согласился с кн. Голицыным и стал просить его употребить его влияние в городских сферах в пользу скорейшего благоприятного разрешения вопроса о постройке городом здания музея, и, кажется, Голицын намерен это сделать.

Словом, хоть собрание было и малоллюдно, но продуктивно, и я не раскаиваюсь, что из-за него рано приехал в Москву.

Был я у Ольги К<онстантинов>ны¹. Письмо Сонечке² передал, а альбом еще нет, п<отому> ч<то> зашел к ним из другого места, нечаянно, не захватив

альбом. Подарку Вашему и письму Соня страшно рада. Оч<ень> довольна и О<льга> К<онстантинов>на. — Дети оч<ень> поразили меня той трогательностью, с к<оторой> относятся они к памяти Андрея Львовича. Я сидел около постели больной (печенью) Сони, Илюша обнимал меня, и разговоров только и было что об А<ндрее> Л<ьвови>че. Мне показали, как реликвии, все вещи, вывезенные из Петрограда: орла на белом мраморе, ручку с пером Ан<дрея> Л<ьвови>ча, чинилку для карандашей, зеркало, а также предсмертные его подарки: двое золотых часов. На мраморе Илюша хранит каплю стеарина, п<отому> ч<то> «е, наверное, капнул папа». Ручка с грязным пером завернута в бумажку и не употребляется. На чинилке — следы зеленых карандашей, которыми, по словам Илюши, последнее время пользовался его отец. Илюша не хочет стирать этот след, для чего отвинтит ножичек, запачканный зеленым, будет хранить его, а для своего употребления привинтит новый. Рассказали также мне дети, что есть у них старое седло, которым когда-то Ан<дрей> Л<ьвови>ч пользовался, будучи сам мальчиком и которое потом подарил Илье; они при жизни отца хотели продать это седло, «но теперь, конечно, продавать этого седла нельзя», — добавил серьезно и просто Илюша. В свою очередь я должен был рассказать детям, как я ездил к А<ндрею> Л<ьвовичу> в Топтыково, о чем мы там говорили, что делали, в какой комнате я спал и т. д. Внимание их было совершенно исключительное. Подробно и с живым интересом расспрашивали они меня и про Ясную Поляну, которую они очень любят.

Между прочим, передали они мне, что в Ясной Поляне, в павильоне, есть чей-то неоконченный портрет Ан<дрея> Л<ьвови>ча. (Я сам видел этот портрет.) Так, оказывается, когда они жила в Ясной, маленькие, то оба, Соня и Илюша, тайком бегали к павильону и в окошко смотрели на портрет отца... Они спрашивали, лежит ли портрет по-прежнему в павильоне, и я по глазам их видел, что им оч<ень> хочется взять портрет из пыли и повесить его у себя на стене. Если б это можно было как-нибудь устроить, дети, наверное, были бы счастливы.

Альбом же отнесу Соне не сегодня-завтра и, вероятно, после этого она сама будет писать Вам.

У Серг<ея> Л<ьвови>ча спрашивал о Румянц<евском> музее. Он сказал, что был там и обо всем Вам напишет.

Сегодня у Муравьева — совещание подсудимых и некоторых свидетелей.

Видел наше воззвание на немецком и английском языках. На французском тоже есть, но у Трегубова, с к<оторым> я еще не встречался.

Брат мой до того увлекается кооперацией в большом селе Владимирской губ., что даже на наш процесс идти не хочет. К тому же он держит государ<ственный> экзамен и оч<ень> занят.

Остановился у брата в Космодемьяновском пер., но адрес мой (на всякий случай) — на Бол. Алексеевскую.

Дима Чертков вчера заболел. Приехал Г. М. Беркенгейм и нашел, что у него брюшной тиф, — надо надеяться, однако, что в легкой форме.

Не откажите в любезности, Софья Андреевна, сообщить Татьяне Львовне следующее. Я справлялся в военно-окружном суде, может ли Татьяна Львовна приехать на второй или на третий день нашего процесса. Мне сказали, что может. С формальной же стороны полагается обставить это так. Следует об этом известить председателя суда телеграммой, а явившись, представить свидетельство врача о причине запоздания — болезни.

Вот пока все, что я, как добросовестная газета, могу сообщить Вам. Когда начнется процесс, буду извещать Вас о ходе дела.

Пока всего хорошего! Главное будьте здоровы. Мой сердечный привет Льву Львовичу, Татьяне Львовне, Антонине Тихоновне, мисс Уэллс.

Целую мою бывшую ученицу³. Как-то ее дорогое здоровье?

Ваш Вал. Булгаков

P. S. Забыл написать. Сергей Львович просил передать Вам, что было бы нужно и хорошо, по его мнению, послать Грузинскому 2-е издание Писем Льва Николаевича к Вам⁴.

Извините, пожалуйста, что в этом письме я сделал столько помарок.

В. Б.

56. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

17 марта 1916 г. Ясная Поляна

17 марта 1916 г. Ясная Поляна

Дорогой Валентин Федорович, получила сегодня ваше длинное и очень интересное для меня письмо. Об отношении моих внуков к памяти Андрюши, их отца, я не могла без слез читать, и вызвало во мне уважение и любовь к Ольге, их матери. Несмотря на то горе, которое причинил ей поступок Андрюши по отношению к его первой семье, она не только не нарушила любви детей к отцу, а воспитала их в этом чувстве. И это так хорошо!

Портрет Андрюши, написанный, но не конченный художником Орловым, лежал на шкапу в комнате Антонины Тихоновны. Он немного попорчен, прорван в двух местах. Я свезу его в Москву, когда поеду, и дам реставрировать и куплю раму. Детям не отдам пока; пусть будет в Ясной Поляне, где уже много фамильных портретов. Теперь мне особенно дорог портрет Андрюши. Думала ли я, что переживу его.

У нас все по-старому; по вечерам с Левой и Антониной Тихоновной читаем книгу «К жизни» Мильфорда. Из дому не выхожу, так скользко, что падаю; снегу еще много, езда невозможна ни на чем, глубокие просовы, вода

в низах, и пасмурно, скучно! В Москве в это время года лучше: сухо и больше похоже на весну, а у нас мрачно. Да мне теперь и везде мрачно.

То, что вы пишете о музее, мне досадно. Ведь когда умер Толстой, войны не было. Пять лет бездействовали, а в то же время в Москве воздвигались десятки огромных домов. И даже теперь, когда требовались какие-нибудь три тысячи рублей для отделки Толстовского кабинета в Румянцевском Музее, и тех не дало правительство. Чего же ждать от города и долго ли еще ждать? Толстовское общество малочисленно, и многие, как Николой Васильевич Давыдов, скоро из жизни уйдут. *Наша* было все убрать побезопаснее, что я и сделала.

Два тревожных известия меня опять мучают. Сын Илья и внук Андрей больны, пишет внучка Вера, а чем — не пишет. И Саша собирается в Крым, кашляет, лихорадка.

Уезжает сегодня Душан Петрович, и опять грустно! Не знаю еще, поедет ли Татьяна Львовна; она и сама еще не решила. Уж очень плоха дорога, и очень тяжело в вагонах; Душанча чуть до смерти не сдавили.

Дай Бог вам обоим благополучного окончания вашего долга. О вас вспоминаем часто и скучаем. Все вам посылают привет.

С. Толстая

57. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

21 марта 1916 г. Москва

Екатерининский зал, 21 марта 1916 г.

Сию в суде, на скамье подсудимых¹. Читают вот уже больше часа обвинительный акт, и это оччень скучно. Татьяна Львовна, Александр Львовна, Сергей Львович, Стахович, Ольга Константиновна и др. — пока в свидетельской комнате, и их оччень жаль. Видел Сережу Булыгина и так был рад, что даже прослезился. В общем, все идет «как следоват»: много измененных формальностей и т. д. Письмо Ваше получил и сердечно был рад ему. Шлю всем сердечный привет.

В. Бул.

58. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

17 июня 1916 г. Москва

Москва, 17 июня 1916 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна! Мне бы следовало написать раньше и побольше, а я пишу поздно и мало. Но оччень некогда и все время работаю. Материала для разборки оказалось оччень много,

и оч^{ень} интересного. Живу с И. М. Трегубовым в квартире И^{вана} И^{вановича}¹. Ходил к Георгиевскому в Румянц^{евский} музей, но Г^{еоргиевский} оказался в Петрограде, а его помощник — не в курсе дела устройства Толстов^{ской} комнаты. — Неожиданно для себя встретился в Москве с моим старшим братом, подпоручиком, к^{оторый} привез из Сибири 1200 чел^{овек} солдат и уже сдал их в Тверской губ. — Приеду, наверное, дней через 5. Пока я и И^{ван} М^{ихайлович} шлем Ясной Поляне сердечный привет!

Ваш В. Булгаков

59. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

12 августа 1916 г. Москва

12 авг^{уста} 1916 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна, шлю привет Вам и всем в Ясной Поляне — из Москвы. Пишу, сидя в своей новой, чудесной комнате при музее. Доехал я вполне благополучно и привез все, с чем выехал. Бюст цел. Тотчас по приезде отправился покупать мебель и купил деревянные некрашенные столы, шкафчики и пр.: мило, просто, но оч^{ень} дорого. Делами музея еще не занялся. Канцелярию по-прежнему ведет Н. А. Лютецкая. Кроме меня, при музее живут артельщик с женой и еще сторож. Питаюсь в вегет^{арианской} столовой, а сахаром запасусь у артельщика, доставшего его где-то по своим знакомствам, — иначе нельзя, около магазинов — сотни людей в хвостах.

Пока до свидания и всего лучшего! Ваш Вал. Булгаков.

60. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

13 августа 1916 г. Москва

13 августа 1916 г.

Многоуважаемая графиня Софья Андреевна!

Чсть имею известить Вас, что музеем имени Л. Н. Толстого получено и выставлено для обозрения публики Ваше пожертвование: барельеф Вашей работы, изображающий Вас и Льва Николаевича.

От имени Музея приношу Вам глубокую благодарность за пожертвование и за внимание к задачам музея.

Пом^{ощник} хранителя Толстов^{ского} музея

Вал. Булгаков

61. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

15 августа 1916 г. Ясная Поляна

15 августа 1916 г.

Получила ваши два письма, дорогой Валентин Федорович, и чувствую по ним, что вы в очень бодром и предприимчивом расположении духа. Желаю, чтоб энергия ваша не падала и чтоб музей Толстовский процветал при вашей деятельности.

В нынешнем году все мои молодые друзья, по-видимому, меня покинут. Вчера вечером Антонина Тихоновна мне объявила, что брат ее, Евгений, ее подбил ехать в Москву учиться живописи и рисованию, и вот она едет 20-го держать экзамен и поступать в школу живописи на Мясницкой.

Вспомнилась мне пьеса Чехова «Три сестры», которые стремились «в Москву, в Москву», и помимо счастья нет.

Мне грустно, что Ниночка уедет, а главное — мне жаль ее. Она хрупкая, нервная и болезненная натура, никогда не жила в городе, заработка нет, а главное — страшная дороговизна, которую она себе не может представить. Сестра ее, Таисия, тоже едет в Москву на курсы. Как это все неразумно и рискованно во время войны и при таких ценах на жизнь.

У нас все это время гости. Была семья вице-губернатора г. Смоленска Ферре; были Мансфельды, пропасть посетителей, экскурсии по 40 человек и проч. Несмотря на ужасную погоду, дожди и грязь, чувствуется большое движение всюду. Меня огорчает, что опять дожди портят клевер, он весь черный стал, что овес еще не скошен, что овощи пропадают от сырости, и прочие невзгоды в хозяйстве. Шью шапки теплые пленным, читаю Метерлинка, которого не полюбила, хотя прочла много.

На Леву тоже нашло тревожное настроение; он охладел к своим занятиям; ездит по знакомым и в Тулу, и мне его жаль. Он *не* счастлив.

Интересного вам ничего не могу написать; довольно уныла наша жизнь, трех стариков. Жму вашу руку и вспоминаю с благодарностью, как вы всегда готовы были мне при случае помочь и принять участие в моих интересах.

С. Толстая

62. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

16 августа 1916 г. Москва

Москва, 16 августа 1916 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна! Благодарю Вас за пересылку моих писем, я получаю их. — Устроившись в музее, я на два дня (до 15-го) уезжал в имение, где брат живет в качестве учителя, — к Кузнецовым, во

Владимир<скую> г<убернию>. Провел оч<ень> приятно время. Это были последние мои каникулы. Теперь приступил к работе. Изучаю музей — и то, что выставлено, и архивы. Последние оч<ень> солидны. Первая моя задача — придать всем выставленным для обозрения коллекциям систематический вид и сделать всюду новые, более объяснительные надписи. Эта часть очень хромала здесь. — Но в общем я еще не привык к своему новому положению. Все как-то чуждо, не то что Ясная Поляна. — Не нужно ли о чем-нибудь справиться для Вас в Румянц<евском> музее? Буду оч<ень> рад. Пока позвольте пожелать всего хорошего! Т<атьяне> А<ндреев>не, А<лександр>у М<ихайлович>, Л<ьву> Л<ьвович>у и А<нтонине>Т<ихоновне> и Д<ушану> П<етрови>чу сердечный привет.

Ваш В. Булгаков

63. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

21 августа 1916 г. Москва

Москва, 21 авг<уста> 1916 г.

Дорогая Софья Андреевна, сердечно благодарю Вас за письмо, которого я не ожидал, вернее — на которое не претендовал — так скоро.

Оч<ень> благодарю Вас за добрую память обо мне. — А у меня жизнь идет таким энергичным темпом, что я не вижу, как дни летят. Работа и жизнь в музее мне так приятны, как я и не ожидал. Главное, оч<ень> приятно чувствовать себя в курсе дела, так сказать — на месте. А я именно так себя чувствую. Например, столярная работа может быть хорошей, но я не могу ее делать так легко и приятно, п<отому> ч<то> я ее не знаю. А ту работу, которую мне здесь предлагают, я знаю. И ее много, и я чувствую, что она нужна и полезна. Словом, кажется, я пришелся ко двору.

Сегодня был в музее некто Боднарский, секретарь Императорского Русского библиографического общества при Московском университете и председатель библиографической комиссии при Толстовском обществе. Он рассмотрел мою работу по описанию библиотеки Л. Н-ча как специалист в этой области и страшно расхвалил ее. Назвал ее классической и заявил, что если бы я больше ничего не написал, то имя мое было бы уже увековечено в истории русской литературы. (Видите, Софья Андреевна, какой я хвастун: передаю такие вещи!) Боднарский на первом же собрании Правления Толстовского общества хочет поднять вопрос о том, чтобы просить Академию наук издать мою работу.

Приглядевшись к музею, я нашел, что это — оч<ень> и оч<ень> симпатичное учреждение, только порядку в нем мало. Этот дефект надо постараться устранить. Публика ходит все время: много военных, учащих и пр. Многие проявляют большой интерес к тому, что выставлено в музее.

Мы непременно, с более деятельными членами Толстов<ского> об<щест>ва, постараемся влить живую струю в жизнь Общества и музея.

Кроме музейских, есть у меня и свои работы. Делать их тут оч<ень> удобно. Вечерами в моей комнате тихо и уютно. Почти никуда не хожу.

Оч<ень> сочувствую Вам, что Вы теперь пока остаетесь без помощницы. Но думаю, что кто-нибудь скоро заменит Антонину Тихоновну. — Пока всего, всего лучшего! Шлю душевный привет Льву Львовичу, Александру Михайловичу и Татьяне Андреевне, для которой прилагаю записочку. Кланяюсь *всей* Ясной Поляне, которую люблю и не забуду.

Ваш Вал. Булгаков

64. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

29 августа 1916 г. Ясная Поляна

29 августа 1916 г.

Очень прошу вас, дорогой Валентин Федорович, написать мне на прилагаемой открытке, в Москве ли мой сын Сергей Львович и Мария Николаевна. Ничего о них не знаю.

Судя по вашим письмам и рассказам Ант<онины> Тих<оновн>ы, вы полны энергии и деятельно принялись за Толстовский музей. Дай Бог вам успеха в этой работе. Вчера, в день рождения Льва Ник<олаевич>а, не было ни души в Ясной Поляне, кроме раньше живущих. Завтра уезжает Алекс<андр> Мих<айлови>ч. О вас вспоминаем и жалеем, что вы не с нами.

Желаю вам всякой радости.

С. Толстая

65. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

31 августа 1916 г. Москва

31 авг<уста> 1916 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна, в ответ на Ваше письмо сообщаю, что С<ергей> Л<ьвович> и М<ария> Н<иколаевна> еще не возвращались из имения. Сегодня я звонил вторично, чтоб узнать, *когда* вернутся, — никто к телефону не подошел. — В музее я, действительно, много работаю. 28-го августа посетило музей 211 человек. Были, между прочим, лица в некотором роде «официальные»: Илья Львович, гласный Думы Шамин, И. И. Попов и др. Я давал объяснения. Рисунками Т<атьяны> Л<ьвов>ны все особенно довольны: и темы интересны, и исполнение хорошее. — Пока шлю свои лучшие пожелания! Привет мой Татьяне Андреевне, А<лександру> М<ихайлови>чу, Льву Л<ьвови>чу, Душ<ану> П<етрови>чу и Ант<онине> Тих<онов>не.

Ваш Вал. Булгаков

66. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

5 сентября 1916 г. Москва

Графине Софье Андреевне Толстой.

Не откажите в любезности разрешить осмотреть дом двум японцам — художнику г. Ямомото и журналисту г. Курода. — Сегодня, 5 сент<ября>, они были в музее.

67. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. Телеграмма

1 октября 1916 г. Москва

Засека Софье Андреевне Толстой

Если можно не откажите телеграфировать профессору Снегиреву Девичье Поле собственный дом чтобы ускорил прием мамы отнесся повнимательней ее положению будем крайне признательны. Валентин Вениамин Булгаковы.

68. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

4 октября 1916 г. Москва

Москва. 4 окт<ября> 1916 г.

И я, и мама, и брат не знаем, как благодарить Вас, многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна, за новое проявление Вашей доброты. — Ваши телеграммы получили и В. Ф. Снегирев, и я. Последствием было прежде всего то, что проф<ессор> Снегирев решил принять маму в тот же день. Он осмотрел ее и нашел, что необходима большая, ответственная операция, через чревосечение. «Положимся на милость Божию, — сказал он мне, — а я, с своей стороны, сделаю все, что должно». Сегодня или завтра положат маму в лечебницу, а затем сам В. Ф. Снегирев сделает ей операцию. Операцию он сначала хотел поручить своему ассистенту, но когда мама обратилась к нему с просьбой самому сделать операцию, он не только согласился тотчас на это, но, что было совершенно неожиданно для нас, заявил, что «не отвечает за то, на каких основаниях произведут свой труд его ассистенты, но он свое дело сделает бесплатно». Я попытался возразить, но он твердо повторил то же самое. — Для матери, конечно, и это обстоятельство имеет немаловажное значение. Ей пришлось занять на лечение денег, и я сам ее к этому побуждал, хотя и не представлял, когда сумела выплатить долг. Далее, профессор не взял и обычного гонорара за визит...

Меня все это положительно трогает, — так же трогает, как когда ряд адвокатов взялся защищать нас добровольно по делу о воззвании. Еще неизвестен был результат этой защиты, но самая готовность людей помочь умиляла. Так и тут.

По окончании осмотра мамы и медицинских разговоров В<ладимир> Ф<едорович> довольно долго разговаривал со мной о Толстом, в связи с современными событиями. Он находит, что они вполне оправдали и доказали взгляды Толстого: «культура», которую он отрицал, оказалась совершенно несостоятельной. Если бы жив был Л. Н., он написал бы о том, что теперь «совестно быть человеком». По окончании всех ужасных событий, по мнению В<ладимира> Ф<едоровича>, люди обратятся к идеям Л. Н-ча и будут искать Бога *не там* (на небе), где Его нет, а *тут* (внутри себя).

Прощаясь, он просил меня передать Вам его большой поклон и написать, что он сделал все, что должен был сделать.

Глубоко благодарю Вас, Софья Андреевна, за Ваше участие к тяжелому положению мамы. Никогда этого участия не забуду.

О последствиях операции у мамы сообщу.

Пока до свидания и всего, всего лучшего!

Сердечно преданный Вам

Вал. Булгаков

69. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

10 октября 1916 г. Москва

10 окт<ября> 1916 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна!

Сегодня я послал на Ваше имя посылку — вновь отпечатанный портрет Льва Николаевича, издание> Толстов<ского> об<щест>ва, для продажи в Ясной Поляне посетителям. Портрет этот отпечатан лучше (мягче и ровнее), чем прежний. Но не поэтому, а просто потому, что бумага оч<ень> подорожала, мы просим Вас продавать портрет не по 10, а *по 20 коп.* — Скоро, м<ожет> б<ыть>, удастся повторить издания некоторых разошедшихся открыток, а, м<ожет> б<ыть>, и издать в открытках ч<то>-н<и>будь> новое.

Между прочим, Н. А. Лютецкая перешла на службу в Думу, где она имеет более хорошо оплачиваемое место. Она участвует в наших делах, но уже не регулярно. А вместо нее помогает мне А. Е. Никитин-Хованский, или иначе «Саша Никитин», — тот самый юноша, который был в свое время воспитателем Сони и Илюшкá и которого Вы, кажется, помните. Это — оч<ень> милый, тактичный и скромный молодой человек, который прекрасно работает в музее.

Сейчас я немного запустил свои очередные дела по разборке архива и пр., ввиду хлопот по двум вечерам, устраиваемым Тол<стовским> об<щест>вом в ноябре, а также ввиду болезни мамы. Дела же много, и все интересного.

Вообще, я продолжаю быть довольным своей службой в музее.

Если Вы когда-нибудь соберетесь в Москву, то, пожалуйста, сделайте честь музею посетить его. Я покажу Вам новый распорядок и наши новинки.

Сегодня мы с братом были в лечебнице, где лежит мама. Опять не пустили к ней. Но говорят, что пока все благополучно. Нехорошо только, что мама, которая всегда курила, теперь кашляет вследствие куренья, и это заставляет ее испытывать излишнюю боль в местах, тронутых ножом.

От В. Ф. Снегирева я знаю, что Вы уже писали ему. Как я благодарен Вам! И какую силу имеет Ваше имя! — Несмотря на всю мою благодарность Снегиреву, я все-таки чувствую, что без Вашего доброго вмешательства, наверное, получилась бы большая разница в его отношении к больной. Разумеется, как врач, он сделал бы все возможное, но теперь, исполняя долг врача, он отпускает еще и известную порцию *человека*, т. е. участливости и особого внимания, а как это дорого и важно — и для больного, и для его близких!..

Мы ведем теперь переписку с Татьяной Львовной, и я буду в письмах к ней вкратце сообщать о здоровье матери.

Оч^{чень} поразила и опечалила меня смерть Вани Ге. Да один ли такой прекрасный юноша погиб?!..

Пока позвольте пожелать Вам, София Андреевна, здоровья и всего лучшего!

Льву Львовичу шлю сердечный привет. Хотелось бы знать, как он себя чувствует и чем теперь занимается.

Искренно преданный Вам

Вал. Булгаков

70. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

17 ноября 1916 г. Ясная Поляна

17 ноября 1916 г.

Многоуважаемый и дорогой Валентин Федорович.

Сегодня четверг, и было несколько посетителей. Теперь с санным путем и потом приближением весны будет еще больше их и больше. И вот я решила написать вам, как заведующему Толстовским музеем, чтоб вы сделали все зависящее от вас для повторения книжечек «Ясная Поляна»¹. Спрос на них, так же как на открытые письма, очень большой. Можно назначить на книжечки и на открытки повышенные цены: 50 коп. за книжку и 7 и 8 коп. за открытки с изображением могилы, дома или самого Льва Николаевича. Но особенно нужны и нравятся всем книжечки «Ясная Поляна».

Благодарю вас за присылку мне афиш Толстовских вечеров. По-видимому, первый, детский, имел большой успех. Все отзывы в газетах я вырезала и вклеила в свою большую книгу вырезок. Равно и отзыв о вашей работе по Яснополянской библиотеке².

Напишите мне, пожалуйста, о здоровье вашей матери. Мне никто об этом не пишет, только раз, давно, намекнули, что она поправляется. От души желаю, чтоб и дальше было так же, и надеюсь, что она уедет домой совсем здоровая.

Сама я уже недели две страшно кашляю, ночи не сплю, голова и все члены разбиты, и потому, пожав вам руку, бросаю писать. Письмо вышло путанное, дурно написанное, но очень хотелось написать о книжечках; они очень нужны. Но в них вкрались ошибки, которые нужно исправить, и нужно напечатать адрес, где их можно будет купить. Ну, и прощайте, будьте веселы, бодры и здоровы.

Преданная вам

С. Толстая

Ст<анция> Засака.

Ясная Поляна.

71. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

27 ноября 1916 г.

Действ<ующая> армия. 27 нояб<ря> 1916 г.

Дорогая Софья Андреевна!

Вот уже несколько дней, как я на фронте, в отряде Александры Львовны¹. К сожалению, по отсутствию медицин<ских> познаний, я не могу оказывать непосредственной помощи раненым и больным, так что мое участие в этом деле выражается пока лишь в работе по хозяйствен<ной> части. Отряд разбивается на 2 летучки и базу, и вот я назначен заведующим хозяйством базы транспорта.

Дело транспорта оч<ень> сложное и ответственное, и я только тут, на месте, отдал должную дань энергии, распорядительности и трудолюбию Александры Львовны.

Стоим мы довольно близко от линии фронта. Я пишу, а стекла землянки вздрагивают от орудийной пальбы. Вчера видел нем<ецкий> аэроплан. Но непосредственной опасности все-таки нет.

Сколько времени пробуду здесь, не знаю. Вероятно, до конца войны.

Чувствую себя бодро и хорошо. Много новых и интересных впечатлений. Местность кругом — чрезвычайно живописная.

Сегодня с Александрой Львовной прикатили на автомобиле из базы в летучку Б, откуда и пишу.

Здоровье Александры Львовны сейчас в порядке. Сейчас ее нет дома, она уехала в штаб дивизии, при которой состоит наш транспорт. Вчера я узнал от нее, что Вы ей писали и что у Вас там все благополучно, чему и порадовался.

Пока позвольте пожелать Вам здоровья, бодрости и всего хорошего! Целую Душана Петровича и всем кланяюсь.

Любящий Вас

Вал. Булгаков

Адрес: В Действ<ующую> армию.

109 полевая почтовая контора.

Штаб 62-й пехотной дивизии.

8-й санитарный транспорт — мне.

72. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

5 декабря 1916 г. Ясная Поляна

5 декабря, вечер, 1916 г.

Большая радость мне была ваше письмо, дорогой Валентин Федорович, особенно еще потому, что вы пишете мне и о Саше. Как хорошо, что она здорова и так полезна и деятельна! Мы было поджидали ее домой, да, видно, трудно оставить дело. У нас очень тихо и одиноко. Варвара Валерьяновна уехала к себе в деревню, где одиноко живет ее дочь, Без Вареньки не с кем в 4 руки играть и по вечерам читать вслух. Обедаем мы только вдвоем с Душаном Петровичем и большей частью молча. По воскресеньям, как и прежде, обедают у меня мои две Танечки, мисс Вельс и вновь поступившая курсистка, которая учит Тάνюшку.

Вчера приезжал с какой-то барышней, раньше посетивший нас, Ник<олай> Ник<олаевич> Апостолов. Он делал мне множество вопросов, касающихся писаний Льва Ник<олаевич>а, особенно «Войны и мира». Потом достал из 17-го шкапа «Mémorial de St. Hélène» и вместе с барышней делал выписки с отмеченных Львом Ник<олаевичем> мест.

Живем мы эти дни в тяжелом, напряженном состоянии по случаю известия об очень тяжелой форме брюшного тифа, которым болеет в Петрограде сын Левы — Никита. Лева в настоящее время с семьей в Петрограде, и сегодня я получила от него открытое письмо, что Никита слаб. Но это письмо шло ровно неделю. Что-то теперь!

Вообще нерадостно живется на свете. Вчера весь день и ночью тяжело болела старая няня². Во втором часу ночи сижу в своей комнате, слышу странные звуки паденья чего-то тяжелого. Это упала няня с постели. Ее всю трясло, поднялась рвота. Подняли, положили ее, и сегодня ей лучше. Сама я тоже несколько дней хворала резкой болью левой стороны спины, но теперь лучше.

А вам-то с Сашей сколько приходится видеть страданий! Но в вашем характере есть большая способность к распорядительности, и я уверена, что вы будете очень полезны. А жаль, что пришлось, хотя на время, бросить Музей.

Письмо мое очень скучно и неинтересно. Но такова моя жизнь. Учу Тánюшку по-немецки, пишу поденным квитки, переписываю для Тани ее рассказ³ и упорно сижу дома. От души желаю вам бодрости, здоровья и всего хорошего. Что Никитин⁴? Скажите Саше, что я ее целую, радуюсь ее работе.

Преданная вам

С. Толстая

73. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

19 декабря 1916 г.

Мой точный адрес: В Действ<ующую> армию.

109 полевая почтовая контора.

В Базу 8-го Санитарного Транспорта. В. Ф. Б<улгако>ву.

(Марок наклеивать не нужно).

19 декабря 1916 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна!

Как порадовали Вы меня своим письмом. Хотя и есть в нем печальные вести: о болезни бедного Никиты — что с ним? и как теперь его здоровье? — о болезни няни. Но очень, очень приятно было слышать здесь, на фронте, голос из Ясной Поляны. Конечно, письмо Ваше я давал для прочтения и Ал<ексandre> Л<ьвов>не, которая из Минска недавно приехала в «сантран» (*санитарный транспорт*). Давал также и Анне Ильинишне¹, которая гостила у нас и только сегодня вернулась в Минск. Нашлась тут гитара, и Анна Ильинишна чудесно пела под аккомпанемент Ал<ександры> Л<ьвов>ны. Мы, кроме того, даже снялись — и общей группой, и только трое, как «яснополянцы», — да снялись в самой воинственной обстановке, около проволоч<ных> заграждений, чтобы потом, при случае, попутать вас, «тыловики»...

Ал<ександра> Л<ьвов>на сейчас в очень хорошем духе, жизнерадостна, бодра, и, по-видимому, совсем здорова, п<отому> ч<то> ни на что не жалуется и не кашляет. Впрочем, вот несчастье: у нее прорезывается зуб мудрости. Она подсмеивается над ним, а между тем сегодня у нее температура слегка повышенная.

Дело нашего отряда идет, в общем, вполне успешно. Раненые и больные лечатся (на днях я в первый раз присутствовал при тяжелой перевязке), закупили много сена и овса, получили неск<олько> пудов керосина — все это животрепещущие для нас вопросы!

Я вполне свыкся с своими новыми сослуживцами, вошел в работу. Держусь, сколько силы есть, чтобы хорошо делать свое хозяйственное дело, разъезжаю по командировкам и пр. Не пропускаю случаев посещать больных в палатах. Врачи, сестры меня все более и более трогают. Чем дальше, тем

более уверенно и определенно я думаю и чувствую, что помогать несчастным жертвам войны — хорошее и святое дело при всяких условиях.

Как поживает милый Душан Петрович? Он делает как раз это хорошее и святое дело — облегчения страданий людей. Мой сердечный привет ему, Татьяне Львовне, Танечке и всем, всем в Ясной Поляне. Примите мой сердечный привет, Софья Андреевна, и искренние пожелания всего хорошего! Будьте здоровы! Целую Вашу руку.

Ваш Вал. Булгаков

74. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

28 апреля 1917 г. Ясная Поляна

28 апреля 1917 г.

Дорогой Валентин Федорович.

Получила ваше письмо и спешу на него ответить.

Деньги за проданные книги прошу вносить на мой текущий счет в Московский Торговый банк (к Дунаеву).

Прошу прислать *квитанцию* на взятые из склада книги — от Толстовского общества, если письмо ваше недостаточно формально и не может служить документом. Всякое дело требует точности.

Если за склад не уплачено в срок, то очень прошу из денег, вырученных за книги, уплатить за хранение. Для уплаты я просто вызывала по телефону артельщика и платила через него. Это прошу вас как *одолжение*.

Очень жалею, что вас давно не видала, не знаю, в каком вы настроении, как дела по библиотеке Ясной Поляны, какие ваши планы на лето? Может быть, приедете как-нибудь к нам, пожить хоть немного на чистом воздухе. Сейчас кукушка громко кукует перед моим окном, а вчера запел соловей.

Приехала ко мне на все лето моя сестра Т. А. Кузминская. Ведь муж ее скончался в начале марта¹. Мои две Танечки уезжают жить все лето в Овсянникове, что меня очень огорчает. И не время было затевать новое дело и хозяйство при теперешней дороговизне.

Продолжаю надеяться, что вы, кроме занятий по Музею, начнете заниматься литературной работой, на которую у вас такие хорошие способности.

Радуюсь, если вам душевно хорошо, и желаю и впредь вам того же.

Жму вашу руку.

С. Толстая

Забыла вам написать, что завтра высылаю 70 руб. за проданные книги и за портреты. Очень прошу сверить с данными мне на комиссию книгами и портретами и написать мне отчет. Когда много посетителей, меня часто пу-

тают, и я не могу сейчас разобраться. Прошу помощи тех, кто отпускал мне книги и портреты и уведомления, сколько я должна прислать денег? У меня еще остались и книги, и портреты, и снимки с могилы. Путаница еще вышла у меня потому, что я часто хворала.

С. Т.

75. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

2 мая 1917 г. Ясная Поляна

2 мая 1917 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Сонечка, моя внучка (Андреевна) желает иметь Полное собрание сочинений своего деда, Льва Ник<олаеви>ча. Дайте ей из десяти, оставленных для меня экземпляров, один в 20-ти томах.

Еще просьба моя, о которой я вам уже писала, — это заплатить за склад, где хранились книги, 48 руб. из денег, вырученных за книги, порученные Толст<овско>му общ<еству> продавать. Мне очень строго пишут, требуя немедленного внесения платы; и пишут уже второй раз.

Я живу в больших хлопотах и неприятностях. *Свобода* оказалась во многих случаях — деспотизмом и неурядицей во всем. Что-то будет дальше?..

На месяц приезжают ко мне внуки, трое Мишиных детей¹ с немкой и прислугой. Во флигель приезжает на лето вся семья Эрдели, и Тат<ьяны> Льв<овны> семья с ними будет жить вместе. У меня гостит на все лето сестра Кузминская.

Чем мы все будем питаться — я совсем не знаю, нигде ничего купить нельзя и взять негде. Что Бог даст!

Посетителей, главное солдат и офицеров, и учащейся молодежи бывает огромное количество. Вчера было около 150 человек, и я в свои 73 года, да еще с помощью Татьяны Львовны, страшно устаю.

Извините меня за мои просьбы, которые, я надеюсь, вы исполните.

Преданная вам и желающая вам всякой радости

С. Толстая

76. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

8 мая 1917 г. Ясная Поляна

8 мая 1917 г.

Дорогой Валентин Федорович.

Я послала в Музей 70 руб. денег за проданные книжечки и портреты, но до сих пор квитанции и счета, о котором я просила, — не получила. Еще я просила вас дать моей внучке, Софье Андреевне, полный экз<емпляр> сочинений Льва Николаевича из 10-ти оставленных мне.

Пишу обо всем этом, потому что вспомнила потом, что неверно написала адрес: дом № 9-й, а нужно № 18-й.

Если увидите Сережу Булыгина, попросите его от меня прислать хотя бы почтой ключ от больших часов, который нечаянно увез Беленький и поручил Сереже Булыгину передать нам. 55 лет заводили при мне эти старинные часы; теперь же купить такого ключа нигде не нашли, что очень неприятно и даже досадно.

Простите, что столько просьб обращаю к вам, но больше некого просить.

Сегодня приехала к Татьяне Львовне семья Эрдели; все поместились вместе во флигеле, кроме Муси, которая у меня внизу, где жила Нина.

Завтра утром приедут 3 внука с немкой и горничной, дети Михаила Львовича. Сам он едет опять на войну 20-го мая. Но *как* вообще будут воевать без дисциплины и войска? Вообще жутко, тревожно стало жить на свете, и с каждым днем все хуже и дороже.

Сегодня снег покрыл всю землю, скотина голодает, работ никаких нельзя производить, а корм весь вышел, дрова тоже.

Очень мне трудно хозяйничать, стара стала, а помощи нет ниоткуда.

Как живется вам, Валентин Федорович? В каком вы настроении, где будете летом? Напишите мне о себе, когда будете отвечать на мое письмо.

Жму вам дружески руку и всегда вспоминаю о том, как вы жили и хорошо работали в Ясной Поляне над библиотекой.

Преданная вам

С. Толстая

77. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

8 мая 1917 г. Москва

8 мая 1917 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна!

Посылаю, согласно Вашему желанию, расписку в получении книг. — Деньги (48 р.) за хранение я уплатил, но счет, выданный складом, пока оставил у себя: когда мы подсчитаем всю, следуемую Вам сумму за проданные книги, то мы вычтем из нее сумму, означенную в счете, и тогда представим Вам счет как оправдательный документ.

На склад ездил наш артельщик. Ему сказали, что надо еще уплатить «артельные деньги». Я думаю уплатить.

Соне Толстой я еще не сказал о Вашем подарке в виде Полн<ого> собр<ания> соч<инений>, но непременно это сделаю не сегодня-завтра.

Уж очень занят. И больше все — делами Толстов<ского> общ<еств>а. Сам мало работаю, а есть над чем.

Извиняюсь. Деловая часть письма не закончена. Сегодня получились 70 р. за книжки, проданные в Ясной Поляне. О том, правилен ли расчет, известит Вас подробно М. И. Попова, барышня, ведущая канцелярию музея.

Скоро начнут выходить «запрещенные» статьи Льва Николаевича, отдел<ьными> брошюрами. Я пришлю их в Ясную Поляну.

Как стала весна, очень захотелось в деревню вообще, а по Ясной я и по-давно соскучился. Хочется повидать всех, кто там, и старого — старшего, друга Душана Петровича, и Татьяну Львовну, и Танечку, и Вас. Но едва ли удастся вырваться летом. Дела не пустят. Да, говорят, и трудно очень ездить по жел<езным> дорогам.

Пока позвольте от всей души пожелать Вам здоровья, бодрости и всего хорошего!

Душевно преданный и искренно любящий Вас

Вал. Булгаков

Приложение:

ПРАВЛЕНИЕ ТОЛСТОВСКОГО ОБЩЕСТВА В МОСКВЕ

МОСКВА, ПОВАРСКАЯ, ДОМ 18

Телефон 416-28

8 мая 1917 г.

Расписка.

Получил от гр. Софьи Андреевны Толстой для Толстовского общества в Москве 504 экземпляра Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, в 20 томах, в переплетах, для продажи в Толстовском музее, с отчислением в пользу музея 5% со стоимости экземпляра (35 р.) и с обязательством остальную сумму, вырученную от продажи, положить на текущий счет гр. С. А. Толстой в Московский Торговый банк.

По поручению Правления Толстовского общества в Москве,

член Правления В. Булгаков

78. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

14 мая 1917 г. Москва

14 мая 1917 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна!

Совет Солдатских Депутатов г. Москвы, в лице своего культурно-просветительного отдела, обращается к Вам с просьбой, не найдете ли Вы возможным передать в его центральную библиотеку бесплатно 1 экз. Полн<ого>

собр<ания> соч<инений> Л. Н-ча, из числа находящихся в музее. Если бы Вы сочли эту просьбу заслуживающей удовлетворения, не откажите в любезности известить меня об этом.

Экземпляр для Сони Толстой уже передан ей. Я сам, при случае, отвез его в квартиру Ольги Константиновны и видел радость ее и Сони от Вашего подарка.

О 70 рублях Вам уже написала Надежда Александровна¹.

Сережи Булыгина нет в Москве: он на крестьянском съезде в Петрограде². Очень жаль, что за общественной деятельностью он забыл соблюсти аккуратность в личных обязанностях и не передал Вам ключа. Как будто и пустяки, а я сам понимаю, как это должно быть досадно.

Читали ли Вы, Софья Андреевна, а также Татьяна Львовна, резолюцию годичного собрания Толстов<ского> общ<еств>а в № «Русс<ких> ведомостей» от 9 мая?

На днях выйдут в нашем издании первые брошюры Льва Николаевича, из числа запрещавшихся. Конечно, я тотчас пришлю их Вам и Татьяне Львовне.

Пока позвольте пожелать Вам всего, всего хорошего! Приветствую всех обитателей Ясной Поляны, кто меня знает и помнит.

Целую Вашу руку.

Преданный Вам Вал. Булгаков

79. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

18 мая 1917 г. Ясная Поляна

18 мая 1917 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Получила ваше письмо с просьбой о пожертвовании книг какому-то Солдатскому обществу. Конечно, отказать опасно, сделаешь себе врагов. А между тем просящих *бесплатно* Полного собрания сочинений Льва Н<иколаеви>ча — очень много, и удовлетворять их очень трудно и разорительно. На этот раз поступайте, как думаете лучше. Ведь если дать книги одному солдатскому обществу, а отказывать другим просящим — будет несправедливо и вызовет неудовольствие и ропот.

Сегодня же пишу в Библиографическое общ<ество> в Москве при университете, что, согласно моему обещанию, давно данному Обществу, я жертвую в это Общество один экземпляр Полного собр<ания> сочинений гр. Л. Н. Толстого, моего последнего издания.

Секретарь Общ<ества> придет к вам в музей за книгами с моей запиской.

Спасибо, что доставили книги Сонюшке; она, кажется, в восторге иметь Полное собрание.

Передайте мою благодарность Надежде Александровне Лютецкой за сведения о книгах и портретах. Я еще ничего не сверяла и не учитывала. Страшно много мне дела всякого: и хозяйство, и добыванье на 40 человек продовольствия; и всякая корреспонденция, и более, чем когда-либо — число посетителей; и обшиванье пленных и пр. и пр.

Сейчас гостят у меня трое внуков Михайловичей с немкой и горничной. Живет у меня и овдовевшая сестра Кузминская, и приезжали с войны Митя Кузм<ински>й и И. Е. Эрдели, семья которого прожила у Тат<ьяны> Львовны две недели, но уезжает на юг 20-го мая. Очень у нас шумно и суетно. И письмо мое нескладно.

Резолюцию годовичного собрания Толст<овско>го общ<ест>ва я не читала. Газеты по случаю страшной бури до нас не доходили; а потом их и не читали. Непременно прочту; спасибо, что написали об этом.

Привет ваш всем передам. Вас все поминают с симпатией, жалеют, что не собираетесь в Ясную Поляну. Может быть, побываете. Жму дружески вашу руку.

С. Толстая

80. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

25 июня 1917 г. Москва

5 июня 1917 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна!

Все экземпляры Полн<ого> собр<ания> соч<инений> Л. Н-ча, приобретенные музеем у Вас, уже распроданы нами! Всего продано 494 экз., а 10 оставлено для Вас. (Из этих 10-ти 1 передан О. К. Толстой и 1 — Библиогр<афическому> общ<еству>, что касается Совета Солдатских Депутатов, то он, вероятно, откажется от своей просьбы выдать ему бесплатно 1 экз., — словом, Ваших экземпляров пока остается у нас 8.)

Принимая во внимание скидку в 5% с каждого экземпляра, сделанную Вам Толстовскому обществу, мы должны заплатить Вам за все 494 экз., по 33 р. 25 коп. за экземпляр, всего 16 425 р. 50 к. Из этой суммы, согласно Вашему указанию, я внес 48 руб. за хранение книг в кладовой, а 16 377 р. 50 к. положил на Ваш текущий счет в Торговый банк. При сем прилагаю: 1) счет от товар<ных> складов на 48 р. и 2) расписку Банка в приеме на текущий счет 16 377 р. 50 к. Отсылаю также обратно два прежние счета, выданные Вам складами и привезенные сюда, вместе с ключом от кладовой, Александрой Львовной. Ключ же пока остается у нас и хранится в нашем несгораемом ящике.

Пока позвольте пожелать Вам, Софья Андреевна, всего хорошего! Недавно очень мечтал об Ясной Поляне и думал: как бы хорошо провести денечка три в Вилле Торо! Может быть, и в самом деле, пользуясь Вашим любезным приглашением, как-нибудь сумею выбраться. Хочется повидать всех и все, соскучился...

Любящий Вас

Вал. Булгаков

81. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

17 июня 1917 г. Ясная Поляна

17 июня 1917 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Благодарю вас за присланные мне книжечки¹, которые должны пополнить нашу библиотеку. Как поживаете в эту страшную жару? Я думаю, что тяжело теперь в городе. У нас идет усиленная косьба, трава в нынешнем году превосходная. Очень утомляют посетители, особенно военные. Сегодня приходили с музыкой 400 человек.

Всех пустить в комнаты Льва Николаевича, конечно, невыносимо. Я впустила 5 групп по 12 человек, конечно, поочередно, и еще музыкантов, доставивших нам удовольствие своей музыкой. Сейчас все они — солдаты, офицеры, полковник и проч. персонал — разбрелись и расположились в деревне.

Жить все труднее и труднее. Ничего нельзя купить — ни муки, ни круп, ни сахару; дают понемногу из потребительской лавки. А народу у меня много. Из Мишиной семьи: трое детей с немкой и прислугой; сестра моя Кузминская с прислугой. Варв<ара> Валер<ьянов>на, Душ<ан> Петр<ович>, так что обедаем ежедневно, кроме прислуги — 9 человек, а по воскресеньям — 13 человек. Часто не знаешь, что и заказывать к обеду, а провизия быстро убывает.

С народом все труднее: молодежь груба, нахальна, ломают купальню, залезают свои же — в подвал, откуда совершают покражи. Девушки бунтуют, грубят. — Так что *свобода* выразилась в крайнем деспотизме, нахальстве и грабеже *товарищей*. Чем это кончится — Богу одному известно.

Я писала вам или Лютецкой (не помню) в Музей прислать мне книжечек «Ясная Поляна» для продажи. Можно бы много продать за это время, а ни одной нет. Теперь и портретов осталось мало. Завтра или послезавтра pošлю в Музей 70 рублей за все мной проданное. Остаются еще портреты и снимки с могил. Так вы и не побывали у нас, дорогой Валентин Федорович. Жму вашу руку.

Преданная вам

С. Толстая

82. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

21 июня 1917 г. Москва

21 июня 1917 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна!

С книжками «Ясная Поляна» произошло недоразумение. Они уже больше двух недель как посланы Вам, но оказалось, что работавшая в Музее барышня, уезжая в отпуск, забыла отправить Вам *накладную* на получение багажа, и накладная эта пролежала до сих пор в столе нашей канцелярии. Исправляю досадную ошибку и тороплюсь послать Вам накладную, по которой Вы, наверное, тотчас получите и багаж.

Но меня также беспокоит, получили ли Вы мое заказное письмо со вложением банковской квитанции в приеме от нас на Ваш текущий счет более 16 000 руб.? Будьте любезны, при случае не откажите известить об этом.

Завтра мы пошлем Вам, а также Душану и Татьяне Львовне, еще 4 вновь вышедшие книжечки Л. Н-ча, нашего издания, а кроме того — для продажи по 20 коп. новый, довольно большой и красивый снимок могилы. Думается, что многим посетителям Ясной Поляны будет приятно его иметь.

Очень, очень благодарен Вам, Софья Андреевна, за сообщенные подробности яснополянского *быта*. Все это мне «живо-любопытно». И рад бы приехать, повидаться с Ясной Поляной. И все-таки надеюсь, что удастся, хоть на один-два денька. Вот только надо закончить печатанием первую серию книжек (намечены пока 13 номеров).

Между некоторыми здешними «темными»¹ или слегка «затемненными» бродит мысль об основании Союза свободных христиан, для взаимной поддержки и для содействия просветительным целям. Возможно, что и я вступлю в эту «партию», — впрочем, с очень свободным уставом.

Пока позвольте пожелать Вам бодрости, здоровья и всего хорошего! Сердечно приветствую Татьяну Андреевну, Татьяну Львовну, Варвару Валерьяновну, Душана Петровича и всех, кто меня помнит.

Искренно и душевно Ваш Вал. Булгаков.

83. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

ОТРЕЗНОЙ КУПОН

35 руб. — коп. (сумма перевода)

7. VII. 17.

Наименование и адрес отправителя.

Вал. Фед. Булгаков

Москва, Поварская ул., д. 18,

Толстовский Музей

7 июля 1917 г. Москва

Многоуважаемая Софья Андреевна, посылаю 35 руб. за еще один экз. ПСС Л. Н-ча, к<оторый> я решился продать из числа оставшихся за Вами 7 экз. в читальню нового Об<щест>ва истин<ной> свободы в память Л. Н. Толстого. Я не сделал им скидки в 5%, т. к. не испросил на это предварительного Вашего согласия. — Простите, что не написал раньше о просьбе Об<щест>ва получить 1 экз., — зато я не дал бесплатного экз<емпляра> солдатам, а это Об<щест>во оч<ень> нуждалось в ПСС Л. Н.

В. Булгаков

84. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

9 июля 1917 г. Ясная Поляна

9 июля 1917 г.

Не писала я вам, дорогой Валентин Федорович, и не благодарила за присланные книжечки и фотографии потому, что была нездорова; да и события, и положение всех дел в России — мучительно угнетают, отнимают энергию жизни, которая долго во мне жила, а теперь как будто вся утратилась.

Сегодня получила присланную вами газету с статьей Новикова¹. Этот милый человек в октябре 1910 года написал Льву Николаевичу письмо, отсоветовавшее ему уходить из дому. К сожалению, письмо это уже не застало Льва Николаевича. Новиков понимал своей простой, крестьянской мудростью, что хорошо и правильно, и что дурно. Кроме того, я думаю, что у него было доброе сердце, понявшее, что уход из дома и от семьи — был поступок *не добрый*². «On ne devient homme que par l'intelligence. On n'est homme que par le cœur...»³ — сказал Амиель и был прав.

Кроме того, что все, что вы мне посылаете, — мне очень интересно, я чувствую, что вы о нас, яснополянских жителях, иногда вспоминаете и не прекращаете дружеского общения с нами: Татьяной Львовной, мной и Душаном Петровичем. Жаль, что вы не имеете возможности сбегать к нам и хоть немного отдохнуть с природой и друзьями.

Тяжело переживаю я все ужасные события в России. Сегодня мы все обрадованы аресту Ленина. Но поразительно, до чего наш народ нетверд, молод, — что никто до сих пор не усмотрел подкупа со стороны немцев. Ведь давно об этом говорили люди образованные и сведущие⁴. Но с массами совладать трудно.

Живем мы тихо и дружно, но очень сложно с продовольственной стороны. Купить даже почти ничего нельзя, и то, что было припасено, уже на исходе. Что буду делать дальше — Бог ведает!

Жму вашу дружескую руку с благодарностью за память и сердечной преданностью.

С. Толстая

Сейчас Таня моя прочла нам вслух статью Новикова. Очень умно и хорошо она написана.

85. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

22 июля 1917 г. Ясная Поляна

22 июля 1917 г.

Дорогой Валентин Федорович.

Распорядитесь, пожалуйста, мне прислать для продажи портреты и книжки «Ясная Поляна». Портретов Льва Ник<олаевич>а нет у меня ни одного, и книг осталось немного. Деньги вышло, когда продам последние книжки. Как вам живется?

Мы вас все поджидали. У нас в гостях в настоящее время известный французский писатель Mr Louyon. Очень интересный.

Преданная вам

С. Толстая

86. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

11 сентября 1917 г. Сергиев Посад

Сергиева Троица, 11 сент<ября> 1917 г.

Дорогая Софья Андреевна, шлю сердечный привет! Я давно не писал Вам и соскучился без того, чтобы поговорить с Вами.

Посылаю Вам еще одну вырезку о Л. Н. в Вашу книгу, из газ<еты> «Солдат-Гражданин». — У нас в Москве 28-е августа прошло довольно оживленно. Днем музей был переполнен народом (150 человек), а вечером состоялось еще более переполненное (до 400–500 чел.) открытое собрание нового Об<щест>ва

истин<ной> свободы в память Л. Н. Толстого¹. В Музее я давал объяснения, а вечером сказал речь, за которую раньше меня, наверное, посадили бы в тюрьму (впрочем, корректную, не «большевистскую», а «толстовскую»). Из газет была еще интересная заметка в «Вечер<нем> времени», но, к сожалению, я не захватил лишнего № для Вас.

Сейчас я пока остаюсь еще у Троицы Сергия. Здесь уже закончена печатанием большая книга моя «Христианская этика» (Систематические очерки мировоззрения Л. Н. Толстого). Я сам скоро привезу ее в Ясную Поляну, м<ожет> б<ыть>, в конце сентября, после того, как совсем перееду отсюда в Москву.

Музей наш одержал большую победу. Мы обратились к правительству с ходатайством передать нам подлинники судебных дел о преследованиях за издание сочинений Толстого, об отказах «толстовцев» и пр. И вот нам шлют дело за делом. Только что получилась бумага из Департамента общих дел МВД, что скоро мы получим: 1) какой-то секретный документ *о здоровье Л. Н-ча*, 2) сведения о вредной деятельности некоторых «толстовцев» и 3) материалы по делу о нашем воззвании против войны, — вероятно, наши фотографии, снятые в сыском отделении, и пр. Из военных судов получили ряд дел об отказах «толстовцев» от военной службы. Получим, вероятно, и еще много аналогичных материалов.

Благодаря тому, что прожил 1 ½ мес<яца> в деревне, чувствую я себя сейчас оч<ень> хорошо. Война только тяготит. Когда-то она кончится! Хоть бы с папой согласились и помирились². Худой мир с папой, но даже он лучше такой ужасной ссоры.

Вспоминаю всех обитателей Ясной Поляны, и очень хочется всех увидеть. А Вам желаю, Софья Андреевна, бодрости, здоровья, долголетия и мира душевного.

Искренно Ваш Вал. Булгаков

87. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

16 сентября 1917 г. Ясная Поляна

16 сентября 1917 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Всегда рада получить от вас весточку и благодарю за письмо. Буду вас ждать согласно вашему обещанию приехать с книгой в Ясную Поляну в конце сентября.

Какая это книга?¹ Очень интересуюсь ей и всем, что пишут о Ясной Поляне и Льве Николаевиче.

Живется очень тяжело, и забот, и неприятностей без конца. Самое ужасное то, что хлеба купить негде, а свой на днях истощится совсем. Ездила всюду, хлопотала, просила: дайте возможность *купить* ржи. И все напрасно — только

и простудилась и жду, что когда люди придут обедать, а хлеба нет, они взбунтуются и нападут на меня.

Слышали ли вы о том, как нас грабили? Сначала залезли в погреб и унесли, что могли. Потом залезли в дом, сломали сундуки, опрокинули их и повывтаскали, что успели. Наконец, более 300 человек три дня грабили яблочный сад, трясли и ломали деревья, накладывали яблоки в телеги и куда-то везли. Противно было видеть эти озверевшие лица, этих девок и детей, обратившихся в каких-то жадных, хищных существ. Дважды вызывали мы из Тулы солдат и охрану. Обещали и солгали — никого не прислали. Жаль особенно, что поломали и попортили деревья. Зло непоправимое.

На этих днях на шоссе около моста появилась шайка грабителей: милиционеры стреляли, убили двух или трех, пока еще не знаю, людей из этой шайки. Страшно стало и ездить, и гулять — да и просто жить! В городах, говорят, еще хуже. Какая ирония называть *свободой* теперешнее положение в России. Одна старая крестьянка подошла ко мне и говорит: «Ваше Сиятельство, голубушка, скажите, скоро ли с нас снимут эту проклятую свободу?» уж именно «проклятую». Цензуру ввели, смертную казнь ввели, есть нечего, арестуют мальчишки, кого хотят, и проч. и проч. Долго так продолжаться не может!.. Простите, что на вас переносу письменно то уныние и тревогу, которые постоянно испытываю. Хотела только поблагодарить вас за письмо и добрые пожеланья, а вышло что-то вроде жалоб на судьбу, которые так теперь часто слышишь.

Так, до свиданья, Валентин Федорович. Рада буду вас повидать.

Преданная вам

С. Толстая

Вчера посетила нас Ниночка.

88. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

29 сентября 1917 г. Москва

Москва, 29 сент<ября> <19>17 г.

Дорогая Софья Андреевна!

Вот я пишу Вам снова из Москвы. Здесь нашел Ваше письмо, за которое благодарю. Когда я уехал от Вас в 10 ч. вечера, мне пришлось ждать на станции до 1 ч. ночи: «Максим» запоздал. Мало того, дверцы почти всех вагонов оказались запертыми на замок, п<отому> ч<то> поезд был переполнен. Пассажиры лезли на крыши вагонов. До Тулы я ехал на лестнице, по которой взлезают на крышу вагона. В Туле солдаты, занявшие переход между вагонами, позволили мне встать вместе с ними, и так я ехал до 4 ч. утра. Ночь была лунная и холодная. Я замерз. Кто-то вышел с битком набитой внутренней площадки вагона, и я перебрался туда, причем все время, до самой Москвы,

стоял на самом краю ее, у крылечка, боясь нечаянно задремать и слететь вниз... Простите, пожалуйста, что я много говорю об этом, но мне в первый раз пришлось ехать в таких условиях!..

Теперь я успел съездить еще и в Лавру, откуда окончательно перебрался в Москву. Уже доложил Правлению о пожертвованиях музею Вашем и Татьяны Львовны, а также о документе, полученном от Вас. Музей наш все растет. Известный дрессировщик животных В. Дуров (очень оригинальный и милый человек) пожертвовал музею громадную гипсовую статую Л. Н-ча, работы Меркурова, модель гранитной. Я несколько дней тому назад перевез ее в музей, и он очень выиграл от этого, потому что у нас мало крупных вещей. А сейчас, в то время как я писал это письмо, принесли бумагу от старшего председателя Московской судебной палаты, который просит назначить время для принятия целого ряда судебных дел о Толстом и «толстовцах», передаваемых Министерством юстиции в наш музей, по примеру Министерств военного и внутренних дел.

Я два раза был у М. А. Стаховича, ныне господина испанского посла, гостившего в Москве у кн. Сумбатова. Он пригласил меня по телефону, чтобы побеседовать и расспросить о Ясной Поляне, после того как я справился у него, когда бы я мог занести к нему «Христианскую этику». И, между прочим, Михаил Александрович сообщил мне, что и он все свои коллекции из Петербургского музея передаст в Московский, когда этот станет центральным. Об этом Стахович собирался даже сейчас, по приезде в Петроград, сделать завещательную записку.

Но, может быть, я надоел с музеем? Мне все предносится его будущее, и я никак не могу удержаться, чтобы не радоваться всякому развитию музея в настоящем.

Не рассказать ли лучше подробнее об испанском после? Он очень мил и любезен, как всегда. Я искренно люблю М. А. Стаховича и потому радуюсь, что ему, как он говорит, вероятно, выпадет чрезвычайно ответственная миссия участвовать в будущей мирной конференции, которая, вероятно, состоится в Мадриде (т. к. Испания — единственная «великая держава», остающаяся нейтральной). Дипломаты уже сейчас знают кое-что, чего не знаем мы. Михаил Александрович предсказывает мир этой зимой.

Что подельывает «комиссар Временного правительства по Ясной Поляне» — П. А. Сергеенко?

Хорошо, если бы ему удалось еще больше закрепить местное население в корректном и сознательном отношении к Ясной Поляне.

Не откажите в любезности, Софья Андреевна, сказать Татьяне Львовне, что я не мог пока передать ее просьбы Диме Черткову о высылке книги, потому что он сейчас в отъезде из Москвы по делам своей службы.

Очень благодарю Вас и Татьяну Львовну за радушие и ласку, которые вы мне оказали и которые чрезвычайно тронули меня. Ясная Поляна еще раз улыбнулась мне — своими обитателями, своими воспоминаниями, своей чудной природой, — как хотелось бы, чтобы эта улыбка была не последняя!

Приветствую Татьяну Андреевну, Татьяну Л^{ьвов}ну, Танечку, мисс Уэллс. Целую Вашу руку.

Душевно преданный Вам В. Булгаков

89. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

21 декабря 1917 г. Москва

21 декабря 1917 г.

Дорогая Софья Андреевна!

С радостью узнал от Ал^{ександры} Л^{ьвов}ны и Варв^{ары} Мих^{ай}лов^{ны}, что в Ясной все благополучно и все живы-здоровы. Поздравляю Вас и всех яснополянцев с наступающими праздниками и от души желаю всего лучшего! (У меня 25-го числа — елка, для детей швейцара и др., все ищу граммофон и не найду, — боюсь, не пришлось бы самому его изображать).

Сердечно преданный Вам

Вал. Булгаков

90. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

26 марта — 8 апреля 1918 г.

Очень благодарю вас, дорогой Валентин Федорович, за то, что беретесь устроить мои дела с Акционерным обществом, и больше не иметь его и не платить за склад. Оставшиеся книги и всякие бумаги очень желательно положить в сарай при музее и постараться все продать. Завтра я постараюсь выслать деньги за склад и за сторожевое; счет я от них получила на днях.

Благодарю Правление Московского Толстовского музея за скорую готовность помочь мне деньгами, за присылку 3000 рублей¹. Петр Алексеевич² поспешил мне добыть денег, зная мои затруднения; но потом он выхлопотал мне и пенсию³, и капитал по билету Торгового банка, так что деньги из музея были уже лишними, конечно, пока только.

Все, что будет нами выручено с продажи книг и альбомов и всех бумаг, вы уплатите за долг музею и сообщите со временем, сколько я должна буду доплатить.

Самое тяжелое в нашей теперешней жизни — это полная неизвестность судьбы завтрашнего дня. Купила семян овса и клевера на 1700 рублей, буду сеять свое небольшое поле, а дадут ли снять овес крестьяне — неизвестно.

Купила семян огородных, а придется ли собрать овощи для своего вегетарианского питания — тоже неизвестно. Живущих же в моей усадьбе, и господ и слуг, — очень много. Сена-клевера переворovali крестьяне более полубольшого стога, и теперь сена не хватит. Суда никакого теперь нет. На деревне идет целый день стрельба: стреляет молодежь, двух *нечаянно* ранили: одного мужчину и одну яснополянскую женщину. Призывали Душ<ана> Петр<ови>ча. Страшно даже гулять ходить. Жаловаться некому, да и бесполезно. Что меня больше всего тревожит, это то, что мы поедем всю заготовленную нами и купленную большей частью Петр<ом> Алексеевичем Сергеенко провизию: муку, крупу, пшеницу, а достать и купить будет негде, и придется с голода умирать. И никто этого как будто не видит.

Несчастье — разгром Оболенских и их Пирогова⁴, — очень осложнил жизнь, особенно моей дочери, бедной Татьяны Львовны. Хотя Оболенский старается все доставать, что возможно, но их с 4-мя детьми и прислугой 8 душ! Моя Таня очень добра к ним и благодушно относится к своим, случайно павшим на нее заботам, но ей трудно, и мне жаль ее. У нее и денег мало. Оболенский же ровно ничего не предпринимает: читает газеты, играет с кем может в карты, курит и пользуется добротой Тани.

Эти дни я делала подробную опись комнат и вещей Льва Николаевича. Но вижу, что еще не довольно подробно. А эти дни меня измучила боль в спине, и я не могу работать. Мне ведь скоро 74 года! Старость не радость. Последнее время я много переписывала для дочери Тани ее письма ко мне. Их большое набралось количество. Каждый день я учу внучку Таню по-немецки. Но трудно преподавать язык без постоянного разговора.

Весна подвигается тихо; вид из окна еще зимний, везде лежит снег, дороги до шоссе еще мокро-снежные, а на шоссе — сухие; ни на чем нельзя ездить, а ходить приходится по воде.

Очень буду рада увидеть в печати вашу большую и добросовестную работу по составлению каталога яснопол<янской> библиотеки. С очень хорошим чувством и благодарностью судьбе вспоминаю то время, когда мы тихо и дружно жили с вами, Ниной и Душ<аном> Петр<ови>чем, каждый занятый своей работой. Когда теперь я увидела ваш почерк в письме, — мне захотелось и вас повидать. Но теперь езда почти невозможна, а то мне и в Румянц<евском> музее было бы много интересной работы⁵.

Ну, прощайте, дорогой друг, уж мое письмо слишком длинно, за что прошу извинения. Я теперь почти никому не пишу писем. Кому нужно читать о чужих горестях, когда у каждого теперь свое сердце наболело.

Любящая вас и преданная

С. Толстая

91. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову

13/23 мая 1918 г. Ясная Поляна

23/13 мая 1918 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Спасибо вам за присланную мне вашу книгу¹. Постараюсь прочитать ее, так как очень ею интересуюсь. Но пишу «*постараюсь*» потому, что зрение мое очень падает, начинаю слепнуть. Ведь скоро мне будет 74 года!

Мы все надеемся, что вы выберете времечко побывать в Ясной Поляне. Давно с вами не виделись.

Получила я письмо от Н. М. Жданова, который просит экземпляр Полного собрания сочинений Льва Ник<лаевич>а продать ему. Я не знаю, остались ли у вас в Музее еще экземпляры. Продавать последние, по-моему, не следует. Если же их больше пяти, то можно один уступить Н. М. Жданову. Я бы написала ему самому, но совсем не знаю его теперешнего адреса. Письмо его ко мне шло очень долго, как и все письма в настоящее время. Пропадает также много, что досадно.

Скучаю я по Саше, давно ее не видала; а она, бедная, пишет, что всегда голодная, и материнскому сердцу это больно! И сколько теперь в России голодных и жалких людей и детей! Мы здесь еще не бедствуем. Спасибо П. А. Сергеенко, что старается добыть нам пропитание; но он стал хворать последнее время, а чем дальше, тем все труднее добывать; а на нашей усадьбе более 50 человек кормятся. Что будет дальше, Богу одному известно! Как-то вы поживаете? Говорят, что вы много и очень красноречиво беседуете с посетителями Толстовского музея.

Если вы знаете, дорогой Валентин Федорович, адрес Жданова, передайте ему то, что я вам пишу о Полн<ом> собр<ании> соч<инений> Льва Ник<олаевич>а. Я не помню, что сделали с остальными книгами в книжном складе, где находились мои книги. Увезли ли остальные, как предполагали, в сарай Толст. Музея, или все еще наш склад оплачивается, и не все вывезено?

Простите, что беспокою вас своими делами, но до Москвы я теперь никак не могу доехать.

Живется тяжело вообще; угрожает и нам даже, что не будет что есть зимой. Думаю по ночам о своих детях, внуках и друзьях, и так мучительно страдаю о всех.

Жму дружески вашу руку и вспоминаю всегда о вас с любовью.

С. Толстая

92. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой

18 июня 1918 г. Москва

18 июня 1918 г.

Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна!

Сердечно благодарю Вас за письмо. Я должен был получить его в Сибири, а получил в Москве. В Сибири потому, что 26 мая я выехал туда из Москвы по Северной ж<елезной> д<ороге>, через Ярославль — Вологду — Пермь и т. д. Я хотел провести лето у матери. Но доехал только до г. Вятки (в 1000 вер. от Москвы). В Вятке наш поезд был задержан на двое суток, а затем нам выдали обратные билеты и привезли обратно в Москву. Оказалось, что в виду восстания чехословаков всякое сообщение с Сибирью прервано. Между Екатеринбургом и Омском в разных местах путь разрушен, идут бои, в Челябинске свергнута «советская власть» и т. д., и т. д. Теперь приходится расстаться с мыслью о поездке на родину. По всей вероятности, лето я проведу в г. Владимире. Мне хочется более сосредоточенно поработать вне московской суеты.

От всей души благодарю Вас, Софья Андреевна, за приглашение побывать в Ясной. Может быть, попозже я, с Вашего позволения, загляну в это дорогое для меня место на денек-два. А пока, к великому сожалению, не смогу.

Н. М. Жданову о Вашем разрешении продать ему 1 экз<емпляр> Полн<ого> собр<ания> соч<инений> будет передано. За Вами теперь остается в музее еще 5 экз<емпляров> Полн<ого> собр<ания> соч<инений>, из которых ни один не будет тронут без Вашего разрешения.

Склад Ваш в Кокоревке еще *не* освобожден. Я все поджидал от Вас высылки *последнего счета* от Акц<ионерного> об<ществ>а товар<ных> складов. Этот документ нужен при окончательном расчете, о чем я Вам писал. Но, вероятно, Вы, за многими делами, запомнили это. — К сожалению, выяснилось еще, что сарайчик при музее очень мал и весь сплошь заполнен всякими вещами, так что вывезти туда остатки книг из Вашего склада не представляется возможным. Не найдется ли для этого помещения при квартире Сергея Львовича? Сам, к тому же, уезжаю не далее, как завтра утром, и уже не смогу взять на себя перевозку книг. Но эту операцию прекрасно мог бы выполнить (за ничтожные «чаевые») музейский артельщик Басов, которым Сергей Львович и мог бы распорядиться. М<ожет> б<ыть>, Вы бы улучили время написать об этом Сергею Львовичу, п<отому ч<то> платить за склад, мне кажется, не стоит.

Одновременно с Вашим письмом я получил другую открыточку из Ясной Поляны — от П. А. Сергеевко, за которую сердечно его благодарю.

Надеюсь, что присутствие П<етра> А<лексееви>ча все-таки много облегчает Вам заботы о сохранении и ведении Ясной Поляны.

Пока позвольте попрощаться с Вами и пожелать Вам *бороться* так же успешно с годами, как всегда. Целую с любовью Ваши руки и прошу передать всем яснополянцам мой привет от глубины души.

Любящий Вас и преданный Вам

Вал. Булгаков

ЧАСТЬ IV

ПИСЬМА
КАНАДСКИХ ДУХОБОРЦЕВ
К В. Ф. БУЛГАКОВУ

П. Г. Верещагин — В. Ф. Булгакову

1. 10 февраля 1955 г.

Уважаемый Валентин Булгаков.

Я, Петро Верещагин, когда-то писал тебе в Чехословакию¹.

Где можно достать Толстого литературу?

«Исследование 4-рех евангелий»² и князя Трубецкого «Учение о Логосе»³.

Об этих книгах я запрашиваю прежде всего.

Так же греко-русский словарь.

Есть ли там книга Ф. Леванова: «Острожники и раскольники»?⁴

В. Бонч-Бруевич, тоже будто бы о духоборах составил книгу⁵. Хотелось бы о ней знать.

Леванов пишет, что в архиве в Москве лежат записи о духоборах, еще им не исследованные⁶. Как бы эту историю духоборов в кучу собрать?

Имеют ли там толстовцы журнал?

Пришлите адрес какого-либо толстовца в Сибири.

С нижайшим приветом к вам

Петро Верещагин

Peter G. Vereshchagin Crescent Valley B. C.

Canada

Где находил Толстой те записи, из которых извлекал древние, неискаженные подлинники?

В Толстого евангелии сказано: «Я пришел не исполнить закон и пророков, но нарушить»⁷. «Сего дня ты есть со мной в раю»⁸. Что собственно значит греческое слово «εσι» (еси) по словарю?⁹ (лучше было бы в самих греков об этом спросить)

Когда мы читаем: «мы не против плоти и крови»¹⁰, тут греческое слово «ττρος» значится «против», но в тексте: «вначале было слово...» это слово значится «у Бога»¹¹.

Или переводчики ошибались, или умышленно так переводили? Удивительно, где тут недомогательство, что и современные переводчики не догонят в чём дело?

Посылаю 20¹² на почтовые расходы и на духовное дело.

Здесь радостно то, что духоборы стали заниматься литературой, но многие свободники придерживаются еще старому суевию, что мол «это мертвая буква», — не зная значения буквы, — где она должна определяться мертвой.

Мне приходит в голову мысль, что духоборы, если бы не суеверия безграмотности, когда бы знали, что те павликиане¹³, из которых мы, духоборы, вышли, «убоину в пищу не употребляли»¹⁴. А зная это, то прежде бы не от икон отказывались бы, а служили бы живому Богу.

Здесь власть свободненских детей увезла подальше от двора этих детей, в школу обучаться. Может, это как-либо могло бы уладиться в будущем по хлопотам людей религиозных. Кажется, что насилие человека над человеком быть бы не должно.

Когда весь мир шумит о свободе и справедливости, то мы взглянем на запись Толстого, Толстой солдатчину тоже называл рабством. Так что несправедливость всегда будет лежать на совести тех, кто народ в солдаты забирает.

Много ли там верующих духоборов?

Много ли духоборов живет еще в Таврии?¹⁵

У меня мысль, хотелось бы знать, какие еще духоборы могли бы остаться в своих первобытных местах, которые не были переселены в Таврию при Александре I?¹⁶

Похоже, что еще многие по всей России носят или исповедуют веру духоборов, которой, согласно истории, многие в России были заражены.

Полезно было бы духоборам переселиться к толстовцам.

Как вы смотрели бы на переселение духоборов в Россию?

В Круге чтения¹⁷ сказано, что для Бога жизнь животного равноценна жизни человека¹⁸. Как это определять? В сердце человека в этом есть подразделение, о чем также это написано и в круге чтения.

Но в смысле том, что жизнь животного так же нельзя вернуть, то она и должна бы быть для Бога равноценной жизни человека.

П. Г. Верещагин — В. Ф. Булгакову

2. Апрель 1958 г. Кресент Вали

Уважаемый Булгаков.

Я хотел спросить, как там дело обстоит с книгами?

Когда-то был «Посредник», где собиралась коллекция мирового духовного постигновения, как это дело там сейчас обстоит?

Книга к. Трубецкого — это крайне ценный документ, где разоблачается ложный документ истории христианства; это книга «Учение о Логосе».

Потом Ф. Леванова книга «Раскольники», из этой книги можно было бы извлечь историю духоборов и издать ее отдельно. Там еще в архиве в Москве Иванов описывает, что есть записи о духоборах. Охота проехать бы по России и узнать, не остались ли какие-либо следы в тех местах, где по всей России жили духоборы до переселения в Таврию. Может, еще там и нашлись бы какие потомки духоборов.

Какая вера держится среди тех духоборов, которые живут еще издавна в Сибири где-то; это же ссыльные духоборы, которые не жили на Кавказе.

Напиши их адрес.

Я когда-то тебе, Булгаков, писал в Чехословакию. Сейчас тут идут хлопоты по переселению. Главное — нужна народу книга «Круг чтения», чтобы избавить народ от лишнего суеверия.

С приветом к вам Петро Верещагин

Peter G. Vereshchagin

Crescent Valley B. C.

Canada

Есть ли там какой журнал у последователей Толстого?

Что случилось с тем обществом, которое возглавлял Проханов?

Попы православные тоже много изменились, пишут: «Взявший меч, от меча погибнет». Раньше у них не то было.

Когда-то Чертков, Бирюков и Толстой имели на мировое мнение большое влияние, сейчас же нет таких мировых спасителей, и вот дети свободников страдают, чтобы быть рабами Бога, а не человека.

Мудрец сказал: «Мы должны быть побеждены».

Во всяком случае мы, религиозный мир, почти что дождались «водворенья Бога на земле».

П. П. Веригин — В. Ф. Булгакову

3. 13 июня 1931 г. Нью-Йорк

Булгакову Валентину Федоровичу

Веригин Петр Петрович.

Июня 13-го дня 1931 года

Нью-Йорк, С. С. Ш.¹⁹

Глубокоуважаемый Валентин Федорович!

Податели сего — наши братья и сестры, посылаемые от имени «Именованных Духоборцев» Канады в пределы Советского Союза с особой миссией и задачей, а именно: получить разрешение для наших братьев и сестер, проживающих в настоящее время в Советском Союзе, на право переселения из Советского Союза в одну из стран Нового Света. Сегодня я послал Вам

телеграмму с просьбой встретить их в Германии, в портовом городе Бремене. Я уверен, что телеграмма Вами будет получена и Вы окажете им всяческое содействие как в их путешествии, так и в выполнении возложенной на них миссии. Говоря короче, я как от имени своего, а также от имени всех братьев и сестер прошу Вас убедительно принять самое живое участие в этой работе, а также привлечь и друзей. Все расходы и материальное удовлетворение за Ваш труд мы с радостью возместим с чувством глубокой братской признательности и благодарности. Бог нам и Вам в помощь.

Прошу простить меня за краткость этого письма. Сильно уставши, и нет времени написать подробно. Завтра напишу подробно и с первым же пароходом отправлю в Бремен, в контору этой пароходной компании на Ваше имя, где вы и постараетесь его получить.

Гавриил Васильевич Верещагин, председатель этой делегации, на словах посвятит Вас в суть дела.

С своей стороны, еще раз убедительно прошу вас посвятить себя, время и всё другое, всецело на это дело и в первую очередь взять руководство по всем делам нашей делегации и быть с ними и душой и телом.

С милостью Божьей я предполагаю вскорости выехать к Вам. Если Вы после встречи с нашей делегацией и той информации, которую получите от них, найдете необходимым срочный мой приезд к Вам в Европу, то прошу — шлите телеграмму: Бриллиант, Британская Колумбия, Канада, и я потороплюсь выездом.

Шлю Вам братский поклон и привет с пожеланием всех благ. Передайте то же самое Вашим родным и друзьям.

Ваш П. Веригин

4. 18 июня 1931 г. Нью-Йорк

Булгакову Валентину Федоровичу

Веригин Петр Петрович.

18 июня 1931 года.

Нью-Йорк, С. С. Ш.

Глубокоуважаемый и дорогой Валентин Федорович!

Первым долгом сообщаю Вам, что Ваш телеграфный ответ на мою телеграмму получен. Сердечно братски благодарю Вас, что Вы ответили мне, а также и за Ваше согласие встретить нашу делегацию в Бремене. Прошу Бога о Вашем благополучии и надеюсь, что Вы примете на себя и в дальнейшем труд по оказанию всесторонней помощи как нашей делегации, а также этим Вы обяжете всех нас и всех братьев и сестер не забыть вас.

Дня через два-три по отпуску сего письма, с помощью и милостью Божьей, Вы встретитесь с нашей делегацией, и Гавриил Васильевич Верещагин

передаст Вам мое письмо. Письмо то краткое; там я обещался написать Вам дополнительно, что и выполняю настоящим письмом.

Дорогой Валентин Федорович! Дело в следующем: братья и сестры — духоборцы, как живущие в Канаде, так и в России, решили соединиться вместе не только духовно, но и телесно и географически в одном месте и в одной из стран Нового Света. Это их историческая миссия и желание. Та делегация, которую Вы встретите, послана братьями и сестрами, канадцами, и цель ее — проехать в Москву к высшим органам советской власти и возбудить ходатайство о разрешении нашим братьям и сестрам российским выехать из пределов Союза. Я прошу Вас ознакомиться подробно с теми документами, что имеются на руках у делегации.

Делегаты-братья имеют на руках сертификаты от Канадского правительства на право выезда за границу и на право въезда в Канаду. Паспортов получить они не могли по той причине, что они не рождены в Канаде и состоят как духоборцы в подданстве, но это между прочим, и дело от этого не страдает. Сестры же, девушки (дочери братьев-делегатов), имеют паспорта, так как они рождены в Канаде и по Конституции имеют на это право. На сертификатах и паспортах нет виз от советских представителей, так вот, первая Ваша задача — получить визы (или в Берлине, или в Париже). Компания, на пароходе которой поехала наша делегация, обещалась помочь в этом направлении. Если найдете нужным, то войдите с ней в контакт. Одним словом, Вам там будет видней, какие и где нужно будет принять меры. Впредь, до получения виз и выезда в Москву нашей делегации, прошу Вас поместить нашу делегацию где получше и безопасней, а также не оставляйте ее и будьте во всех отношениях как родной брат и друг.

Повторяю, что я предполагаю в скором времени также приехать к Вам в Европу. Выезд нашей делегации в Москву не должен задерживаться в связи с моим приездом в Европу. Если делегация получит визы, то пусть не теряет время и едет по назначению, я по приезду в Европу войду с Вами и другими друзьями в общение, и совместно будем продолжать работу по осуществлению намеченной цели, руководствуясь данными от нашей делегации.

Сообщаю также Вам, дорогой Валентин Федорович, что мною сейчас получены письма (досланные из Канады сюда) о том, какие скорби и гонения переносят наши братья и сестры, в том числе и дети, в России. Это ужас! И такая инквизиция, перед которой гаснут все раньше бывшие проделки и мерзости детей дьявола. Имею данные, которым нельзя не верить, что там решено не только подвергнуть разным пыткам и истязаниям наших братьев и сестер с детьми, но решено положительно истребить физически. Это нужно иметь в виду и Вам и всем друзьям.

Вот всё, что пока я считал нужным написать Вам. Прошу Провидение о нашем общем благополучии. При свидании поговорим обо всем подробней.

Приветствую Вас, Вашу семью и всех друзей. Прошу, передайте то же самое делегации. Да хранит вас всех Господь.

Вашу книгу с Вашей надписью и фотографическую карточку я получил. Братски Вас благодарю и считаю себя перед Вами в долгу. Бог в помощь вам всем.

Остаюсь в надежде и уверенности, что Вы, Валентин Федорович, своей доброй душой и разумом сделаете всё, что нужно на благо дорогим братьям и сестрам. Вместе с сим письмом посылаю краткое письмо Гавриилу Вас. Верещагину. Прошу, передайте ему.

Завтра, 19, мы выезжаем из Нью-Йорка в Канаду и стремимся быть на Бриллианте Б. К. 29 июня, в день Петра и Павла.

Еще раз кланяюсь всем вам и приветствую братским поцелуем.

Ваш неизменный и братски любящий во Христе

П. Веригин

Автограф. Карандашом. На письме помета В. Ф. Булгакова: «Получено в Берлине через Nord Deutscher Lloyd».

5. 9 июля 1931 г. Бриллиант

Булгакову Валентину Федоровичу

Прага — Чехословакия.

Улица Страснаис — 976

Бриллиант, Б. К. 9 июля 1931 г.²⁰

Дорогой брат во Христе Валентин Федорович!

По тем письмам и телеграммам, которые я получил от братьев — нашей делегации — мне известно, что они сейчас в Берлине и ожидают разрешения из Москвы.

Меня радует и приводит в полное спокойствие то, что вы неотлучно возле них и с ними и приняли на себя труд помощи в руководстве того дела, которое поручено им. Да поможет Вам Господь Бог, да пошлет Он Вам бодрости духа, разумения и телесного благополучия, дабы надежда-чаяние наших братьев и сестер — дело Божье — увенчалось успехом и как можно поскорей.

Я писал Вам лично два письма. Одно с братьями делегатами и другое через контору компании в Бремене. Пребываю в надежде, что Вы их получили. Если в этих письмах что-либо мною не доказано, то прошу Вас, пишите и спрашивайте, и я немедленно отвечу.

Присылаю Вам копию с того заявления, которое было подано нашими братьями на Дону, по принадлежности. Прочтите его, пожалуйста, со вниманием, и вы увидите, уясните их положение и всё то, что там творится.

Имеется много писем от братьев из СССР, которые наводят ужас и при чтении которых слезы жалости и скорби катятся как град. Какие времена и какие дела?! О дьявол! Когда кончатся дни твои и ты отойдешь в вечность забвения?

Прошу Вас, дорогой Валентин Федорович, а также и всех друзей и братьев по духу сделать всё возможное, чтобы вырвать их — наших братьев — из ада и тем избавить их от физического истребления.

Делегация наша во что бы то ни стало должна добиться въезда в Москву и далее на свидание с братьями и сестрами на Дону.

Последние известия на Дону говорят о том, что наших братьев Духоборцев и Молокан около 500 человек, сидевших в последнее время в заключении в Ростове-на-Дону, осудили на 10 лет и отправили в дальнюю Сибирь на лесозаготовки. Вывод — на поголовное истребление. На местах же с семьями — женами, детьми и другими братьями и сестрами — творят такие издевательства, поношение, изнасилование 10–12-летних девушек, избиения и вообще тиранства, что история еще не имела, да, наверно, и не будет иметь в недрах своих ничего подобного.

Сообщаю также Вам и для сведения нашей делегации, что последняя наша делегация (6 человек) из Мексики прибыла на Бриллиант благополучно и в делах всё обстоит хорошо и успешно.

Братья и сестры, канадцы во всем благополучно и все свои взоры и мольбы устремили туда, за океан. Господи! Отец всех благ и всякой милости, сохрани и спаси народ Свой.

Лично приветствую Вас, а также братьев и девиц, низжайшим поклоном с пожеланием всего наилучшего от Господа. Прошу, передайте то же самое всем знающим и не знающим нас — братьям и сестрам по вере во Христе.

Прошу, пишите подробно обо всем.

Заочно крепко и горячо всех вас целую.

Ваш неизменный П. Чистяков (Веригин)

Во избежание всяких случайностей письмо это посылается по адресу через Прагу, Чехословакия.

П. Ч.

С. А. Григчин — В. Ф. Булгакову

6. 7 октября 1954 г. Станция Бриллиант

Октябрь 7 1954 года
Северная Америка Канада
Провинция Бритес Колумбия
станция Бриллиант, ящик 94

Дорогой друг и товарищ Валентин Федорович Булгаков.

Из страны Канады, Провинции В. С. и где мы проживаем, одному из молодых духоборцев пришлось быть в числе делегатов словянами от Феде-

рации русских канадцев²¹, это был Василий Андреевич Сухорев²². Ему удалось побывать в нашей родине Матушке России, а когда он воротился обратно в Колумбию, то есть домой, то наша организация, члены духовной общины Христа хотя его не посылали, но он был приглашен словениму Федерацией русских канадцев, по дружбе совместно с ними быть в делегатах. То все-таки члены духовной общины Христа имели многолюдные собрания и пригласили Василия Андре<евича> Сухорева, чтобы он рассказал пред народом о своей поездке, и где он был и что видел. А также и с кем имел собеседования. И в это время при последних словах своего доклада усмотрелся лично на меня и говорит: Сёма Гритчин²³, я видел вашего друга Валентина Фе<доровича> Булгакова в Ясной Поляне, Толстовском музее. Он передавал вам со мною свой желанный привет. Этими словами и желанным вашим приветом очень-очень порадовал меня, и я принял ваш желанный привет с великою благодарностию и любовью со слезами в очах. Дорогой друг Валентин Ф., все-таки вам счастье улыбнулось наверно, дали вам полное право воротиться в свою родину и быть на своем месте. А когда же это будет разрешено из Москвы вашим главным управлением для нас, страждущих Духоборцев, побывать в нашей Матушке России и свидеться с родными по крови братьями и сестрами, а также и с друзьями Духоборцами во всех местах²⁴ и соединиться с нашим русским народом за мир во всем мире в правде, братстве и любви, дорогой Валентин Ф., как это хочется и желательно побывать в России, в нашей родине, и свидеться со своими привычными местами и с теми людьми, о которых я сказал выше, дорогой друг Валентин. Не сможете ли вы посдействовать для нас, попросить ваш высший орган, правящий всей Россией, в разрешениях своих, чтобы дать нам право побывать на родине своей. Дорогие друзья, ведь мы рождены в России и часто вспоминаем о ней и никогда невозможно быть, чтобы матушку Россию забыть. Ах ты, матушка Россия!

Ах ты, матушко Росея и премилой край родной,
Широка ты необъятно, в тебе ищем мы покой.
Дай покой ты нам усталым, чтоб немного отдохнуть.
Что обещано нам Богом, грудью полную вздохнуть.
Вспомни, матушко родная, про своих родных детей.
Мы страдаем на чужбине среди гор чужих полей.
Долго ль нам еще скитаться, будет ли тому конец,
О, когда ж настанет время, мир и счастье для сердец!
Чтоб на родину вернуться и примкнуть к твоей груди
И так крепко нам обняться, не страдать уж впереди.
Но воскреснуть жизнью новой и любовью всем зажить
Одним сердцем и душою мир, любовь для всех творить.
Вот полвека мы прожили в чужедальной стороне,

Скучно время проводили, всё мечтали о тебе.
Мы подняли свои взоры на тот далекий на восток,
Через моря, леса и горы, где родимой уголок.
Как хочется перебраться в те желанные края
и вовек ни расставаться, жить как родная семья.
А ты, славная Росея, всему свету голова,
Воздадут тебе почтение, слава, честь тебе хвала.
Ах, далёко ты, родная и желанная страна,
но вера чистая, живая, нас ведет она туда.

На этом я остановлюсь, дорогой друг. Не посуди меня за мою малограмотность. Остаемся с приветом к тебе и супруге вашей и вашим детям, не поимённо, а всем ровно, и желаем вам всего хорошего и счастливой жизни.

Ваш друг Семен Алексеевич с супругою Пелагеей Андреевной
и сын Федор Семенович Гритчины

А еще Агафия С. вам шлет привет со своим семейством, дорогой друг Валентин Ф., прошу вас, пожалуйста, отвечай дружески, будем с радостью ожидать.

Пришлите нам свой адрес и как вам живется.

Еще прошу тебя, дорогой Валентин, пришлите нам со своего семейства фотографическую карточку, очень желательно видеть ваше семейство. За это мы очень будем благодарны вам. У нас в Колумбии осенние дни стали холодноваты, на вершинах гор уже лежит снежок, а в долине прибирают всякие овощи, срывают разные сорта яблочек, подготавливают к зиме урожай.

На всё сиредение. Не примите в обиду, если что будет не так. До свидания, милый друг.

Семен Алексеевич Гритчин

А. В. Дутов — В. Ф. Булгакову

7. 15 сентября 1929 г. Грамс²⁵

Сыны Свободы²⁶

Thrums В. С.²⁷

Canada

Воскресение, 15-го сентября 1929 года.

Дорогой брат Валентин Булгаков.

Посылаем Вам второе письмо с приложением второго воззвания²⁸, просим тебя распространить его как можно больше.

Мы сейчас находимся в критическом положении, с часу на час ожидаем нового более жестокого нападения, совсем уничтожат, заточат ли в темницы

или вышлют на какой-то необитаемый остров, как они распространяются здесь, чтобы уничтожить и покончить раз и навсегда²⁹.

Помещаю здесь ниже телеграмму, поданную сегодня нами в Интернациональное Антимилитаристическое бюро, Гаага, Голландия³⁰.

Мы, духоборцы Канады, обращаемся ко всем тем, у кого совесть не убита темнотой сатаны. Подымите голоса во имя истины. Мы сейчас в мирном походе. Нас встретили полицейские власти. Без всякой причины совершили самую варварскую инквизицию, какую история когда-либо записала. Мужчин, женщин и детей зверски истязали. Более 200 в тюрьме. Детей отделили от родителей неизвестно куда.

Преследование продолжается.

Камни только могут молчать, но не человеческие сердца.

Христианская Община Всемирного Братства Сыны Свободы

Просим вас, все это опубликуйте, пусть народы знают, как дорого вырабатывается Всемирное Братство.

Все неразделимо братья и сестры приветствуют вас.

Остаемся любящие вас

Сыны Свободы
Александр В. Дутов

Есть что многое сообщить, но нет времени, спешу известить всех понемногу.

В. И. Махонин — В. Ф. Булгакову

8. 19 октября 1929 г. Бьюкенен³¹

*Валентину Булгакову.
19-го октября 1929 г.
Бикьянан Саскачеван Канада³²:*

Дорогой брат во Христе, Валентин Булгаков!

С давних времен знают Вас духоборцы, что Вы есть друг по духу, на что мы надеемся на Вас.

Мы посылаем на имя Ваше деньги, сумма двести девяноста один доллар (\$ 291), которые собраны «Именованными духоборцами»³³ в Канаде для пострадавших в Болгарии от землетрясения³⁴.

Знаем, что Вы связаны по духу с братьями и в Болгарии, надеемся, что Вам больше возможно определить посылаемые деньги куда следует, по порядку: одну сотню долларов, направьте Ивану Ал. Бодянскому³⁵, по нижеследующему адресу, а остальные тем, которые терпят сильную нужду. Как только получите деньги и определите, немедленно ответьте нам, мы пошлем еще следующей почтой.

Шлем Вам чистосердечно братский привет,
также в лице Вашем передаем братский привет
всем братьям и сестрам в Болгарии,
от «Именованных Духоборцев» Канады.
Остаемся в ожидании Вашего ответа,

Исполнительный Комитет «Именованных духоборцев» в Канаде.

Председатель *В. И. Махонин*

наш адрес *W. J. Mahonin*

Box 12

Buchanan Sask. Canada

Адрес Бодянского.

BULGARIA

ROUSSE C. GP. РУСЕ, НОВО-БЪЛГАРСКА

МАХАЛА. 34, за художник Ал. Бодянки.

P.S. Посланы деньги банковым переводом.

М. П. Махортов — В. Ф. Булгакову

9. 10 февраля 1962 г. Шорэйкрес

Shoreacres³⁶. В. С. Canada

Февраля 10-го 1962 г.

Добрый день, уважаемый В. Ф. Булгаков.

Сообщаю, что получил ваше письмо вот назад 2 недели. Сердечно и душевно был рад. И благодарен за ваши нам добрые пожелания в жизни нашей. Также я передал ваше письмо для печати в нашу «Искру»³⁷, чтобы люди получили ваш привет и поклон. Наш народ очень благодарен остался вам. Вы же старый, давнишний друг Духоборцев. А вот как наши три делегата в 1931 хотели приехать в Советский Союз³⁸, а именно Г. В. Верещагин и дочь его Люба, С. А. Гритчин и дочь Агафия, Ф. Ф. Ванджов с дочкой Анастасией. Все они рассказывали о их путешествии и вашей помощи для них. Они же не знали немецкого языка. Мы встречаемся с Верещагиным и Гритчиным. Конечно, они уж старики, но помнят, как были в Германии и как вы во многом помогли им. П. Н. Малова часто вижу. Он очень доволен своей поездкой и встречей со многими друзьями на Толстовском юбилейном чествовании. Я Малова понял, что он был в Ясной Поляне, когда собирались чествовать память Льва Н. Толстого. Он рассказал, что видел двух внуков Толстова: Сережу и другого. Разговаривал с ними, а про вас что-то ясно не помню — в

вашем письме вы говорили, что якобы не видали Малова. Я при встрече с ним расспрошу, как это дело случилось, что Малов якобы не был в Ясной Поляне и с вами не повстречался. А здесь Малов делал доклад, что он был в Ясной Поляне. Все-таки Малов молодец, сделал кругосветное путешествие, и он здоров и за все время не был больной.

М. П. Махортов — В. Ф. Булгакову

10. 20 февраля 1963 г. Шорэйкрес

Shoreacres B. C. Canada February 20 1963 г.³⁹

Мир вашему дому, уважаемый соотечественник Валентин Ф. Булгаков.
Ясная Поляна, дом-музей Л. Н. Толстого.

Добрый день, дорогой брат, давно уже мы не имели переписку относительно нашей и вашей жизни, если жив, ну пожелаем вам еще пожить хотя бы до ста годов, больше проживешь, больше будешь знать. Хотя это и не в нашей воле, природа старше всего, мне вот 80-ый год, но умирать еще не собираюсь. Мой дедушка Иван Ф. Махортов прожил более ста годов. Это тот старик, когда в 1906 и 7 годах приезжали с П. В. Веригиным⁴⁰, вы, наверное, помните⁴¹. Ну теперь о другом поговорим. Духоборцы часть откололися от Главного центра Союза Духовной общины Христа, это так называемые *свободники, террористы и поджигатели* как своих, так и общественных зданий, взрывали железные дороги и мосты, взрывали электрические столбы, а потом и признавались. Их судили жестоко. Сейчас в тюрьмах около 100 человек, их осудили от 10 лет и 15 годов каторжной работы, у свободников появился новый вождь С. С. Сорокин, он-то ими управляет. Но живет он в Уругвае, Южной Америке. С ним там 3 духоборца, имеет он свое хозяйство, остальные духоборцы свободники за этот год натворили много беды своими взрывами — вот и в тюрьмах.

Семейства заключенных, мужа, жены, дети и отцы, 8-го июня *сожгли все свои дома*, а 2-го сентября все от старого до малого *двинулися в поход* 400 миль, где сидят их сыны, мужа и родители⁴². Цель их похода — протест («отпускайте наших братьев на свободу»), и вот уже шестой месяц живут абы как. Жили долго в палатках. Не добились своей цели, теперь двинулися 13 сот в большой город Vancouver B. C. Там самая вся трудность с детьми и без цента. Конечно, жители и церковь помогли им, открыли церкви, где поместилися свободники, но это все временная жизнь. Правительство нашло даже им вспомоществование, оплачивая за них квартиры и билеты на месяц на продукты, сколь это тоже будет долго, пока неизвестно (если бы вы спросили бы свободников, за какие дела вы так страдаете, ясного бы ответа вы не получили). Я за это лето ездил два раза посмотреть, как живут свободники — то эта печальная картина

и безрезультатная, их молодежь не брали в солдаты и веру от свободников не отымали и своей не навязывали, они требуют от правительства разрешить проблему свободников (?) Это нам непонятные тоже требования, а вождь Сорокин якобы хочет сделать переселение их в другую страну, но это пока остается до неизвестной степени, вот это пока и всё.

Примите наш привет и низкий поклон вот окружающих вас.

Ваш брат Мих. П. Махортов

Жду вашего ответа, как соловей теплого лета.

Перепелкин И. И.

11. 22 мая 1932 г. Трамс

В. Булгакову

Мая 22-го 1932 года

Прага

Трамс Б. К.

Сыны свободы.

Дорогой Брат!

Вам уже мы послали письма о событии, что творится здесь. Но не надеемся, получали ли вы их. Поэтому не скупись, посылаем еще.

Притом скажем, что всех под арестом находится *семьсот тридцать пять человек, 118 человек отправили в тюрьму окела — Ванкувер⁴³. 96 детей — возрастом отроду и до 18 лет, — отобраны от матерей, а также отправлены в Ванкувер⁴⁴ и в Викторию⁴⁵ в воспитательные дома и индустриальную школу⁴⁶. С лишним 160 человек под арестом находятся, около «Гранд Форкса»⁴⁷ — в порожнем городке Фениксе⁴⁸.*

Остальные в нельсонской тюрьме, в тюремной ограде — как мужчины, женщины и дети.

Еще также ожидаются арест, и готовы идти в тюрьмы около трехсот человек. Этот арест продолжается по причине, что разбираются, нагими⁴⁹. А разбираются потому, что одних вытолкнули из домов, им сбросили в исподнюю⁵⁰, за этим последовал арест одних — потом других за то, что шли — «один за всех и все за одного» — мы верны этим словам, потому такая масса попала в тюрьмы.

При этом просим вас, так как вы имеете силу, призывать добрых людей к протестам, и нужно делать протесты, потому мы боремся против убийства человека, эта причина «не убей» толкнула на истязания.

Из писем вы более поймете, в чем дела. У нас нет хороших писарей описывать, что творится. А писать есть чего очень много. Потрясли многих эти аресты, тузы в больших заботах, не знают, что делать с такими небывалыми арестами.

Одного двухмесячного арестанта отобрали от матери и блюстители закона внесли его к себе в контору и смотрели, как арестанец ботал ногами дружно сосал соску.

Притом приветствуем вас и желаем всего хорошего вам.

Сыны Свободы
Иван И. Перепелкин

12. 27 мая 1932 г. *Трамс*

В. Булгакову
Мая 27 1932 г.
Трамс
Сыны Свободы

Дорогой Брат,

Мы посылали вам письма, и еще шлем, может, некоторые из них вы получите, а может, и все получите.

Аресты сынов свободы все еще продолжаются⁵¹ по причине той, что разбираются нагими. Это только наружные причины, но самый корень — то причина не «убей», если не убей, то не давай средства на убийства братьев.

Это привело, что стали гнать из домов.

Изгнание из жилищ означает для нас верхние наши одежды. Согнали из домов, значит, сняли верхнюю одежду. Мы затем сбросили с себя и всю одежду, которая для нас только означает исподнее⁵². За это арестуют и сажают в тюрьмы и отбирают детей.

Вчера два вагона нагрузили детьми, и отправили их у Ванкувер или в Викторию, точно неизвестно куда⁵³. Разлука был трогательна. Многие матери падали в обморок — плач, крик и вопль были ужасны.

Затем прощайте, с приветом к вам

И. И. Перепелкин

И. Д. Ткачук — В. Ф. Булгакову

13. 1 ноября 1932 г.

1932 года
Ноября 1 дня

Дорогой брат Валентин Булгаков.

Мое воззвание и просьба к вам, и я уверен, что ваше сердце должно вздрогнуть и подумать о своих о духовных братьях и сестрах и также о их детях. Я извещаю вас своим письмом о духоборческом Воже Петра Петровича Веригина. Петер Веригин заключен в Канадскую тюрьму, на срок был заключен на 3 года⁵⁴. Но духоборцы очень начали ходатайствовать о нем, но прави-

тельство ему уменьшило срок с трех годов на 18 месяцев, но, конечно, никто не знал, что правительство могло так поступить по-зверски с таким великим человеком. Канадское правительство в настоящее время Петра П. Веригина депортирует из своей страны. Петр П. Веригин получил последнее решение, что в скором будущем будет выслан за пределы Канады⁵⁵. Но неизвестно, что может получиться с этим человеком, здесь очень великая ужась ожидает все духоборческие семьи, сейчас великое волнение в народе, и только Петра Петровича тронут с места, так тысячи духоборов поднимутся вслед за ним, и теперь обращаю к вам как своему родному брату, чтобы зайти в защиту этих духовных борцов и спасти их от бедствия, пусть Канадское цивилизованное правительство возьмет во внимание этих мирных жителей, Канадское правительство знало хорошо, кого принимало в Канаду⁵⁶, теперь не надо издеваться над духоборами, если эти люди неудобные для Канадского закона, так почему не предложить им и дат срок, чтоб эти люди могли поискать себе кусок земли в других государствах. Это нет закона издеваться над мирными тружениками, канадское правительство еще начало сильно издеваться в 1912 году⁵⁷, но этой год очень учинило зверское нападение, арестовало духоборского вождя, привезли его в город Саскатун⁵⁸, бросили его в подземельный подвал и начало избивать до полусмерти, но в конце концов теперь выбросят за пределы своей страны. Вот мы есть рабочие труженики, русские выходцы, обращаемся к вам, так как брат Валентин Булгаков есть толстовец, и мы в надеже, что может оказаться великая помощь вашей милости этим мирным людям, наш долг есть заявить вам свое сочувствие и понятие, что мы есть безвластники и противники войны обращаемся к великим людям за подкреплением сил, чтоб можно восстать с великим протестом против тирании Канадского правительства.

Милости вашей просим, обратитесь ко всем людям иностранным, пусть эти люди отзовутся с протестом против канадского зверства, чтоб можно нам спасти идеал духоборцев и молодое поколение.

С братским приветом

ваш брат Илья Ткачук
Илья Данилович Ткачук

Просим вас, отвечайте на мое письмо через нашу печать, газету «Рассвет», которую мы получаем, чтоб мы знали ваше душевное сочувствие и братскую любовь. Я живу не на месте, я нахожуся среди духоборческой семьи, но я сегодня на одном месте, а в завтра на другом, мне нельзя жить на одном месте, меня средство гонит (мой адрес вам:

Rassviet⁵⁹
1722 West Chicago ave
Chicago ill
U. S. A.)

Приложение

Г. Иванов — В. Ф. Булгакову

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ О СВОБОДНИКАХ⁶⁰

Я часто посещал их в тюрьме в городе Нельсон, но там были женщины и девушки, в количестве 130. Их держали здесь до отправки на остров недалеко от города Виктория, Б. К. Я приехал из города Ванкувер нарочно, чтобы их видеть и говорить с ними, но мужчины были в другой тюрьме, и я не мог туда пробраться. Это было в августе 1932 года. Я поговорил с духоборками и узнал, за что сидят осужденные на три года.

Тогда я написал письмо в «Рассвет»⁶¹, призывая рабочих помочь им взять духоборческих детей, которые до сих пор еще находятся под полицейским надзором в правительственных учреждениях и некоторые в частных английских семьях.

Сейчас духоборов изолировали, но кое-какие сведения доходят. Не подчиняющихся тюремному режиму наказывают. Недавно наказывали за отказ постричь волосы, но они объявили голодный «страйк»⁶². Чем кончится он, не знаю. Я имею сведения, что трое умерли: Петр Малый, Вяшкин, третьего не знаю. П. Малый был очень образованный человек, всегда выступал открыто, и писал кое-что в русских и английских газетах. Жена его в тюрьме, тоже развитая женщина, дети отобраны.

Вот где Л. Н. Толстой нужен бы был. Я уверен, что с ним бы считались и он свободникам помог бы. Свободники достойны глубокого уважения.

Если бы советское правительство не было такое зверское, то свободникам должно бы быть место в России, как примерным людям. Свободники помогли бы прогрессировать душевному состоянию многих людей. Но Соединенные Штаты и Канада для них не годятся, ибо люди слишком эгоистичны. Я не знаю, кому свободники этим обязаны, но они и до сих пор еще русские милые люди, несмотря на 35-летнее гонение. Какие гонения не делало канадское правительство, все же они остались с русским душевным складом.

Г. Иванов

Бриллиант, Б. К.

Христианская община Всемирного Братства в Канаде

ЛТД⁶³ — В. Ф. Булгакову

13. 11 июня 1931 г. Бриллиант

Главное Управление

Бриллиант, Б. К.⁶⁴ 11-го июня, 1931 г.

ВАЛЕНТИНУ БУЛГАКОВУ,

ПРАГА, Чехословакия.

Уважаемый Г-н Булгаков!

Просим Вас, пожалуйста, вышлите для нашей библиотеки 500 экземпляров Вашей книги «Толстой, Ленин, Ганди»⁶⁵. По получении книг и счета мы немедленно переведем Вам деньги сполна по счету.

Примите наше уверение в совершенном почтении к Вам.

Т. П. Шукин
1-й Вице-Президент
ВС.

Высылайте книги по нижеследующему адресу:

TO: LIBRARY OF: THE CHRISTIAN COMMUNITY OF UNIVERSAL
BROTHERHOOD OF CANADA LIMITED.

Brilliant, British Columbia, Canada⁶⁶.

14. 5 октября 1931 г. Бриллиант

Главное Управление

Бриллиант, Б. К. Октября 5-го 1931 г.

Булгакову Валентину Федоровичу,

Прага — Чехословакия.

Уважаемый брат Валентин Федорович!

Уведомляю Вас, что первую посылку Ваших книг «Толстой, Ленин, Ганди» цензура Канадского правительства задержала и уведомила нас, что они возвратят книги обратно Вам, поэтому прошу Вас не делать дальнейшей посылки этой книги до особого выяснения этого вопроса. Если Канадское правительство не разрешит пропускать свободно эти книги адресатам⁶⁷, то и не нужно входить в лишние расходы. Мы требовали от правительства, чтобы оно освободило эти книги и выдало нам, но правительство не обратило никакого внимания на наше требование. Что правительство нашло вредным в этой книге — нам неизвестно — правительство не делает ни каких объяснений.

С братским приветом к Вам,

Ваш брат,

Т. П. Шукин
ВС⁶⁸.

Примечания

Список сокращений

ОР ГМТ — Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого, Москва.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.

Юб. — *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. (Юбилейное). М., 1928–1964.

От редактора. «В споре с Толстым» и переписка В. Ф. Булгакова

В библиографических ссылках, особенно иностранных авторов, часто не указываются конкретное издание и страницы, поскольку Булгаков, работая над рукописью «В споре с Толстым» за границей до возвращения в Россию, пользовался различными иностранными изданиями и, приводя цитаты, делал собственные переводы, значительно отличающиеся от известных нам.

¹ См. изд. А. А. Донскова «Как прожита жизнь. Воспоминания последнего секретаря Л. Н. Толстого В. Ф. Булгакова» (сост. Л. В. Гладкова, Дж. А. Вудсворт, А. А. Ключанский), Slavic Research Group of the University of Ottawa, РГАЛИ, Гос. музей Л. Н. Толстого, Москва, Кучково поле, 2012, особенно «О жизни, прожитой В. Ф. Булгаковым», с. 7–34 и «Основные даты жизни и творчества В. Ф. Булгакова», с. 728–783. Книга включает библиографию (С. 784–813), представляющую собой наиболее полный перечень трудов В. Ф. Булгакова и работ, так или иначе затрагивающих его жизненный путь, научную и общественную деятельность и творчество.

² Тула: Приок. кн. изд-во, 1964. С. 280–312.

³ Машинопись с правкой автора. РГАЛИ. 1964. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 134. 306 л.

⁴ «В споре с Толстым: На весах жизни». РГАЛИ. 1964. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 134, л. 1. Булгаков в отчете текущей работы за 1957 г. (28 сентября 1957 г.) дает следующую информацию: «Книга написана была дважды. Первая, более полная и систематически разработанная ее редакция, равно как и все подготовительные материалы к ней, в том числе авторские дневники за много лет, сгорели в подожженном немцами доме, где они хранились, в г. Праге, в дни чешского восстания против немецко-фашистских оккупантов, в конце Второй мировой войны, в мае 1945 года. Читателю предлагается вторая редакция книги, возникшая в 1945–1949 годы, по освобождению автора из немецких тюрем и лагеря. В нее внесена, по случайно сохранившимся в другом месте обрывкам черновой рукописи, только небольшая часть прежних мыслей. Все остальное написано вновь.

⁵ Как прожита жизнь... С. 12–13.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ В споре с Толстым: На весах жизни, гл. 2-я: «Дух и материя».

⁸ Там же, гл. 3-я «Нормы совершенствования».

⁹ Там же.

¹⁰ Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки / Ред. А. А. Донсков, сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова. Группа славянских исследований при Оттавском университете и Государственный музей Л. Н. Толстого. Т. 2. С. 969–970.

¹¹ В споре с Толстым: На весах жизни, гл. 4: «Мужчина и женщина».

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ В споре с Толстым: На весах жизни, гл. 6: «Государство».

¹⁵ *Толстой Л. Н.* Путь жизни (Здесь и далее цитаты из произведений Л. Н. Толстого даются по изданию: *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Юбилейное издание. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1958, с указанием тома и страницы: *Юб.* Т. 45. С. 488).

¹⁶ В споре с Толстым: На весах жизни, гл. 7: «Summum bonum».

¹⁷ В споре с Толстым: На весах жизни, гл. 8: «Смена поколений».

¹⁸ См. «Секретарство у Л. Н. Толстого» // Как прожита жизнь... С. 145–155.

¹⁹ *Булгаков В. Ф.* Жизнепонимание Л. Н. Толстого в письмах его секретаря В. Ф. Булгакова. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. 48 с.

²⁰ Интересно отметить, что вопросы, рассматриваемые в этой публикации, а также в «Христианской этике», переносятся и более подробно обсуждаются много лет спустя в книге Булгакова «В споре с Толстым».

²¹ Как прожита жизнь... С. 150. См. также тома (*Юб.* Т. 81, 82), содержащие письма, написанные Булгаковым по поручению Толстого. О позитивной оценке Толстым работы Булгакова — см. письмо Толстого к Булгакову от 26 июля 1910 г.

²² Рассказ Кудрина был издан под заглавием «Что Андрей Иванович Кудрин рассказал Толстому» (Берлин: Изд. Ладьяжников, 1910).

²³ Письма Булгакова к С. А. Толстой печатаются впервые; 21 письмо С. А. Толстой к Булгакову напечатано в книге: *Булгаков В. Ф.* О Толстом. Тула, 1964. С. 280–312; 14 писем публикуются впервые.

²⁴ Там же. С. 283.

²⁵ Там же. С. 284.

²⁶ См. Как прожита жизнь... С. 436–437.

²⁷ Там же. С. 440–441.

²⁸ Письма С. А. Толстой к Вал. Ф. Булгакову // *Булгаков В. Ф.* О Толстом. С. 281–283.

²⁹ Полный перечень последних изданий работ С. А. Толстой и критических исследований ее жизни и творчества, см. Donskov Andrew, «Sofia Andreevna Tolstaya. Literary works». Slavic Research Group at the University of Ottawa and State L. N. Tolstoy Museum, Moscow, 2011.

³⁰ Надо отметить, что, в отличие от большинства англоговорящих, русские чаще используют слово «Америка» для обозначения Североамериканского континента, чем Соединенных Штатов как страны.

³¹ Статья В. Ф. Булгакова под редакторским названием «Духоборцы» опубликована: журнал «Ясная Поляна». Рига. Выпуск 8. Сентябрь–ноябрь 1989, С. 41–55. Редактор-издатель Георгий Мейтин.

³² Часть следующего материала опубликована в моей книге «Leo Tolstoy and the Canadian Doukhobors: an historic relationship», Оттава, Centre for Research on Canadian-Russian Relations, Carleton University, 2005. В книге содержится обширная библиография по вопросам духоборчества. См. особенно с. 437–467.

³³ См. мою статью о распространении учения Толстого: «Tolstoj, Tolstoyans and the Doukhobors. From Imperial Russian archival files» // *Russian Literature*. Т. 43. № 4 (1998). С. 431–444.

³⁴ Юб. Т. 70. С. 126–127. 5 октября 1898 г. канадское правительство предоставило духоборцам разрешение на въезд в страну. Толстой попросил своего друга Леопольда Сулержицкого сопроводить первый пароход с духоборцами в Канаду. Второй пароход он доверил своему старшему сыну Сергею Львовичу Толстому. Таким образом, 4 января 1899 г. (22 декабря 1898 г. по старому стилю) Сергей Львович отбыл из Батума на борту «S. S. Lake Superior», сопровождая 2300 духоборцев на новую землю обетованную. См.: *Донсков А. А.*, ред. «Сергей Толстой и духоборцы: путешествие в Канаду». — Оттава: Slavic Research Group at the University of Ottawa и Москва, Гос. музей Л. Н. Толстого, 1998, где С. Л. Толстой описывает первые, тяжелые месяцы духоборцев в Канаде. См. также: *Донсков А. А.*, ред. / Л. Н. Толстой и П. В. Веригин: переписка. Оттава: Legas, 1995.

³⁵ Юб. Т. 71. С. 497. Неудивительно, что Толстой до наших дней пользуется особым почтением у сегодняшних потомков духоборцев, которые продолжают называть его «дедушкой Толстым».

³⁶ Вспомним, что 5 сентября 1914 г. Булгаков написал антимилицаристическую статью о войне, опубликованную в 1917 г. в санкт-петербургском журнале «Жизнь для всех» (№ 4): 507–522; 28 сентября 1914 г. Булгаковым написано воззвание «Опомнитесь, люди-братья». Под воззванием было поставлено 27 подписей. Впрочем, сам Булгаков упоминал о 42 участниках протеста против войны.

³⁷ См.: *Донсков А. А.* Leo Tolstoy and Russian peasant sectarian writers: selected correspondence. Оттава: Slavic Research Group at the University of Ottawa, 2008.

³⁸ Духоборцы. С. 48–49. В отчете о научной работе за 1932 г. Булгаков писал следующее: «В 1932 году я разработал небольшое сочинение по истории секты духоборцев, находившейся в связи со Л. Н. Толстым. В сочинении этом дан был исторический очерк духоборческой общины и описание современного ее состояния в Канаде. (Как известно, духоборцы выехали из России в количестве 7000 человек в 1899 г.) Ценность книги, вышедшей со многими иллюстрациями лишь на болгарском языке, в том, что в ней использованы данные, полученные мною при личном общении с некоторыми выдающимися представителями духоборческой общины» — «Как прожита жизнь». С. 21.

³⁹ Строго говоря, духоборцы не были членами разных групп или ассоциаций, но в письме от 14 августа 1932 г. к Булгакову, духоборец И. Г. Бондарев подтверждает, что, на самом деле, духоборцы вошли в состав этой организации: «Некоторое время тому назад, мы получили из Болгарии несколько номеров одной болгарской газеты, в которой напечатана статья о Духоборцах в Канаде и их присоединении в Союз Интернационала Противников Войны. В газете упоминается Ваше имя тоже, хотя болгарский язык очень трудно понять но в общем мы поняли о чем шла речь. Мы благодарны всем за хороший отзыв о нашем присоединении в этот союз. Также выражаем Вам искреннюю благодарность за постоянное сотрудничество и содействие нам в деле освещения христианских идеалов» (РГАЛИ. Ф. 2226).

⁴⁰ Он имеет в виду, главным образом, желательность единства среди самих духоборцев. В то время духоборцы делились на три группы: оставшиеся в Саскачеване так называемые независимые духоборцы и две группы, переехавшие в Британскую Колумбию: члены Христианской Общины Всемирного Братства и Сыны Свободы (или «свободники»). Последняя группа систематически преследовалась канадским правительством, в основном — за их отказ посылать своих детей в канадские школы. Свободники обвиняли остальных духоборцев в излишней алчности и отсутствии коллективной и общественной собственности. Их протесты выражались маршами, поджогами и публичной наготой. Правительство принимало суровые меры, насильно забирая из дома и отправляя в школы их детей. Все это продолжалось вплоть до конца 1960-х годов.

⁴¹ Духоборцы. С. 55.

В СПОРЕ С ТОЛСТЫМ: НА ВЕСАХ ЖИЗНИ

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 134.

¹ Булгаков работал в качестве секретаря Л. Н. Толстого с января 1910 г. до смерти писателя в ноябре того же года. Первая встреча Булгакова с Толстым состоялась в августе 1907 г.

² Булгаков оказался в Праге и обосновался там в 1923 г. после высылки из СССР. С весны 1943 г. он находился в заключении в замке Вюльцбург (нем. Wülzburg) в Баварии. В Прагу смог вернуться в мае 1945 г. уже после Пражского восстания 5–8 мая.

³ Булгаков оставался в Праге до августа 1948 г., после чего выехал в СССР. Таким образом, вторая редакция книги создавалась, по словам Булгакова, большей частью в Чехословакии и в первый год после возвращения в СССР. Однако некоторые фрагменты свидетельствуют о том, что автор и в дальнейшем продолжал работать над рукописью.

⁴ Булгаков родился 25 (13 ст. ст.) ноября 1886 г. в Сибири в г. Кузнецке в семье смотрителя училищ Кузнецкого и Бийского округов Федора Алексеевича Булгакова и его жены Татьяны Никифоровны Булгаковой. После окончания начальной школы в Кузнецке учился в Томской мужской гимназии.

⁵ В 1906–1909 гг. Булгаков учился в Московском университете на историко-философском факультете на отделении филологических наук.

⁶ Книга Г. И. Челпанова «Введение в философию» была опубликована в Киеве в 1905 г. Булгаков в бытность свою студентом Московского университета посещал семинары проф. Челпанова.

⁷ Булгаков всерьез заинтересовался философскими произведениями Толстого в 1906 г. В 1907 г. впервые посетил писателя в Ясной Поляне. В 1910 г. работал секретарем Толстого.

⁸ *Толстой Л. Н.* Что такое религия и в чем сущность ее (1901). В точности цитата, которую приводит Булгаков, выглядит так: «Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками». (*Юб.* Т. 35. С. 163).

⁹ Теорию пространства и времени Канта см. в его трудах: «Критика чистого разума» (1781), «Пролегомены» (1783).

¹⁰ Адам — согласно библейскому преданию (Быт, 1–5), сотворенный Богом первый человек, прародитель рода человеческого.

¹¹ *Гюго В.* Собор Парижской Богоматери (*примеч. Булгакова*).

«Собор Парижской Богоматери» (*фр.* «Notre-Dame de Paris») — исторический роман В. Гюго (1831). Однако Булгаков ошибся. Приводимый отрывок взят из романа Гюго «Отверженные» (*фр.* «Les Misérables») (1862). Т. 1. Кн. 7. Гл. 5. «Молитва».

¹² Ошибка Булгакова. Цитата взята из проповеди 12 М. Экхарта (*Экхарт М.* Духовные проповеди и рассуждения. М., 1912).

¹³ *Толстой Л. Н.* Что такое искусство? (1897–1898). Гл. XVI (*Юб.* Т. 30. С. 154).

¹⁴ «Красное и черное» (*фр.* «Le Rouge et le Noir») — роман Стендаля.

¹⁵ Булгаков приводит отрывок из предпоследней главы романа Стендаля «Красное и черное» (Ч. 2. Гл. XLIV).

¹⁶ Психофизический монизм — философское учение, согласно которому психическое и физическое представляют собой взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы, неотделимые друг от друга и связанные причинно-следственными связями. Булгаков выступает приверженцем психофизического монизма как принципа единства духовного и материального начал.

¹⁷ Сборник «Тарусские страницы», Калуга, 1961. С. 301.

¹⁸ Четвертый и пятый члены Символа веры — изложения основ христианского вероучения.

¹⁹ Отрывок из письма впервые был опубликован в газете «Речь» (1910, марта 10. № 67).

²⁰ Трапписты, или Орден цистерцианцев строгого соблюдения, — католический монашеский орден, основанный в 1664 г. А. Ж. ле Бутилье де Рансе, аббатом цистерцианского монастыря в Ла-Траппе во Франции.

²¹ Трактат Фомы Кемпийского «О подражании Христу».

²² Умный поймет (*лат.*).

²³ См. *Мальбрани Н.* Разыскания истины (*De la recherche de la vérité.* 1674–1675).

²⁴ Мф 6, 26.

²⁵ Мф 6, 28–29.

²⁶ Бог, или природа (*лат.*).

²⁷ Толстой писал: «Я... употребил все силы на то, чтобы, как могу и умею, исполнять волю Того, Кто меня послал в жизнь и к Которому я очень скоро должен пойти. Я мог ошибаться в этом искании лучшей жизни и более полного исполнения воли Бога, но я знаю, что руководило и руководит мною одно это желание...» (*Юб.* Т. 71. С. 349).

²⁸ Имеется в виду первая редакция философской драмы Г. Флопера «Искушения святого Антония» (*La Tentation de saint Antoine*), написанная в 1849 г. (завершена в 1874 г.).

²⁹ Анахоретство (греч. *anachoretetes*) — отшельничество.

³⁰ Имеется в виду статья В. А. Жуковского «О смертной казни» (1849).

³¹ По легенде, Будда отрезал у себя кусок бедра, чтобы накормить голодную тигрицу.

³² *Stierner M.* Der Einzige und sein Eigentum. Leipzig, 1844. На русском языке книга вышла в Петербурге в 1907 г.

³³ *Розанов В. В.* Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария. СПб., 1906. С. 109, 133–134, 140, 159, 164.

³⁴ Поэма «Град жизни» (1464) написана под влиянием «Божественной комедии» Данте; была осуждена Церковью как еретическая и сожжена.

³⁵ *Григорий Богослов.* «Песнопения таинственные. Слово 10, о человеческой природе».

³⁶ Здесь и далее приводятся цитаты из книги Р. Роллана «Жизнь Микеланджело».

³⁷ *Чернышевский Н. Г.* Антропологический принцип в философии (1860) // Чернышевский Н. Г. ПСС: в 15 т. М., 1950. Т. VII. С. 293.

³⁸ Отрывок из стихотворения Ф. И. Тютчева «Не то, что мните вы, природа...».

³⁹ «Разговор Д'Аламбера с Дидро» (1769).

⁴⁰ *Латшин И. И.* Фихте Иоганн Готтлиб // *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.* СПб., 1902. Т. 36. С. 59.

⁴¹ Имеется в виду один из четырех классических китайских романов «Речные заводи».

⁴² Суфистов.

⁴³ Перевод А. А. Фета (1859).

⁴⁴ Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (1830).

⁴⁵ Отвращение к жизни (*лат.*).

⁴⁶ *Фома Кемпийский.* О подражании Христу / Перевод с лат. К. П. Победоносцева. — СПб., 1868.

⁴⁷ *Толстой Л. Н.* Путь жизни (*Юб.* Т. 45. С. 395). Приведенный Булгаковым вариант отличается от опубликованного текста.

⁴⁸ Отрывок из стихотворения А. С. Хомякова «Подвиг есть и в сраженьи...» (1859).

⁴⁹ *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая. «Евгений Онегин» // *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 467.

⁵⁰ *Юб.* Т. 41. С. 449.

⁵¹ Письмо от 18/29 сентября 1778 г. из Аахена (*Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: в 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 480).

⁵² *Страхов Н. Н.* Толки о Толстом // *Страхов Н. Н.* Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 156.

⁵³ *Державин Г. Р.* Отрывок из стихотворения «Бог» (1784).

⁵⁴ *Юб.* Т. 41. С. 138–139. Вариант, приведенный Булгаковым, отличается от опубликованного.

⁵⁵ *Юб.* Т. 58. С. 6.

⁵⁶ В статье «Еврейство и христианский вопрос» Вл. Соловьев писал: «Говоря о материализме, следует различать такого рода материализм: практический, научно-философский и религиозный. <...> Практический материализм в своей чистой форме весьма редко встречается между настоящими евреями; как уже замечено, даже их всесветное сребролюбие освящается высшею целью — обогащением и славою всего Израиля. Точно так же и научно-философский материализм вырос не на семитической почве, а на почве греко-римского и потом романо-германского образования; лишь сквозь среду этого образования могут евреи усвоить себе материалистическую философию, совершенно чуждую их собственному национальному духу. Зато этому национальному духу издревле был свойственен третий, особый вид материализма, который радикально отличается от двух первых и который я для краткости обозначаю не вполне точным названием материализма *религиозного*» (*Соловьев Вл.* Собрание соч.: в 10 т. / Под ред. и с примеч. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. СПб., 1914. Т. 4. С. 147–148).

⁵⁷ *Фихте И.* Назначение человека (Книга третья. Вера).

⁵⁸ *Hertwig H.* *Das Liebesleben des Menschen.* Berlin, 1940.

⁵⁹ Ср. запись в дневнике Л. Н. Толстого 18 апреля 1890 г.: «Думал в ответ на письмо Кудрявцева, в котором он пишет, что половой союз есть священный акт, так как продолжает род, думал, что как человек вместе со всеми животными подчиняется закону борьбы за существование, так он подчиняется как животное и закону полового размножения, но человек как человек находит в себе другой закон, противный борьбе — закон любви, и противный половому общению для размножения — закон целомудрия» (*Юб.* Т. 51. С. 37–38).

⁶⁰ *Толстой Л. Н.* Послесловие к «Крейцеровой сонате» (*Юб.* Т. 27. С. 87).

⁶¹ *Толстой Л. Н.* О половом вопросе. Мысли Л. Н. Толстого, собранные В. Г. Чертковым. СПб., 1906. С. 50.

⁶² Толстой писал: «Говорят, что если все люди будут целомудренны, то прекратится род человеческий. Но ведь по церковному верованию должен наступить конец света; по науке точно так же должны кончиться и жизнь человека на земле и сама земля; почему же то, что нравственная добрая жизнь тоже приведет к концу род человеческий, так возмущает людей?

Главное же то, что прекращение или не прекращение рода человеческого не наше дело. Дело каждого из нас одно: жить хорошо. А жить хорошо по отношению половой похоти значит стараться жить как можно более целомудренно» (Путь жизни. *Юб.* Т. 45. С. 119).

⁶³ *Толстой Л. Н.* О половом вопросе. Мысли Л. Н. Толстого, собранные В. Г. Чертковым. СПб., 1906. С. 38.

⁶⁴ *Лермонтов М. Ю.* Валерик (Соч.: в 6 т. М., 1954. Т. 2. С. 166).

⁶⁵ Мф 19, 3–6.

⁶⁶ *Толстой Л. Н.* Дневниковая запись 14 декабря 1897 г. (*Юб.* Т. 53. С. 155).

⁶⁷ Свод еще не издан, но о такой же цинической характеристике полового акта, — правда, выраженной гораздо короче и в печати данной лишь начальными буквами слов, — встречаем упоминание в книге «В Ясной Поляне. (Правда о моем отце)» Л. Л. Толстого, Прага, 1923 (*примеч. Булгакова*).

⁶⁸ *Гусев А. Ф.* О браке и безбрачии. Против «Крейцеровой сонаты» и «Послесловия» к ней графа Л. Толстого. Казань, 1891. С. 53.

⁶⁹ *Юб.* Т. 87. С. 25.

⁷⁰ Там же. С. 24.

⁷¹ Андрей Яковлевич Григорьев (1848–1926?), скопец.

⁷² Тон заметки сам собой выдает, что под этим осторожным «и т. п.» в скобках имеется в виду прежде всего именно тяга молодежи к женщинам (*примеч. Булгакова*).

⁷³ *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения (*Antropologie in pragmatischer Hirsicht*) (ч. 1, § 26). Цитата взята Булгаковым из «Круга чтения», составленного Л. Н. Толстым. См.: *Юб.* Т. 41. С. 201.

⁷⁴ *Зайцев Б. К.* Преподобный Сергей Радонежский // *Зайцев Б. К.* Полн. собр. соч.: в 5 т. М., 2000. Т. 7 (дополнительный). С. 41, 45, 64, 69.

⁷⁵ *Зайцев Б. К.* Афон // Там же. С. 75–152.

⁷⁶ Сочинения Рейсбрука (Рюйсбрука) Удивительного написаны на латинском и средненидерландском языках, они были переведены на многие языки. Неизвестно, на каком языке читал их Булгаков, но здесь приведен искаженный перевод «Книги двенадцати бегинок».

⁷⁷ *Мережковский Д. С.* Лев Толстой и Достоевский // Полное собрание Дмитрия Сергеевича Мережковского. М., 1914. Т. XI. С. 33.

⁷⁸ *Юб.* Т. 82, с. 108. В *Юб.* печатается под датой 13 августа 1910 г.

⁷⁹ Мф 19, 6.

⁸⁰ «Суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк 2, 27).

⁸¹ «А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует» (Мф 5, 32).

⁸² «Вино, женщины и пенье!» (*нем.*)

⁸³ «Мысли» (*фр.*).

⁸⁴ Дневниковая запись от 16 августа 1909 г. (*Юб.* Т. 57. С. 117).

⁸⁵ Имеются в виду письма Толстого к П. В. Веригину от 21 ноября 1895 г. (*Юб.* Т. 68. С. 262–265) и от 14 октября 1896 г. (*Юб.* Т. 69. С. 168–172).

⁸⁶ *Толстой Л. Н.* Путь жизни (*Юб.* Т. 45. С. 306).

⁸⁷ Пропуск в тексте.

⁸⁸ Пропуск в тексте.

⁸⁹ За выступление против войны (*примеч. Булгакова*).

⁹⁰ Пропуск в тексте.

⁹¹ *Юб.* Т. 41. С. 291.

⁹² *Маковицкий Д. П.* У Толстого, 1904—1910: «Яснополянские записки»: в 4 кн. Кн. 1. М., 1979. С. 146.

⁹³ *Юб.* Т. 30. С. 27–203.

⁹⁴ *Юб.* Т. 35. С. 216–272.

⁹⁵ Изложение которой я прочел, будучи студентом, в одной из статей В. Розанова (Варварина) в газете «Русское слово» (*примеч. Булгакова*).

⁹⁶ См.: *Евреинов Н. Н.* Театрализация жизни (Поэт, театрализирующий жизнь). М., 1922.

⁹⁷ *Белинский В. Г.* Метеор, на 1845 год // Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 39.

⁹⁸ *Платон.* Апология Сократа.

⁹⁹ *Чернышевский Н. Г.* Сочинения А. С. Пушкина. Изд. П. В. Анненкова. Статья вторая // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1949. Т. II. С. 475.

¹⁰⁰ В трактате «Что такое искусство?» Толстой писал: «Так, например, наш Пушкин пишет свои мелкие стихотворения, «Евгения Онегина», «Цыган», свои повести, и это всё разного достоинства произведения, но всё произведения истинного искусства. Но вот он под влиянием ложной критики, восхваляющей Шекспира, пишет «Бориса Годунова», рассудочно-холодное произведение, и это произведение критики восхваляют и ставят в образец» (*Юб.* Т. 30. С. 124).

¹⁰¹ Письмо от 4 октября 1888 г. (*Чехов А. П.* ПСС: В 30 т. Письма: в 12 т. Т. 3. М., 1976. С. 10).

¹⁰² Письмо от 27 марта 1894 г. (Там же. Т. 5. С. 283–284).

¹⁰³ «Не беремся описывать чувства, испытанные Саниным при чтении этого письма. Подобным чувствам нет удовлетворительного выражения: они глубже и сильнее — и неопределеннее всякого слова. Музыка одна могла бы их передать».

Тургенев И. С. Вешние воды // *Тургенев И. С.* ПСС: в 30 т. Т. 8. М., 1981. С. 382.

¹⁰⁴ Большой частный театр Г. Г. Солодовникова на Большой Дмитровке в Москве (с 1895 г.). С 1961 г. здесь размещается Московский театр оперетты.

¹⁰⁵ Миллионы, к нам в объятья!

Люди, поцелуй сей вам!

Над небесным сводом, там,

Должен жить отец наш, братья!

(Шиллер Ф. К радости. Перевод К. С. Аксакова).

¹⁰⁶ Большая Советская Энциклопедия. Т. 33.

¹⁰⁷ Встречи между Наполеоном и императором Александром I в Эрфурте проходили с 27 сентября по 14 октября 1808 г. в Эрфурте; в результате переговоров был подписан союзный договор. Здесь на Эрфуртском конгрессе Наполеон познакомился с Гёте и наградил его орденом Почетного легиона.

¹⁰⁸ Церкви Св. Северина (*нем.*).

¹⁰⁹ *Иванов Вяч. И М. О. Гершензон.* Переписка из двух углов. СПб., 1921. С. 56.

¹¹⁰ *Юб.* Т. 90. С. 435.

¹¹¹ *Юб.* Т. 28. С. 142.

¹¹² 6 февраля 1857 г. Ф. М. Достоевский венчался в Богородской церкви первым браком с М. Д. Исаевой (*примеч. Булгакова*).

¹¹³ Причину (*фр.*).

¹¹⁴ Со ссылкой на Вл. Соловьева этот афоризм приводит Н. А. Бердяев в работе «Философия неравенства». В книге «Оправдание добра» (гл. 17. «Нравственность и право») Вл. Соловьев писал: «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он — *до времени* не превратился в ад» (Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 454).

¹¹⁵ Дневник А. С. Суворина. М.: Пг., 1923. С. 335.

¹¹⁶ *Маркс К.* Манифест Коммунистической партии (1848).

¹¹⁷ И все прочие (*ит.*).

¹¹⁸ М. П. Новиков после революции неоднократно подвергался репрессиям. Расстрелян в 1937 г. См.: *Новиков Михаил.* Из пережитого / Изд. подготовлено Л. В. Gladkoy. М., 2004.

¹¹⁹ *Горький М. А. А.* Блок // *Горький А. М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1951. Т. 15. С. 330.

¹²⁰ Бог из машины (*лат.*), т. е. искусственное, вызванное вмешательством извне.

¹²¹ *Ленин В. И.* Л. Н. Толстой и современное рабочее движение // В. И. Ленин о Толстом. М., 1978. С. 67–68.

¹²² «Масарик ездил со Львом Николаевичем в деревню посмотреть жизнь яснополянских мужиков. Войдя в одну избу, Масарик заплакал, увидав ту бедность, в которой живет русский народ. Отец рассказывал об этом с недоумением и сочувствием» (*Толстой Л. Л.* В Ясной Поляне. Правда об отце и его жизни. Прага, 1924. С. 60).

¹²³ 2 января 1905 г. Д. П. Маковицкий записал: «Л. Н. говорил, что если переменят форму правления, то выберут Петрункевича, а Петрункевич и компания не стоят выше царя. Мирский — такой же офицер, как царь. Он (Л. Н.) не понимает, как Николай может править стомиллионным народом, не спрашивая совета. Как Николай мог затеять маньчжурскую,

Чемберлен — бурскую войну или китайскую, точно так же будут и петрункевичи делать то же самое. Менять Николая на Петрункевича, на конституцию — это тот же вздор, как если бы предложить вместо православия — пашковство, или скопчество, или Army of Salvation «Армию спасения»» (Маковицкий Д. П. У Толстого, 1904—1910: «Яснополянские записки»: в 4 кн. Кн. 1. М., 1979. С. 122).

¹²⁴ «Не анархизм то учение, которым я живу. А исполнение вечного закона, не допускающего насилия и участия в нем. Последствия же будет или анархизм, или, напротив, рабство под игом японца или немца? Этого я не знаю и не хочу знать» (Юб. Т. 58. С. 7).

¹²⁵ Имеется в виду Михаил Васильевич Булыгин.

¹²⁶ *Тенеро И.* Живые речи Л. Н. Толстого за последние 25 лет его жизни. М., 1912. С. 86–87.

¹²⁷ *Эккерман И. П.* Разговоры с Гёте. СПб., 1891. С. 223.

¹²⁸ Высшее благо (лат.).

¹²⁹ *Толстой Л. Н.* Путь жизни (Юб. Т. 45. С. 488).

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Булгаков полемизирует с положениями учения Л. Фейербаха в изложении философа И. И. Лапшина, который в статье «Фейербах» писал: «лучшие стороны своего “я” — своих помыслов, чувств и желаний — люди издревле ипостасировали в божественные реальности. <...> Боги — дети желания, продукты фантазии. <...> В настоящее время ее <религии> роль сыграна.

Религиозная потребность проистекала из невозможности удовлетворить желаниям и идеалам; но по мере прогресса наук, искусств и социальных форм жизни эти идеалы мало помалу осуществляются, и религия утрачивает то положительное значение, какое она имела в прошлом» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 69. СПб., 1902. С. 425).

¹³² Герой «Живого трупа» Федя Протасов говорил: «Да. Моя жена идеальная женщина была. Она и теперь жива. Но что тебе сказать? Не было изюминки, — знаешь в квасе изюминка? — не было игры в нашей жизни» (Юб. Т. 34. С. 76).

¹³³ Цитата из письма от 6/18 октября 1838 г. (*Тютчев Ф. И.* Полное собрание соч. и письма: в 6 т. Т. 4. М., 2004. С. 113).

¹³⁴ *Добролюбов Н. А.* Николай Владимирович Станкевич // *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М., 1936. С. 67.

¹³⁵ Там же. С. 69

¹³⁶ Цит. по: *Булгаков В. Ф.* О И. Репине и его друзьях // Новое о Репине. Статьи и письма художника. Воспоминания учеников и друзей. Публикации. Ред.-сост.: И. А. Бродский и В. Н. Москвинов. Л.: Художник РСФСР, 1969. С. 325.

¹³⁷ «Бог, или природа» (Спиноза, лат.).

¹³⁸ К. П. Победоносцев. Письма и записки. М.: Пг, 1923. Т. I. С. 138.

¹³⁹ См.: *Hertwig H.* Schicksale ewiger Liebe. Aus dem Leben berühmter Menschen (Судьбы вечной любви. Из жизни известных людей). Berlin, 1940.

¹⁴⁰ *Сабатье П.* Жизнь святого Франциска Ассизского. М.: Посредник, 1895. С. 92.

¹⁴¹ «Немецкая всеобщая газета».

¹⁴² *Блаженный Августин.* Исповедь. Книга 4. Глава 9.

¹⁴³ См.: *Маковицкий Д. П. У Толстого, 1904—1910: «Яснополянские записки»: в 4 кн. Кн. 4. М.: Наука, 1979—1981. — (Лит. наследство; Т. 90). М., 1979. С. 417.*

¹⁴⁴ *Толстой Л. Н.* О жизни (Юб. Т. 26. С. 415).

¹⁴⁵ Романс П. И. Чайковского на стихи А. Н. Плещеева «Ни слова, о друг мой, ни вздоха...», в котором есть строки: «Что были дни ясного счастья, / Что этого счастья — не стало!»

¹⁴⁶ *Толстой Л. Н.* Путь жизни (Юб. Т. 45. С. 472).

¹⁴⁷ Там же. С. 457–458.

¹⁴⁸ *Толстой Л. Н.* Путь жизни. Юб. Т. 45. С. 460.

ПЕРЕПИСКА В. Ф. БУЛГАКОВА С Л. Н. ТОЛСТЫМ

Все письма печатаются по подлинникам, хранящимся в *ОР ГМТ*.

1. **В. Ф. Булгаков** — Л. Н. Толстому. *29 октября 1900 г. Томск*

Автограф.

Публикуется впервые.

Письмо адресовано в Москву.

2. **В. Ф. Булгаков** — Л. Н. Толстому. *11 сентября 1901 г. Томск*

Автограф. На конверте помета секретаря: «Булгаков (гимназия). Общество силы воли».

Публикуется впервые.

Письмо получено Толстым в Крыму, где он лечился и жил с 8 сентября 1901 г. в течение 10 месяцев с семьей в Гаспре, имении графини С. В. Паниной.

3. **В. Ф. Булгаков** — Л. Н. Толстому. *25 августа 1906 г. Москва*

Автограф на визитной карточке В. Ф. Булгакова. На конверте помета секретаря: «Отвечено» 30.VIII.06. В. Лебрен». Автограф Булгакову не был послан, о чем ему по поручению Толстого ответила его дочь М. Л. Оболенская. См. следующее письмо.

Публикуется впервые.

Письмо адресовано в Ясную Поляну.

4. **В. Ф. Булгаков** — Л. Н. Толстому. *20 октября 1906 г. Москва*

Автограф.

Публикуется впервые.

Письмо адресовано в Ясную Поляну.

¹ *Сергей Львович* Толстой, старший сын писателя; *княгиня Мария Львовна* Оболенская (урожд. гр. Толстая), дочь писателя. Письмо М. Л. Оболенской, написанное по поручению Толстого, неизвестно.

5. **В. Ф. Булгаков** — Л. Н. Толстому. *9 октября 1908 г. Москва*

Автограф на почт. карточке. На лицевой стороне карточке помета: «Поздр<авительное>. Б<ез> о<твета>. Очень хорошее».

Публикуется впервые.

Письмо адресовано в Ясную Поляну.

Булгаков, видимо, из скромности, не ставит под письмом своего имени и не пишет обратного адреса.

6. **В. Ф. Булгаков** — Л. Н. Толстому. *6 апреля 1909 г. Москва*

Автограф. Датируется по почт. штемпелю. На конверте пометы рукой Толстого: «Отвечать. Статью о воспитании» и «образовании»; а также рукой секретаря Н. Н. Гусева: «Булгаков. Москва. О взглядах Л. Н. на воспитание и обучение. Отв<етит> Л. Н.».

Публикуется впервые.

Письмо адресовано в Ясную Поляну.

На это письмо 8 апреля по поручению Толстого его секретарь Н. Н. Гусев сообщил, что Толстой ответит позже, когда перечтет свои педагогические статьи (см. *Юб.* Т. 38. С. 504).

Толстой предполагал сам ответить на письмо Булгакова. В дневнике 11 апреля 1909 г. записал: «Всё не могу, как хочется, ответить Булгакову. Постараюсь написать нынче» (*Юб.*

Т. 57. С. 47). Начатое Толстым письмо переросло в статью «О воспитании» (завершена 1 мая). Булгакову была послана машинопись с подписью-автографом Толстого. Статья была впервые напечатана в журнале «Свободное воспитание» (№ 2. 1909–1910).

¹ Работа В. Ф. Булгакова «Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л. Н. Толстого впервые была опубликована: М.: Издат. комиссия Московского совета солдатских депутатов, 1917 г. Попытки опубликовать ее в 1910 г. не увенчались успехом, так как она была не разрешена цензурой.

² Имеется в виду издание: Толстой Л. Н. Круг чтения: В 2 т. М., 1906. Т. 1. С. 351–355. См. также *Юб.* Т. 41. С. 304–308. Статья представляет собой отрывок из письма Толстого к П. И. Бирюкову от 5 мая 1901 г. (см. *Юб.* Т. 73. С. 62).

³ Содержание «Христианской этики», присланное Толстому с этим письмом, отличается от окончательного, опубликованного варианта этой работы.

7. В. Ф. Булгаков — Л. Н. Толстому. 11 мая 1909 г. Москва

Автограф. На конверте помета рукой секретаря: «Булгаков. М<осква>, благодарит за письмо», а также помета рукой Л. Н. Толстого: «Б<ез> о<твета>».

Публикуется впервые.

Письмо адресовано в Ясную Поляну.

8. В. Ф. Булгаков — Л. Н. Толстому. 28 декабря 1909 г. Москва

Автограф. На конверте помета рукой Л. Н. Толстого: «Отвечать», а также помета рукой секретаря: «Москва. Булгаков пр<осит> дать предисловие к его книге. Б<ез> о<твета>».

Публикуется впервые.

Письмо адресовано в Ясную Поляну.

¹ По совету Толстого В. Ф. Булгаков посетил В. Г. Черткова в имении Крекшино под Московской. В рекомендательном письме Толстой писал Черткову 24 декабря 1909 г.: «письмецо это передаст Булгаков, к<оторого> вы знаете. Он составил большую работу, к<оторую> я рассмотрел и нашел хорошей. Что скажете вы? Человек он очень и умный и искренно убежденный, как я его понимаю» (*Юб.* Т. 89. С. 163).

² Об этом посещении Толстой записал в дневнике 23 декабря 1909 г.: «Приехал Булгаков, составивший изложение мое<го> мирозозерцания... читал работу Бул<акова>. В общем плохо, не его, а моя работа» (*Юб.* Т. 57. С. 193). См. также: *Булгаков В. Ф.* Лев Толстой в последний год его жизни. М., 1989. С. 28.

³ Впоследствии, 27 марта 1910 г., Толстой написал небольшое предисловие в виде письма на имя В. В. Битнера, редактора журнала «Вестник знания», в котором Булгаков предполагал печатать свою работу; по цензурным условиям публикация не состоялась.

9. Л. Н. Толстой — В. Ф. Булгакову. 7 февраля 1910 г. Ясная Поляна

Автограф.

Впервые: Лев Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л. Н. Толстого В. Ф. Булгакова. М., 1920. С. 41; *Юб.* Т. 81. С. 90.

Записка послана в Телятинки, где в то время жил Булгаков.

¹ М. В. Шмельков, помощник железнодорожного машиниста, разделявший взгляды Л. Н. Толстого.

10. Л. Н. Толстой — В. Ф. Булгакову. 13 марта 1910 г. Ясная Поляна

Впервые: *Юб.* Т. 81. С. 146.

На подлиннике рукой В. Ф. Булгакова: «Говорится о письме к Пестову. Включить в один из сборников мыслей. 13 марта 1910 г.». Письмо Л. Н. Толстого к крестьянину Петру Уль-

яновичу Пестову от 1 марта 1910 г. (*Юб.* Т. 81. С. 122) в сокращении включено в сборник: Толстой Л. Н. Путь жизни. — М.: Посредник, 1911. С. 14.

11. Л. Н. Толстой — В. Ф. Булгакову. 26–27 апреля 1910 г. Ясная Поляна

Впервые: *Юб.* Т. 81. С. 250. Толстой ходил пешком на станцию Засека, и «за ним ездил работник в тележке» (*Булгаков В. Ф.* Л. Н. Толстой в последний год жизни. М., 1989. С. 182).

12. Л. Н. Толстой — В. Ф. Булгакову. 26 июля 1910 г. Ясная Поляна

Автограф.

Впервые: *Булгаков В. Ф.* Л. Н. Толстой в последний год жизни. М., 1989. С. 294; *Юб.* Т. 82. С. 87.

На подлиннике примечание В. Ф. Булгакова: «Аттестат, выданный Л. Н. за написанные мною по его поручению письма 26 июля 1910 г.».

13. В. Ф. Булгаков — Л. Н. Толстому. 26 августа 1910 г. Телятинки

Автограф. На конверте рукой Д. П. Маковицкого: «Булгаков (Телятинки). Деловое и (очень хорошее) поздравительное».

Публикуется впервые.

Письмо адресовано в с. Кочеты Новосильского уезда Тульской губернии, имение мужа дочери Л. Н. Толстого Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой, где в это время находился писатель.

¹ Письмо неизвестно.

² О Пилецком Булгаков писал в дневнике 8 августа: «У меня шла переписка о Боге с неким Ананием Пилецким из Конотопа Черниговской губернии, очень даровитым молодым человеком своеобразного образа мыслей. Он признавал все нравственные требования, но никак не хотел допустить понятия Бога, или даже, как потом выяснилось, слова “Бог”».

Передавая мне последнее письмо Пилецкого, Лев Николаевич сказал:

— Благодарит вас и опять отстаивает свое. Он — резонер. По-моему, не стоит отвечать» (*Булгаков В. Ф.* Лев Толстой в последний год его жизни. С. 313).

³ Письмо Григория Петровича Дикого из Воронежской губ. от 6 августа 1910 г. На конверте помета Толстого: «Ответил Булгаков. Посланы книги 10 августа» (*ОРГМТ*).

⁴ С просьбой об облегчении участи отказавшегося от военной службы ярославского крестьянина Н. Д. Платонова писали ярославскому губернатору Д. Н. Татищеву В. Г. Чертков и Т. Л. Сухотина. Письмо Л. Н. Толстого к Татищеву от 18 сентября осталось не отправленным, так как губернатор ответил Т. Л. Сухотиной резким отказом.

⁵ 25 августа А. Л. Толстая писала Булгакову: «Нам, насколько это возможно, хорошо. Все-таки здесь легче, много легче, чем в Ясной» (*Булгаков В. Ф.* Лев Толстой в последний год его жизни. С. 320).

14. В. Ф. Булгаков — Л. Н. Толстому. 16 сентября 1910 г. Телятинки

Автограф. На конверте помета Толстого: «Рассказ Кудрина».

Публикуется впервые.

Письмо адресовано в Кочеты.

¹ Записанный В. Ф. Булгаковым рассказ «Что Андрей Иванович Кудрин рассказал Толстому» впервые опубликован: Женева, 1913 (на фр. яз.); в России — Свободное слово. 1920. № 3. С. 9–19.

² *Булгаков В. Ф.* Себе или Гоголю? По поводу празднования столетнего юбилея со дня рождения Н. В. Гоголя. М., 1909.

15. Л. Н. Толстой — В. Ф. Булгакову. 20 сентября 1910 г. *Кочеты*
Автограф. Ответ на письмо В. Ф. Булгакова от 16 сентября 1910 г.
Впервые: *Дневник Булгакова*. С. 276–277; *Юб.* Т. 82. С. 162.
Письмо адресовано в Телятинки.

ПЕРЕПИСКА В. Ф. БУЛГАКОВА С С. А. ТОЛСТОЙ

Все письма печатаются по подлинникам, хранящимся в *ОР ГМТ*. Письма Булгакова к С. А. Толстой печатаются впервые; 21 письмо С. А. Толстой к Булгакову напечатано в книге: *Булгаков В. Ф.* О Толстом. Тула, 1964. С. 280–312; для настоящего издания они заново сверены по автографам, исправлены неточности, восстановлены купюры. 14 писем публикуются впервые.

1. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 2 мая 1910 г.

¹ Имеется в виду книга Т. Масарика о самоубийствах: *Masaryk T. Der Selbstmord als soziale Massenercheinung der Modernen Civilisation*. Wien, 1881. Книга интересовала Толстого в связи с тем, что он в это время работал над статьей «О самоубийстве», впоследствии получившей название «О безумии». На книге Масарика, хранящейся в яснополянской библиотеке, имеется более сорока помет Толстого. 3 мая Толстой написал Масарику письмо, в котором отметил «основное совпадение» их взглядов «на причину этого явления» (*Юб.* Т. 82. С. 14).

² 2 мая 1910 г. Толстой вместе с В. Ф. Булгаковым и Д. П. Маковицким уехал в Кочеты к дочери Т. Л. Сухотиной (см.: *Булгаков В. Ф.* Лев Толстой в последний год его жизни. М., 1989. С. 191–200).

2. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 21 ноября 1910 г.

¹ Возможно, имеется в виду письмо Л. Н. Толстого к И. М. Трегубову от 25 марта 1908 г., продиктованное Толстым в фонограф. См.: *Юб.* Т. 78. С. 107.

² Письмо в редакции газет от 25 марта 1908 г. по поводу предполагавшегося широкого празднования 80-летнего юбилея Толстого, в котором он писал: «...этот готовящийся юбилей вызывает недобрые, нелюбовные чувства ко мне, которые я заслужил, не одного, а многих и многих, очень многих. Это мне мучительно тяжело, и поэтому я бы просил всех тех добрых людей, любящих меня, сделать всё, что возможно, для того, чтобы уничтожить всякие попытки чествования меня». Письмо не было отправлено в газеты, а было передано Н. В. Давыдову для прочтения его на заседании московского комитета по организации чествования 80-летнего юбилея Толстого.

Впервые письмо опубликовано в статье В. Г. Черткова «Юбилей Толстого» («Речь». 1908, июня 4. № 132).

³ Письмо С. А. Толстой к Л. Н. Толстому от 29 октября 1910 г. не было утрачено, А. Л. Толстая сохранила его. См.: Толстая С. А. Письма к Л. Н. Толстому. М., 1936. С. 796–799.

3. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 26 мая 1911 г.

¹ Первое издание дневника В. Ф. Булгакова («У Л. Н. Толстого в последний год его жизни»), вышедшее в 1911 г., сразу было переведено на несколько языков. Впоследствии дневник был неоднократно переиздан.

² К этому времени были живы пятеро сыновей Л. Н. и С. А. Толстых: Сергей, Илья, Лев, Андрей, Михаил.

4. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 11 июня 1911 г.

¹ С. А. Толстая неоднократно обращалась с прошениями на имя императора по поводу покупки Ясной Поляны в государственную собственность, но ее предложения не имели успеха.

² С. А. Толстая была в конфликте с дочерью Александрой Львовной из-за права собственности на рукописи Л. Н. Толстого, хранившиеся в Историческом музее в Москве. Подробно см.: *Ядовкер Ю. Д.* К истории исполнения завещания Л. Н. Толстого (1911–1914 гг.) // Толстовский ежегодник-2001. М., 2001. С. 453–472.

³ «Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого» в трех томах вышли в 1912 г.

⁴ А. М. Хирьяков по поручению В. Г. Черткова готовил к изданию сочинения Толстого. В берлинском издательстве Ладыжникова «Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого» печатались в 1911–1912 гг. без купюр в отличие от русского издания.

⁵ Прогноз С. А. Толстой не оправдался. А. Л. Толстая на вырученные от продажи издания сочинений Толстого деньги приобрела у наследников 700 десятин земли и передала ее яснополянским крестьянам. См.: *Ядовкер Ю. Д.* К истории исполнения завещания Л. Н. Толстого (1911–1914 гг.) // Толстовский ежегодник-2001. М., 2001. С. 462.

⁶ С весны 1911 г. обсуждался вопрос об организации Толстовской выставки в Москве и возможности устройства на ее основе государственного музея Л. Н. Толстого. Выставка открылась 11 октября 1911 г. в восьми залах Исторического музея, после ее закрытия был основан Толстовский музей, существовавший на средства Толстовского общества. Хранителем музея стал П. И. Бирюков, затем его сменил В. Ф. Булгаков. Музей перешел в ведение государства в 1920 г.

5. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 14 июня 1911 г.

¹ О какой статье идет речь, неизвестно.

6. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 21 июня 1912 г.

¹ М. И. Эрдели, дочь М. А. Кузминской и И. Е. Эрдели (1870–1939).

² Пенсия была предоставлена С. А. Толстой по указанию императора Николая II, который на ее прошение от 18 ноября 1911 г. с предложением приобретения Ясной Поляны правительством поставил резолюцию 20 декабря 1911 г.: «Нахожу покупку имения гр. Толстого недопустимой. Совету министров обсудить только вопрос о размере могущей быть назначенной вдове пенсии» (*Ядовкер Ю. Д.* К истории исполнения завещания Л. Н. Толстого... С. 461).

³ С. А. Толстая продала хамовнический дом Московской городской управе.

⁴ И. Д. Сытин приобрел у С. А. Толстой остатки тиража последнего издания Собрания сочинений Л. Н. Толстого, изданного в 1911 г.

⁵ Домашний врач Толстых Д. П. Маковицкий.

⁶ Подруга А. Л. Толстой В. М. Феокритова.

⁷ В доме В. Г. Черткова в Телятинках проходили спектакли местного драмкружка.

8. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 11 марта 1913 г.

¹ С. А. Толстая в сопровождении Ю. И. Игумновой 10 марта 1913 г. выехала в Ялту, где в то время отдыхала ее дочь Т. Л. Сухотина с семьей.

² И. В. Сидоркова.

³ Зося — С. А. Стахович. Видимо, С. А. Толстая выразила соболезнование семье своих друзей Стаховичей в связи с кончиной их отца Александра Александровича Стаховича, о смерти которого сообщалось в газете «Новое время» 1 марта 1913 г.

9. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 14 марта 1913 г.

¹ Английский журналист и издатель У. Стэд, знакомый Толстого, после посещения Ясной Поляны в мае 1888 г. изложил свои разговоры с Толстым в книге «Truth about Russia» («Правда о России»).

² 5 марта 1913 г. С. А. Толстая записала в дневнике: «Переписывала на машинке адрес Академии наук и письмо Кони после кончины Льва Никол-а. Потом писала начерно Снегиреву и Кони, прося позволить напечатать их письма» (Толстая С. А. Дневники: в 2 т. Т. 2. М., 1978. С. 388).

³ Ю. И. Игумновой.

⁴ М. С. и Т. Л. Сухотиных.

⁵ Т. М. Сухотина, внучка С. А. Толстой, в замужестве Альбертини.

10. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 15 марта 1913 г.

¹ В. Ф. Булгаков занимался описанием яснополянской библиотеки Толстого.

² Мать С. А. Толстой Л. А. Берс скончалась в 1886 г. в Ялте и там похоронена. С. А. Толстая приезжала к матери во время ее предсмертной болезни.

³ По приглашению графини С. В. Паниной в 1901–1902 гг. Л. Н. Толстой, будучи тяжело болен, жил с семьей в ее имении Гаспре.

⁴ Во время последней болезни Толстого на станции Астапово по совету врачей, чтобы не доставлять лишних волнений больному, С. А. Толстая была не допущена в дом начальника станции И. И. Озолина, где находился Толстой; она смогла проститься с ним только когда он был уже без сознания.

⁵ Дочери Т. Л. Сухотиной и внучки Т. М. Сухотиной.

12. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 18 марта 1913 г.

¹ См. письма 8 и 9.

² Ф. И. Маслов.

³ Н. Н. Таубе, сын знакомых Толстых — сенатора Н. Э. Таубе и его жены Софьи Артуровны. Горный инженер. Репрессирован, проходил по «шахтинскому делу»; расстрелян в 1937 г.

⁴ С. А. Таубе.

⁵ К рукописям Толстого, хранящимся в Историческом музее, никого не допускали вследствие конфликта между С. А. и А. Л. Толстыми по вопросу права собственности на них. В 1912–1913 гг. С. А. Толстая неоднократно обращалась с жалобами в Сенат, требуя вернуть ей рукописи. Только 18 декабря 1914 г. указом Сената дело было решено в ее пользу.

14. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 4 июля 1913 г.

¹ В воспоминаниях Булгаков писал: «Никогда не забыть мне длинных прогулок, вернее — своеобразных паломничеств, совершавшихся из Ясной Поляны или из Телятинок в Хатунку к Булыгиным или в Русаново к Буткевичам; встреч в попутных деревнях с крестьянами, к которым я, как «не работающий», подходил с затаенным стыдом за свое привилегированное положение и с робким почтением, иногда нарочно прося у баб «напиться», чтобы получить при этом возможность хоть одним глазком заглянуть внутрь избы и сравнить условия жизни российских тружеников земли с сибирскими; не забыть ночлегов у Булыгиных — на крыше навеса под открытым небом, на сеновале или на полу в маленьком деревянном флигельке, носившем название Нового дома и всегда наполненном странствующими «толстовцами»; светлого взора выразительных черных глаз Сережи Булыгина; увлекательных и задорных разглагольствований его отца о «табашной державе»; не забыть чудной Засеки — бескрайних пространств казенных лесов, протянувшихся чуть ли не через всю среднюю полосу России и как раз захватывавших собой описываемые мною места; уютных чаепитий с обязательной медовой коврижкой домашнего приготовления и свежими сотами в лесном домике у заброшенных в самую глушь Крапивенского уезда радушных хозяев — пчеловодов Буткевичей... и вообще веселого и радостного быта «толстовской» молодежи, вперемежку с самым глубоким

и плодотворным общением и долгими, душевными беседами о «самом важном» — о духовной жизни, об искании правды, о служении народу, о самосовершенствовании!..» (*Булгаков В. Ф. Как прожита жизнь*. М., 2012. С. 224–225).

15. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 7 июля 1913 г.

¹ Последователь Толстого ученый-пчеловод А. С. Буткевич и его жена Елизавета Филипповна жили на хуторе близ с. Русанова.

² В. С. Буткевич, профессор Тимирязевской академии.

³ Приказчик Ю. И. Шумилин.

⁴ Ю. И. Игумновой.

16. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 25 сентября 1913 г.

¹ С. А. Толстая уехала в имение Сухотиных Кочеты к дочери Татьяне Львовне 24 сентября, провела с ней ее день рождения 4 октября и 5 октября вернулась в Ясную Поляну.

² Издание «Письма графа Л. Н. Толстого к жене» вышло в 1913 г. под редакцией А. Е. Грузинского, письма Толстого были напечатаны по копиям, сделанным С. А. Толстой.

³ Булгаков напечатал свою статью. См.: *Булгаков В. Ф. Отчет по описанию Библиотеки Л. Н. Толстого, находящейся в Ясной Поляне // Толстовский ежегодник 1913 года*. СПб., 1913. Отд. 4. С. 67–72.

⁴ Художник С. Н. Салтанов часто гостил в Ясной Поляне, писал виды Ясной Поляны. Работы художника были представлены на Толстовской выставке в 1911 г.

17. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 28 сентября 1913 г.

¹ В. И. Сидоркова, горничная С. А. Толстой.

² С. А. Толстая писала автобиографию по просьбе С. А. Венгерова. Опубликовано: Начало. № 1. 1921.

³ Мужу дочери Татьяны М. С. Сухотину.

⁴ У М. С. Сухотина от брака с М. М. Боде-Колычевой было 5 сыновей: Лев, женатый на Е. П. Базилевской, Михаил, Сергей, Алексей, Федор.

⁵ М. Л. Сухотин.

18. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 29 сентября 1913 г.

¹ Речь идет о так называемом «деле Бейлиса», судебном процессе по обвинению еврея М. Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего Андрея Ющинского, совершенном 12 марта 1911 г. Процесс состоялся в Киеве 23 сентября — 28 октября 1913 г. и кончился оправданием Бейлиса.

19. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 30 сентября 1913 г.

¹ Кучер А. П. Елисеев.

² Авдотья, кухарка, яснополянская крестьянка.

³ Экономка П. А. Сидоркова.

⁴ Художнику С. Н. Салтанову.

⁵ Невестке А. В. Толстой.

20. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 30 сентября 1913 г.

¹ День рождения Т. Л. Сухотиной — 4 октября.

² А. Н. Кудрявцева, компаньонка С. А. Толстой.

³ Воспоминания И. Л. Толстого в 1913 г. печатались частями в газете «Русское слово». В 1914 г. «Мои воспоминания» вышли отдельным изданием.

⁴ Имеются в виду яснополянский повар С. Н. Румянцев и его отец Н. М. Румянцев, служивший еще у князя Н. С. Волконского.

⁵ Мария Александра Виктория (1875—1938), принцесса Великобритании, с 1893 г. замужем за Фердинандом, наследным принцем Румынии; внучка императора Александра II.

21. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 2 октября 1913 г.

¹ С кучером А. П. Елисеевым.

² Отец Е. В. Молоствовой В. Б. Бер умер 19 сентября 1913 г. в своем имении Знаменское Симбирской губ. (см.: Дворянский календарь. Тетрадь 14. М., 2008. С. 66).

27. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 26 ноября 1913 г.

¹ Кузминская Т. А. Мои воспоминания о графине Марии Николаевне Толстой. СПб.: т-во А. С. Суворина «Новое время», 1914. 54 с.

² Брат В. Ф. Булгакова Вениамин.

28. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 3 марта 1914 г.

¹ С. А. Толстая ездила в Петербург хлопотать в Сенате о возвращении ей рукописей Толстого и навестить семью сына Льва.

29. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 4 марта 1914 г.

¹ Надеюсь (*англ.*).

30. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 7 марта 1914 г.

¹ Уезжая из Ясной Поляны, Софья Андреевна обыкновенно поручала мне распечатывать все получавшиеся в ее отсутствие на ее имя письма и сообщать ей краткое содержание (*примеч. Булгакова*).

² В это время в Ясной Поляне жила семья Т. А. Кузминской.

³ А. Л. Толстой.

31. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 17 марта 1914 г.

¹ «Это письмо вызвано единственной, хотя и серьезной размолвкой, происшедшей между мною и Софьей Андреевной. Причиной размолвки были резкие и раздражительные отзывы Софьи Андреевны о Льве Николаевиче» (*примеч. Булгакова*). Приводимое письмо послано Софье Андреевне из комнаты в комнату.

32. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 17 марта 1914 г.

По поводу этого письма Булгаков отметил: «Письменный ответ Софьи Андреевны не удовлетворил меня, и я решил покинуть Ясную Поляну. Только вмешательство в этот инцидент и увещания добрейшей В. В. Нагорновой (племянницы Льва Николаевича, дочери его сестры Марии Николаевны Толстой) побудили меня изменить свое намерение и остаться. Первое время в наших отношениях с Софьей Андреевной чувствовалась некоторая принужденность, которая, однако, постепенно все сглаживалась и, наконец, совсем исчезла» (*примеч. Булгакова*).

¹ 2 сентября 1910 г., в то время как Толстой находился у дочери Т. А. Сухотиной в Кочетах, С. А. Толстая устроила в яснополянском доме молебен с водосвятием, чтобы изгнать «нечистый дух» — В. Г. Чертковка и убрала из кабинета Толстого портрет Чертковка.

33. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 31 марта 1914 г.

Булгаков ездил в Москву для чтения доклада (29 марта) «О работе по описанию яснополянской библиотеки» на общем годичном собрании Толстовского общества.

34. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 28 апреля 1914 г.

¹ С. А. Толстая в это время находилась в Москве.

35. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 14 мая 1914 г.

¹ С. А. Толстая отметила в дневнике 13 мая: «Уехал в Сибирь Булгаков, прощался с нами трогательно» (Толстая С. А. Дневники: в 2 т. Т. 2. М., 1978. С. 408).

37. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 20 мая 1914 г.

¹ А. Л. Толстой.

² А. Л. Толстая.

³ Д. Ф. Толстая, жена Л. Л. Толстого.

38. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 21 мая 1914 г.

¹ Мать В. Ф. Булгакова, Татьяна Никифоровна Булгакова, и сестра, Надежда Федоровна Булгакова, в замужестве Шваненберг.

39. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 28 мая 1914 г.

¹ А. Л. Толстой со второй женой Екатериной Васильевной и дочерью от второго брака Марией.

41. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 15 июня 1914 г.

¹ Составлению «Антологии русской религиозной поэзии» Булгаков посвятил долгие годы (1919–1942) (РГАЛИ. Ф. 2226).

42. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 18 июня 1914 г.

¹ А. Л. Толстая жила в своем имении Новая Поляна под Тулой.

² С. М. Беленький привлекался к суду за распространение запрещенных сочинений Л. Н. Толстого.

³ М. П. Кузевич, жена В. В. Черткова, крестьянка д. Ясенки Тульской губ.

⁴ Речь идет о предполагавшейся поездке в имение сына С. Л. Толстого на его день рождения 28 июня.

45. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 24 апреля 1915 г.

¹ 28 октября Булгаков был арестован в Ясной Поляне за составление, подписание в числе других и распространение воззвания против войны «Опомнитесь, люди-братья!».

С. А. Толстая писала сестре Т. А. Кузминской 14 ноября 1914 г.: «...у нас нарушили наше спокойствие поступком и арестом Булгакова. Признаться, я не ожидала, что он поступит так непорядочно. Переписал для бродяги, Сережи Попова, 20 листов воззвания против войны тайно от меня на моей машинке по утрам, когда я еще не вставала; и этот бродяга без ведома Булгакова их расклеил в Туле и на Косой Горе. Нашли время протестовать войне! Как глупо! И теперь этот несчастный и хороший, в сущности, Булгаков сидит в остроге» (ОР ГМТ).

² «Делай что должно, и пусть будет что будет» (фр.).

³ О защитниках на предстоявшем Булгакову судебном процессе см. письмо 48.

47. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 12 мая 1915 г.

На письме штампель: «Просмотрено Помощником Начальника Тульск<ого> Губ<ернского> жанд<армского> Упр<авления> в Богор<одицком>, Кашир<ском> и Алексин<ском> уездах, 19 май 1915 г. Подполковник Демидов»).

¹ А. Л. Толстой служил в Петербурге при министерстве финансов.

² В начале войны Булгаков хотел идти на фронт санитаром.

³ «Наряду с этим заявлением С. А. Толстой необходимо отметить, что она сама была искренне убежденной противницей войны вообще. Возможно, что она не находила удобным изъясняться иначе в письме, шедшем в тюрьму через жандармское управление» (*примеч. Булгакова*).

⁴ 19 января 1915 г. С. А. Толстая записала в дневнике: «Все мы очень расстроены. Душана Петровича арестовали и посадили в тюрьму за то, что подписал воззвание Булгакова» (*Толстая С. А. Дневники. Т. 2. С. 420*).

⁵ «Моя мать приезжала в Ясную Поляну из Сибири в отсутствие Софьи Андреевны» (*примеч. Булгакова*).

⁶ «делай что должно...» (*фр.*).

⁷ «Как раз около того времени Софья Андреевна, по решению сената, получила право, оспаривавшееся также ее дочерью А. Л. Толстой, на распоряжение рукописями Л. Н. Толстого, хранившимися в московском Историческом музее. Недовольная тем, что в свое время администрация Исторического музея оказала некоторое внимание притязаниям Александры Львовны, Софья Андреевна перенесла все рукописи на хранение в московский Румянцевский музей. Впоследствии между нею и дочерью было достигнуто соглашение по вопросу о праве и порядке обработки и использовании рукописей» (*примеч. Булгакова*).

48. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 20 июня 1915 г.

¹ Неточный отрывок из «Фауста» Гёте:

Die Mütter! Mütter! — 's klingt so wunderbar!

Матери! Матери! — как это странно звучит!

50. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 13 августа 1915 г.

¹ О. И. Денисенко, внучатый племянник Л. Н. Толстого, служивший вместе с А. Л. Толстой в санитарном отряде.

² М. С. Сухотина, скончавшегося 8 августа 1914 г.

³ Роман М. Горького «Мать», написанный в 1906 г. и переведенный на многие языки.

⁴ В стихотворении Н. А. Некрасова «Внимая ужасам войны» (1855) есть строки:

То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей.

(Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1948. Т. 1. С. 148).

⁵ «Посредник», просветительское издательство книг для народа, созданное Толстым, В. Г. Чертковым и их единомышленниками, с 1897 г. его возглавлял И. И. Горбунов-Посадов; «Маяк», журнал для детей, издававшийся И. И. Горбуновым-Посадовым в 1907–1918 гг.

⁶ Последнего, 12-го издания Собрания сочинений Л. Н. Толстого в 20 томах (1911).

52. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 7 октября 1915 г.

¹ «Известно, что число 28 часто повторялось в жизни Льва Николаевича: он родился 28 августа 1828 г., ушел навсегда из Ясной Поляны 28 октября и т. д. Арест мой в Ясной Поляне за составление и распространение воззвания против войны, произведенный 28 октября 1914 г., совпал именно с днем и даже месяцем ухода Льва Николаевича в 1910 г.» (*примеч. Булгакова*).

² Кавказская туземная конная дивизия («Дикая дивизия») была сформированная 23 августа 1914 г. и состояла в основном из добровольцев-мусульман — уроженцев Северного Кавказа

и Закавказья, которые по законодательству Российской империи не подлежали призыву на военную службу. Офицерами в дивизии служили также русские дворяне. Командиром «Дикой дивизии» во время Первой мировой войны был великий князь Михаил Александрович.

³ Татьяна Михайловна и Александра Михайловна Толстые.

53. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 23 октября 1915 г.

¹ С. Л. Толстым и А. Е. Грузинским был составлен первый путеводитель по Ясной Поляне (1914).

54. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 24 октября 1915 г.

¹ Булгаков приводит последнюю фразу, записанную Толстым в дневнике 3 ноября 19109 г. в Астапове: «И все на благо и другим, и главное, мне» (*Юб.* Т. 58. С. 126).

55. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 16 марта 1916 г.

¹ Невестки С. А. Толстой — О. К. Толстой.

² Внучке С. А. Толстой — Софье Андреевне.

³ Вероятно, имеется в виду Т. М. Сухотина.

⁴ Второе издание «Писем графа Л. Н. Толстого к жене» вышло в 1915 г.

57. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 21 марта 1916 г.

¹ С 21 по 28 марта в Московском военно-окружном суде шел судебный процесс по делу толстовцев, подписавших воззвание против войны. Булгаков, Маковицкий и другие были оправданы; тюремному заключению подвергся С. Попов.

58. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 17 июня 1916 г.

¹ И. И. Горбунова-Посадова.

59. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 12 августа 1916 г.

¹ Толстовский музей находился в доме 18 на Поварской улице.

60. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 13 августа 1916 г.

Письмо на бланке правления Толстовского общества в Москве, Поварская, дом 18.

69. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 10 октября 1916 г.

Письмо на бланке Библиографической комиссии Толстовского общества в Москве.

70. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 17 ноября 1916 г.

¹ Путеводитель по Ясной Поляне, составленный С. Л. Толстым и А. Е. Грузинским (1914).

² Имеется в виду статья Б. С. Боднарского в газ. «Русские ведомости» от 5 ноября 1916 г.

71. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 27 ноября 1916 г.

¹ «А. Л. Толстая состояла начальником санитарного транспорта на Западном фронте. Я, по выходе из тюрьмы и по окончании в марте 1916 г. «толстовского процесса» (закончившегося оправданием подсудимых), служил в отряде А. Л. Толстой в должности заведующего хозяйством базы» (*примеч. Булгакова*).

72. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 5 декабря 1916 г.

¹ Книга Лас-Каза «Мемориал святой Елены» — один из источников романа «Война и мир».

² А. С. Суколенова.

³ Возможно, речь идет об одном из очерков, составивших впоследствии «Воспоминания» Т. Л. Сухотиной-Толстой.

⁴ Врач Д. В. Никитин, служивший на фронте в отряде А. Л. Толстой, получил тяжелое ранение.

73. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 19 декабря 1916 г.

Письмо на бланке: «Всероссийский Земский Союз. Комитет Западного фронта».

¹ А. И. Толстая, внучка Л. Н. Толстого.

74. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 28 апреля 1917 г.

¹ А. М. Кузминский скончался 1 марта 1917 г. в Петрограде.

75. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 2 мая 1917 г.

¹ Иван, Владимир и Александра, дети М. Л. Толстого.

77. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 8 мая 1917 г.

Письмо на бланке Правления Толстовского общества в Москве.

78. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 14 мая 1917 г.

Письмо на бланке Правления Толстовского общества в Москве.

¹ Н. А. Лютецкая.

² В Петрограде с 4/17 мая по 28 мая/10 июня 1917 г. проходил Первый Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов.

80. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 5 июня 1917 г.

Письмо на бланке Правления Толстовского общества в Москве.

81. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 17 июня 1917 г.

¹ Имеются в виду 13 книжечек из серии «Сочинения Л. Толстого, запрещавшиеся цензурой», выпущенных московским издательством «Задруга» в 1917 г.

82. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 21 июня 1917 г.

Письмо на бланке Толстовского общества в Москве.

¹ «Темными», в отличие от светских гостей, С. А. Толстая называла единомышленников Толстого, посещавших писателя.

84. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 9 июля 1917 г.

¹ Имеются в виду воспоминания писателя, друга Толстого, крестьянина М. П. Новикова о его последней встрече с Толстым в октябре 1910 г.

² Воспоминания М. П. Новикова и его переписку с Толстым и другими лицами см.: *Новиков М. П. Из пережитого / Сост., предисловие, подготовка текста, примечания Л. В. Гладковой. М., 2004.* С. А. Толстая не ошиблась, говоря о добром сердце М. П. Новикова. В голодном 1919 г. в письме к ней он предлагал помочь хлебом, с предложением помощи он обращался к старшему сыну Толстого, Сергею Львовичу. 10 мая 1919 г. он писал ему: «Непременно приезжайте или пишите. Что можно, сделаю. Да, да, хоть революция и сумела сделать равнение и даже первых последними, а последних первыми, но покойный ваш отец вряд ли одобрил это равнение» (указ. изд. С. 453–454).

³ «Человеком становятся благодаря разуму. Но оставаться человеком можно только благодаря сердцу» (*фр.*).

⁴ 6/19 июля в Петрограде было подавлено Июльское восстание, возглавлявшееся большевиками. 7/20 июля Временное правительство выдало санкцию на арест Ленина. В газете «Живое слово» Ленин был впервые назван германским шпионом.

86. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 7 июля 1917 г.

¹ 27 июня 1917 г. состоялось учредительное собрание Общества Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого, утвердившее устав и избравшее Совет, в составе следующих членов: В. Ф. Булгакова, И. И. Горбунова-Посадова и др. 28 августа 1917 г. прошло общее собрание Общества по случаю дня рождения Толстого, с участием В. Ф. Булгакова (речь на тему «Жили или умер Л. Н. Толстой?»), В. Г. Черткова (речь на тему «Подвиг жизни Л. Н. Толстого») и др.

² Бенедикт XV, римский папа с 25 августа 1914 г., известен как миротворец, неоднократно обращался к враждующим сторонам с просьбами о примирении. Булгаков выражает свое желание мира с папой. В это время в обществе широко обсуждались церковные вопросы в связи с тем, что в 1917–1918 гг. проходил Поместный собор Русской Православной Церкви, восстановивший патриаршество, на котором поднимались вопросы о соединении Церквей.

87. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 16 сентября 1917 г.

¹ Речь идет о переиздании книги Булгакова «Христианская этика» (М., 1917).

90. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 26 марта — 8 апреля 1918 г.

¹ Аванс в 3000 рублей за продававшиеся в Толстовском музее издания, выпущенные С. А. Толстой.

² П. А. Сергеенко.

³ «Софья Андреевна не знала, что я посетил вместе с П. А. Сергеенко управляющего делами Совета Народных Комиссаров В. Д. Бонч-Бруевича с целью ходатайствовать о возобновлении прекращенной после Октябрьской революции выдачи правительственной пенсии вдове Льва Николаевича. Благодаря сочувствию В. Д. Бонч-Бруевича, ходатайство это увенчалось успехом и, по постановлению Совнаркома, выдача пенсии была продолжена» (*примеч. Булгакова*).

⁴ Усадьба Пирогово, в которой жил бывший зять Толстого — Н. Л. Оболенский, женатый вторым браком на падчерице Т. Л. Сухотиной — Н. М. Сухотиной.

⁵ С. А. Толстая продолжила работу над воспоминаниями «Моя жизнь», основанными на семейных документах (см.: *Толстая С. А. Моя жизнь: в 2 т. М., 2011*).

91. С. А. Толстая — В. Ф. Булгакову. 13/23 мая 1918 г.

¹ *Булгаков Вал. Ф.* Лев Толстой в последний год его жизни. Изд. 2-е, М., 1918.

92. В. Ф. Булгаков — С. А. Толстой. 18 июня 1918 г.

Письма канадских духоворцев к В. Ф. Булгакову

Письма печатаются по подлинникам, хранящимся в РГАЛИ. Ф. 2226 (В. Ф. Булгаков).

П. Г. Верещагин — В. Ф. Булгакову

1. 10 февраля 1955 г

¹ Существует несколько писем П. Верещагина к В. Ф. Булгакову.

² *Толстой Л. Н.* Соединение и перевод четырех Евангелий (1879–1881). *Юб.* Т. 24.

³ Имеется в виду сочинение кн. С. Н. Трубецкого «Учение о Логосе в его истории. Философско-историческое исследование», явившееся разработкой материалов его докторской диссертации 1900 г.

⁴ Имеется в виду сборник очерков и рассказов Ф. В. Ливанова «Раскольники и острожники» (СПб., 1868; 4 изд. в 3-х т. 1872–1873). Критика отмечала, что к духоборцам и молоканам Ливанов относится беспристрастно и с уважением.

⁵ В. Д. Бонч-Бруевич в 1899 г. сопровождал один из транспортов духоборцев в Канаду, в 1909 г. выпустил сборник записанных им духоборческих псалмов «Животная книга духоборцев».

⁶ Ф. В. Ливанов был сотрудником российского Министерства внутренних дел и составил свой сборник отчасти на основе тех архивных материалов, к которым имел доступ. Разумеется, им были изучены и использованы далеко не все подобные материалы.

⁷ У Толстого, как и в каноническом Евангелии (Мф 5, 17: «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел я, но исполнить»), сказано с точностью до наоборот: «Не думайте, чтобы я учил о том, как уничтожить закон. Я учу не уничтожать, а исполнять» (Юб. Т. 24. С. 211).

⁸ Канонический текст (Лк 23, 43): «И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю». У Толстого: «И сказал ему Иисус: истинно говоришь, теперь ты со мной в раю» (Юб. Т. 24. С. 781).

⁹ Будущее время глагола «быть»: «ты будешь».

¹⁰ Вопрос о христианском причастии (Инб, 53–55).

¹¹ Первая строка «Евангелия от Иоанна»: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

¹² 20 канадских долларов.

¹³ «Павликиане» (предположительно — от имени апостола Павла) — одно из крупных христианских еретических движений VII–IX вв., ставившее целью сохранение «исконной чистоты» христианства, освобождение его от всех «элементов» язычества и идолопоклонства. Считали основополагающим примат духовного над материальным и потому отвергали двойственную природу Христа.

¹⁴ Т. е. были вегетарианцами.

¹⁵ Духоборцы начали переселяться в р-н Мелитополя (ныне — Запорожская обл. Украины) на р. Молочную в 1802 г. К 1817 г. переселилось ок. 4000 человек. В 1841–1845 гг. большинство было по решению властей переселено на Кавказ. В 1921–1923 гг. П. П. Веригин (до своего отъезда в 1927 г. в Канаду) сумел организовать переселение некоторого количества духоборцев из Закавказья в Ростовскую и Запорожские области.

¹⁶ Т. е. в центральных областях России, где в XVIII в. зародилось учение и движение духоборцев.

¹⁷ «Круг чтения» — составленный Л. Н. Толстым сборник афоризмов (1904–1908). См.: Юб. Т. 41–42.

¹⁸ В «Круге чтения», как и в других аналогичных работах Толстого, значительное место уделено пропаганде вегетарианства.

П. П. Веригин — В. Ф. Булгакову

3. 13 июня 1931 г. Нью-Йорк

¹ Письмо на бланке: Президент Совета Директоров. Христианская Община Всемирного Братства (Духоборцы в Канаде).

На конверте помета В. Ф. Булгакова: «Получено в Бремергафене через духоборца Г. В. Верещагина 20.VI.31».

П. П. Веригин — В. Ф. Булгакову

5. 9 июля 1931. Бриллиант

¹ Письмо на бланке: Президент Совета Директоров. Христианская Община Всемирного Братства (Духоборцы в Канаде).

На конверте помета В. Ф. Булгакова: «Получено в Берлине через Nord Deutscher Lloyd».

С. А. Гритчин — В. Ф. Булгакову

6. 7 октября 1954 г. Станция Бриллиант

¹ Федерация русских канадцев (англ. Federation of Russian Canadians) — общественная организация, созданная в мае 1942 г. с целью оказания помощи СССР в период Второй мировой войны. После окончания войны продолжила свою работу, придерживаясь левой и просоветской ориентации.

² В 1954 г. девять духоворцев посетили СССР по приглашению Славянского Комитета СССР в связи с празднованием 300-летия объединения Украины с Россией. В их числе трехнедельную поездку совершил известный в среде канадских духоворцев писатель, публицист и историк В. А. Сухорев (William A. Soukoreff).

³ В 1931 г. небольшая хоровая группа канадских духоворцев, занимавшаяся исполнением традиционных религиозных песнопений, пыталась посетить СССР и провела несколько месяцев в Германии в ожидании разрешения советских властей въехать в страну. Там с ними познакомился живший в то время в Чехословакии Булгаков. В состав хора входили Гаврила Верещагин с дочерью Любовью, Семен Гритчин с дочерью Агафьей и Федор Ф. Ванёв с дочерью Анастасией.

⁴ Начиная со времени хрущевской «оттепели» власти СССР постепенно стали допускать канадских духоворцев в страну. Так, например, 13 молодых духоворцев посетили СССР в 1957 г. в связи с проведением Всемирного фестиваля молодежи и студентов, большая группа духоворцев совершила поездку в СССР в 1966 г.

А. В. Дутов — В. Ф. Булгакову

7. 15 сентября 1929 г. Трам

¹ На конверте помета В. Ф. Булгакова: «Отв. Изъ Зоннеберга. (Герм.), 16. XI. 29».

² «Сыны свободы» («Свободники») — радикальная ветвь канадской духоворческой общины, зародившаяся вскоре после переселения в Канаду. «Свободники» придерживались радикальных воззрений в таких вопросах как отвержение собственности, государственности, школьного образования вне общины. На протяжении многих лет (особенно в 1920–1950 гг.) «свободники» нередко прибегали к насильственным действиям (поджоги, взрывы), а также проводили многочисленные протесты, одной из форм которых было массовое появление обнаженными в общественных местах.

³ Thrums — небольшое духоворческое селение в канадской провинции Британской Колумбии (British Columbia).

⁴ Вероятно, речь идет об одном из воззваний «свободников» этого богатого конфликтами периода.

⁵ Затяжной конфликт между духоворцами и канадскими властями по поводу нежелания духоворцев отправлять своих детей в государственные школы резко обострился в 1929 г. Особенно активно проявили себя непримиримые «свободники», отказывавшиеся допустить воспитание своих детей, как они говорили, в «духе милитаризма и капитализма». В августе 1929 г., после ареста одного из подозреваемых в поджоге школы, имели место резкие протесты, во время которых 104 человека были арестованы и затем провели в заключении около шести месяцев. Тогдашний лидер духоворцев П. П. Веригин, сам крайне негативно относившийся к частной собственности, осудил применявшиеся «свободниками» насильственные методы и в 1931–1932 гг. изгнал наиболее резко протестующих из общины.

⁶ Вероятно, имеется в виду «Интернационал противников войны» (англ. War Resisters' International (WRI) — международная антивоенная организация, основанная в 1921 г. Булгаков активно сотрудничал с этой организацией и по его инициативе община канадских духоворцев была принята в нее в 1932 г.

В. И. Махонин — В. Ф. Булгакову

8. 19 октября 1929 г. Бьюкенен

¹ Адресовано в Прагу. На обороте письма помета В. Ф. Булгакова: «NB. Написал предварительно Бодянскому, а также Андрейчину и Уветанову, 5 декабря 1929 г. В. Б. Отослал деньги в Болгарию 16.XII.29. В. Б.».

² Письмо было отправлено из селения Бьюкенен (Buchanan), расположенного на востоке канадской провинции Саскачеван (Saskatchewan), где располагались многие селения духоборцев.

³ «Общество Именованных Духоборцев Канады» (Society of Named Doukhobors of Canada) было образовано 27 июня 1928 г. по инициативе лидера общины П. П. Веригина. Необходимость некой особой организации, в которую могли бы войти разделяющие её основополагающие принципы члены общины, была вызвана наметившимися к тому времени разногласиями в среде ряда Духоборцев по таким вопросам как отношение к собственности, к политической деятельности вообще и к властям Канады в частности, к обучению детей в государственных школах и т. п. Само же название, вероятно, было взято из т. н. «оборонительных псалмов», излагавших основные вопросы веры духоборов и их отношения к миру. На вопрос: «Что вы за люди...?» — полагалось отвечать: «...мы люди, именованные духоборцами...». Таким образом, этой понятной каждому духобору цитатой подчеркивалось, что именно представители данного Общества претендовали на наибольшую близость духоборческому канону. Собрание духоборческих псалмов «Животная книга духоборцев» является принадлежностью устной традиции. Составленный и изданный в 1909 г. В. Д. Бонч-Бруевичем одноименный сборник записей духоборческих псалмов, в котором встречается и данный вопрос с соответственным ответом, является работой ученого-этнографа, но не каноническим текстом.

⁴ Вероятно, имеется в виду сильное землетрясение, имевшее место в центральной Болгарии 18 апреля 1928 г.

⁵ Время и место смерти художника И. А. Бодянского (р. 1875) остаются неизвестны. По некоторым данным, он эмигрировал и окончил свои дни в Югославии. Данное письмо позволяет предположить, что в конце 1920-х гг. он жил в Болгарии и находился в связи с канадскими духоборцами.

М. П. Махортов — В. Ф. Булгакову

9. 10 февраля 1962 г. Шорэйкрес

¹ Shogaeages — местность в Британской Колумбии примерно в 10 милях (16 км) к северу от г. Кастлгара. В 1912 г. духоборческая община приобрела здесь 500 акров (200 га) земли, на которой было устроено селение Прекрасное. В начале 1960-х гг. земля была продана и общинное поселение оставлено.

² «Искра» — журнал, периодическое издание общины духоборцев, издаваемый в пос. Бриллиант (Брит. Колумбия) с 1943 г. В 1943–1945 гг. называлась «Стен-Газета», затем «Искра».

³ См. выше примеч. к письму от 7 октября 1954.

М. П. Махортов — В. Ф. Булгакову

10. 20 февраля 1963 г. Шорэйкрес

¹ На письме помета В. Ф. Булгакова: «Получ. 2 марта 1963 г.».

² Веригин Петр Васильевич (1859–1924), был в 1887–1924 гг. духовным лидером и руководителем части духоборцев, живших в Закавказье в Российской империи и эмигрировавших в Канаду в 1898–1899 гг. (т. н. «Большой партии»). Духоборцы называли его: «Петр Петрович Господний». Провел около 15 лет в ссылке (1887–1902). Состоял в многолетней переписке (1895–1910) с Л. Н. Толстым. Погиб 29 октября 1924 г. при взрыве на железной дороге в Канаде. Обстоятельства происшествия остались невыясненными.

³ П. В. Веригин и небольшая группа приехавших из Канады духоборцев (И. Ф. Махортов, П. Д. Планидин, Д. Н. Гритчин, А. Ф. Голубова, М. В. Дымовская) посетили Л. Н. Толстого в Ясной Поляне 6–10 декабря 1906 г. Булгаков же стал секретарем Толстого только в январе 1910 г., поэтому визита духоборцев, конечно, «помнить» не мог, хотя, несомненно, впоследствии, познакомившись с их историей ближе, был осведомлен об этом эпизоде.

⁴ «Свободники» с. Kootenays (Брит. Колумбия) 2 сентября 1962 г. отправились пешком в Ванкувер, куда прибыли 17 января 1963 г. Затем часть их переместилась в г. Agassiz, где находилась тюрьма (Mountain Prison, ок. 115 км восточнее Ванкувера), созданная в 1962 г. специально для заключения арестованных за нарушения общественного порядка, поджоги и др. насильственные действия «свободников».

Перепелкин И. И. — В. Ф. Булгакову

11. 22 мая 1932 г. Грамс

¹ Острый конфликт духоборцев-«свободников» с властями Канады продолжался в 1932–1935 гг. Число арестованных «свободников» доходило до 600 человек.

² Ванкувер (англ. Vancouver) — крупнейший город и порт на тихоокеанском побережье Канады в провинции Британская Колумбия.

³ Виктория (англ. Victoria) — столица канадской провинции Британская Колумбия.

⁴ Около 360 детей были направлены в детские дома; однако уже в апреле 1933 г. началось распределение этих детей между приемными родителями из среды духоборцев.

⁵ Гранд Форкс (англ. Grand Forks) — небольшой городок в Британской Колумбии.

⁶ Феникс (англ. Phoenix) — небольшой шахтерский городок в Британской Колумбии, где в 1890–1910-х гг. производилась добыча меди. После 1919 г. оказался покинут по причине нерентабельности дальнейших разработок.

⁷ В 1931 г. канадское правительство постановило считать акты публичного обнажения наказуемым деянием, способным повлечь тюремное заключение сроком до трех лет. Смягчение закона (отмена трехлетнего заключения) последовало в 1955 г.

⁸ Разъяснение того, как понималось автором письма выражение «исподнее», см. в след. Письме.

И. И. Перепелкин — В. Ф. Булгакову

12. 27 мая 1932 г. Грамс

¹ См. примеч. к предыдущему письму.

² См. также предыдущее письмо.

³ См. примеч. к предыдущему письму.

И. Д. Ткачук — В. Ф. Булгакову

13. 1 ноября 1932 г.

¹ В 1932 г. П. П. Веригин был осужден по обвинениям в лжесвидетельстве на три года заключения.

² Угроза депортации П. П. Веригина из Канады была вполне реальна. Процедура была прекращена почти в самый последний момент.

³ Имеется в виду согласие канадских властей на иммиграцию духоборцев в 1899–1900 гг.

⁴ Серьезное непонимание между общиной духоборцев, стремившейся к организации совместной жизни по своим принципам, и канадскими властями, ожидавшими строгого исполнения иммигрантами действовавшего канадского законодательства начались уже вскоре после прибытия Духоборцев в Канаду. Это касалось вопросов собственности на землю, образования детей и воинской повинности. В 1912–1913 гг. действительно имело место одно из первых серьезных обострений отношений между общиной и гражданскими властями.

⁵ Саскатун (англ. Saskatoon) — город в канадской провинции Саскачеван (англ. Saskatchewan).

⁶ «Рассвет» — русскоязычная газета, выходившая в Чикаго (США).

⁷ Статья была приложена И. Д. Ткачуком к его письму от 1 ноября 1932 г.

⁸ Газета «Рассвет» (Чикаго, США).

⁹ «Страйк» (англ. strike) — забастовка.

Христианская община Всемирного Братства в Канаде ЛТД — В. Ф. Булгакову

13. 11 июня 1931 г. Бриллиант

¹ Христианская Община Всемирного Братства — довольно часто встречающееся определение сообщества духоборцев, предложенное их лидером П. В. Веригиным в 1896 г. по совету Джона Кенворти. В данном случае, однако, речь идет о корпорации, созданной П. В. Веригиным в Канаде как юридическое лицо в 1917 г. — The Christian Community of Universal Brotherhood Limited (CCUB) — с капиталом в 1 миллион долларов, с 5800 зарегистрированными членами и самим Веригиным как президентом. Это предприятие придало законную форму коллективной собственности участвующих в нем духоборцев на землю, на которой они жили и которую обрабатывали, а также на все имеющиеся у общины предприятия и инвентарь. Корпорация обанкротилась и прекратила свое существование в 1938 г.

² Бриллиант (Brilliant) — духоборческое селение в канадской провинции Британской Колумбии вблизи г. Кастлгара (Castlegar). Основано в 1908 г. на купленных общиной духоборцев для переезда из провинции Саскачеван 2700 акрах (1080 га) земли.

³ «Толстой, Ленин, Ганди» — работа В. Ф. Булгакова (Прага, 1930).

⁴ На письме помета В. Ф. Булгакова: «Отв. и посл. 1ю партию (100 экз.) и счет на 500 экз. 8.VII.31».

Христианская община Всемирного Братства в Канаде ЛТД — В. Ф. Булгакову

14. 5 октября 1931 г. Бриллиант

¹ Дальнейшую судьбу высланных книг установить не удалось.

² Британская Колумбия.

Указатель имен

Августин Блаженный (Aurelius Augustinus Hipponensis) (354–430), епископ Гиппонский, философ, влиятельнейший христианский богослов, святой католической и православной церквей — 93, 201, 328

«Исповедь» — 201

Авдотья, кухарка в Ясной Поляне — 240, 335

Авраам, библейский персонаж — 207

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928), литературный «критик-импрессионист» — 80

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860), русский публицист, поэт, литературный критик, известный славянофил — 327

Александр I Павлович Благоденный (1777–1825), император Всероссийский [с 12 (24) марта 1801] — 105, 154, 304, 327

Александр II Николаевич (1818–1881), император Всероссийский (с 18 февраля (2 марта) 1855] — 336

Александр Михайлович — см. Кузминский А. М.

Александров Анатолий Николаевич (1888–1982), российский и советский композитор, дирижер, пианист и музыкальный педагог; доктор искусствоведения (1941). Был близким другом детства и юности Булгакова — 143

Амиель (Amiel) Анри Фредерик (1821–1881), французский писатель, профессор философии — 292

Ангелус Силезиус (Angelus Silesius; наст. имя: Иоханнес Шефлер, нем. Johannes Scheffler) (1624–1677), немецкий христианский мистик, поэт — 30

Анджелико (Angelico) Фра Беато (букв. «брат Блаженный Ангельский»; наст. имя: Гвидо ди Пьетро, итал. Guido di Pietro; имя в постриге Джованни да Фьезоле, итал. Fra Giovanni da Fiesole) (1400–1455), доминиканский монах, итальянский художник эпохи Раннего Возрождения — 56

Антоний Великий, св., преподобный (ок. 251–356), раннехристианский подвижник, пустынный, основатель отшельнического монашества — 43, 44, 83

Антонина Тихоновна — см. Кудрявцева А. Т.

Апостолов (после 1934 г. Арденс) Николай Николаевич (1890–1974), литературовед — 282

Аристотель (Ἀριστοτέλης) (384 до н. э. — 322 до н. э.), древнегреческий философ, ученик Платона — 82, 83, 116, 150

Аруэ Франсуа-Мари — *см.* Вольтер

Архимандрит Фотий — *см.* Фотий

Архипов Абрам Ефимович (1862–1930), художник — 147

Ассизская Клара — *см.* Клара Ассизская

Ассизский Франциск — *см.* Франциск Ассизский

Асташкина Светлана — 4

Бадмаев Петр Александрович (Жамсаран) (1851(?), 1920), врач, практиковавший методы тибетской медицины, переводчик специальной медицинской литературы (трактат «Жуд-Ши»); крестник императора Александра III; лечил членов императорской фамилии, в т. ч. семьи Николая II, а также и Григория Распутина; был сторонником попыток включить в состав России Тибет, Монголию и Китай — 186

Баженов Василий Иванович (1738–1799), архитектор, представитель классицизма — 156

Байрон (Вугон) Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), английский поэт-романтик — 57, 193

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), русский революционер, анархист — 183

Бароха-и-Несси (Baroja y Nessi) Пио (1872–1956), испанский писатель — 103–105

«Путь совершенства» («Camino de perfeccion») — 103–105

Басов, артельщик Гос. музея Толстого в Москве — 300

Бастрыкина Валентина Степановна, библиограф — 4

Бастьен-Лепаж (Bastien-Lepage) Жюль (1848–1884), французский художник, представитель направлений натурализма и реализма — 145

Бауэр (Bauer) Вальтер (1904–1976), немецкий поэт и прозаик, в 1953 эмигрировал в Канаду и преподавал германистику в Университете Торонто — 200

Бах (Bach) Анна Магдалена (урожд. Вильке — Wilcke) (1701–1760), вторая жена И. С. Баха (с 1721) — 195–199

Бах (Bach) Вильгельм Фридеман (1710–1784), старший сын И. С. Баха, известный органист, импровизатор и композитор — 199

Бах (Bach) Готфрид Генрих (1724–1763), первый сын И. С. Баха во втором браке, музыкант — 199

Бах (Bach) Елизавета Юлианна Фредерика (1726–1781), дочь И. С. Баха — 199

Бах Иоганн Готфрид Бернхард (нем. Johann Gottfried Bernhard Bach) (1715–1739), третий сын И. С. Баха, органист — 199

Бах (Bach) Иоганн Христиан (1735–1782), сын И. С. Баха, композитор, известен как «Лондонский Бах», или «Английский Бах», так как жил в Лондоне — 199

Бах (Bach) Иоганна Каролина (1737–1781), дочь И. С. Баха — 199

Бах (Bach) Иоганн Кристоф Фридрих (1732–1795), сын И. С. Баха, композитор — 199

Бах (Bach) Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор, органист-виртуоз, музыкальный педагог — 10, 142, 195–199

Бах (Bach) Карл Филипп Эммануил (1714–1788), второй сын И. С. Баха, композитор и музыкант — 199

- Бах (Bach) Катарина Доротея (1708–1774), старшая дочь И. С. Баха — 199
- Бах (Bach) Мария Барбара (1684–1720), кузина и первая жена И. С. Баха (с 1707), дочь И. М. Баха — 196, 197
- Бах (Bach) Регина Сусанна (1742–1809), дочь И. С. Баха — 199
- Бедекер (Baedeker) Карл (1801–1859), немецкий издатель — 148
- Бейлис Мендель Тевьевич (1874–1934) — 335
- Бейль Мари-Анри — *см.* Стендаль
- Беклин (Böcklin) Арнольд (1827–1901), швейцарский живописец, график, скульптор; один из выдающихся представителей символизма — 129, 145
- Беленький Самуил Моисеевич (1877–1966), переписчик Толстого — 254, 286, 337
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848), влиятельный русский литературный критик, публицист, крупная фигура общественной жизни своего времени — 72, 132, 133, 134, 174, 324, 326
- «Метеор, на 1845 год» — 326
- «Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая. “Евгений Онегин”» — 324
- Беллини (Bellini) Джованни (ок. 1430/1433–1516), итальянский художник венецианской школы — 149
- «Портрет дожа Лоредано» — 149
- Беллотто (Bellotto) Бернардо Паоло Франческо Эрнесто (1721–1780), итальянский художник — 147
- Бенедикт XV (Benedictus XV), до интронизации Джакомо маркиз делла Кьеза (della Chiesa) (1854–1922), папа римский в 1914–1922 — 294, 341
- Бентам (Bentham) Иеремия (1748–1832), английский социолог, юрист, крупный теоретик политического либерализма — 182
- Бер Владимир Борисович (1841–1913), действительный статский советник, отец Е. В. Молоствовой — 336
- Бердяев Николай Александрович (1874–1948), философ — 327
- «Философия неравенства» — 327
- Беркенгейм Григорий Моисеевич (1872–1919), врач, близкий знакомый Толстого, вместе с другими врачами находился в Астапове в дни болезни и кончины Толстого — 254, 272
- Берлиоз (Berlioz) Гектор (1803–1869), французский композитор, дирижер — 129
- Бернштейн — 239
- Берн-Джонс (Burne-Jones) Эдуард Коли (1833–1898), английский живописец, рисовальщик, мастер декоративно-прикладного искусства; представитель младшего поколения прерафаэлитов — 145
- Берс (урожд. Иславина) Любовь Александровна (1826–1886), мать С. А. Толстой — 234, 334
- Берс Софья Андреевна — *см.* Толстая Софья Андреевна
- Берс Степан Андреевич, младший брат С. А. Толстой (1855–1910) — 237
- Бетховен (Beethoven) Людвиг ван (1770–1827), великий немецкий композитор и выдающийся пианист — 48, 57, 93, 116, 129, 139–142, 191
- Симфония № 9 — 139–141

Бирюков Павел Иванович (1860–1931), друг, соратник, последователь и биограф Л. Н. Толстого — 166, 217, 229, 245, 305, 330, 333

«Биография Л. Н. Толстого» — 166

Битнер Вильгельм Вильгельмович (1865–1921), редактор журнала «Вестник знания» — 330

Блаженный Августин — см. Августин Блаженный

Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт — 63, 173, 327

Богданов Николай Николаевич, секретарь Толстовского общества в Москве — 270

Богданов-Бельский Николай Петрович (1868–1945), русский художник — 147

Богородица (Пречистая Дева), в христианстве земная мать Иисуса Христа, одна из самых почитаемых христианских святых — 100

Бодлер (Baudelaire) Шарль Пьер (1821–1867), французский поэт и критик — 129, 133

Боднарский Богдан Степанович (1874–1968), библиограф — 270, 276, 339

Бодянский Иван Александрович (1875–?), художник, офортист, выпускник Академии художеств, сын Александра Михайловича Бодянского (1842–1916), последователя Толстого, много помогавшего духоборцам и в 1907 привлеченного к ответственности за изданную им книгу «Духоборцы. Сборник рассказов, писем, документов и статей по религиозным вопросам» (Харьков, 1907), тираж которой был конфискован — 312, 313, 344

Бондарев И. Г., духоборец — 322

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955), этнограф, исследователь сектантства, писатель, революционер, советский партийный и государственный деятель — 303, 341, 342, 344

Боттичелли (Botticelli) Сандро (1445–1510), итальянский живописец, выдающийся представитель флорентийской школы — 56, 145

Бретон (Breton) Жюль Адольф Эме Луи (1827–1906), французский художник, представитель реалистического направления — 145

Броквей (Brookway) Феннер (1888–1988), британский политик, антивоенный активист — 21

Брюллов Карл Павлович (1799–1852), русский художник, монументалист, акварелист, рисовальщик — 145, 147

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), русский поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, литературный критик и историк; представитель русского символизма и эпохи Серебряного века — 135

Будда Шакьямуни (санскр. «Просветленный», «Пробужденный мудрец из рода Шакьев») (563 до н. э. — 483 до н. э.), основатель буддизма, духовный учитель — 48, 64–66, 79, 324

Булгаков, старший брат В. Ф. Булгакова — 274

Булгаков Вениамин Федорович (1889–1975), младший брат В. Ф. Булгакова — 207, 245, 260, 263, 265, 269, 271, 275, 278, 280, 336

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), русский философ, богослов, православный священник — 46

Булгаков Федор Алексеевич, отец В. Ф. Булгакова — 323

Булгакова (урожд. Цубербиллер) Анна Владимировна (1896–1964), жена В. Ф. Булгакова (с 1920) — 311

Булгакова (в замуж. Шваненберг) Надежда Федоровна, сестра В. Ф. Булгакова — 250–253, 260, 261, 266, 337

Булгакова (в замуж. Романюк) Татьяна Валентиновна (1921–2003), старшая дочь В. Ф. Булгакова — 212, 311

Булгакова (урожд. Исакова) Татьяна Никифоровна (1866–1922), мать В. Ф. Булгакова — 250–253, 255, 259–261, 263, 264, 266, 278–281, 300, 323, 337, 338

Булыгин Михаил Васильевич (1863–1943), друг и последователь Толстого, живший с 1887 на хуторе Хатунка в 16 км от Ясной Поляны, отец С. М. Булыгина — 182, 236, 328

Булыгин Сергей Михайлович (1889–1948), последователь Толстого, сын М. В. Булыгина — 41, 164, 224, 236, 245, 273, 286, 288, 334

Булыгины — 236, 334

Ле Бутилье де Рансе Арман Жан (1626–1700), аббат цистерцианского монастыря в Ла-Траппе — 324

Буткевич Анатолий Степанович (1859–1942), родоначальник опытного пчеловодства в России — 236, 335

Буткевич Владимир Степанович (1872–1948), профессор Тимирязевской академии — 236, 334

Буткевич (урожд. Штыкина) Елизавета Филипповна (1865–1922), жена А. С. Буткевича — 236, 335

Буткевичи — 236, 334

Бэкон (Bacon) Фрэнсис (1561–1626), английский философ, основоположник эмпиризма, политический деятель — 48

Вагнер (Wagner) Рихард (1813–1883), немецкий композитор и теоретик искусства — 48, 129, 190

Ван Дейк (van Dyck) Антонис (1599–1641), фламандский живописец и график эпохи барокко — 145, 147

Ван дер Верфф (van der Werff) Адриан (1659–1722), голландский художник — 149
«Мария с младенцем» — 149

Ванджов Федор Ф., духоборец — 313, 343

Ванджова Анастасия Федоровна, дочь Ф. Ф. Ванджова — 313, 343

Варвара Валерьяновна — *см.* Нагорнова В. В.

Варвара Михайловна — *см.* Феокритова В. М.

Васильев Федор Александрович (1850–1873), русский живописец-пейзажист — 147

Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926), русский художник-живописец и архитектор, автор многих известных работ в жанре исторической и фольклорной живописи — 147

Вебер (Weber) Карл Мария фон (1786–1826), немецкий композитор, дирижер, пианист, основоположник немецкой романтической оперы — 252

Вебер (Weber) Эрнст Генрих (1795–1878), немецкий физиолог и анатом — 61

- Вейдле Владимир Васильевич (1895–1979), литературовед, культуролог, либеральный мыслитель, историк культуры русской эмиграции, поэт — 132
- Вейнингер (Weininger) Отто (1880–1903), австрийский философ и психолог — 74
- Веласкес (Velázquez) Диего Родригес де Сильва (1599–1660), выдающийся испанский художник — 145, 147
- Вельс (Wells; Уэллс), гувернантка Т. Л. Сухогиной — 245, 261, 262, 264, 266, 272, 282, 297
- Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920), историк литературы, библиограф — 246
- Венецианов Алексей Гаврилович (1780–1847), русский живописец, мастер жанровых сцен из крестьянской жизни, основатель так называемой венециановской школы в русской живописи — 147
- Верещагин Василий Васильевич (1842–1904), выдающийся русский художник-баталист — 145, 147, 150
- «Апофеоз войны» — 150
- Верещагин Гаврила В. (1885–1967), духоворец, работал в администрации общины, а также был известен своим значительным вкладом в развитие духоворческой певческой традиции — 306, 307, 313, 342, 343
- Верещагин Петр Гаврилович, духоворец, корреспондент В. Ф. Булгакова — 303–309, 341
- Верещагина (в замуж. Резанцова) Любовь Гавриловна (1912–2001), духоворка, дочь В. Г. Верещагина, активная участница духоворческого братского хора — 313, 343
- Веригин Петр Васильевич (1859–1924), в 1887–1924 духовный лидер и руководитель части верующих духоворов, живших в Закавказье в Российской империи и эмигрировавших в Канаду в 1898–1899 — 127, 314, 322, 326, 344–346
- Веригин Петр Петрович (1881–1939), духоворец, сын П. В. Веригина, долгое время оставался в России (и затем в СССР), где был лидером т. н. Средней партии духоворцев. После смерти отца (1924) прибыл в Канаду и возглавлял общину духоворцев с 1927 по 1939; получил прозвище «Чистяков», что было, однако, не фамилией (как иногда употребляется в литературе о духоворцах), но синонимом понятия «очиститель» — 20, 21, 118, 316, 317, 342, 343–345
- Верлен (Verlaine) Поль Мари (1844–1896), французский поэт, один из основоположников литературного импрессионизма и символизма — 129, 133
- Вигдорчик (Wigdorczyk) Иосиф (?–1938), польский толстовец — 20, 21
- Винчи (da Vinci) Леонардо ди сер Пьеро да (1452–1519), итальянский художник (живописец, скульптор, архитектор) и ученый (анатом, естествоиспытатель), изобретатель, писатель, один из крупнейших представителей искусства Высокого Возрождения, ярчайший пример «универсального человека» — 191
- Витте Сергей Юльевич (1849–1915), российский государственный деятель, глава правительства в качестве председателя Комитета министров (1903–1906) и председателя Совета министров (1905–1906). Прежде занимал также должности министра путей сообщения (1892) и министра финансов (1892–1903) — 160
- Вишневский Александр Александрович (1906–1975), военный врач, главный хирург Министрства обороны СССР (с 1956), генерал-полковник медицинской службы (1963) — 123

- Волконские, князя — 141
- Волконский Николай Сергеевич (1751–1821), князь, генерал от инфантерии, дед Л. Н. Толстого по матери — 336
- Вольтер (Voltaire; наст. имя François Marie Arouet) (1694–1778), один из крупнейших представителей французского Просвещения XVIII в.; поэт, прозаик, сатирик, историк, публицист, философ — 31, 48
- Вудсворт (Woodsworth) Джон, канадский переводчик, член группы славянских исследований при Оттавском университете (Канада) — 4, 320
- Вундт (Wundt) Вильгельм Максимилиан (1832–1920), немецкий врач, физиолог и психолог, один из основоположников экспериментальной психологии — 27
- Вяшкин, духоборец — 318
- Гайдн (Haydn) Франц Йозеф (1732–1809), австрийский композитор, представитель венской классической школы — 191
- Галилей (Galilei) Галилео (1564–1642), итальянский физик, астроном, математик, философ, оказавший существенное влияние на развитие науки — 122
- Галлей (Halley) Эдмунд (1656–1742), английский астроном — 37, 38, 118, 180
- Гальс — см. Халс
- Ганди «Махатма» (Мохандас Карамчанд), (1869–1948), индийский мыслитель, духовный лидер и политический деятель, одна из виднейших фигур в движении за независимость Индии — 57, 184, 185, 319, 346
- Гафиз (Хафиз) Ширази (ок. 1325—1389/1390), персидский поэт, суфийский мастер — 66
- Ге Иван — 280
- Ге Николай Николаевич (1831–1894), русский живописец, портретист и автор полотен исторической и религиозной тематики. Ге был близким знакомым и частым гостем семьи Толстых — 145, 147, 150
- «Распятие» — 150
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (нем. Georg Wilhelm Friedrich Hegel) (1770–1831), немецкий философ, один из основоположников немецкой классической философии — 58
- Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд (нем. Hermann von Helmholtz) (1821–1894), немецкий физик, врач, физиолог и психолог — 119
- Георгиевский Григорий Петрович (1866–1948), сотрудник Румянцевского музея, историк, археограф, книговед, библиотечный и музейный работник — 274
- Гертвиг (Hertwig) Гуго (1891–1959), немецкий писатель — 87–89, 199, 325, 328
- «Das Liebesleben des Menschen» («Личная жизнь человека») — 87, 325
- «Schicksale ewiger Liebe. Aus dem Leben berühmter Menschen» (Судьбы вечной любви. Из жизни известных людей) — 199, 328
- Герцен Александр Иванович (1812–1870), русский писатель, публицист, революционер, философ — 133, 199, 200
- «Былое и думы» — 199

- Гершель (Herschel) Уильям (1738–1822), выдающийся английский астроном — 122
- Гершензон Михаил Осипович (Мейлих Иосифович) (1869–1925), литературовед, публицист и переводчик — 327
- «Иванов Вяч. и М. О. Гершензон. Переписка из двух углов» — 327
- Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг фон (1749–1832), немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель и естествоиспытатель — 77, 93, 116, 129, 133, 154, 186, 200, 260, 327, 338
- «Фауст» — 260, 338
- Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945), русская поэтесса, драматург и литературный критик, видный представитель Серебряного века русской культуры. Жена Д. С. Мережковского — 63, 186
- Гитлер Адольф (нем. Adolf Hitler) (1889–1945), лидер германского национал-социализма и Третьего рейха, глава Национал-социалистической немецкой рабочей партии, рейхсканцлер Германии (1933–1945) — 158, 162, 163, 165, 185
- Гладкова Людмила Викторовна, литературовед, переводчик — 320, 327, 340
- Глинка Михаил Иванович (1804–1857), русский композитор, основоположник русской национальной композиторской школы — 142
- Гоббс Томас (англ. Thomas Hobbes) (1588–1679), английский философ-материалист, один из основателей теории общественного договора и теории государственного суверенитета — 182
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель — 105, 128, 331
- Годлер — см. Ходлер
- Гойя-и-Лусьентес Франсиско Хосе де (исп. Francisco José de Goya y Lucientes) (1746–1828), испанский художник и гравёр, один из первых и наиболее ярких мастеров изобразительного искусства эпохи романтизма — 147
- Голицын Владимир Михайлович (1847–1932), князь, действительный тайный советник, камергер, московский губернатор (1887–1891), городской голова (1897–1905) — 270
- Голичер (Holitscher) Артур (1869–1941), немецкий романист, эссеист, драматург, автор путевых заметок — 21
- Голубова Анастасия Федоровна (1885–1965), духоборка, гражданская жена П. В. Веригина (1903–1924), после смерти Веригина пыталась возглавить общину духоборов, а затем создала небольшую колонию под названием Господне Поселение (провинция Альберта) и называла себя Анастасией Божьей — 345
- Гольбейн Ганс Старший (Holbein der Ältere) (1465–1524), немецкий живописец — 145
- Гольденблат Борис Осипович (1864–ок. 1930), тульский адвокат — 259
- Гольденвейзер Александр Борисович (1875–1961), пианист, композитор, педагог; автор воспоминаний о Толстом — 141, 143
- Гольдштейн Моисей Леонтьевич (1868–1932), адвокат, журналист, редактор — 259
- Горбунов-Посадов Иван Иванович (1864–1940), публицист, редактор и руководитель издательства «Посредник» — 263, 270, 274, 338, 339, 341
- Горький М. (наст. имя и фамилия Алексей Максимович Пешков) (1868–1936), писатель — 133, 173, 327, 338
- «А. А. Блок» — 173, 327
- «Мать» — 262, 338

Горяева Татьяна Михайловна, директор Государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) — 4

Гофман (Hofmann) Иосиф (1876–1957), американский пианист и композитор польского происхождения — 144

Грассо (Grasso) Джованни (1873–1930), известный итальянский трагический актер театра и кино, родом сицилиец — 130, 131

Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1882–1964), писатель — 20

Грёз (Greuze) Жан-Батист (1725–1805), известный французский живописец-жанрист — 147

Григорий Богослов (греч. Γρηγόριος Ναζιανζηνός) (329–389), христианский писатель, богослов, один из Отцов Церкви, почитаемый в лике святителей — 56, 324

«Песнопения таинственные» — 56, 324

Григорьев Андрей Яковлевич (1848–1926?), скопец, встречался с Толстым в 1910 — 326

Гритчин Д. Н., духоворец — 345

Гритчин (Gritchín) Семен Алексеевич, духоворец, корреспондент В. Ф. Булгакова — 310, 311, 313, 343

Гритчин Федор Семенович, духоворец, сын С. А. и А. П. Гритчиных — 311

Гритчина Агафья Семеновна, духоворка, дочь С. А. и П. А. Гритчиных — 311, 313, 343

Гритчина Пелагея Андреевна, духоворка, жена С. А. Гритчина — 311, 313

Громова (Опупльская) Лидия Дмитриевна (1925–2003), литературовед — 321

Грузинский Алексей Евгеньевич (1858–1930), литературовед — 238, 242–244, 257–260, 270, 272, 335, 339

«Ясная Поляна» — 266, 280, 290, 291, 293, 339

Гурвич Александр Гаврилович (1874–1954), российский и советский биолог, открывший сверхслабые излучения живых систем и создавший концепцию морфогенетического поля — 123

Гус (Hus) Ян (1369–1415), предтеча чешской Реформации, проповедник, мыслитель; по обвинению в ереси был осужден Констанцким собором (XVI вселенский собор, 1414–1418) и 6 июля 1415 в Констанце (Германия) сожжен — 46

Гусев Александр Федорович (1842–1904), русский богослов, профессор Казанской духовной академии по кафедре апологетики — 95, 325

«О браке и безбрачии. Против “Крейцеровой сонаты” и “Послесловия” к ней графа Л. Толстого» — 95, 325

Гусев Николай Николаевич (1882–1967), личный секретарь Л. Н. Толстого (1907–1911), впоследствии исследователь его жизни, автор книг о нем — 18, 37, 38, 220, 243, 329

Гюго Виктор Мари (фр. Victor Marie Hugo) (1802–1885), французский писатель — 29, 30, 323

«Отверженные» («Les Misérables») — 323

«Собор Парижской Богоматери» («Notre-Dame de Paris») — 323

Гюисманс (Huysmans) Жорис-Карл (1848–1907), французский писатель: первый президент Гонкуровской академии (с 1900) — 100, 101

«В пути» («En route») — 101

Давид (David) Жак Луи (1748–1825), французский художник, мастер неоклассицизма — 147

Давыдов Николай Васильевич (1848–1920), председатель Тульского, затем Московского окружного суда — 241, 242, 273, 332

Дадиани Георгий Александрович (1856–1900), князь, потомок владетельного грузинского (мингрельского) княж. рода, «опростившийся» под влиянием своего друга Д. П. Хилкова — 181, 182

Данте Алигьери (Dante Alighieri) (1265–1321), итальянский поэт, один из основоположников литературного итальянского языка, один из крупнейших поэтов европейского средневековья — 56, 116, 129, 324

«Божественная комедия» — 56, 324

Дантес Жорж Шарль (точнее: д'Антес), после усыновления носил фамилию Геккерн (фр. Georges Charles de Heeckeren d'Anthès, в российских документах — Георг Карл де Геккерен) (1812–1895), француз, в 1830-е жил в России, служил офицером кавалергардом. Впоследствии занимался политикой, был сенатором Франции. Известен прежде всего как человек, смертельно ранивший на дуэли А. С. Пушкина — 135, 136

Дарвин (Darwin) Чарлз Роберт (1809–1882), английский ученый, биолог, создатель теории происхождения биологических видов путем эволюции. Наиболее известный его труд — книга «Происхождение видов» («On the Origin of Species») (1859) — 29

Даргомыжский Александр Сергеевич (1813–1869), композитор, чье творчество оказало существенное влияние на последующее развитие русского музыкального искусства XIX в. — 130

«Русалка» — 130

Дежнев Семен Иванович (ок. 1605–1673), русский землепроходец, путешествовавший в Северной и Восточной Сибири — 121

Декарт (Descartes) Рене (1596–1650), французский философ и математик — 26

Делакруа (Delacroix) Фердинан Виктор Эжен (1798–1863), французский живописец и график, крупнейший представитель романтического направления — 145

Демидов, подполковник — 337

Денисенко Онисим Иванович (1894–1918), внучатый племянник Толстого — 262, 338

Державин Гавриил Романович (1743–1816), русский поэт и государственный деятель Российской империи — 76, 325

«Бог» — 76, 325

Дефреггер (von Defregger) Франц фон (1835–1921), австрийский художник, работавший в областях жанровой и исторической живописи — 145

Джордж (George) Генри (младший) (1862–1916), сын Генри Джорджа (см. след. прим.), американский журналист и политик, в 1911–1915 избирался членом Конгресса от демократической партии — 205

Джордж (George) Генри (1839–1897), американский экономист, публицист и политик. Основой его взглядов («джорджизма») являлось положение, что созданный продукт принадлежит тому, кто его произвел, но природные блага, и прежде всего земля, принадлежат в равной степени всем. Для избавления от бедности Джордж предлагал национализировать землю и ввести высокий земельный налог на частную земельную собственность — 166, 167, 205

Джорджоне (Giorgione) (Джорджо Барбарелли да Кастельфранко; Giorgio Barbarelli da Castelfranco) (1476/1477–1510), итальянский художник, представитель венецианской школы живописи; один из крупнейших мастеров Высокого Возрождения — 149

«Дремлющая Венера» — 149

Дидро (Diderot) Дени (1713–1784), французский писатель, драматург, философ-просветитель; основал и редактировал знаменитую «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» («Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers») (1751–1772) — 59, 324

«Разговор Д’Аламбера с Дидро» — 59, 324

Дикий Григорий Петрович, корреспондент Толстого — 223, 331

Диоген Синопский (др.-греч. Διογένης Σινωπέυς) (ок. 412 до н. э. — 323 до н. э.), древнегреческий философ — 66

Дунаев Александр Никифорович (1850–1920), один из директоров Московского торгового банка, единомышленник Толстого — 284

Дуров Владимир Леонидович (1983–1934), известный дрессировщик и цирковой артист — 296

Добролюбов Николай Александрович (1836–1861), литературный критик рубежа 1850-х и 1860-х, публицист — 132, 190, 328

«Николай Владимирович Станкевич» — 190, 328

Донсков Андрей Александрович, действительный член Канадского королевского общества, заслуженный профессор Оттавского университета (Канада), член Союза писателей России — 22, 320–322

Дорошевич Влас Михайлович (1865–1922), русский журналист, публицист, театральный критик, один из известных фельетонистов конца XIX — начала XX века — 4, 249, 251

Достоевская (урожд. Констант, в 1-м браке Исаева) Мария Дмитриевна (1828–1864), первая жена Ф. М. Достоевского — 327

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель — 38, 46, 48, 51–54, 6, 93, 133, 158, 327

«Братья Карамазовы» — 51–54

Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), военный деятель, генерал, известный военный теоретик и педагог —

Дутов Александр В., духоборец-«свободник», корреспондент В. Ф. Булгакова — 311, 312, 343

Дымовская Мавра В., духоборка — 345

Дюма-сын (Dumas, fils) Александр (1824–1895), французский писатель и драматург, сын автора исторических романов Александра Дюма — 133

Дюрер (Dürer) Альбрехт (1471–1528), выдающийся немецкий живописец, график, мастер гравюры, считается одним из величайших мастеров западноевропейского искусства Ренессанса — 145

Евреинов Николай Николаевич (1879–1953), режиссер, драматург, театральный теоретик — 131, 326

«Театрализация жизни (Поэт, театрализирующий жизнь)» — 131, 326

Елисеев Адриан Павлович (Андриан, Палыч; 1867—1938), кучер у Толстых — 240, 241, 335, 336

Ермохин Василий Иванович (гг. рожд. и смерти неизв.), рабочий-кустарь, колесник, жил в слоб. Покровской близ Саратова — 106

«Вред безбрачия» («О безбрачии») — 106

Жданов Николай Митрофанович (1878–1934), юрист, писатель, переводчик, член Толстовского общества в Москве — 299

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), русский поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии, переводчик, критик — 46, 189, 190, 324

«О смертной казни» — 324

Зайцев Борис Константинович (1881–1972), писатель и переводчик — 99, 100, 101, 326

«Преподобный Сергей Радонежский» — 99, 100, 326

«Афон. Путевой очерк» — 101, 326

Зигмунд-Шультце (Siegmund-Schultze) Фридрих (1885–1969), немецкий ученый, общественный деятель, антивоенный активист — 21

Иаков, герой Пятикнижия, третий из библейских патриархов — 207

Ибсен (Ibsen) Генрик Юхан (1828–1906), норвежский драматург, поэт и публицист — 83, 129, 133

«Пер Гюнт» — 83

Иванов Александр Андреевич (1806–1858), художник, автор произведений на библейские и антично-мифологические сюжеты, представитель академизма. Наиболее известная его работа — грандиозное полотно «Явление Христа народу» (1837–1857) — 48, 147

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт-символист, философ, переводчик, драматург, литературный критик — 156, 327

«Иванов Вяч. и М. О. Гершензон. Переписка из двух углов» — 327

Иванов Г., автор заметки о духоборцах-«свободниках» в чикагском журнале «Рассвет» — 305, 318

Иванов Сергей Васильевич (1864–1910), русский живописец — 147

Игумнова Юлия Ивановна (1871–1940), художница — 231, 233–236, 333–335

Иисус Христос — 6, 27, 31, 37, 39–41, 48, 52, 66, 79–81, 93, 97, 101, 102, 106–108, 116, 181, 191, 195, 200, 206, 217, 308–310, 312, 314, 324, 342

- Исаак, персонаж Пятикнижия, библейский патриарх — 207
- Изаи (Ysaÿe) Эжен (1858–1931), бельгийский скрипач, дирижер и композитор — 141
- Иоанн Богослов (Иоанн Зеведеев) (I в н. э.), один из Двенадцати апостолов, согласно христианской традиции автор «Евангелия от Иоанна», «Книги Откровения» («Апокалипсиса») и трех посланий, вошедших в Новый Завет — 192, 342
- Иов Многострадальный — главный персонаж библейской книги Иова, праведник, прославленный за твердость своей веры в многочисленных ниспосланных ему невзгодах — 193
- Исаева — *см.* Достоевская А. Г.
- Исаи — *см.* Изаи Э.
- Йорданс (Jordaens) Якоб (1593–1678), фламандский художник, выдающийся представитель барокко — 145
- Калинин Михаил Иванович (1875–1946), советский государственный и партийный деятель — 21
- Калинина Наталья Алексеевна, директор Государственного музея Л. Н. Толстого — 4
- Каналь (Canal; также Каналетто (Canaletto) Джованни Антонио (1697–1768), итальянский художник эпохи барокко, мастер городских видов — 147
- Кант (Kant) Иммануил (1724–1804), немецкий философ, один из крупнейших представителей немецкой классической философии, ее признанный родоначальник — 26, 28, 41, 48, 98, 99, 127, 187, 188, 206, 323, 326
- «Антропология с прагматической точки зрения» («Antropologie in pragmatischer Hirsicht») — 98, 326
- «Критика чистого разума» — 323
- «Пролегомены» — 323
- Карабчевский Николай Платонович (1851–1925), адвокат, писатель — 259
- Карлейль (Carlyle) Томас (1795–1881), британский писатель, публицист, историк и философ шотландского происхождения — 193
- Касаткин Николай Алексеевич (1859–1930), художник — 147
- Кемпийский Фома — *см.* Фома Кемпийский
- Кенворти (Kenworthy) Джон (1863–1948), лидер британской христианской общины, именовавшей себя «Братской Церковью» («Brotherly Church») — 21, 346
- Керенский Александр Федорович (1881–1970), политический и общественный деятель; министр, затем министр-председатель Временного правительства (1917) — 164
- Кипренский Орест Адамович (1782–1836), русский художник, мастер портрета — 147
- Кита — *см.* Толстой Н. Л.
- Клара Ассизская (лат. Clara Assisiensis, ит. Santa Chiara) (урожд. Chiara Offreduccio di Favagone) (1194–1253), итальянская святая, одна из первых последователей Франциска Ассизского и основательница ордена клариссинок. Канонизирована папой Александром IV — 99

Клингер (von Klinger) Фридрих Максимилиан фон (1752–1831), немецкий поэт и драматург — 129

Ключанский Аркадий Александрович, член группы славянских исследований Оттавского университета — 320

Колосков Иван Николаевич (1872–1932), последователь Иоанна Чурикова, руководитель общины «трезвенников» в Москве; в 1905 по обвинениям в хлыстовстве, в кощунстве и в совращении с православия отлучен от Церкви. Стал последователем Л. Н. Толстого, отказался от молитв. Впоследствии вернулся к проповеди цельного Евангелия, к призывам к покаянию и возрождению. В 1929 был арестован, скончался в Ярославском политизоляторе в 1932 — 143

Кони Анатолий Федорович (1844–1927), юрист, литератор — 232–234, 334

Константиновский Матвей Александрович (Матфей Ржевский, отец Матфей Константиновский) (1791–1857), священник, протоиерей Успенского Ржевского собора, проповедник, миссионер, преследователь раскола, духовный наставник Н. В. Гоголя и ряда других значительных лиц, как, например, обер-прокурора Святейшего синода А. П. Толстого (1801–1873) — 105

Конфуций (ок. 551 до н. э. — 479 до н. э.), древнекитайский философ, моралист, теоретик государственности — 116

Корзухин Алексей Иванович (1835–1894), художник — 147

Корреджо (Correggio) Антонио (1489–1534), итальянский живописец эпохи Возрождения — 145

Космодемьянская Зоя Анатольевна (1923–1941), участница Великой Отечественной войны, член диверсионно-разведывательной группы, действовавшей в тылу германских войск осенью 1941; была схвачена противником во время выполнения задания и казнена; ее имя широко использовалось советской пропагандой как в годы войны, так и впоследствии — 46

Крамской Иван Николаевич (1837–1887), художник, мастер жанровой, исторической живописи, крупный портретист; первый живописец, кому Толстой согласился позировать для портрета; написал в 1873 два портрета писателя — 145, 147

Кранах (Cranach der Ältere) Лукас Старший (1472–1553), немецкий живописец и график эпохи Ренессанса, искавший синтеза готические традиции с художественными принципами Возрождения — 145

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), князь, революционер, сторонник анархизма, общественный деятель — 183

Ксантиппа, жена др.-греч. философа Сократа; имя ее стало нарицательным для обозначения сварливой жены — 48

Кудрин Андрей Иванович (1884–1916), самарский крестьянин-молоканин — 3, 13, 223, 224, 321, 331

Кудрявцев Евгений Тихонович — 275

Кудрявцев Тихон Агафонович — 263

Кудрявцева Антонина (Нина) Тихоновна, компаньонка С. А. Толстой — 240, 243–246, 248–255, 257–261, 263, 264, 266, 272, 275–277, 286, 295, 298, 335

- Кудрявцева Таисия Тихоновна — 275
- Кузминская (урожд. Берс) Татьяна Андреевна (1846–1925), сестра С. А. Толстой — 231, 244, 254, 276, 277, 284, 285, 289–291, 297, 336, 337
- «Мои воспоминания о графине Марии Николаевне Толстой» — 244, 336
- Кузминский Александр Михайлович (1844–1917), сенатор, муж Т. А. Кузминской — 231, 254, 276, 277, 284, 340
- Кузминский Дмитрий Александрович (Митя; 1888–1937), сын Т. А. Кузминской; правовед; во время Первой мировой войны штабс-ротмистр лейб-гвардии Драгунского полка; впоследствии участник Белого движения — 289
- Кузнецовы — 275
- Куприн Александр Иванович (1870–1938), русский писатель — 138
- Куроода, японский журналист — 278
- Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951), русский контрабасист, дирижер и композитор; с 1921 в эмиграции — 140
- Кучков Георгий Эдуардович, издатель — 4
- Лавров Петр Лаврович (1823–1900), революционер, публицист, социолог, философ; один из идеологов народничества — 172
- Ладъжников Иван Павлович (1874–1945), издатель — 333
- Лазаревский Борис Александрович (1871–1936), писатель, беллетрист — 261
- Лао-Тсе — *см.* Лао-Цзы
- Лао-Цзы (604 до н. э. — 531 до н. э.), китайский философ, считается основателем даосизма, автор трактата «Дао Дэ Цзин» («Канон Пути и Благодати») — 209
- Лапшин Иван Иванович (1870–1952), профессор философии Санкт-Петербургского университета, впоследствии — эмигрант, жил и умер в Праге. Вероятно, Булгаков в период своей жизни в Праге был хорошо знаком с Лапшиным — 64, 324, 328
- «Фихте Иоганн Готтлиб» — 64, 324
- «Фейербах» — 328
- Лас Каз де (de Las Cases) Эммануэль Огюстен (1766–1842), французский историк — 339
- «Мемориал святой Елены» («Mémorial de Sainte-Hélène», 1822–1823) — 39
- Латышев Николай Иванович (1886–1951), медик, паразитолог, член-корр. АМН СССР (1950) — 123
- Лебрэн (Lebrun) Виктор Анатольевич (1882–1979), француз, единомышленник Л. Н. Толстого, эсперантист и вегетарианец, был секретарем писателя в мае-августе 1906. Жил в России с 1887, в 1927 переехал во Францию. Автор книги: «Толстой — воспоминания и думы» (М.: «Посредник», 1914) — 209, 329
- Ле Бутийе де Рансе (Le Bouthillier de Rancé) Арман Жан (1626–1700), аббат цистерцианского монастыря в Ла-Траппе — 324
- Лев III, Св. (лат. Leo PP. III) (750–816), папа римский с 27 декабря 795 по 12 июня 816. Канонизирован в 1673 папой Климентом X — 153

Леврье (Ле-Веррье, Le Verrier) Урбен Жан Жозеф (1811–1877), французский математик, изучавший небесную механику. Его наиболее известным достижением является предсказание существования планеты Нептун, сделанное с помощью математического анализа астрономических наблюдений движения планеты Уран (1845–1846) — 122

Левитан Исаак Ильич (1860–1900), художник-пейзажист, мастер т. н. пейзажа настроения — 147, 203

Лейбниц (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1646–1716), немецкий философ, математик — 26

Леманн-Руссбюльт (Lehmann-Russbüldt) Отто (1873–1964), председатель Германской лиги прав человека и гражданина (1922–1926) — 21

Лемох Кирилл Викентьевич (1841–1910), жанровый живописец — 147

Ленен (Le Nain), братья: Антуан (ок. 1588–1648), Луи (ок. 1593–1648), Матье (1607–1677), французские художники, писавшие групповые портреты и жанровые сцены — 147

Ленин — см. Ульянов Владимир Ильич

Ленсбери (Lansbury) Георг (1859–1940), британский политический деятель — 21

Леонардо да Винчи — см. Винчи Леонардо

Леопарди (Leopardi) Джакомо (1798–1837), итальянский романтический поэт, мыслитель-моралист — 57

Лермит (Lhermitte) Леон-Огюстен (1844–1925), французский художник, представитель реалистического направления в бытовом жанре — 145

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), поэт — 57, 116, 132, 133, 264, 325
«Валерик» — 325

Ливанов (Леванов) Федор Васильевич (?–1879), писатель; служил в министерстве внутренних дел, в архиве которого получил доступ к материалам, связанным с раскольниками — 303, 305, 342

«Раскольники и острожники» — 303, 305, 342

Линней (Linnæus) Карл (1707–1778), шведский естествоиспытатель, биолог и врач; создатель единой системы классификации растительного и животного мира — 121, 122

Лист (Liszt) Ференц (1811–1886), венгерский композитор, пианист-виртуоз, педагог, дирижер, один из крупнейших представителей музыкального романтизма — 129, 144
«Кампанелла» — 144

Лойола (Loyola) Игнатий де (ок. 1491–1556), св. основатель Общества Иисуса (Ордена иезуитов), канонизирован в 1622 папой Григорием XV — 66

Локк (Locke) Джон (1632–1704), британский педагог и философ, представитель эмпиризма и либерализма, оказал влияние на развитие эпистемологии и политической философии — 182

Ломоносов Михаил (Михайло) Васильевич (1711–1765), ученый, филолог, поэт — 116

Лотто (Lotto) Лоренцо (1480–1556), венецианский живописец — 149

«Мария с младенцем и святыми» — 149

Лоуренс (Lawrence) Дэвид Герберт (1885–1930), английский писатель — 94

«Любовник леди Четтерлей» — 94

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), политический деятель, нарком просвещения в 1917–1929 — 21, 29

Лэнгли (Langley) Уолтер (1852–1922), английский художник-постимпрессионист — 145

Людвиг II Отто Фридрих Вильгельм Баварский (Ludwig II Otto Friedrich Wilhelm von Bayern) (1845–1886), король Баварии (1864–1886) из династии Виттельсбахов (Wittelsbach). Прославился строительством романтических замков — 154

Лютер (Luther) Мартин (1483–1546), христианский богослов, инициатор Реформации, переводчик Библии на немецкий язык. Его именем названо одно из основных направлений протестантизма — 48, 89, 97, 154, 198

Лютецкая Надежда Александровна, сотрудница Гос. музея Л. Н. Толстого в Москве — 262, 274, 279, 288–290, 340

Лядов Анатолий Константинович (1855–1914), композитор, дирижер, музыкальный педагог — 121, 190, 191

Магомет — *см.* Мухаммед

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), адвокат, член Гос. думы, друг семьи Толстых — 259

Маковицкий (Makovicky) Душан Петрович (1866–1921), словак, врач, один из ближайших сподвижников Толстого в последние годы его жизни; сопровождал Толстого во время его последнего путешествия — 83, 125, 231, 243, 256, 258, 264, 266, 273, 276, 277, 282, 284, 287, 290–292, 298, 326–328, 331–333, 338, 339

«У Толстого, 1904—1910: «Яснополянские записки»» — 125, 181, 326, 328

Маковский Владимир Егорович (1846–1920), художник — 147

Максимов Алексей Федотович (1870–1921), живописец, автор работ на исторические сюжеты и бытовых композиций — 147

Малларме (Mallarmé) Стефан (1842–1898), французский поэт, символист — 135

Малов Петр Николаевич (1900–1971), духоворец, долгое время был связан с группой «свободников», подвергался арестам, в конце 1930-х отошел от них, опубликовал работу «Духоборцы, их история, жизнь и борьба» (1948) — 313, 314

Мальбранш (Malebranche) Никола (1638–1715), французский философ — 40, 324

«Разыскания истины» («De la recherche de la vérité») — 324

Мальтус (Malthus) Томас Роберт (1766–1834), английский священник, ученый, демограф и экономист, высказывал взгляд, что неконтролируемый рост народонаселения неизбежно поведет к голоду — 92, 112

Малый Петр, духоворец — 318

Маянгович Павел Николаевич (1869–1940), адвокат; министр юстиции Временного правительства (1917), Верховный прокурор России (1917) — 259

Мансфельды — 275

Мантегацца (Mantegazza) Паоло (1831–1910), итальянский физиолог и антрополог-дарвинист — 94

Мане (Manet) Эдуард (1832–1883), французский живописец, гравер, один из родоначальников импрессионизма — 145

Маргерит (Margueritte) Виктор (1866–1942), французский романист, драматург, поэт, публицист, историк — 21

Маресьев Алексей Петрович (1916–2001), летчик-истребитель, Герой Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны вследствие тяжелого ранения лишился обеих ног, но, несмотря на инвалидность, вернулся в строй и летал с протезами — 47

Мария Александра Виктория (1875–1938), принцесса Великобритании, с 1893 замужем за Фердинандом, наследным принцем Румынии; внучка императора Александра II — 240, 336

Марк Аврелий Антонин (Marcus Aurelius Antoninus) (121–180), римский император (161–180) из династии Антонинов, философ, представитель позднего стоицизма — 209

Маркс (Marx) Карл Генрих (1818–1883), немецкий экономист, философ, публицист, политический деятель, один из основателей коммунистического движения — 116, 158, 163, 168, 176, 327

«Манифест Коммунистической партии» — 327

Масарик (Masaryk) Томаш Гарриг (1850–1937), чешский социолог и философ, общественный и государственный деятель, первый президент Чехословакии (1918–1935) — 10, 179, 227, 327, 332

«Der Selbstmord als soziale Massenercheinung der Modernen Civilisation» — 227, 332

Маслов Федор Иванович (1840–1915), председатель первого департамента Московской судебной палаты — 235, 334

Маслова Анна Ивановна, помещица Орловской губ. — 235

Массильон (Масийон; Massillon) Жан-Батист (1663–1742), французский проповедник — 31

Массне (Massenet) Жюль Эмиль Фредерик (1842–1912), французский композитор — 144

Матисс (Matisse) Анри (1869–1954), французский художник и скульптор, лидер течения фовистов. Известен своими поисками возможностей передачи эмоций через цвет и форму — 148

Махатма Ганди — см. Ганди Махатма

Махонин В. И. (Mahonin), духоборец, председатель Исполнительного комитета «Именованных духоборцев» в Канаде в 1929, корреспондент В. Ф. Булгакова — 312, 313, 343

Махортов Иван Фаддеевич (1821–?), духоборец, уроженец с. Терпение (Таврич. губ.), служил в военном флоте, в 1887 первым признал лидерство П. В. Веригина и поклонился ему, в 1899 эмигрировал в Канаду в числе прочих духоборцев, в среде которых был к тому времени уважаемым старцем, известным как «дедушка Махортов» — 314, 315, 345

Махортов Михаил П., духоборец, внук И. Ф. Махортова, корреспондент В. Ф. Булгакова — 4, 313, 314, 344

Медведев Анатолий, помощник Булгакова, работавший над описанием яснополянской библиотеки Толстого — 237, 238, 240, 250, 262

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (наст. имя: Карл Казимир Теодор Майергольд (Meuergold) (1874–1940), русский и советский театральный деятель, режиссер, актер и педагог. Теоретик и практик принципов театральной условности, создатель актерской системы «биомеханика» — 35

Менгс (Mengs) Антон Рафаэль (1728–1779), художник, один из крупнейших представителей немецкого классицизма в живописи — 147

Менцель (von Menzel) Адольф фон (1815–1905), немецкий художник, работал в жанре романтического историзма — 145, 147

Меншиков Александр Данилович (1673–1729), светлейший князь, государственный и военный деятель, сподвижник и фаворит Петра I Великого; персонаж романа А. Н. Толстого «Петр Первый» — 194

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941), писатель, поэт, литературный критик, переводчик, религиозный философ, видный представитель Серебряного века русской культуры. Муж З. Н. Гиппиус — 61, 62, 95, 96, 103, 119, 186, 326

«Лев Толстой и Достоевский» — 61, 62, 95, 119, 326

Мерион (Meruon) Шарль (1821–1868), французский художник и гравёр — 145

Меркуров Сергей Дмитриевич (1881–1952), скульптор-монументалист, народный художник СССР (1943) — 296

Метерлинк (Maeterlinck) Морис Полидор Мари Бернар (1862–1949), бельгийский писатель, драматург и философ. Писал на французском языке. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1911) — 129, 275

Мечников Илья Ильич (1845–1916), биолог, с 1887 жил и работал во Франции в Пастеровском институте, лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины (1908) — 207, 245

«Этюды оптимизма» — 207

Микеланджело (Michelangelo) де Франческо де Нери де Миниато дель Сера и Лодовико ди Леонардо ди Буонарроти Симони (1475–1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт, мыслитель — 57, 129, 145, 149, 150

«Страшный суд» — 145

«Рабы» — 149, 150

Милле (Millet) Жан Франсуа (1814–1875), французский художник, один из основателей барбизонской школы — 145, 147

Мильтон (Milton) Джон (1608–1674), английский поэт, политический деятель и мыслитель — 182

Мильфорд (Mulford) Прентис, американский эссеист (1834–1891) — 272

«К жизни» — 272

Михаил Александрович (1878–1918), великий князь, генерал-лейтенант, командир Дикой дивизии — 264, 339

Моисей (Моше, «взятый (спасенный) из воды») (XIII век до н. э.), согласно Пятикнижию, еврейский пророк и законодатель, основоположник иудаизма, возглавил Исход евреев из Древнего Египта и в последующие годы странствий, сплотивших израильские колена в единый народ — 48, 107, 116

Молоствовва (урожд. Бер) Елизавета Владимировна (1875–1936), знакомая Толстых — 241, 336

Моне (Monet) Оскар Клод (1840–1926), французский живописец, один из крупнейших представителей импрессионизма — 145

Монтескье (Montesquieu) Шарль-Луи де Секонда, барон Ля Брэд и де (1689–1755), французский писатель, правовед и философ — 182

Мопассан (Maupassant) Ги де (1850–1893), известный французский писатель, прозаик — 137

Москвин Иван Михайлович (1874–1946), актер, на сцене с 1896, с 1898 в Моск. худ. театре, народный артист СССР (1936) — 131

Моцарт (Mozart) Вольфганг Амадей (1756–1791), австрийский композитор, музыкант-виртуоз — 142, 143, 144, 191, 252

«Похищение из Серая» — 143

Мультигули (Multatuli) (1820–1887), литературный псевдоним нидерландского писателя Эдуарда Дауэра Деккера (Dekker) — 257

Муравьев Николай Константинович (1870–1936), адвокат — 259, 271

Мурильо (Murillo) Бартоломе Эстебан (1617–1682), испанский художник, ведущий представитель золотого века испанской живописи, глава севильской школы — 145

Мусоргский Модест Петрович (1839–1881), композитор — 136

Мухаммед (Магомет) (570/571–632), пророк Ислама, арабский проповедник единобожия, центральная (после единого Бога) фигура этой религии; согласно исламскому учению, священное писание ислама Коран было ниспослано Аллахом Мухаммеду. Мухаммед был также политическим деятелем, основателем и главой первой мусульманской общины (уммы), которая в период его правления создала свое государство на Аравийском полуострове — 48, 116

Мясоедов Григорий Григорьевич (1834–1911), живописец — 147

Нагорнова (урожд. гр. Толстая) Варвара Валерьяновна (1850–1922), племянница Толстого — 244, 247, 282, 290, 291, 336

Наполеон I Бонапарт (Napoléon Bonaparte) (1769–1821), император Франции в 1804–1815, полководец — 154, 157, 327

Неврев Николай Васильевич (1830–1904), художник, работал в области исторической и жанровой живописи — 147

Неедлы (Nejedlý) Зденек (1878–1962), чехословацкий историк культуры, музыковед и гос. деятель. Проф. Карлова университета в Праге в 1909–1939. Активный член коммунистической партии Чехословакии с 1921. Во время Второй мировой войны находился в СССР (1939–1945), был вице-председателем Всеславянского комитета (1941–1945). После войны занимал ряд министерских постов в правительстве Чехословакии, был, в частности, министром просвещения в 1945–1946 и в 1948–1953. С 1952 и до смерти — президент АН ЧССР — 211

Нежданова Антонина Васильевна (1873–1950), оперная певица (лирико-колоратурное сопрано), педагог. Народная артистка СССР (1936) — 143

- Некрасов Николай Алексеевич (1821–1878), поэт — 132, 262, 338
 «Внимая ужасам войны...» — 262, 338
- Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942), художник — 147
- Никитин Дмитрий Васильевич (1874–1960), домашний врач Толстых в 1902–1904 — 241, 283, 340
- Никитин-Хованский (псевд., наст. фамилия Красков) Александр Ефимович (1892–1919), толстовец, сотрудник В. Г. Черткова, сотрудник Гос. музея Толстого в Москве — 279
- Никифорова Татьяна Георгиевна, сотрудник Гос. музея Л. Н. Толстого — 321
- Николаев Петр Петрович (1873–1928), философ-идеалист, был последователем т. н. духовно-монистического направления; знаком с Толстым с 1899, в последующие годы состоял в переписке с ним — 7, 33
- Николай I Павлович (1796–1855), император Всероссийский (1825–1855) — 136, 160
- Николай II Александрович (1868–1918), последний император Российской империи (1894–1917) — 181, 327, 328, 332, 333
- Николай Михайлович (1859–1919), великий князь, русский генерал от инфантерии, историк — 257
 «Старец Федор Козьмич» — 257
- Никольский Николай Михайлович (1877–1959), историк, библиист, востоковед — 107
 «История еврейского народа» — 107
- Ницше (Nietzsche) Фридрих Вильгельм (1844–1900), немецкий философ — 49, 62, 115
 «Происхождение трагедии» — 115
- Новгородцев Павел Иванович (1866–1924), юрист-правовед, философ, историк, общественный и политический деятель, член Толстовского общества — 270
- Новиков Михаил Петрович (1869/71–1937), крестьянин, толстовец, писатель — 164–166, 292, 293, 327, 340
 «Из пережитого» — 292, 327, 340
- Ньютон (Newton) Исаак (1642–1727), английский физик, математик, механик и астроном, один из создателей современной физики, установивший закон всемирного тяготения и три закона механики, ставшие основой классической механики — 119
- Оболенская (урожд. гр. Толстая) Мария Львовна (1871–1906), княгиня, дочь Л. Н. и С. А. Толстых — 216, 329
- Оболенская (урожд. Сухотина) Наталья Михайловна (1882–1925), княгиня, падчерица Т. Л. Сухотиной-Толстой — 298, 341
- Оболенский Николай Леонидович (1872–1934), князь, внучатый племянник Толстого, в 1-м браке женат на дочери Толстого Марии Львовне, во 2-м браке — на падчерице Т. Л. Сухотиной-Толстой — Н. М. Сухотиной — 298, 341
- Огарев Николай Платонович (1813–1877), поэт, публицист, революционер, ближайший друг и соратник А. И. Герцена — 199
- Одон Мецкий (Odo von Metz) (762–814), архитектор, работал при дворе Карла Великого — 153

Озолин Иван Иванович (1873–1913), начальник узловой станции Астапово Рязано-Уральской железной дороги (1910) — 334

Орканья (Орсанна) Андреа (1308–1368), итальянский живописец, скульптор и архитектор, работал большею частью во Флоренции — 56

Орлов Николай Васильевич (1863–1924), художник, последователь Толстого — 147, 272

Островский Александр Николаевич (1823–1886), драматург — 105, 156

«Бедность не порок» — 156

«Гроза» — 105

«На всякого мудреца довольно простоты» — 105

Остроухов Илья Семенович (1858–1929), художник-пейзажист — 147

Павел (Савл, Саул) (ок. 5/10–64/67), апостол, крупнейший проповедник христианства I в. н. э., «апостол язычников» (Рим.11:13). Не входил в число первопривлеченных Двенадцати апостолов, некоторое время участвовал в преследовании христиан и лишь позднее сам сделался последователем и пропагандистом новой веры — 37, 342

Павлов Иван Петрович (1849–1936), исследователь высшей нервной деятельности и процессов регуляции пищеварения; основатель крупнейшей российской физиологической школы; лауреат Нобелевской премии в области медицины и физиологии 1904 — 35, 119

Павловский Евгений Никанорович (1884–1965), зоолог, энтомолог, паразитолог генерал-лейтенант медицинской службы (1943) — 123

Пальмьери (Palmieri) Маттео (1406–1475), итальянский гуманист, писатель, политический деятель Флоренции — 56

«La città divina» — 56

Паля — см. Толстой П. Л.

Панин Петр Иванович (1721–1789), граф, екатерининский вельможа, генерал-аншеф и сенатор — 73

Панина Софья Владимировна (1871–1956), графиня, благотворительница, член ЦК партии кадетов, впоследствии товарищ министра гос. призрения Временного правительства — 329, 334

Папанин Иван Дмитриевич (1894–1986), советский исследователь Арктики, начальник первой дрейфующей станции «Северный полюс» (1937–1938), доктор географических наук (1938), контр-адмирал (1943), дважды Герой Советского Союза (1937, 1940) — 121

Паскаль (Pascal) Блез (1623–1662), французский философ, математик, механик, физик и писатель — 93, 116

«Мысли» — 116

Пастер (Pasteur) Луи (1822–1895), крупный французский микробиолог и химик — 124, 125

Пастернак Борис Леонидович (1890–1960), российский и советский писатель, крупный поэт, переводчик, прозаик, лауреат Нобелевской премии по литературе (1958) — 134

Патер (Пейтер; Pater) Уолтер (Валтер) Горацио (1839–1894), английский искусствовед, идеолог эстетизма, течения «искусство ради искусства», автор работы «Очерки истории Ренессанса» («Studies in the History of the Renaissance») (1873) — 55

- Перепелкин Иван И., духоворец-«свободник», корреспондент В. Ф. Булгакова — 315, 316, 345
- Перов Василий Григорьевич (1833–1882), художник — 147
- Песталоцци (Pestalozzi) Иоганн Генрих (1746–1827), швейцарский педагог — 73
- Пестов Петр Ульянович (1884–?), крестьянин, корреспондент Толстого — 330, 331
- Петрашевский Михаил Васильевич (Буташевич-Петрашевский) (1821–1866), революционер — 172
- Пешков Алексей Максимович — см. Горький М.
- Петр I Великий (Романов, Петр Алексеевич) (1672–1725), последний царь всея Руси (с 1682) и первый император Всероссийский (с 1721) из династии Романовых. Петр развернул масштабные реформы российского государства и общественного уклада — 116, 161, 194
- Петрункевич Иван Ильич (1843–1928), юрист, один из лидеров земского движения, член кадетской партии; член Государственной думы I созыва (1906) — 181, 327, 328
- Пилецкий Ананий, корреспондент Толстого и В. Ф. Булгакова — 222, 331
- Пиош Жорж (1873–1953), французский поэт и журналист, общественный деятель — 21
- Пирогов Николай Иванович (1810–1881), военный хирург, ученый-анатом и педагог — 73
- Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868), публицист и литературный критик — 36, 37, 132
- Планидин Павел Васильевич (1859–1946), духоворец, сподвижник П. В. Веригина, активный деятель духовоборческой общины — 345
- Платон (др.-греч. Πλάτων, 428 или 427 до н. э. — 348 или 347 до н. э.), древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля — 36, 37, 82, 116, 150, 326
- «Апология Сократа» — 326
- Платонов Николай Дмитриевич (1866–?), ярославский крестьянин — 223, 331
- Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), революционер, теоретик и пропагандист марксизма, философ, видный деятель российского и международного социалистического движения. Входил в число основателей РСДРП и газеты «Искра» — 172
- Плещеев Алексей Николаевич (1825–1893), поэт — 137, 328
- «Ни слова, о друг мой, ни вздоха...» — 328
- Плиний Старший (лат. Plinius Maior) (23–79), римский писатель-эрудит, автор «Естественной истории» («Naturalis Historia») — 123
- Плоткин Лев Абрамович (1906–1978), литературовед — 180, 182
- «Писарев и литературное общественное движение 60-х гг.» — 180, 182
- Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), государственный деятель, ученый-правовед; обер-прокурор Святейшего синода (1880–1905) — 195, 328
- «Письма и записки» — 328
- Познер Виктор Маркович (1877–1957), доктор философских наук, профессор — 59
- Покровская Зинаида Сергеевна — 237, 238

Полевой Борис Николаевич (настоящая фамилия: Кампов) (1908–1981), советский журналист и писатель-прозаик — 47

«Повесть о настоящем человеке» — 47

Поленов Василий Дмитриевич (1844–1927), русский художник, мастер исторической, пейзажной и жанровой живописи, педагог — 147, 164

Полонский Яков Петрович (1819–1898), поэт, знакомый Толстого — 42

Попов Иван Иванович (1862–1942), революционер-народоволец, писатель — 277

Попова Мария Ивановна, сотрудница Гос. музея Толстого в Москве — 287

Попов Сергей Михайлович (1887–1932), толстовец, вел скитальческий образ жизни, работал в толстовских колониях, довольствовался крайне малым, был очень популярен в среде толстовцев — 44, 79, 337, 339

Поповский Александр Данилович (1897–1982), известный писатель, драматург и популяризатор науки, автор биографических книг об ученых — 123

«Во имя человека» — 123

Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888), военный, путешественник, действительный член Русского географического общества с 1864. Предпринял несколько экспедиций в Центральную Азию. В 1878 избран почетным членом Академии наук. Генерал-майор (с 1886) — 102

«Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки» — 102

Причетникова, ученица известного паразитолога Е. Н. Павловского — 123

Протасова Мария Андреевна (1793–1823), возлюбленная поэта В. А. Жуковского — 190

Проханов Иван Степанович (1869–1935), руководитель Всероссийского союза евангельских христиан в 1908–1928 — 305

Прянишников, Илларион Михайлович (1840–1894), художник и педагог, мастер жанровой живописи — 147

Пукирев Василий Владимирович (1832–1890), живописец-жанрист, крестьянин по происхождению — 147

Пуссен (Poussin) Никола (1594–1665), французский художник, один из ранних представителей классицизма — 148

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт, драматург и прозаик — 116, 132, 134–136, 144, 191, 261, 264, 266, 324, 326

«Борис Годунов» — 136, 326

«Воспоминание» — 136

«В часы забав иль праздной скуки...» — 136

«Евгений Онегин» — 265, 324, 326

«Медный всадник» — 265

«Моцарт и Сальери» — 144

«Пророк» — 136

«Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» — 324

«Цыгане» — 326

Пюви де Шаванн (Puvís de Chavannes) Пьер Сесиль (1824–1898), французский художник, один из наиболее значительных французских символистов — 145

- Радонежский Сергей — см. Сергей Радонежский
- Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1869–1916), крестьянин села Покровское Тобольской губернии. С 1905 сумел приобрести влияние на императорскую семью. Имел репутацию «старца», провидца и целителя — 186
- Рафаэль Санти (Raffaello Santi) (1483–1520), великий итальянский живописец эпохи Возрождения — 116, 129, 145, 191
- «Преображение» — 145
- Рачинский Григорий Алексеевич (1859–1939), религиозный публицист, переводчик Ф. Ницше, председатель Московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева — 46
- Рейсбрук — см. Рюйсбрук И.
- Рейсдал (van Ruisdael) Якоб Исаак ван (1628/1629–1682), крупный нидерландский пейзажист — 145
- Рембрандт (Rembrandt) Харменс ван Рейн (1606–1669), голландский художник, рисовальщик и гравёр, считается непревзойденным мастером светотени, один из крупнейших представителей золотого века голландской живописи — 145
- Репин Илья Ефимович (1844–1930), художник, выдающийся мастер портрета, исторических и бытовых сцен; друг семьи Толстых, написал целый ряд известных известных портретов писателя — 145, 147, 150, 194, 328
- «Бурлаки на Волге» — 150
- «Исповедь приговоренного» («Отказ от исповеди перед казнью») — 150
- Рерих Николай Константинович (1874–1947), художник, философ-мистик, писатель и поэт, путешественник — 11, 147
- Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908), композитор и педагог — 142
- Рогов Григорий Федорович (1883–1920), в Гражданскую войну командовал крупным отрядом анархистов на Алтае — 158
- Розанов Василий Васильевич (1856–1919), русский философ, литературный критик и публицист — 52, 97, 98, 131, 324, 326
- «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария» — 52, 324
- Роллан (Rolland) Ромен (1866–1944), французский писатель, общественный деятель, ученый-музыковед. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1915) — 11, 21, 57, 58, 324
- «Жизнь Микеланджело» — 324
- Рубенс (Rubens) Питер Пауль (1577–1640), фламандский живописец, выдающийся представитель эпохи барокко, один из крупнейших художников своего времени — 48, 145
- Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894), русский композитор, пианист, дирижер, музыкальный педагог — 143
- «Музыка и ее представители. Разговор о музыке» — 143
- Румянцев Николай Михайлович (1818–1893), бывший флейтист яснополянского крепостного оркестра, впоследствии повар у Толстых — 240, 336
- Румянцев Семен Николаевич (1866–1932), повар у Толстых — 16, 233, 237–241, 336
- Рунге (Runge) Филипп Отто (1777–1810), немецкий художник-романтик — 200

Руссо (Rousseau) Жан-Жак (1712–1778), французский писатель, мыслитель — 117, 127, 182, 218

«Исповедь» — 218

Рюйсбрук (Рейсбрук; van Ruysbroek) Иоганн или Ян ван, прозв. Удивительный или Восхитительный (1293–1381), южнонидерландский (фламандский) мистик — 101, 102, 326

«Книга двенадцати бегинок» («Vanden XII beghinen») — 102, 326

«Одеяние духовного брака» («De ornatu spiritualium nuptiarum») — 101, 102

Сабатье (Sabatier) Поль (1858–1928), французский пастор, историк — 200, 230, 328

«Жизнь святого Франциска Ассизского» — 200, 328

Савицкий Константин Аполлонович (1844–1905), российский художник — 147

Саврасов Алексей Кондратьевич (1830–1897), русский художник-пейзажист — 147

Сактинский Сира, шейх — 88, 114

Салтанов Сергей Николаевич (1870–1917), художник — 238–240, 335

Саровский Серафим — *см.* Серафим Саровский

Сенкевич (Sienkiewicz) Генрик (1846–1916), польский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1905) — 132, 265

Серафим Саровский (в миру Прохор Исидорович Мошнин, в нек. ист. — Машнин) (1754/1759–1833), иеромонах Саровского монастыря, основатель и покровитель Дивеевской женской обители. Прославлен Российской Церковью в 1903 году в лике преподобных, один из наиболее почитаемых ее святых — 93, 100

Сергеенко Петр Алексеевич (1854–1930), литератор, комиссар Ясной Поляны в 1917 — 296–300, 341

Сергий Радонежский (в миру Варфоломей) (ок. 1312/1320–1392), монах Русской церкви, основатель Троицкого монастыря под Москвой (ныне Троице-Сергиева лавра), почитается Русской православной церковью как один из величайших ее подвижников, причислен к лику святых как преподобный — 93, 99, 100

Серебровские, «толстовская» семья, жившая вблизи Ревякино — 164

Серебряков Василий Алексеевич (1810–1886), российский художник — 147

Серов Валентин Александрович (1865–1911), русский живописец и график, известный портретист — 147

Сиддарта Готама — *см.* Будда

Сидорков Илья Васильевич (1858–1940), слуга в доме Толстых — 232, 235, 237, 246, 266, 333

Сидоркова Вера Ильинична (1894–1974), горничная С. А. Толстой, впоследствии жена внука Толстого И. А. Толстого — 239, 240, 335

Сидоркова Прасковья Афанасьевна (1865–1945), экономка у Толстых — 240, 241, 335

Смирнов Евграф Иванович (1842–?), писатель, директор полоцкой учительской семинарии — 257

«История Христианской Церкви» — 257

Смит (Smith) Адам (1723–1790), шотландский экономист, философ-этик; один из основоположников современной экономической науки — 49

Снегирев Владимир Федорович (1847–1916), врач, один из основоположников гинекологии как научной дисциплины в России — 278–280, 334

Сократ (Σοκράτης) (ок. 469 до н. э. — 399 до н. э.), древнегреческий афинский философ — 48, 115, 135, 150, 206, 326

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) — русский философ, поэт, публицист, литературный критик — 10, 54, 55, 64, 82, 87, 161, 325, 327

«Еврейство и христианский вопрос» — 82, 325

«Оправдание добра» — 54, 55, 327

Солодовников Гаврила Гаврилович (1826–1901), один из наиболее богатых московских купцов, филантроп и меценат — 327

Соломон (1011 до н. э. — 931 до н. э.), третий еврейский царь, правитель объединенного Израильского царства в 965–928 до н. э., в период его наивысшего расцвета — 40

Сорокин Степан Севастьянович (1902–1984), эмигрант из СССР, с 1950 по 1984 руководил организованным при его участии организацией духоборцев-«свободников» «Союз христианских общин и всемирного братства реформированных духоборцев» («Union of Christian Communities & Brotherhood of Reformed Doukhobors») — 314, 315

Спенсер (Spencer) Герберт (1820–1903), английский философ и социолог-эволюционист — 64, 73

Спиноза (Spinoza) Бенедикт (Барух) (1632–1677), нидерландский философ-рационалист — 26, 42, 328

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953), советский политический деятель, руководитель СССР с середины 1920-х до своей смерти в марте 1953 г. — 21

Стахович Михаил Александрович (1861–1923), политический деятель, поэт — 296

Стахович Софья Александровна (Зося; 1862–1942), близкая знакомая Толстых — 232, 273, 333

Стендаль (Stendhal), литературный псевдоним фр. писателя Мари-Анри Бейль (Marie-Henri Beyle) (1783–1842) — 31, 323

«Красное и черное» («Le Rouge et le Noir») — 31, 323

Столыпин Александр Аркадьевич (1863–1925), журналист, поэт и политик; брат премьер-министра Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина — 126

Столыпин Аркадий Дмитриевич (1822–1899), сослуживец Л. Н. Толстого в период Крымской войны и в дальнейшем его близкий приятель, отец А. А. и П. А. Столыпиных — 126

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), государственный деятель; в разные годы занимал посты уездного предводителя дворянства в Ковно, губернатора Гродненской и Саратовской губернии, министра внутренних дел, премьер-министра. Погиб в результате покушения — 126, 160, 168

Страхов Николай Николаевич (1828–1896), философ, публицист, литературный критик; друг и многолетний корреспондент Толстого — 8, 74, 321, 325

«Толки о Толстом» — 325

Страхов Федор Алексеевич (1861–1923), последователь Толстого, собиратель и толкователь его мыслей, автор ряда произведений на религиозно-философские и этические темы — 94, 95

Стэд (Stead) Уильям Томас (1849–1912), британский журналист, публицист, общественный деятель — 232, 333

«Правда о России» «Truth about Russia» — 232, 333

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), журналист, издатель, писатель, театральный критик и драматург — 137, 161, 327, 336

«Дневник А. С. Суворина» — 161, 327

Суколенова Анна Степановна, няня у Толстых — 282, 283, 339

Сулержицкий Леопольд Антонович (1872–1916), общественный и театральный деятель, последователь Толстого; активный участник переселения духоборов в Канаду в 1898–1899 — 178, 322

Сумбатов-Южин Александр Иванович (1857–1927), актер, драматург, театральный деятель — 296

Суриков Василий Иванович (1848–1916), художник, мастер многих исторических полотен — 145, 147

Сухорев (Soukoreff) Василий Андреевич, духоборец, известный в среде канадских духоборцев писатель, публицист, историк — 310, 343

Сухотин Алексей Михайлович (1888–1942), сын М. С. Сухотина — 239, 335

Сухотин Лев Михайлович (1879–1948), сын М. С. Сухотина — 239, 335

Сухотин Михаил Львович, внук М. С. Сухотина — 239, 335

Сухотин Михаил Михайлович (1884–1921), сын М. С. Сухотина — 239, 335

Сухотин Михаил Сергеевич (1850–1914), новосильский уездный предводитель дворянства, член I Государственной думы, муж старшей дочери Толстого — 233, 234, 238–240, 242, 243, 262, 331, 334, 335, 338

Сухотин Сергей Михайлович (1887–1926), сын М. С. Сухотина — 239, 335

Сухотин Федор Михайлович (Дорик; 1895–1921), сын М. С. Сухотина — 239, 335

Сухотина (урожд. Базилевская) Елена Петровна, жена Л. М. Сухотина — 239, 335

Сухотина (урожд. Боден-Колычева) Мария Михайловна (1856–1897), 1-я жена М. С. Сухотина — 335

Сухотина Наталья Михайловна — см. Оболенская Н. М.

Сухотина-Толстая Татьяна Львовна (1864–1950), старшая дочь Л. Н. и С. А. Толстых — 194, 233–235, 238–240, 242–244, 248, 256–258, 261, 262, 264–266, 272, 273, 277, 280, 282–289, 291–293, 296–298, 331–336, 340, 341

Сухотина Татьяна Михайловна (1905–1996), внучка Толстого, в замужестве Альбертини — 233, 234, 236, 238, 240, 243, 257, 258, 261, 262, 264, 266, 272, 282–285, 287, 297, 298, 334, 339

Сыгин Иван Дмитриевич (1851–1934), книгоиздатель — 245, 321, 333

Танеев Сергей Иванович (1856–1915), композитор — 235

Татищев Дмитрий Николаевич (1867–1919), граф, ярославский губернатор в 1909–1915 — 331

- Таубе Николай Николаевич (1885/6–1937), барон, горный инженер-маркшейдер — 235, 334
- Таубе Николай Эрнестович (1847–не ранее 1912), барон, сенатор — 334
- Таубе (урожд. Келлер) Софья Артуровна (1855–?), баронесса, жена Н. Э. Таубе — 235, 334
- Тейлор (Taylor) Джон (1703–1772), английский офтальмолог, оперировавший в 1750 И. С. Баха — 199
- Тенеромо — *см.* Файнерман И. Б.
- Тесленко Николай Васильевич (1870–1942), адвокат, депутат Гос. думы — 259
- Тициан Вечеллио (Tiziano Vecellio) (1488/1490–1576), итальянский живописец эпохи Возрождения. Один из величайших мастеров этого периода — 145
- Ткачук Илья Данилович, духоборец, корреспондент В. Ф. Булгакова — 316, 317, 345, 346
- Толстая (урожд. Глебова) Александра Владимировна (1880–1967), графиня, жена М. Л. Толстого — 240, 335
- Толстая Александра Львовна (1884–1979), графиня, младшая дочь Л. Н. Толстого — 12, 222, 223, 227, 229, 231, 235, 241, 242, 244, 246, 248, 249, 252, 254, 256, 258, 262, 264, 266, 270, 273, 281–283, 289, 297, 299, 331–334, 337–340
- Толстая Александра Михайловна (1905–1986), графиня, в 1-м браке Алексева, во 2-м Сагацкая — 264, 285, 286, 289, 290, 339, 340
- Толстая Анна Ильинична — *см.* Толстая-Попова А. И.
- Толстая Вера Ильинична (1903–1999), графиня, дочь И. Л. Толстого — 273
- Толстая (урожд. Вестерлунд) Дора Федоровна (1878–1933), жена Л. Л. Толстого — 249, 252, 254, 337
- Толстая (урожд. Горяинова, в 1-м браке Арцимович) Екатерина Васильевна (1876–1959), графиня, жена А. Л. Толстого — 252, 337
- Толстая (в 1-м браке Ваулина, во 2-м Мансветова) Мария Андреевна (1908–1993), графиня, внучка Л. Н. Толстого — 252, 337
- Толстая Мария Львовна — *см.* Оболенская М. Л.
- Толстая Мария Николаевна (1830–1912), сестра Толстого — 244, 247, 336
- Толстая (урожд. Зубова) Мария Николаевна (1868–1939), графиня, жена С. Л. Толстого — 277
- Толстая (урожд. Дитерихс) Ольга Константиновна (1872–1951), графиня, жена А. Л. Толстого — 270–273, 288, 289, 339
- Толстая (урожд. Берс) Софья Андреевна (1843–1919), графиня, жена Л. Н. Толстого (с 1862) — 3, 11, 13–17, 225–300, 321, 332–341
- «Моя жизнь» — 341
- Толстая Софья Андреевна (1900–1957), внучка Толстого; в замужестве Сухотина, Толстая-Есенина — 270–272, 285, 286, 288, 339
- Толстая Татьяна Львовна — *см.* Сухотина-Толстая Т. Л.
- Толстая Татьяна Михайловна (1903–1990), графиня, в замужестве Львова — 264, 339

Толстая-Попова (урожд. гр. Толстая) Анна Ильинична (1888–1954), внучка Толстого, в 1-м браке Хольмберг, во 2-м Толстая-Попова — 340

Толстой Алексей Константинович (1817–1875), граф, писатель, поэт, прозаик, драматург из рода Толстых. Л. Н. Толстому приходился троюродным братом (их деда, Петр Андреевич и Илья Андреевич, были родными братьями) — 32

Толстой Алексей Николаевич (1883–1945), граф, писатель — 194

«Петр I» — 194

Толстой Андрей Ильич (1895–1920), граф, сын И. Л. Толстого — 264, 265, 273

Толстой Андрей Львович (1877–1916), граф, сын Л. Н. Толстого — 228, 235, 244, 246, 249, 252, 257, 258, 264, 271, 272, 332, 336, 337

Толстой Владимир Михайлович (1905–1988), граф, сын М. Л. Толстого — 285, 286, 289, 290, 340

Толстой Иван Михайлович (1901–1982), граф, сын М. Л. Толстого — 285, 286, 289, 290, 340

Толстой Илья Андреевич (1903–1970), граф, сын А. Л. Толстого — 271, 272

Толстой Илья Ильч (1897–1970), граф, сын И. Л. Толстого — 265

Толстой Илья Львович (1866–1933), граф, сын Л. Н. Толстого — 228, 240, 244, 256, 264, 273, 277, 332, 335

«Мои воспоминания» — 240, 335

Толстой Кирилл Ильич (1907–1915), граф, внук Л. Н. Толстого — 256, 258

Толстой Лев Львович (1869–1945), граф, сын Л. Н. и С. А. Толстых; литератор — 228, 249–254, 272, 275–277, 280, 282, 327, 332, 336

«В Ясной Поляне. (Правда о моем отце)» — 325, 327

Толстой Михаил Ильич (1893–1919), граф, сын И. Л. Толстого — 265

Толстой Михаил Львович (1879–1944), граф, сын Л. Н. Толстого; прапорщик, в 1914–1917 участвовал в боях на Юго-Западном фронте — 228, 256, 258, 262, 264, 285, 286, 332

Толстой Михаил Михайлович (1910–1915), граф, внук Л. Н. Толстого — 256, 258

Толстой Никита Львович (Кита; 1902–1992), сын Л. Л. Толстого — 249, 251, 282, 283

Толстой Николай Николаевич (1823–1860), граф, старший брат Л. Н. Толстого, самый старший из четверых братьев — 157

Толстой Павел Львович (Паля; 1900–1992), сын Л. Л. Толстого — 251

Толстой Петр Львович (1905–1970), сын Л. Л. Толстого — 249, 251

Толстой Сергей Львович (1863–1947), граф, старший сын Л. Н. Толстого — 216, 228, 244, 254, 258, 259, 261, 264, 266, 270–273, 277, 300, 322, 329, 332, 337, 339, 340

«Ясная Поляна» — 266, 280, 290, 291, 293, 339

Толстой Сергей Сергеевич (1897–1974), граф, сын С. Л. Толстого — 313

Толстые, графы — 141, 265

Тон (Thon) Константин Андреевич (1794–1881), архитектор, наиболее известный из трех братьев архитекторов Тонов. Двое его братьев, Александр (1790–1858) и Андрей (1800–1858) также были известными архитекторами — 156

Торквемада (de Torquemada) Томас де (1420–1498), монах-доминиканец, крупный деятель испанской инквизиции, первый Великий инквизитор Испании (с 1483) — 66

Трегубов Иван Михайлович (1858–1931), последователь Толстого (с 1887), пацифист, при царском правительстве побывал в ссылке. В советский период некоторое время работал в Народном Комиссариате Земледелия, с 1923 являлся официальным уполномоченным духоворческих общин Северного Кавказа и Украины, был участником нескольких съездов Советов. С началом сплошной коллективизации в 1929 был арестован, сослан и умер в ссылке 22 июля 1931 в селе Сузак на юге Казахстана — 178, 182, 227, 265, 266, 271, 274, 332

Третьяков Павел Михайлович (1832–1898), московский купец, известный меценат — 148

Тропинин Василий Андреевич (1776–1857), живописец, мастер романтического и реалистического портретов — 147

Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905), князь, русский религиозный философ, публицист и общественный деятель — 303, 304, 341

«Учение о Логосе в его истории. Философско-историческое исследование» — 303, 304, 341

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель — 138, 264, 327

«Вешние воды» — 327

Турсун-Заде Мирзо (1911–1977), таджикский советский поэт — 185

Тютчев Федор Иванович (1803–1873), поэт, дипломат, публицист — 134, 189, 324, 328

«Не то, что мните вы, природа...» — 324

Ульянов Владимир Ильич (псевдоним: Ленин; 1870–1924), политический и государственный деятель, революционер, создатель Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), один из организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 в России, затем председатель Совета народных комиссаров РСФСР, глава советского государства — 36, 116, 156, 161–163, 168–170, 172, 174, 176, 181, 293, 319, 327, 341, 346

«Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» — 175

Ушинский Константин Дмитриевич (1824–1870), педагог, основоположник научной педагогики в России — 73

Файнерман Исаак Борисович (1862–1925), учитель в яснополянской школе, впоследствии стал зубным врачом, а в дальнейшем занялся литературным трудом (под псевд. Тенеромо) в качестве журналиста, публициста, драматурга и киносценариста, в 1880–1890-х был последователем Толстого, автор нескольких статей и книг о писателе — 183, 328

«Живые речи Л. Н. Толстого за последние 25 лет его жизни» — 183, 328

Федор Кузьмич (Феодор Томский, Феодор Козьмич) (1776/1777–1864), старец, живший в Сибири. Согласно легенде, возникшей в середине XIX в. еще при его жизни, считался императором Александром I, инсценировавшим свою смерть и ставшим странником. Вопрос о личности Федора Кузьмича и о связанной с его именем легенды историками не решен до настоящего времени — 10

Федоров Николай Федорович (1829–1903), религиозный философ, один из родоначальников русского космизма; работал библиотекарем Румянцевского музея с 1874 по 1899 — 208

- Федотов Павел Андреевич (1815–1852), художник — 147
- Фейербах (von Feuerbach) Людвиг Андреас фон (1804–1872), немецкий философ — 188, 189, 328
- Фейнерман — см. Файнерман И. Б.
- Фенелон Франсуа (де Салиньяк, маркиз де ля Мот; François de Salignac de La Mothe-Fénelon dit Fénelon) (1651–1715), французский священник, писатель, автор чрезвычайно популярного в свое время романа «Приключения Телемака» («Les Aventures de Télémaque») (1699) — 31
- Феокритова Варвара Михайловна (1875–1950), переписчица у Толстых, подруга А. Л. Толстой — 12, 231, 246, 249, 252, 297, 333
- Фере (Ферре) Василий Юлианович, вице-губернатор Смоленска (1905–1917) — 275
- Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945), российский и советский геохимик и минералог, один из основоположников геохимии. Действительный член (с 1919), вице-президент (1926–1929) АН СССР — 122, 123
- Фет Афанасий Афанасьевич (1820–1892), поэт, переводчик, мемуарист, многолетний друг Толстого и его семьи — 134, 324
- Фехнер (Fechner) Густав Теодор (1801–1887), немецкий физик, психолог, философ; один из основоположников экспериментальной психологии и эстетики — 60, 61
- Федор Иоаннович (1557–1598), царь всяя Руси и великий князь Московский с 18 марта 1584 года, третий сын Ивана IV Грозного и царицы Анастасии Романовны, последний представитель московской ветви династии Рюриковичей — 131
- Филатов Владимир Петрович (1875–1956), офтальмолог, академик АМН СССР (1944) и АН УССР (1939) — 123
- Фильдинг (Fielding Hall) Гарольд (1859–1917), английский писатель — 47
- «Душа одного народа» — 47
- Фихте (Fichte) Иоганн Готлиб (1762–1814), немецкий философ, представитель немецкой классической философии, один из основателей направления субъективного идеализма — 26, 42, 64, 87, 324, 325
- «Назначение человека» («Die Bestimmung des Menschen») — 87, 325
- Флавицкий Константин Дмитриевич (1830–1866), российский живописец, автор исторических полотен — 147
- Флобер (Flaubert) Гюстав (1821–1880), французский писатель — 44, 324
- «Искушения святого Антония» («La Tentation de saint Antoine») — 44, 324
- Фома Кемпийский (Thomas von Kempen) (ок. 1379–1471), немецкий католический монах и священник, член духовного союза «братьев Общей жизни», предполагаемый автор трактата «О подражании Христу» (написан не позднее 1427) — 39, 69, 324
- Фонвизин (Фон-Визин, фон Визен, нем. von Wiesen) Денис Иванович (1745–1792), русский литератор, драматург-комедиограф, переводчик екатерининской эпохи, автор известных комедий «Бригадир» (ок. 1770) и «Недоросль» (ок. 1781) — 73, 74, 324
- Фотий (в миру Петр Никитич Спасский) (1792–1838), архимандрит, священнослужитель Православной Российской Церкви, архимандрит; настоятель Юрьева монастыря (Новгород). Пользовался значительным духовным влиянием в высших сферах Российской

империи, был противником мистицизма и масонства; противники считали его ловким царедворцем и религиозным консерватором — 66, 105

Франциск Ассизский (Franciscus Assisiensis; Джованни Франческо ди Пьетро Бернардоне; Giovanni Francesco di Pietro Bernardone) (1182–1226), католический святой, учредитель ордена нищенствующих монахов, названного его именем («францисканцы») — 66, 78, 79, 83, 93, 99, 100, 116

Хаджи-Мурат Хунзахский (ок. 1816–1852), аварский боевой предводитель — 38, 160

Халс (Гальс; Hals) Франс (1582/1583–1666), голландский портретист — 145

Хафиз — см. Гафиз

Хилков Дмитрий Александрович (1857–1914), князь, последователь Толстого, впоследствии разочаровавшийся в его взглядах, общественный деятель — 181

Хирьяков Александр Модестович (1863–1940), литератор, сотрудник издательства «Посредника», последователь Толстого — 229, 333

Ходлер (Годлер; Hodler) Фердинанд (1853–1918), швейцарский художник, уроженец г. Берна, крупный представитель «модерна» — 148

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), публицист, философ, поэт, один из основоположников раннего славянофильства — 70, 324

«Подвиг есть и в сраженьи...» — 71, 324

Цветаева Марина Ивановна (1892–1941), поэт, прозаик, переводчик — 11

Цубербиллер А. В. — см. Булгакова А. В.

Чайковский Петр Ильич (1840–1893), композитор, дирижер, педагог — 142, 143, 207, 328

Чарский Владимир Васильевич (1834–1910), провинциальный актер — 130, 131

Челпанов Георгий Иванович (1862–1936), философ, логик и психолог — 27, 323

«Введение в философию» — 27

Чемберлен (Chamberlain) Джозеф (1836–1914), британский фабрикант, один из самых успешных и влиятельных политиков викторианской Англии — 328

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), философ-утопист, революционер, литературный критик, публицист и писатель — 58, 135, 172, 182, 324, 326

«Сочинения А. С. Пушкина. Изд. П. В. Анненкова. Статья вторая» — 135, 326

Чертков Владимир Владимирович (1889–1964), сын В. Г. Черткова — 272, 296, 337

Чертков Владимир Григорьевич (1854–1936), последователь Толстого, его близкий друг, признанный лидер толстовства как общественного движения, редактор и издатель многих произведений Толстого — 15, 16, 66, 94, 95, 97, 178, 221, 227, 229, 231, 239, 245, 247, 254, 305, 325, 330–333, 336, 338, 341

«Уход Толстого» — 16

Черткова (урожд. Дитерихс) Анна Константиновна (1859–1927), жена В. Г. Черткова (с 1886) — 223, 227, 245, 254, 288

Черткова (урожд. Кузевич) Матрена Павловна (1891–1962), жена В. В. Черткова — 254, 337

Чертковы — 164

Чехов Антон Павлович (1860–1904), писатель — 9, 133, 136–138, 164, 249, 255, 261–263, 327

«Жена» — 137

«Скучная история» — 137

«Три сестры» — 275

Чехов Михаил Александрович (1891–1955), русский и американский драматический актер, театральный педагог, режиссер. Племянник писателя А. П. Чехова, сын его старшего брата — публициста Александра Чехова (1855–1913). Автор воспоминаний и значительных работ по теории актерского мастерства — 131

Чингисхан (Темучин) (1155/1162–1227), основатель и первый великий хан Монгольской империи, полководец, совершивший завоевательные походы в Китай, Ср. Азию, Ближний Восток, на Кавказ — 157

Шальда (Šalda) Франтишек Ксавер (1867–1937), чешский писатель, литературный критик, поэт, литературовед — 170

«Пятнадцать лет Советской России» — 170

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938), оперный и камерный певец (высокий бас), в разное время солист Большого и Мариинского театров, а также театра Метрополитен Опера; автор мемуаров — 130, 131, 144, 145

Шамин Николай Андреевич (1862—1933), общественный деятель, гласный Московской городской думы — 277

Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861), украинский поэт, прозаик, художник, этнограф — 138

Шейерман Владимир Александрович (1864–1939), помещик с. Муратова Старобельского уезда Харьковской губ.; совместно с братом Николаем отдал свою землю крестьянам и основал в 1907 в с. Лисичанск Бахмутского уезда Екатеринославской губ. трудовую земледельческую колонию; просуществовав несколько лет, колония затем распалась — 181, 182

Шейерман Николай Александрович, брат В. А. Шейермана — 181, 182

Шекспир (Shakespeare) Уильям (1564–1616), английский поэт и драматург — 9, 129, 130, 136, 326

«Король Лир» — 9, 129–131

«Гамлет» — 130, 205

«Макбет» — 130

«Ричард III» — 130

«Кориолан» — 130

Шереметев Борис Петрович (1652–1719), граф, российский военный деятель и дипломат, генерал-фельдмаршал (1701) — 194

Ши Найань (1296–1372), китайский писатель, автор романа «Речные заводи» («Приключения водных берегов») — 66

Шиллер (Schiller) Иоганн Кристоф Фридрих фон (1759–1805), немецкий поэт, философ, теоретик искусства и драматург, представитель направления «Буря и натиск» (нем. Sturm und Drang) и романтизма — 141, 327

«К радости» — 141, 327

Шишкин Иван Иванович (1832–1898), художник-пейзажист — 147

Шкарван (Škarvan) Альберт (Альбертович) (1869–1926), словак, врач. Вследствие своих пацифистских убеждений отказался от должности военного врача и подверглся гонениям со стороны властей Австро-Венгерской империи. Состоял в переписке с Толстым — 83

Шмельков М. В., помощник железнодорожного машиниста, последователь Толстого — 222, 330

Шопен (Chopin) Фредерик Франсуа (1810–1849), польский композитор и пианист-виртуоз — 116, 141–143

Шопенгауэр (Schopenhauer) Артур (1788–1860), немецкий философ — 45, 48, 57, 65, 127

Штирнер (Stirner; наст. имя: Иоганн Каспар Шмидт) Макс (1806–1856), немецкий философ, в теориях которого обнаруживаются идеи, предвосхитившие такие течения мысли более позднего времени как анархизм, нигилизм, индивидуализм, экзистенциализм. Был достаточно популярен в свое время. Впоследствии возобновление значительного интереса к его трудам было связано во многом с появлением работ Ф. Ницше — 49–51, 324

«Единственный и его собственность» («Der Einzige und sein Eigentum») — 324

Штук (von Stuck) Франц фон (1863–1928), немецкий живописец и скульптор — 145

Шуберт (Schubert) Франц Петер (1797–1828), австрийский композитор, один из основоположников романтизма в музыке — 252

Шуман (Schumann) Роберт (1810–1856), немецкий композитор, крупный представитель музыкального романтизма — 142

Шумилин Юрий Иванович, приказчик в Ясной Поляне — 237, 239, 263, 265, 335

Щукин Т. П., духоборец, 1-й вице-президент Христианской Общины Всемирного братства (1931), корреспондент В. Ф. Булгакова — 319

Щуровский Владимир Андреевич (1852–1939), московский врач-терапевт — 258

Эйнштейн (Einstein) Альберт (1879–1955), физик-теоретик, один из основателей современной теоретической физики, лауреат Нобелевской премии по физике 1921 года — 11, 21

Эккерман (Eckermann) Иоганн Петер (1792–1854), немецкий поэт; друг и секретарь И. В. Гёте, известен своими исследованиями его творчества — 186, 328

«Разговоры с Гёте» — 186, 328

Экхарт (Eckhart) Майстер (ок. 1260 — ок. 1328), немецкий теолог и философ — 323

«Духовные проповеди и рассуждения» — 323

Элиот (Eliot) Джордж (1819–1880), английский писатель, литературный псевдоним Марии Анны Эванс (Evans) — 96

Энгельс (Engels) Фридрих (1820–1895), немецкий политический журналист, один из основателей коммунистического движения, друг, единомышленник и соавтор Карла Маркса — 158, 168, 171, 176

Эпикур (Επίκουρος) (342/341 до н. э. — 271/270 до н. э.), древнегреческий философ — 193

Эрдели Иван Егорович (1870–1939), генерал от кавалерии, впоследствии видный деятель Белого движения — 285, 286, 289

Эрдели (урожд. Кузминская) Мария Александровна (1869–1923), дочь Т. А. Кузминской — 285, 286

Эрдели Мария Ивановна (1895–?), в замужестве Крамарева; внучка Т. А. Кузминской — 231, 285, 286, 333

Эрн Владимир Францевич (1882–1917), религиозный философ — 46

Эфрон Ариадна Сергеевна (1912–1975), переводчик, мемуарист, искусствовед, дочь М. И. Цветаевой — 209

Юрий Иванович — *см.* Шумилин Ю. И.

Ющинский Андрей (1898–1911) — 239, 335

Ядовкер Юлия Давидовна, литературовед — 333

Якоби Валерий Иванович (1834–1902), живописец и педагог — 147

Ямомото, японский художник — 278

Ярошенко Николай Александрович (1846–1898), художник — 147

Содержание

ОТ РЕДАКТОРА	3
«В споре с Толстым» и переписка В. Ф. Булгакова	5
Часть I. В СПОРЕ С ТОЛСТЫМ: На весах жизни	23
I. Нерушимое	26
II. Дух и материя	32
III. Нормы совершенствования	72
IV. Мужчина и женщина	85
V. Смысл культуры	115
VI. Государство	157
VII. Summum bonum	187
VIII. Смена поколений	204
Часть II. Переписка В. Ф. Булгакова с Л. Н. Толстым	213
Часть III. Переписка В. Ф. Булгакова с С. А. Толстой	225
Часть IV. Письма канадских духоборцев к В. Ф. Булгакову	301
Приложение	318
Примечания	320
Указатель имен	347

Булгаков Валентин Федорович
В СПОРЕ С ТОЛСТЫМ: НА ВЕСАХ ЖИЗНИ

Редакторы *Т. Н. Манцевич, Н. В. Тихомирова*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *Т. Е. Ширма*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 18.07.14. Формат 70 × 100/16.
Усл. печ. л. 30,96. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № .

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.оаомпк.ру, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 9785995003618

9 785995 003618